A 9 8/42

A98 8/42

А98
42

Акад. А. А. Шахматовъ.

ОЧЕРКЪ
СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

(Курсъ, читанный въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1911—12 уч. году).

(Изданіе студенческаго Издательскаго Комитета при Историко-Филологическомъ факультетѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913.

46.

Академикъ А. А. ШАХМАТОВЪ.

ОЧЕРКЪ

современнаго русскаго литературнаго языка.

(Курсъ, читанный въ СПБургскомъ Университетѣ въ 1911-12 уч.году).

Изданіе Студенческаго Издательскаго Комитета при Историко-филологическомъ факультетѣ СПБ. Университета.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. У.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 7873
9 — VII 193 г.

Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка.

Предметомъ нашихъ занятій будетъ обозрѣніе звуковъ и формъ современнаго намъ русскаго языка, т.е. того самаго языка, который образованные русскіе люди употребляютъ и въ разговорной и въ письменной своей рѣчи. Для удобства изложенія, а также во избѣжаніе обширныхъ подготовительныхъ работъ, я сосредоточу свое вниманіе на фактахъ, извѣстныхъ мнѣ изъ непосредственнаго наблюденія, т.е. прежде всего изъ собственнаго моего словоупотребленія. Такое самоограниченіе можетъ представить и извѣстный интересъ съ точки зрѣнія методологическихъ требованій; реальное бытье имѣетъ языкъ каждаго индивидуума; языкъ села, города, области, народа оказывается извѣстною научною фикціей, ибо онъ слагается изъ фактовъ языка, входящихъ въ составъ тѣхъ или иныхъ территоріальныхъ или племенныхъ единицъ индивидуумовъ; между тѣмъ число этихъ индивидуумовъ представляется неопредѣленнымъ, исчерпывающее изученіе ихъ языка невозможнымъ. Впрочемъ, я не считаю себя обязаннымъ ограничивать себя фактами индивидуальнаго моего языка; буду приводить и другія извѣстныя мнѣ изъ наблюденія данныя, но всякій разъ отмѣчу, чужды ли эти данныя моему произношенію или словоупотребленію или нѣтъ. Изложеніе сообщаемыхъ мною фактовъ будетъ почти исключительно описательнымъ. Описательному изложенію противополагается объяснительное, а всякое объяснительное изложеніе фактовъ языка равносильно историческому ихъ изображенію, ибо факты современнаго языка въ ихъ взаимоотношеніи могутъ быть поняты только въ историческомъ освѣщеніи, ведущемъ при этомъ не только въ ближайшее прошлое, но углубляющемся и въ самыя отдаленныя эпохи жизни языка; историческое объясненіе большей части явленій современнаго русскаго языка не можетъ ограничиваться данными, представляемыми письменными памятниками

съ XI вѣка, оно должно пользоваться фактами старшихъ эпохъ, возстановляемыми путемъ сравнительнаго изученія русскихъ нарѣчій, и даже еще болѣе отдаленными данными, извлекаемыми какъ изъ сравненія между собою славянскихъ нарѣчій, такъ и изъ сопоставленія фактовъ славянскихъ языковъ съ фактами другихъ индоевропейскихъ языковъ. Такъ, напримѣръ, современное русское ударение, его колебанія въ предѣлахъ тѣхъ или иныхъ грамматическихъ категорій, а также въ говорѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, можетъ быть объяснено только путемъ сравнительно-историческаго изученія ударений славянскихъ и прочихъ индоевропейскихъ языковъ. Описательное изложеніе фактовъ языка даетъ полезный и необходимый матеріалъ для объяснительнаго, историческаго ихъ изложенія; оно по самой задачѣ своей охватываетъ факты языка шире и полнѣе, чѣмъ то изложеніе, которое съ самаго начала ставитъ себѣ цѣлью выяснить обобщаемые моменты въ наслѣдуемыхъ явленіяхъ и потому оставляетъ въ тѣни единичные, не поддающіеся обобщенія и объясненію факти. Но для того, чтобы быть научнымъ, описательное изложеніе всякаго языка должно опираться и на данныя, добытыя исторіей языка; безъ этого описаніе будетъ односторонним и случайнымъ; оно можетъ не замѣтить тѣсной связи между тѣми или другими явленіями современнаго языка и не обобщить того, что должно быть обобщаемо въ виду указаній исторіи; поэтому считаю необходимымъ внести и въ свое описаніе нѣкоторый историческій элементъ, а именно хотя бы простое сопоставленіе фактовъ современнаго языка съ фактами старшихъ эпохъ, которые оказываются иногда засвидѣтельствованными даже находящимися во вседневномъ распоряженіи нашемъ фактами нашего правописанія, до сихъ поръ сохранившаго свой историческій характеръ.

Равнымъ образомъ мнѣ необходимо предпослать моему изложенію нѣ -

сколько общихъ указаній на происхожденіе и исторію нашего литературнаго языка; не выяснивъ входящихъ въ составъ его элементовъ, я рисковалъ бы запутать свое описаніе, затемнить его, между тѣмъ какъ прямая цѣль моя освѣтить явленія современнаго литературнаго языка въ ихъ цѣломъ путемъ подробнаго ихъ описанія.

Русскій литературный языкъ представляетъ явленіе глубокаго культурно-историческаго интереса. Едва ли какой другой языкъ въ мірѣ можетъ быть сопоставленъ съ русскимъ въ томъ сложномъ историческомъ процессѣ, который онъ перенялъ. Какъ увидимъ ниже, по своему происхожденію русскій литературный языкъ - это перенесенный на русскую почву церковнославянскій (по происхожденію своему древне-болгарскій) языкъ, въ теченіе вѣковъ сблизившійся съ живымъ народнымъ языкомъ и постепенно утративній и утрачивающій свое иноземное обличіе. Употребленіе въ качествѣ письменнаго языка - чуждаго, не народнаго языка, видимъ въ разныхъ мѣстахъ и въ различныхъ эпохахъ жизни человѣчества; укажемъ хотя бы на средневѣковую Европу, письменнымъ языкомъ которой какъ въ романскихъ, такъ и во всѣхъ германскихъ странахъ была латынь; но эта латынь, бывшая и разговорнымъ языкомъ въ извѣстныхъ слояхъ образованнаго общества и въ духовенствѣ, хотя и обогащалась, искажаясь вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ называемыми варваризмами, не могла преобразиться въ чуждый языкъ воспринявшей ее страны; вслѣдствіе этого, въ результатѣ процесса индивидуализаціи общеевропейской культуры въ различныхъ мѣстностяхъ средневѣковой Европы на мѣсто латыни выступаютъ постепенно и притомъ въ сравнительно недавнее время мѣстные, туземные языки; принимая функціи дѣлового или литературнаго языка, эти языки пропитываются вліяніемъ своего предшественника - латыни, накладывающ-

цей свою печать не только на словоупотребленіи, но и на словообразованіи и даже словоизмѣненіи, но въ основаніи своемъ эти языки народные. Другой процессъ лежитъ въ основаніи образованія романскихъ языковъ: вульгарная латынь усвоивалась народными массами (преимущественно кельтами) и видоизмѣняла ихъ, исконно имъ свойственный, языкъ. Съ церковно-славянскимъ языкомъ въ Россіи дѣло обстояло иначе. По своей близости къ русскому онъ никогда не былъ такъ чуждъ народу, какъ была чужда особенно германцамъ латынь; вслѣдствіе этого съ первыхъ же лѣтъ своего существованія на русской почвѣ онъ сталъ неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившіе на немъ русскіе люди не могли разграничить въ своей рѣчи ни свое произношеніе, ни свое словоупотребленіе и словоизмѣненіе отъ усвоеннаго ими церковнаго языка. Такъ, напримѣръ, съ большою увѣренностью можно утверждать, что носовые звуки древнеболгарскіе систематически произносились на Руси какъ неносовые (у, а, ѣ), ибо нѣтъ почти церковнославянскихъ текстовъ, переписанныхъ русскими людьми, гдѣ было бы хоть сколько нибудь выдержано употребленіе носовъ.*) Равнымъ образомъ чуждые русскому языку слоговые р и л (изображавшіеся въ древнеболгарскихъ памятникахъ какъ ръ, рь, лъ, ль, гдѣ-говоря о древнѣйшихъ-ъ и ь могли обозначать неслоговые звуки, слѣдовавшіе за слоговыми плавными) передавались въ русскомъ произношеніи или соотвѣтствующими русскими звуками ър, ьр, ъл, или искусственными сочетаніями, содержащими однако русскіе элементы ъръ, ьрь, ълъ (церковносл. мълва, пълнъ, грѣдъ, вьрба, передавались или соотвѣтствующими русскими словами мълва, пълнъ, гърдъ, вьрба, или искусственнымъ произношеніемъ: мълъва, пълънъ, гърѣдъ, вьрьба). Тоже скажемъ о передачѣ церковнославянскаго ѣ, звучавшаго въ древнеболгарскомъ какъ ä: русскіе люди замѣняли его или своимъ звукомъ, дифтон-

*) Такъ уже въ Остром. Ев. 1055–1056 г. пишется: [illegible]

гомъ ѣе (изображавшимся поэтому на письмѣ буквой ѣ) или другимъ своимъ звукомъ, звукомъ е, болѣе близкимъ къ древнеболгарскому ѧ (церковнослав. колѣбати, срѣда передавалось или черезъ колѣбати, срѣда, или, что наступало почти необходимо при отсутствіи тождественнаго по звуку своего слова, черезъ колебати, среда). Памятники XI вѣка, т.е. перваго столѣтія по принятіи Русью христіанства, доказываютъ, что уже тогда произношеніе церковнославянскаго языка обрусѣло, утратило чуждый русскому слуху характеръ; русскіе люди обращались, слѣдовательно, уже тогда съ церковнославянскимъ языкомъ, какъ со своимъ достояніемъ, не считаясь съ его болгарскимъ происхожденіемъ, не прибѣгая къ иноземному учительству для его усвоенія и пониманія. Можно было бы думать, что церковнославянскій языкъ дошелъ до русскихъ только путемъ книжнымъ и усваивался ими только изъ книгъ; но нѣкоторыя данныя свидѣтельствуютъ, что первыми нашими учителями были живые носители болгарскаго языка, сами болгары (ср. сдѣланныя выше замѣчанія относительно передачи древнеболгарскихъ ѧ, а также слоговыхъ р, л); однако, это первоначальное учительство не возобновлялось въ первые вѣка русской письменности: Болгарія не переставала снабжать насъ книгами, но учителей мы оттуда не выписывали, довольствуясь тою школою русскихъ поповъ и дьяконовъ, которая по свидѣтельству лѣтописи была создана еще при Владимірѣ Святомъ.*) Впослѣдствіи, но уже гораздо позже, наступили иныя условія, при которыхъ Русь и не только юго-западная, но также и сѣверо-восточная стала принимать къ себѣ и выходцевъ изъ болгарскихъ земель, которые становились ея просвѣтителями и духовными руководителями; имъ удалось въ сильной степени обновить южнославянскіе элементы въ книжномъ русскомъ языкѣ, уже зна-

*) *Ср. подъ 988 годомъ: (Владимиръ) "послалъ нача поимати у нарочитыхъ чади ихъ, и даяти нача на ученье книгамъ."*

чительно приближавшемося къ народному; обновленіе шло черезъ посредство церковнаго языка, на которомъ прежде всего отразилась новая южнославянская струя. Видоизмѣненный такимъ образомъ книжный языкъ долженъ былъ вновь продѣлать то, что въ старшій періодъ уже было въ значительной степени достигнуто въ смыслѣ приближенія къ живому языку народному. Обновленіе церковно-славянскаго языка на Руси и новый фазисъ въ развитіи русскаго книжнаго языка наступили однако не раньше конца XIV вѣка, когда главные центры просвѣщенія, какъ и самая митрополичья каѳедра, оказались уже перенесенными изъ югозападной Руси въ сѣверовосточную. Не могу прослѣдить здѣсь ту сложную борьбу, которую повели народные элементы для овладѣнія книжнымъ языкомъ, для вторженія въ ставшую запретною область духовнаго просвѣщенія и церковнаго учительства; созданіе дѣлового, приказнаго языка, наиболѣе доступнаго вліянію языка окружающей среды, въ сильной степени облегчило побѣду идеѣ о сліяніи книжнаго языка съ народнымъ. Но окончательное торжество этой идеи увидѣлъ только XVIII вѣкъ; осуществилась же она только въ XIX; нашъ книжный языкъ приблизился къ народному весьма значительно, сохранивъ однако и до сихъ поръ свой инославянскій остовъ. Церковно-славянскіе элементы, которыми пропитанъ этотъ языкъ, не могутъ быть разсматриваемы какъ элементы наносные, какъ заимствованія; напротивъ, это остатки того общаго церковнославянскаго основанія, въ которое постепенно пробивали себѣ путь, внѣшняя исконные элементы, русскія слова, русскія формы и звуки.

Если искать сравненія исторіи образованія русскаго книжнаго языка съ исторіей образованія другихъ книжныхъ языковъ, то ближайшую аналогію найдемъ, какъ кажется, въ исторіи англійскаго языка; она представляетъ постепенное проникновеніе французскаго, франко-романскаго осно-

нія, перенесеннаго съ континента норманскими завоевателями Англія, элементами народными - англо-саксонскими.

Такимъ образомъ, первой и существенной задачей при анализѣ современнаго русскаго литературнаго языка, изъ языка книжнаго превратившійся въ разговорный языкъ какъ образованныхъ классовъ, такъ и пріобщающихся къ образованію народныхъ массъ, - является опредѣлить церковно-славянскіе элементы, сохранившіеся въ этомъ языкѣ. Эти элементы въ настоящее время окружены русской стихіей. Но какъ указано, русская стихія пробивалась въ книжный языкъ постепенно и неравномѣрно: прежде всего въ книжный языкъ, уже въ XI вѣкѣ бывшій разговорнымъ языкомъ духовенства и книжно-образованныхъ классовъ (вспомнимъ, напримѣръ, языкъ, на которомъ Владиміръ Мономахъ написалъ свое поученіе и свою лѣтопись, приложенную къ поученію), вторглись элементы южнорусскіе, малорусскіе, ибо Кіевъ - центръ тогдашней образованности находился въ южнорусской, малорусской этнографической средѣ. Эти древнѣйшіе русскіе элементы съ теченіемъ времени стерлись, уступивъ мѣсто другимъ въ Руси сѣверовосточной, но нѣкоторые изъ нихъ устояли и до нашего времени; мы увидимъ ниже, что произношеніе Бох-Бога (съ фрикативнымъ γ, чуждымъ и древнеболгарскому и сѣверноруссому языку, отъ котораго московское нарѣчіе заимствовало свой консонантизмъ) ведетъ насъ къ той южнорусской средѣ, гдѣ впервые укрѣпилъ свое существованіе намъ церковно-славянскій языкъ, причемъ представляется вѣроятнымъ, что звукъ γ замѣнилъ мгновенное г вообще во всѣхъ слонахъ въ русскомъ произношеніи церковно-славянскихъ словъ. Такимъ образомъ, второй задачей, намъ предстоящей, будетъ опредѣленіе тѣхъ южнорусскихъ (малорусскихъ) элементовъ, которые сохранились въ нашемъ книжномъ языкѣ при переходѣ его изъ Кіева въ новые центры Руси сѣверово-

сточной.

Перенос церковнаго управленія, переходъ руководительства въ области духовной отъ Кіева сначала въ Владиміръ, а потомъ въ Москву - почти совпали по времени съ великимъ и сложнымъ процессомъ, совершавшимся въ бассейнѣ Оки и верхняго теченія Волги. Здѣсь столкнулись два большихъ русскихъ племени: одно изъ нихъ сѣверно-русское проникло сюда въ результатѣ колонизаціоннаго движенія съ запада и сѣверо-запада; повидимому, оно застало здѣсь не однихъ финновъ (Меря), но также и славянскія поселенія, болѣе или менѣе прочно осѣвшія по лѣвому побережью верхняго и средняго теченія Оки и по верхнему теченію Волги; поселенія эти принадлежали ляшскому племени, направляемому сильную колонизаціонную струю въ сѣверное Поднѣпровье еще въ то время, когда все русское племя сидѣло нынѣ въ среднемъ, частью южномъ Поднѣпровьѣ и въ Поднѣстровьѣ; превосходившіе ляховъ своей культурой, питавшемся великимъ путемъ изъ Варягъ въ Греки, сѣверорусы покорили ихъ себѣ и утвердились по крайней мѣрѣ въ верхнемъ Поволжьѣ, проникая однако и въ пріокскія области; вѣроятно, поволжскіе и пріокскіе ляхи были бы съ теченіемъ времени всѣ вообще ассимилированы сѣверорусами, еслибы съ юга, изъ Рязани, не пошло встрѣчное движеніе другого русскаго племени - восточнорусскаго. Восточнорусы, какъ можно предполагать главнымъ образомъ въ виду наличности многочисленныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о значительныхъ русскихъ поселеніяхъ на берегу Дона и Азовскаго моря въ періодъ IX-XIв., попали на Оку въ результатѣ движенія своего къ сѣверу, къ которому ихъ вынудили событія, разыгравшіяся въ X-XI вѣкѣ въ южной Россіи: здѣсь въ особенности въ восточной ея части произошла смѣна властителей, хозяевъ; вмѣсто культурныхъ, мирно настроенныхъ къ покореннымъ племе-

намъ Хазаръ заняли сначала Печенѣги, воспользовавшіеся тѣми тяжкими ударами, которые нанесъ Хазарамъ кіевскій князь Святославъ, а потомъ могущественные Половцы. Земледѣльческое и культурное населеніе изъ донскихъ и приазовскихъ степей потянулось въ болѣе безопасныя мѣстности къ сѣверу по Дону и его притокамъ. Широкой волной нахлынули Восточноруси, которыхъ въ Кіевѣ называли Вятичами, и на сѣверозападъ и на сѣверовостокъ, въ мѣстности, уже захваченныя другими русскими племенами (Южноруссами и Сѣверноруссами). На сѣверовостокѣ произошла встрѣча Восточноруссовъ съ Сѣверноруссами. Рядъ культурно - историческихъ причинъ, среди которыхъ видное значеніе принадлежитъ и государственному началу, заложенному еще въ южной Руси, но проникшему отсюда и во всѣ земли, занятыя русскимъ племенемъ, рядъ причинъ служитъ объясненіемъ, почему встрѣтившіеся въ Поволжьѣ и Поочьѣ сѣверноруси и восточноруси были вынуждены къ мирному сожительству. Татарское нашествіе, отодвинувшее на задній планъ племенные интересы, мѣстные раздоры, и укрѣпившее какъ въ населеніи, такъ и въ правящихъ классахъ національное, въ особенности же религіозное самосознаніе, послужило однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ факторовъ при организаціи и развитіи того сожительства, въ которое вступили Сѣверноруси и Восточноруси. Слѣдуя инстинктивнымъ стремленіямъ народныхъ массъ, князья сѣверо-восточной Руси начинаютъ собираніе земель. Благопріятное географическое положеніе Москвы на самой границѣ сѣверноруссказго и восточнорусскаго племени, на пути изъ югозападной Руси во Владиміръ выдвигаютъ ея значеніе среди другихъ удѣловъ семейства Всеволода Юрьевича, перваго собирателя русскихъ земель сѣверовостока (вспомнимъ его походы на Рязань и удачную политику въ отношеніи къ Новгороду). Москва съ XIV в. становится не только наиболѣе виднымъ

политическимъ центромъ, но также и средоточіемъ церковной жизни, слѣдовательно, и духовно-просвѣтительныхъ интересовъ. Здѣсь вокругъ великаго князя, съ одной стороны, митрополита, съ другой, группируются книжные и образованные люди; церковно-славянскій языкъ находитъ себѣ въ Москвѣ новый базисъ и новое поприще для своего развитія; новая среда благопріятствуетъ и тому обновленію, которое внесли въ концѣ XIVв. въ языкъ церкви прибывшіе въ сѣверовосточную Русь болгарскіе и сербскіе выходцы; рѣдкій слой образованнаго общества не можетъ оказаться помѣхой новой южнославянской струѣ, задержать ея успѣхъ и развитіе. Но уберечься отъ вліянія все наростающей этнографической среды церковно-славянскому языку въ его новомъ обличіи можно было только не надолго; въ самомъ непродолжительномъ времени онъ наводняется народными элементами, нашедшими себѣ надежнаго союзника въ дѣловомъ, приказномъ языкѣ, облекающемся естественно въ письменную форму и вырастающемъ именно въ ней и благодаря ей. Спрашивается, какой же именно этнографической средѣ принадлежали тѣ элементы, которые легли въ основаніе приказнаго языка и пробились въ книжный, церковно-славянскій языкъ? Несомнѣнно, что мы имѣемъ передъ собой прежде всего и главнымъ образомъ вліяніе языка самого города Москвы. Дѣйствительно, и между современнымъ языкомъ образованныхъ классовъ и языкомъ московскаго простонародья, въ особенности въ области произношенія, различіе незначительно. Но совершенно ясно, что жители большихъ центровъ, въ особенности при ихъ возникновеніи, при началѣ ихъ роста не могутъ представляться устойчивой и вполнѣ опредѣленной этнографической единицей; большіе центры возникаютъ именно вслѣдствіе сосредоточенія разномѣстныхъ по происхожденію, разнообразныхъ по составу этнографическихъ элементовъ, объединяющихся новыми возникшими въ этихъ цент-

рахъ торговыми, культурными, политическими интересами. Всѣ эти элементы приносятъ въ привлекшій ихъ къ себѣ центръ свой языкъ, свое нарѣчіе; только продолжительное сожительство можетъ повести за собой сближеніе жителей на почвѣ общаго языка, создавшагося въ результатѣ смѣшенія, продолжительнаго и послѣдовательнаго, различныхъ говоровъ и нарѣчій. Создается такъ называемая κοινή, языкъ обнимающій сначала ограниченную территорію большого города, но распространяющійся съ теченіемъ времени на широкое пространство области и даже государства по мѣрѣ роста культурнаго и политическаго вліянія этого центра. Распространеніе κοινή происходитъ при этомъ черезъ единицы, однородныя съ тѣми, въ которыхъ она сама возникла, т.е. не черезъ села и деревни, а черезъ города и значительныя мѣстечки; мѣстные говоры сельскаго населенія могутъ сохранять свое древнее обличье въ ближайшемъ сосѣдствѣ города, создавшаго κοινή а между тѣмъ κοινή проникаетъ въ отдаленные города и торговые центры, связанные между собою единствомъ культурныхъ или политическихъ интересовъ. Жители Москвы при началѣ ея роста принадлежали къ разнымъ русскимъ племенамъ; возможно, что кромѣ сѣверноруссовъ и восточноруссовъ здѣсь были даже южноруссы, въ лицѣ дружинниковъ князей, боярской челяди, торговцевъ и духовенства; но южноруссы потонули въ массѣ сѣверноруссскаго и восточноруссскаго населенія, постоянно и неудержимо приливавшаго изъ ближайшихъ къ Москвѣ, сосѣднихъ съ нею мѣстностей; на югѣ и западѣ отъ нея въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ городомъ начинались восточнорусскія поселенія, на сѣверѣ и востокѣ - сѣверноруссскія. Ни въ XIV и въ XV вѣкѣ Москва не могла еще выработать своего языка, создать κοινή; въ Москвѣ одни говорили по сѣверноруссски, другіе по восточноруссски, одни окали, другіе акали, при чемъ высшіе классы

употреблялн, какъ кажется, сѣверноруссное нарѣчіе: это видно изъ московскихъ памятниковъ, большинство ихъ въ XIV столѣтіи не обнаруживаетъ восточнорусскихъ чертъ; объясняется такое явленіе тѣмъ, что московская культурная жизнь преимущественно была связана съ сѣверноруссними центрами; боярство, духовенство, дьяки потянулись въ Москву изъ Владиміра, Ростова, Суздаля, Переяславля и другихъ старинихъ городовъ сѣверовосточной Руси. Между тѣмъ черни въ значительнѣйшей части была восточнорусская, что можно заключить изъ того, что восточноруси по сравненію съ сѣвернорусами были менѣе устойчивимъ, менѣе осѣдлимъ населеніемъ; восточноруси въ великомъ смятеніи доставали себѣ земли и мѣста жительства въ то время, когда сѣвернорусн въ постепенномъ колонизаціонномъ своемъ движеніи прочно осѣли въ Поволжьѣ и Поочьѣ. Возможно, что вліяніе восточнорусской среды на сѣверноруссное населеніе Москвы сказалось очень рано; между прочимъ именно этому вліянію естественно приписать отсутствіе смѣшенія ч и ц въ древнѣйшихъ московскихъ памятникахъ; смѣшеніе ч и ц, мнѣ кажется, было чертой общей всему сѣверноруссному нарѣчію; но она легче, чѣмъ всякія другія діалектическія особенности, устраняется при встрѣчѣ сѣверноруссскихъ говоровъ съ другими; этимъ объясняется то значительное число мѣстностей въ сѣверноруссной территоріи, гдѣ смѣшеніе ч и ц неизвѣстно; по большей части - это торговня селенія или селенія, лежащія на трактахъ, иногда уже въ настоящее время оставленнихъ, запущенныхъ; общеніе съ пришлимъ населеніемъ, медленнимъ съ низу, съ южнорусами, восточнорусами, москвичами имѣло слѣдствіемъ утрату діалектической черти, самой по себѣ неустойчивой, ибо рядомъ со смѣшеніемъ ч и ц сѣверноруссніе говори представляли замѣну ч и ц одинимъ общимъ звукомъ (шепелявимъ ц) или допускали полное вытѣсненіе ч черезъ ц, а также обратное. Любопытнимъ примѣромъ утрати смѣшенія ч и ц въ сѣвер-

ворусскихъ говорахъ могутъ служить архангельскіе и холмогорскіе говоры; памятники XV и XVI в. свидѣтельствуютъ о томъ, что въ то время смѣшеніе ихъ было имъ не чуждо; отсутствіе смѣшенія въ настоящее время легче всего объяснить вліяніемъ московскаго говора, распространявшагося въ теченіе вѣковъ по тракту, соединявшему Архангельскъ съ великорусской столицей. Позже этого частичнаго вліянія одного изъ говоровъ, принадлежавшихъ московскимъ жителямъ на другой, произошло сліяніе обоихъ говоровъ въ одно стройное цѣлое. Изслѣдователь московской κοινή лишенъ возможности, анализируя это цѣльное въ звуковомъ отношеніи нарѣчіе, опредѣлить, который изъ двухъ встрѣтившихся въ Москвѣ русскихъ говоровъ лежитъ въ основаніи его и который внесъ въ это основаніе свои наносныя особенности; такъ тѣсно срослись оба говора, такъ прочна создавшаяся амальгама. Выясняется однако, что въ московскомъ нарѣчіи вокализмъ, система гласныхъ, по преимуществу восточнорусскій, между тѣмъ какъ консонантизмъ, система согласныхъ, по преимуществу сѣверорусскій. Дѣйствительно, въ московскомъ нарѣчіи находимъ звукъ г мгновенный, свойственный сѣверорусамъ, между тѣмъ какъ восточноруси замѣнили его черезъ γ фрикативное; въ окончаніи род. ед. по сѣверорусски является -во (-ово), между тѣмъ какъ въ восточнорусскомъ -γо, (-ого); т въ окончаніи Зл. ед. и мн. твердо, между тѣмъ въ восточнорусскомъ оно мягко; в въ концѣ слога, въ противоположность большинству восточнорусскихъ говоровъ (за исключеніемъ однако рязанскихъ), не произносится какъ ў и подвергается переходу въ ф въ концѣ слова и передъ глухими согласными, что также обычно большинству сѣверорусскихъ говоровъ. Зато гласныя а, о, е въ неударяемыхъ слогахъ подвержены тѣмъ же измѣненіямъ, что въ восточнорусскомъ: онѣ обращаются въ гласныя неполнаго образованія, заднія или переднія (вмѣсто а, о послѣ твердыхъ со-

гласныхъ, звукъ задняго ряда, который условно передадимъ буквою ɑ, вмѣсто а, о послѣ мягкихъ согласныхъ, а также вмѣсто е звукъ передняго ряда, который условно передадимъ буквою ɛ), при чемъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію ɑ переходитъ въ а полнаго образованія, какъ въ рязанскихъ и прочихъ восточнорусскихъ говорахъ: галава́, голаву́, старики́, старуха́, сарока́, а ɛ измѣняется въ е́ (звукъ средняго ряда полнаго образованія) или въ і: вёсна́, сёло́, рёка́, плёсат', весёла́ или висна́, сило́, рика́, плисат', весила́; на мѣстѣ конечнаго неуд. ѣ, какъ въ большинствѣ восточнорусскихъ говоровъ, является і, подъ вліяніемъ грамматической аналогіи (со стороны ударяемыхъ окончаній) замѣняемое черезъ ɛ: въ городи, ф поли и в городɛ, ф полɛ. Приведенныя данныя, противоположеніе вокализма консонантизму, наводятъ на мысль, что остовъ и основаніе московскаго нарѣчія могутъ быть признаны сѣверноруссками; московскій вокализмъ стоитъ въ прямой связи съ удареніемъ и опредѣляемымъ послѣдними складомъ рѣчи; можно думать, что удареніе и распредѣленіе экспираторной (выдыхательной) силы въ произношеніи заимствованія московскимъ нарѣчіемъ отъ восточнорусовъ; подобное вліяніе ударенія одного говора на другой - явленіе часто повторяющееся; не выходя изъ предѣловъ сѣверноруского нарѣчія, можно указать рядъ говоровъ Владимірской и Ярославской губерніи, заимствовавшихъ удареніе и распредѣленіе экспираторной силы въ рѣчи изъ московскаго нарѣчія. Результатами такого заимствованія является и замѣтное измѣненіе въ вокализмѣ, приближающемся къ вокализму акающихъ говоровъ; такъ вмѣсто о, а, е въ слогахъ не предударныхъ оказываются гласныя неполнаго образованія ɑ, ɛ, при чемъ ɑ и ɛ въ конечномъ открытомъ (неударяемомъ) слогѣ склонны къ переходу въ а полнаго

образованія ср. произношеніе старика, сторона, сторану, доброта, слипова въ подобныхъ говорахъ). Возможно поэтому, что и московскій вокализмъ, ослабленіе гласныхъ а, о, е въ слогахъ неударяемыхъ, замѣна гласной а черезъ а въ слогѣ предударномъ было послѣдствіемъ проникшей въ сѣверноруссій говоръ восточноруссой системы ударенія и распредѣленія экспираторной силы. Короче, находимъ основаніе утверждать, что въ основаніи московскаго нарѣчія лежитъ сѣверноруссій говоръ и что онъ подвергся вліянію восточноруссаго говора, встрѣтившагося съ нимъ въ Москвѣ. Думаю, что такое предположеніе подтверждается и характерными для Москвы особенностями аканія: ни въ одномъ восточноруссомъ говорѣ не выдерживается такъ стройно противоположеніе въ слогѣ предударномъ гласныхъ а, о послѣ твердыхъ согласныхъ (на мѣстѣ ихъ въ Москвѣ гласная а полнаго образованія) и тѣхъ же гласныхъ послѣ мягкихъ согласныхъ (на мѣстѣ ихъ гласныя е или і полнаго образованія); не доказываетъ ли это, что сѣверноруссій говоръ, лежавшій въ основаніи московскаго, превратилъ а и о послѣ мягкихъ согласныхъ въ е, подобно многимъ другимъ сѣверноруссимъ говорамъ, гдѣ слова село, сестра, плясат', запятая произносятся какъ село, сестра, плесат', запетая въ противоположность господствующему въ сѣверноруссомъ произношеніе: сёло, сёстра, плясат, запятая. Переходъ о, а въ е послѣ мягкихъ согласныхъ явился въ результатѣ не экспираторнаго ослабленія неударяемой гласной, а въ результатѣ вліянія на нее палатальной согласной, вліянія, которому въ сѣверноруссихъ говорахъ подвергается и ударяемая гласная, въ особенности стоящая между двумя палатальными согласными: ср. распростра-

---

Листокъ 2-й. Очеркъ современ. русскаго литературн. языка. А. Шахматовъ.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П 7

венное на сѣверѣ произношеніе какъ зеть, мечик, валеть, кричеть. Наше предположеніе согласуется и съ тѣмъ, какъ мы представляемъ себѣ зарожденіе κοινή въ Москвѣ. Въ этомъ новомъ центрѣ верховодили сначала сѣверноруси, выходцы изъ культурныхъ центровъ, городовъ сѣверовосточной Руси, заселенныхъ Сѣверноусами; но эти болѣе культурные элементы должны были неминуемо подвергнуться вліянію народныхъ массъ, говорившихъ по восточнорусски. Вывши по происхожденію своему сѣверноусскимъ говоромъ и оставаясь таковымъ, московское нарѣчіе съ теченіемъ времени восприняло существенныя черты восточнорусскаго вокализма. Высказанное предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе еще въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ явленіяхъ въ исторіи московскаго нарѣчія. Языкъ Москвы XVIII вѣка, насколько онъ намъ извѣстенъ изъ литературныхъ произведеній и изъ грамматическихъ указаній, въ сравн. степени прилагательныхъ употреблялъ окончанія - яе, яя, свойственное сѣверноусскимъ говорамъ: скоряе, бѣляе, умняе (ср. такое произношеніе наприм. въ современныхъ ярославскихъ говорахъ); но въ XIX вѣкѣ это окончаніе вытѣснено окончаніемъ - ей (-ѣй); это объясняется тѣмъ, что восточноусскіе говоры совсѣмъ не знаютъ окончанія -яе; ихъ растущее вліяніе устранило изъ московскаго нарѣчія чуждую имъ черту.

Въ заключеніе сдѣланнаго мною отступленія относительно московскаго нарѣчія, его состава и происхожденія, отмѣчу, что оно оказывается однимъ изъ наиболѣе видныхъ и опредѣленныхъ результатовъ того этнографическаго явленія, которое характеризуется понятіемъ великоусскій (великоусское племя, великоусская культура, великоусское государство); сложное явленіе это было результатомъ сов-

мѣстнаго дѣйствія двухъ этнографическихъ факторовъ и двухъ культуръ - сѣверноруссской и восточноруссской. Оба соотвѣтствующія племени, продолжая различаться на окраинахъ, въ центрѣ сблизились между собой и составили одно цѣлое; изъ этого центра распространились ассимилирующія вліянія, приведшія между прочимъ къ тому, что сѣверноруссская и восточноросск.языковыя территоріи составили части одной общей языковой территоріи - великорусской; въ области грамматическихъ формъ въ особенности, но также и въ области звуковъ оказываются на пространствѣ всей этой территоріи общія явленія, доказывающія общность діалектической жизни. Такимъ образомъ въ наше время предетавленіе о старыхъ исконныхъ діалектическихъ группахъ сѣверноруссской и восточноруссской противополагается представленіе о группахъ южновеликорусской и сѣверновеликорусской.

Московское нарѣчіе - это нарѣчіе великорусское par excellence, его нельзя причислить ни къ южновеликорусскимъ, ни къ сѣверновеликорусскимъ говорамъ; это нарѣчіе великорусское par excellence между прочимъ и потому, что въ сущности оно и послужило если не началомъ и не причиной, то главнымъ выраженіемъ того вліянія въ одно великорусское цѣлое, которое стало удѣломъ восточноруссовъ и сѣверноруссовъ въ ихъ языкѣ. Московское нарѣчіе не единственное великорусское нарѣчіе; такихъ нарѣчій много въ той широкой полосѣ переходныхъ говоровъ, которая образовалась между сѣверновеликорусскимъ и южновеликорусскимъ нарѣчіемъ; ихъ много и въ тѣхъ мѣстахъ куда направлялась московскимъ государствомъ колонизація (наприм.въ среднемъ Поволжьѣ); но ни одно изъ нихъ не получило того видающагося общевеликорусскаго, а затѣмъ и общерусскаго значенія, какое выпало на долю нарѣчія города Москвы.

Значеніе это зависѣло прежде всего отъ значенія самой Москвы; образовавшимся въ немъ нарѣчіемъ стали говорить правящіе классы, мелкое служебное сословіе, ратные люди, получавшіе вслѣдствіе политическаго положенія Москвы вліяніе во всей вообще великорусской землѣ. Но значеніе московскаго нарѣчія увеличилось еще и отъ того, что въ Москвѣ нашелъ себѣ почву и тотъ книжный церковнослав. по своему происхожденію языкъ, о судьбахъ котораго мы говорили выше. Имъ говорило духовенство и книжные люди, на немъ писалось все, что сколько-нибудь возвышалось надъ уровнемъ повседневной жизни, съ ея практическими потребностями. Развитіе просвѣщенія въ такомъ центрѣ, какъ Москва, стало насущно необходимымъ; а между тѣмъ каждый шагъ въ направленіи къ такому развитію велъ з-минуемо за собой пріобщеніе къ книжному языку все болѣе широкихъ круговъ; а это имѣло послѣдствіемъ демократизацію книжнаго языка, проникновеніе въ него живыхъ народныхъ элементовъ. Московское нарѣчіе стало источникомъ жизни для книжнаго языка и съ теченіемъ времени всосалось въ весь чужеземный его организмъ, подчинивъ его звуки и формы своимъ законамъ, обогативъ его непрерывнымъ притокомъ новыхъ образованій, словъ, синтаксическихъ оборотовъ, почерпаемыхъ изъ самой гущи народной жизни. Московское нарѣчіе превратило книжный языкъ церковнославянскій въ близкое къ себѣ, въ существѣ тождественное нарѣчіе; но нарѣчіе это, въ силу своего историческаго прошлаго, на которое наложило неизгладимые слѣды греко-византійская культура черезъ посредство производной культуры - древнеболгарской, было богаче самого московскаго нарѣчія, ибо заключало въ себѣ, кромѣ элементовъ этого самаго нарѣчія, и крѣпкій остовъ языка церковнославянскаго. Богатство книжнаго язы-

ка, въ соединеніи съ жизненностью, сообщенною ему московскимъ нарѣчіемъ, обезпечило ему перевѣсъ не только въ книжномъ употребленіи, гдѣ онъ сохранилъ безраздѣльное владычество, но и въ живомъ употребленіи въ качествѣ разговорной рѣчи образованныхъ классовъ. Сначала образованные классы говорили московскимъ нарѣчіемъ, усыпленнымъ тѣми или другими заимствованіями изъ книжнаго языка, но когда книжный языкъ проникся самъ живыми народными элементами, образованнымъ классамъ не трудно было перейти къ употребленію въ живой рѣчи самого книжнаго языка, который такимъ путемъ демократизировался и обрусѣвалъ еще болѣе. Впрочемъ, различіе между книжнымъ языкомъ и разговорнымъ устранено было окончательно еще не скоро: усвоивъ себѣ книжный языкъ какъ разговорный, образованные классы этимъ самымъ не внесли еще единства между обоими языками: до тѣхъ поръ пока въ образованные классы не проникло сознаніе, что писать можно на томъ самомъ языкѣ, которымъ говорятъ, книжный языкъ продолжалъ свою отдѣльную жизнь, питаясь въ своей искусственности и архаичности или подражаніемъ старымъ образцамъ или слѣдованіемъ авторитету учебниковъ, построенныхъ на произвольныхъ обобщеніяхъ и случайномъ матеріалѣ. Въ XVII вѣкѣ книжный языкъ уклоняется въ сторону подъ вліяніемъ нахлынувшихъ въ Москву представителей югозападной образованности; возможно, что и на разговорномъ языкѣ образованныхъ классовъ отразились въ свое время тѣ или другія новшества, проникшія въ книжный языкъ. Только въ XVIII вѣкѣ благодаря Ломоносову книжному языку узаконивается единственный путь развитія и совершенствованія - это слѣдованіе за языкомъ разговорнымъ, сліяніе съ нимъ; такое сліяніе укрѣпляло авторитетность и устойчивость самому разговорному языку, который, пріобрѣтя права

книжнаго языка, облекаясь въ письменную форму для выраженія высокихъ мыслей и чувствъ, этимъ самымъ ограждался отъ вторженія языку просторѣчія и отмежовывался отъ него. Старый книжный языкъ замеръ въ отвергнутыхъ и устарѣлыхъ формахъ; его признаютъ одно время подходящимъ для употребленія въ "высокомъ стилѣ"; но просвѣщеніе, все болѣе демократизируясь, съ одной стороны, все болѣе отходя, съ другой стороны, отъ церкви и церковнаго руководительства, приведетъ скоро къ пренебреженію этимъ высокимъ стилемъ, а это будетъ равносильно угасанію и смерти того книжнаго языка, который отдѣлился отъ другого менѣе искусственнаго, болѣе жизненнаго языка, усвоеннаго образованными классами въ качествѣ разговорнаго.

Изъ предыдущаго видно, что нашъ современный литературный языкъ, разговорный языкъ образованныхъ классовъ по происхожденію своему древне-болгарскій языкъ, пересаженный въ Россію въ качествѣ церковнаго языка. На Руси, сначала на югѣ, въ Кіевѣ, потомъ на сѣверовостокѣ, въ Москвѣ, онъ подвергся обрусѣнію, проникся живыми народными элементами и въ сильной степени приблизился, благодаря этому, къ нарѣчіямъ города Москвы; это обстоятельство сдѣлало возможнымъ и необходимымъ усвоеніе образованными классами книжнаго языка въ качествѣ разговорнаго, что въ свою очередь повело, во первыхъ, къ еще большему приближенію книжнаго языка къ московскому нарѣчію, во вторыхъ, къ полному вытѣсненію разговорнымъ языкомъ тѣхъ остатковъ книжной рѣчи, которые держались благодаря искусственному отдѣленію литературнаго стиля отъ стиля разговорной рѣчи. Такимъ образомъ въ настоящее время нашъ литературный языкъ должно признать однимъ изъ великорус-

скихъ нарѣчій (московскимъ нарѣчіемъ), обнаруживающимъ въ своемъ составѣ, во первыхъ, свою первоначальную природу (церковно-славянизмы), во вторыхъ, свои древнѣйшія судьбы на Руси (южнорусизмы, малорусизмы). Слѣдовательно, опредѣливъ и выдѣливъ изъ нашего литературнаго языка тѣ и другіе элементы, основные (церковнославянизмы) и наносные (малорусизмы), мы можемъ сосредоточить свое изслѣдованіе на томъ современномъ его обликѣ, который опредѣляемъ какъ великорусскій.

Глава I. *Церковно-славянскіе элементы.*

Заманчивой представлялась бы возможность опредѣлить въ церковно-славянскихъ элементахъ, сохранившихся въ нашемъ литературномъ языкѣ, тѣ разные слои, которые, казалось бы, они должны обнаруживать. Изъ предыдущаго видно, что южнославянское вліяніе возобновилось на Руси въ концѣ XIV вѣка, захватывая и XV вѣкъ; оно шло не только посредствомъ выходцевъ изъ Болгаріи и Сербіи, занявшихъ на Руси видное положеніе въ качествѣ церковныхъ и литературныхъ дѣятелей, но и путемъ вліянія Аѳона, гдѣ русскіе люди встрѣчались съ южными славянами, гдѣ переписывались русскими монахами и богомольцами сербскіе и болгарскіе церковнославянскіе памятники. Такимъ образомъ въ церковнослав. элементахъ нашего литературнаго языка надо различать по крайней мѣрѣ два слоя: древнѣйшій, основной, восходящій къ XI вѣку, и позднѣйшій, проникавшій къ намъ не раньше конца XIV вѣка. Разумѣется, болѣе детальное изслѣдованіе могло бы обнаружить еще нѣсколько промежуточныхъ и послѣдующихъ наслоеній, ибо болгарскія рукописи притекали къ намъ и въ XII и въ XIII в., отражая на себѣ различныя школы письма и языка, возникавшія и въ восточной и въ западной Болгаріи, а

связь русской письменности съ церковнославянской не прекращалась и въ XVI и въ XVII столѣтіи, но пока мы имѣемъ слишкомъ мало подготовительныхъ работъ для того, чтобы разобраться во всѣхъ этихъ наслоеніяхъ. Скажу больше: я не сумѣлъ бы даже разграничить оба указанные выше слоя и не нахожу подъ руками данныхъ для опредѣленія того, какіе церковнославянизмы надо признать древнѣйшими, какіе новѣйшими. Впрочемъ, нѣкоторыя соображенія могутъ быть высказаны на основаніи наблюденій надъ памятниками.

Мы знаемъ, напримѣръ, что церковнославянское жд очень рано уступило мѣсто русскому произношенію съ ж, и это въ противоположность устойчивому сохраненію церковнославянскаго щ, сравнительно рѣдко уступавшаго свое мѣсто русскому ч. Имѣемъ возможность указать на нѣсколько памятниковъ XII в., гдѣ жд систематически замѣняется черезъ ж. Напр. въ Стихирарѣ XII в., писанномъ въ Новгородѣ, можно указать такія, которыя почти систематически замѣняютъ жд черезъ ж, и лишь рѣдко имѣютъ ч вм. церковнаго щ. Очевидно, ж проникло въ церковнославянскій языкъ на Руси такъ же, какъ въ него проникло произношеніе у и а вмѣсто всовъ; они были чужды русскому произношенію, и такъ же чуждо было сочетаніе жднаго звѣна, произнося вмѣсто него ж: гораздо рѣже и единичнѣе оно произносилось какъ русское сочетаніе ждж съ діалектическими его измѣненіями.*) Между тѣмъ въ современномъ литературномъ языкѣ жд въ качествѣ церковнославянизма держится чрезвычайно устойчиво, захватывая обширныя категоріи грамматическихъ образованій и господствуя во многихъ словахъ (см. ниже). Въ виду этого позволительно отнести произношеніе съ жд насчетъ позднѣйшаго церковнославянска-

*) *На это указываютъ написанія какъ рѣдкія въ южнорусск. памятникахъ.*

го слоя. Сходныя соображенія, но съ меньшей опредѣленностью могутъ быть высказаны и по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ категоріямъ церковнославянскихъ элементовъ (напр. къ категоріи, обнаруживающей звукъ о на мѣстѣ подлежащаго випаденію ъ). Тѣмъ не менѣе я не рѣшаюсь разграничить въ дальнѣйшемъ изложеніи древнѣйшій и новѣйшій слои церковнославянскихъ элементовъ.

Опредѣлить всѣ эти элементы дѣло сложное и едва ли достижимое иначе, какъ путемъ тщательнаго изслѣдованія исторіи церковнославянскаго языка въ русскихъ памятникахъ. Но нѣкоторые элементы выдѣляются безъ труда, какъ противорѣчащіе звуковымъ особенностямъ русскаго языка; выдѣленіе ихъ весьма поучительно, ибо оно обнаруживаетъ на неопроверженныхъ данныхъ тотъ густой слой церковнославянскихъ элементовъ, который сохранился въ нашемъ литерат. языкѣ до сихъ поръ, несмотря на всю его демократизацію и многовѣковое вліяніе на него языка русскаго. Установивъ теперь нѣсколько категорій безспорныхъ церковнославянскихъ элементовъ.

I. Сочетанія ор, ер, ол, ел общеславянскаго праязыка измѣнились въ общерусскомъ праязыкѣ въ сочетанія оро, ере, оло, ело (но послѣ ж, ш, ч на мѣстѣ ел не ело, а ело, точнѣе ло); въ древнеболгарскомъ тѣ же сочетанія измѣнились въ ра, рѣ, ла, лѣ (но послѣ ж, ш, ч на мѣстѣ ел діалектически при лѣ также ла). Если поэтому на мѣсто ожидаемыхъ русскихъ сочетаній оро, ере, ело (ело) или рядомъ съ ними найдемъ въ тѣхъ или иныхъ словахъ сочетанія ра, рѣ, (ре), ла, лѣ (ле), то съ увѣренностью признаемъ такія слова остатками церковнослав. основанія нашего литер. языка, церковнославянизмами. Нетрудно привести десятки подобныхъ словъ: ихъ много среди существительныхъ и среди глаголовъ и даже среди неизмѣ-

нашихъ частей рѣчи; съ представленіями объ этихъ словахъ большею частью связываются понятія чуждаго китайской обиженности; это или книжныя понятія или церковныя или отвлеченныя; ясно, что отсутствіе соотвѣтствующаго русскаго народнаго слова было причиной сохраненія въ нашемъ языкѣ всѣхъ этихъ словъ; иногда соотвѣтствующее русское слово налицо, но значеніе его иное (большею частью оно болѣе реально, чѣмъ книжное, церковнославянское слово), и это служило основаніемъ къ сохраненію чужеземнаго собрата. Въ нижеслѣдующемъ спискѣ приведена значительнѣйшая часть словъ, церковнославянское происхожденіе которыхъ доказывается отмѣченнымъ фонетическимъ признакомъ. Располагаю эти слова до извлекаемымъ изъ нихъ корнямъ и указываю соотвѣтствующія русскія образованія.

благ - (русск. болог -: ср. назв. мѣстности Вологое): благой, блаженство, блажить, поблажка, ублажать и др. (Діалект. благо въ значеніи плохо, вѣроятно, такие церковнаго происхожденія; для переноса значенія ср. блажить, блажной).

бран - (русск. борон -: оборона, оборонять): брань, бранить, возбранять.

бразд (русск. бороздъ-: борозда): бразди правленія.

брег - (русск. берег-: берегъ, бережистий): безбрежный

брег - (русск. берег-: берегу, бережливий): пренебрегать, небрежний

брем - (русск. берем-: беремя, беременний): бремя, обременять

влад - (русск. волод-: древне володѣть, волость): владика, владѣть, владать, совладать, власть, властний, область, властвовать

влак - (русск. волок-: оболочка, обл. оболоко): облако, влачить

влаг - (русск. волог): влага, влажний

влас (русск. волос-: волосъ, волосянной): власяница

влек — (русск. волок-: волоку, проволочка): облекать, развлекать, увлекать.

враг — (русск. ворог-: ворожить, ворождоу Ипат. 1336): врагъ, вражескій, вражда

врат — (русск. ворот-: ворота): врата царскія (въ церкви), привратникъ

врат — (русск. ворот-: приворотъ, переворотъ, ворочать): превратный, совратить, отвратить, возвратъ, развратъ и т.д.

врачъ (церковнослав. врачь)

вред — (русск. вéред-: вредъ): вредъ, вредный, повреждать

врем — (русск. верем-: древнерусск. времия): время, временный, невременить

глав — (русск. голов-: голова, заголовокъ, головной): глава въ книгѣ, глава предпріятія; главенство, заглавіе, главный

град — (русск. город-: городъ, городской, горожане): градоначальникъ, градоправитель, гражданинъ, ограда, ограждать, преграда, награда

глас — (русск. голос-: голосъ, голосистый, голосовой, безголосый): возгласъ, гласный, согласіе, огласить, приглашать

дрог — (русск. дорог-: дорогой): драгоцѣнный

древ — (русск. дерев-: дерево, деревянный, но дерёвня): древесный, древонасажденіе

хреб — (русск. хереб-: жеребей, жеребьёвка): хребій

драв — (русск. доров-: здоровъ изъ съдоровъ): здравый (изъ съдравый), здравіе, здравствовать, здравствуй

злат — (русск. золот-: золото): златоструй, златокованный, зла-

толобіа

врак - (русск. ворок-: близорукій вмѣсто близоворокій, древнее прозорочьнии): врачекъ, призракъ, прозрачный, невзрачный

крат - многократно, кратный

крат - (русск. корот-: короткій, коротать, укоротить): краткій, сокращать, кратчайшій, прекратить

мраз - (русск. мороз-: изморозь, морозъ): мразь

млад - (русск. молод-: молодой, молодецъ): младенецъ

мрак - (русск. морок-: обморокъ, морочить): мракъ, омрачать

млек - (русск. молок-: молоко, молочный): млечный путь, млекопитающія

нрав - (русск. норов-: норовъ, норовить, приноровляться): нравъ, нравственный, нравиться

прац - (русск. короч-: порока): праца

плѣн - (русск. полон-: полонъ, запалонить): плѣнъ, плѣнить

празд- (русск. порозд-: порожній изъ *порождьний): праздный, праздникъ, празднество, упражнять

плам - (русск. полом-: полома, полмя): пламя, пламенный, воспламенять

прах - (русск. порох-: порохъ, порошинка): въ пухъ и прахъ, прахъ родителей, идетъ прахомъ

пре - (русск. пере-: перестать, перенять, пересилить): предать, преемникъ, преступить, преступникъ, превращать, опредѣлять, преображаться, пренебрегать, превозносить, престолъ, претерпѣть, преграда. Сюда же пре - какъ частица усиленія: прекрасный, прелестний, пренепріятный, превыше. (Въ русскомъ языкѣ церковное пре- замѣнялось черезъ при-, какъ видно изъ нѣкоторыхъ памятниковъ XI -

XIIв. позднѣе діалектически на сѣверо-западѣ и въ Псковѣ черезъ про-: про-: прольстима; ср. Карпинскій, Языкъ Пскова).

пред - (русск. перед-: передъ, передокъ, передній, древнее переже): предъ, предокъ, прежде, діалект. и простонар. преже, допрежъ; предводитель, предсѣдатель, предназначать, преддверіе, предвкушать, предзнаменованіе, предопредѣленіе, представленіе, предотвратить, предупреждать

прек - (русск. перек-: поперекъ, перечить): прекословіе, прекосердіе, вопреки

прет - запретъ, запрещать

смрад- (русск. смород-: др. смородъ): смрадъ

срам - (русск. сором-: др. соромъ, соромяжливий): срамъ, срамить

сред - (русск. серед-: середа, середина, середка): среда, средa, средній, средостѣніе.

слад - (русск. солод-: солодкій корень, солодъ): сладкій, сладость, сласть

стран- (русск. сторон-: сторона, сторонній): страна, странный, зтраница

страх- (русск. сторох-: сторохъ, сторохить): страха, страхникъ

треб - (русск. тереб-: др. перетеребить): треба, потреба, непотребный, требовать, употребить

трезв- (русск. трезв, тверез; ср. трезви Вопр. Кирика): трезвий

хлад - (русск. холод-: холодъ, холодный):охладить, прохлада

храбр- (русск. хоробр-: діалект. и др. хоробрый): храбрый

хран - (русск. хорон-: хоронить, похороны): охрана, сохранный, сохранять

член - (русск. *челон-: др.членъ): членъ, расчленить, членный

чред - (русск. чередъ-: чередъ, очередь): учреждать, учрежденіе

чрев - (русск. черев-: черёва): чревоугодникъ, чревовѣщатель

чрез - (росск. через-: черезъ): чрезъ, чрезмѣрно, чрезвычайно

млем - (русск. мелом-: др. меломъ): млемъ

Въ этотъ списокъ не включени слова, не употребительныя теперь въ разговорной рѣчи, но едва ли чуждыя ей въ XVIII вѣкѣ, какъ напр. хладъ, брегъ, чрево, страхъ, градъ, гласъ, злато, зракъ, младъ, мразъ, древо и т.п.

Значительное число приведенныхъ выше словъ потеряло книжный характеръ и охотно употребляется въ просторѣчіи, напр. здравствуй, нравъ и издравъ, мразъ, время, вредъ, брань, врагъ, срамъ и стремъ, сладкій; не говоря уже о тѣхъ словахъ, которыя выражаютъ понятія, ставшія достояніемъ просторѣчія въ силу культурныхъ условій, какъ странница, глава, треба, членъ, праздникъ, среда, здравіе, гласный, владика и т.п.

Отмѣчу употребленіе церковнослав. словъ въ сложеніяхъ, какъ млекопитающія, древонасажденіе, чревоугодникъ, драгоцѣнный, средостѣніе, златолюбіе; такія сложенія возникали въ книжномъ языкѣ по образцу древняго церковнаго языка, сковавшаго рядъ сложеній подъ вліяніемъ греческаго.

Сочетаніямъ съ е въ приведенныхъ словахъ соотвѣтствуютъ въ древнеболгарскомъ сочетанія съ ѣ: врѣмя, врѣдъ, прѣжде, прѣдъ, чрѣзъ, срѣда, млѣмъ, члѣнъ и т.д. Какъ указано выше, болгарское ѣ (=ä) въ южнорусскомъ церковнослав. произношеніи передавалось не черезъ ѣ (ибо ѣ въ русскихъ словахъ произносилось какъ іе), а черезъ е. Замѣчательно, что наше правописаніе сохранило е, вос-

ходящее въ этихъ словахъ какъ памятникамъ XI-XIIв. (ср. въ нихъ напримѣръ, написанія среда, время, млеко, влекоу, млемъ и т.п.).

Исключеніе составляетъ слово плѣнъ. Не указываетъ ли это на то, что плѣнъ не принадлежитъ къ древнимъ заимствованіямъ, что оно вошло въ русскій языкъ въ позднѣйшую эпоху (XIV-XVв.)?

II. Сочетанія общесл. праязыка ор, ол въ началѣ слова при однихъ условіяхъ перешли въ ро, ло въ общерусскомъ праязыкѣ, въ го, ło въ западнославянскихъ языкахъ, въ га, ła въ южнославянскихъ, слѣдовательно, и въ древнеболгарскомъ языкѣ (при другихъ условіяхъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ находимъ га, ła, получившіяся, очевидно, еще въ общеславянскую эпоху). Итакъ, въ рядѣ словъ русскимъ сочетаніямъ ро, ло, въ началѣ слова соотвѣтствуютъ церковнославянскія ра, ла. Слова нашего литературнаго языка имѣющія ра, ла въ началѣ вмѣсто ожидаемыхъ и извѣстныхъ въ русскомъ, частью только діалектически, ро, ло, должны быть признаны остатками церковносл. языка.

рабъ, раба, работать (ср. древнерусск. роба, сѣверорусск. робота, роботать, малор. робити).

расту, возрастъ, растеніе, растительность (ср. русск. ростъ, росъ, выросъ, поросль)

раз-, рас-, напр. въ ра́зумъ, распятіе, расчищать, разубѣждать, распредѣлять, развлекать, развратъ, разбранить, расчленить, разглашать, расторгать, растерзать и т.п. (ср.русск.роз-, рос-: ро́звязь, ро́спись, ро́звальни, ро́счеркъ, малор. розрина́ти, ро́зум, розсо́хи, розчинати, розцо́т, сѣверюр. розбить, рознять) разный, разница, разнорѣчіе, разномысліе (ср. русск. ро́вно, ро́зница, розынь, поро́зынь)

ладія (въ книжномъ выраженіи: утлая ладія, также фигура въ шахматной игрѣ (ладья)) (ср. древнерусск. лодья, совр. лодка). Конечно, а въ письменномъ расту можно объяснить и слѣдствіемъ аканья, ср. при этомъ росъ, но вѣроятнѣе, что здѣсь сохранилось старое правописаніе, свидѣтельствующее о старомъ (церковнослав.) произношеніи.

III. Общеславянское сочетаніе dj еще въ общесл. языкѣ подверглось измѣненію, благодаря ассимиляціи d слѣдующему j: изъ dj получилось ʒ́ʒ́ (ʒ́ означаетъ мягкій звукъ дж); отсюда въ общерусскомъ праязыкѣ ѯ (ж мягкое), въ западнославянскихъ языкахъ ʒ и d͡z, въ древнеболгарскомъ жд. Общерусскому праязыку сочетаніе жл не было совсѣмъ извѣстно; въ позднѣйшемъ языкѣ жд является въ результатѣ измѣненія группы жьд вслѣдствіе выпаденія въ ней ь. ср. совр. ждать изъ жьдати, древнер. кождо изъ кѣжьдо. Почти всѣ слова, гдѣ въ совр. литературномъ языкѣ является сочетаніе жд, могутъ быть признаны остатками церковнослав. языка; при многихъ изъ нихъ имѣются исконно русскія слова съ звукомъ ж. Эти церковнослав. слова и образованія распадаются на двѣ группы: а) группа отдѣльныхъ словъ, б) образованія многокр. вида глаголовъ на -ать и причастія страдат. залога на -енъ, при нихъ существ. отглагольныя на -еніе.

Изъ отдѣльныхъ словъ отмѣтимъ:

вождь (кор. вод-: водить, древнерусск. вожь), жажда, жажду, (кор. жад-: жадный, древнерусск. жажа), невѣжда (кор. вѣд-, ср. совр. невѣжа), между предл. (кор. мед-, древнерусск. межю, межи, ср. меха, межеумокъ, смежный), междометіе (т.е. inter-jectio) одежда, (кор: дед-, древнее и совр: одежа, одёжа); надежда (кор.

дед-, ср. надёжный, имя Надёжка, обнадёжить), рождество (кор. род-, ср. др. и совр. рожество, рожественскій), тождество (ср. древнеболг. тожде: тоже, ср. совр. едва ли, впрочемъ, не искусственное тожество), нужда (кор. нуд-, ср. нудить и др. и современ. нужа, нужный), гражданинъ (кор. град-, р. город ср. совр. горожанинъ), прежде (кор. пред-; русск. перед-, ср. древн. и совр. преже и переже), стражду (кор. страд-, страдать), чуждый (кор. чуд-, ср. чужой, чужестранный).

Глагольныя формы и отглагольн. существительныя. Формы на - ать, 1л. ед. - аю: убѣждать, побѣждать, угождать, награждать, повреждать, учреждать, охлаждать, услаждать, порождать, утруждать, понуждать, прохлаждаться, ограждать, предупреждать, побуждать, рождать, препровождать, сопровождать и разсуждать.

Формы прич. на - енъ: принужденъ, побужденъ, награжденъ, поврежденъ и т.д.

Отглагольныя существительныя на -еніе: рожденіе, охлажденіе, учрежденіе, понужденіе, предупрежденіе, и т.д.

Какъ указано было выше, можно съ вѣроятностью отнести церковнослав. слова съ жд и слѣдовательно въ числѣ ихъ и глагольныя образованія, нами разсмотрѣнныя, къ заимствованіямъ позднѣйшей эпохи, ибо уже въ древнѣйшихъ памятникахъ видимъ указанія на то, что церковное жд произносилось какъ ж (въ нѣкоторыхъ памятникахъ, какъ сказано, замѣна жд черезъ ж проведена систематически). Въ виду этого слова какъ надежа, рожество, невѣжа можно признать за церковнославянизмы, въ которыхъ чуждое жд замѣнено было въ древнѣйшія эпохи черезъ ж; быть можетъ, тоже можно сказать о словѣ тожество при

Листъ 3-й. Очеркъ современнаго русск. литературн. языка. А. Шахматовъ.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П 7

позднѣе заимствованномъ тождество, а также и объ образованіяхъ на -ать, какъ провожать, распложаться, простужать, ссужать, если признать и ихъ или часть ихъ за церковнославянизмы.- Замѣчательно, что въ 1л. наст. неизвѣстно - жду (ср. ниже -щу); очевидно, оно замѣнено русскимъ жу: предупрежу, твержу, услажусь; исключеніе составляютъ отмѣченныя выше: стражду, жажду.

IV. Общеславянское сочетаніе tj еще въ общеславянскомъ праязыкѣ измѣнилось въ c̆c̆ (c̆ означаетъ звукъ ч); въ ту же группу измѣнилось сочетаніе kt передъ гласными передняго ряда (ь, і, е); въ общерусскомъ праязыкѣ c̆c̆ измѣнилось въ c̆, въ западнославянскихъ языкахъ въ c, въ древнеболгарскомъ въ шт. Въ древнер. произнош. ц. слав. языка шт передавалось какъ šc̆, т.е. ближайшимъ звуковымъ сочетаніемъ, восходящимъ къ общеславянскому šc̆ изъ sk передъ гласными передняго ряда и изъ stj; общеслав. šc̆ въ древнеболгарскомъ перешло въ шт, напр. тръжиште, *иштѫ*, воштина, поуштѫ. Слова совр. литер. языка, въ которыхъ находимъ щ (произносятся въ московск. нарѣчіи и большинствомъ говорящихъ литер. языкомъ какъ šš) вмѣсто ожидаемаго по этимологіи (по происхожденію изъ tj или изъ kt) ч, должны быть признаны остатками церковнославянскаго языка. Такое щ находимъ въ трехъ категоріяхъ случаевъ: а) въ отдѣльныхъ словахъ, б) въ нѣкоторыхъ глагольныхъ образованіяхъ: многокр. глаголы на -ать, 1л. ед. и прич. страд. отъ глаголовъ на -ать и -ить, в) въ причастіяхъ настоящаго времени, частью получившихъ значеніе прилагательныхъ.

Отдѣльныя слова: мощь (изъ **могть*, русск. мочь), помощь (русск. помочь), вещь (ср. чешск. věc), пещера (др. русск. печера, Печерскій монастырь, праща (русск.), общество (изъ обьщьство, русск. *обьчьство, откуда обчество, апшество, апчесьво, ср. оптомъ изъ

*обътъмъ), овонь, овонной (русск. обочь, овочь), денно и нощно, нынѣшній. Церковнославянизмомъ признаемъ и слово товарищъ.

Глагольныя формы. Многократныя на -ать: возвращать, укрощать, запрещать, сокращать, освѣщать, освящать, сообщать, поглощать.

1л. наст. и прич. страд. отъ глаголовъ на -ить: клевещу, возвращу, запрещу, сокращу, укрощу, сообщу, освящу, освѣщу; возвращенъ, освященъ и т.д.

Причастія наст. вр.: сущій, несущій, носящій, крадущій, кидающій, бросающій, свѣтящійся горящій, новый, старѣющій и т. д. Прилагательныя: завидущій, блестящій, палящій, настоящій. Ср. еще слова какъ существо, могущество.

Относительно причастій можно съ увѣренностью сказать, что они продержались въ книжномъ языкѣ съ самаго водворенія его на Руси; въ русскомъ языкѣ причастія были утрачены еще въ очень отдаленную эпоху, какъ склоняемыя слова, замѣняясь формами дѣепричастія на -уче, -чи, -а (чьто -вѣдадуче, идучи, неса, како мога). Причастія же склоняемыя получили значеніе прилагательныхъ: горячій, могучій, падучій, сыпучій, летучій, горючій, ходячій, сидячій, лежачій, вѣдучій, висячій. Церковнослав. причастія на -ущій проникли и въ народную рѣчь, гдѣ опять получили значеніе прилагательныхъ: ср. формы на ѣющій для обозначенія превосходной степени прилагательныхъ: богатѣющій, бѣлѣющій (такіе въ литер. языкѣ), умѣющій. Любопытно народное -ащій, -ущій вм. -ащійся, -ущійся, напр. не бьющая кукла, вертящая игрушка.

V. Еще въ общерусскомъ праязыкѣ общеслав. звукъ *е* въ положеніи передъ твердой согласной измѣнился въ ё, откуда далѣе въ сѣверно-русскомъ и восточнорусскомъ *о*. Въ восточнорусскомъ о такого

происхожденія, какъ вообще всякое е, сохраняло свой звукъ только подъ удареніемъ (см. объ этомъ выше). Поэтому и въ московскомъ нарѣчіи и въ совр. литературн. языкѣ найдемъ на мѣстѣ этимологическаго (общеславянскаго) е подъ удареніемъ передъ твердой согласной о: ср. нёс, вёсла, сёстры, плётка, стерёк (стерегъ), рёф (ревъ), подерёвно и т. д. Равнымъ образомъ перешелъ не въ е, а въ ö, откуда далѣе о, звукъ ь передъ твердой согласной, ср. моск. и литер. мёртвый, вёрсту, дёрн, нёс, нёстрый, назём (род. назьму), опёнки (изъ оньнъкъ отъ слова пень), попённо, подённо, тёмный и т. д.

Тотъ же звукъ о находимъ послѣ исконно мягкихъ согласныхъ ш, ж, ч, ц, ц подъ удареніемъ передъ твердой согласной на мѣстѣ первоначальныхъ е и ь: шóку, пчолка, шорохъ, самъ-шостъ, облицовка, концовъ, чортъ, чорный, жорновъ, жолтый, чолнъ. Древнеболгарскому языку было извѣстно измѣненіе е въ ö послѣ согласныхъ неисконно мягкихъ, а возникшее еще въ общеславянскую эпоху ö изъ е послѣ согласныхъ исконно мягкихъ измѣнилось повидимому въ е. Поэтому въ цѣломъ рядѣ словъ, гдѣ по русски являлось ö, откуда и о въ церковнославянскомъ держалось е. Значительное число словъ литературнаго нашего языка, имѣющихъ подъ удареніемъ передъ твердой согласной е, должно быть возведено къ церковнослав. языку. Изъ числа словъ съ е передъ твердой согласной не относятся сюда слова съ е передъ отвердѣвшей согласной (напр. передъ твердымъ ц: купецъ, твердымъ р: серп), а также съ е, восходящимъ къ общерусскому ѣ (мелкій изъ мѣлъкъ). Остальныя слова съ большей или меньшею увѣренностью могутъ быть признаны остатками церковнослав. языка.

Слова съ удар. е передъ твердой согласной, восходящія къ церковнослав. языку, могутъ быть разсмотрѣны въ двухъ категоріяхъ. Къ первой относятся слова съ е передъ исконно твердой согласной; ко второй слова съ е передъ отвердѣвшею согласною.

Слова съ е передъ исконно твердою согласною по самому значенію своему обнаруживаютъ свое церковное происхожденіе: небо (ср. діалект. нёбо въ значеніи неба, а также нёбо во рту), недръ, пещера (русской формой была *печора), предметъ (корень мет-: метать), отмéстка (съ е изъ ѣ, мѣсть), жезлъ, пекло, крестъ (съ е изъ ь, ср. діалект. крёст, хрёст, литература. крестный отецъ, при крестный ходъ), хребет (съ е изъ ъ: хрьбьт, ср. діалект. хребёт), перстъ (съ е изъ ь: пьрстъ, замѣнившее церковнослав. прьстъ, ср. діалект. пёрст, литер. напёрсток), скверна (изъ скьврна на мѣстѣ церковнослав. скврьно), жертва (изъ жьртва на мѣстѣ церковнослав. жрьтва), мéрзкій, мéрзость, дéрзкій, дéрзость, развéрстый. Изъ послѣднихъ словъ видно, что церковнослав. (правильнѣе русско-церковнослав.) ъ замѣнилось съ теченіемъ времени русскимъ е, причемъ это русское е уже не подлежало измѣненію въ ö потому именно, что звукъ ö былъ чуждъ церковнослав. языку; объяснять е изъ южнорусскаго языка (гдѣ е послѣ исконно мягкихъ согласныхъ звучитъ какъ э) нельзя потому, что послѣ исконно мягкихъ и здѣсь находимъ о, между тѣмъ жéртва не жóртва.

Повидимому, сюда же относится исчéзъ; по русски это звучало бы исчозъ; старослав. иштезнѫти при иштазати (съ а на мѣстѣ е). Какъ долго держалось церковное е въ нѣкоторыхъ словахъ, не чуждыхъ и живому языку, видно изъ случаевъ, какъ: былъ какъ бѣсъ, потекъ какъ песъ Посл. XVII в. (Симони, 82)

Слова съ *е* передъ отвердѣвшей согласной. Различаемъ двѣ категоріи. Въ первой отвердѣніе произошло въ результатѣ вліянія на мягкую согласную (смягчившуюся передъ *ъ*, впослѣдствіи выпавшимъ) слѣдующей твердой; такъ отвердѣли напр. губныя и зубныя передъ твердымъ *к* послѣ выпаденія между ними и *ъ* звука *ъ*; что *ъ* смягчало въ общерусскомъ праязыкѣ предшествующія согласныя въ подобномъ положеніи, видно изъ того, что напр. слова бездьна, душевьныи стали звучать въ древнемъ малорусскомъ бѣздна, душѣвьныи съ *ѣ* дифтонгомъ ie) изъ удлинившагося передъ слогомъ съ выпавшимъ изъ него *ъ*. Ср. написанія бѣзна, доушѣвныи и т.п. въ малор. памятникахъ, начиная съ XIIв. Въ сѣверноруссконъ и восточноруссконъ, гдѣ не было удлиненія *о* и *е* при тѣхъ условіяхъ, которыя вызвали ихъ удлиненіе въ малорусскомъ, получилось без'на, душев'ныи съ мягкими *з*, *с* и съ напряженнымъ *е* передъ ними. Но вскорѣ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ зубныя и губныя въ положеніи передъ твердыми зубными отвердѣли; въ малорусскомъ бѣз'на, душѣв'ныи продолжали звучать съ *ь* и послѣ отвердѣнія *з* и *с*; но въ сѣверног. и восточнор., гдѣ звукъ *е* напряженное сохранялся только передъ небными, смягченными согласными, онъ переходилъ въ *е* ненапряжен. передъ отвердѣвшей согласной, а ненапряженное *е* измѣнялось затѣмъ въ *ё* и далѣе въ *о*, въ силу того, что вообще звукъ *е* не былъ извѣстенъ передъ твердыми согласными. Такимъ образомъ мы ожидали бы въ сѣверног. и восточнор., а слѣдовательно и въ московскомъ нарѣчіи *бёзна, *душевныи; ср. душевнои въ московскихъ договорныхъ 1428 №43, 1440г. №60 и др., а также наши литер. тёмныи, нёбныи, крёстныи, поёмныи, слёзныи, подъёмныи, колёсныи, почётныи, счётныи, діалект. стар. въ лёнобныхъ лесахъ Дв. гр. XVв. и (вм. лёнобныхъ), слухобныхъ въ моск. догов. ок. 1465 №92,

1433 №50, царовна Бсковск. 2-я лѣт. XVв. (вм. царёвна), совр. вятегорск. царёвна, петровав. королёвна. Объяснять о въ подобныхъ производныхъ словомъ вліяніемъ звука о въ словахъ коренныхъ (какъ подъёмъ, нёбо, полётъ) невѣроятно, въ виду того, что въ тёмный, духовный, служебный, возможно только фонетическое объясненіе о изъ е. Если же мы въ совр. литер. языкѣ находимъ въ рядѣ словъ въ такомъ именно положеніи е, а не о, то всѣ или почти всѣ подобныя слова должны быть признаны церковнославянскими. Въ церковномъ произношеніи, какъ указано ӧ, откуда о, было вообще неизвѣстно; поэтому въ подобныхъ словахъ передъ отвердѣвшею согласною произносилось е ненапряженное, ср. этотъ звукъ и на мѣстѣ исконнаго е передъ твердою согласною (небо) и на мѣстѣ неисконнаго ъ въ такомъ же положеніи (вредъ). Поэтому признаю церковнославянскими словами слѣдующія: душевный, учебный, лѣчебный, служебный, ежедневный, повседневный, царевна (ср. церковнослав. происхожденіе слова царь), подземный, бездна, полезный (ниже указу на церковнослав. происхожденіе слова польза), любезный, тѣлесный, небесный, древесный, лестный, прелестный (ср. церковнослав. приставку пре), честный (ср. діалект. чорной, безчосно), крестный, тщетный. Равнымъ образомъ вліяніемъ книжнаго, церковнославянскаго произношенія объясняется е въ теремный, королевна (ср. царевна). Равнымъ образомъ отвердѣло н передъ слѣдующимъ твердымъ н, превративъ предшествующее е въ о въ сѣверноруссскихъ и восточноруссскихъ говорахъ: ср. поденный, двухсаженный (отъ сажень), казенный. Поэтому церковнославянскими словами признаемъ: современный (при обрусѣвшемъ современённый), обыкновенный, равнымъ образомъ причастія страд., какъ согбенный, благословенный, вдохновенный, надменный (только послѣ губныхъ); сюда

ие слова вселе́нная, бре́нний.

Во второй категоріи, гдѣ *е* находимъ передъ отвердѣвшимъ согласнымъ, отвердѣніе произошло въ болѣе позднюю эпоху вслѣдствіе общаго отвердѣнія той или иной согласной. Передъ согласными, отвердѣвшими сравнительно поздно, находимъ *е* (ненапряженное вм. напряженнаго) не измѣнившимся въ *о* (ср. *е* въ кунец, діалект. литер. сем, первый); но передъ согласными, отвердѣвшими раньше, *е* напряженное черезъ посредство *е* ненапряженнаго переходитъ въ *о*; такой случай имѣлъ мѣсто напр. передъ отвердѣвшими *ж* и *ш*, ср. совр. произношеніе литер.: ежа, Серёжа, серёжка, грабёжъ, кутёжъ, падёжъ, свербёжъ, застёжка, головёшка, корешёнка, одёжка (по одёжкѣ протягивай ножки), діалект. и простонародн. одёжа, берёжный. Поэтому слова, гдѣ въ лит. нарѣчіи передъ *ж* является *е*, а не *о* (ё), должны быть признаны церковнославянскими: падёжъ, мятёжъ, такие смежный. Неясно, какъ понять въ перемёжку; не оказалось ли здѣсь вліяніе корня мѣн-ать (въ перемёнку). Въ словѣ прилёжный *е* можетъ восходить къ церковнослав.*ѣ*, ср. прилѣжьнъ въ Остр. ев.; во всякомъ случаѣ - это слово церковнославянское. Извѣстное и въ литературномъ произношеніи головёшка, равнымъ образомъ мережка (родъ кружевного вязанія) едва ли не заимствовани изъ такихъ говоровъ, гдѣ *ж* и *ш* отвердѣли позже и потому не перешли въ *о*.

VI. Въ общерусскомъ праязыкѣ начальное сочетаніе jу, iу превратилось въ у; общеслав. iунъ, iунона, iуха, iугъ (ср. старослав. юнъ, юнона, юха, югъ) измѣнились въ унъ, унона, уха, угъ, ср. въ памятникахъ XIв.: оунъ, оугъ, оунона; такие современное уха; что касается малор. юха, то *ю* здѣсь новое, вызванное общимъ стремленіемъ малор. языка къ придыхательному приступу въ началѣ слова. Въ виду

этого современное литературное юный, юноша, югъ, южный, должно признать церковнослав. словами. Равнымъ образомъ на мѣстѣ общеславянскаго jǫ (старослав. ѭ) въ началѣ слова ожидаемъ въ русскомъ языкѣ не ю, а у; поэтому признаемъ церковнослав. словомъ союзъ, конечно, и юдоль.

VII. Въ общеслав. праязыкѣ звуки к, г, х при извѣстныхъ условіяхъ, а именно, какъ предположено проф. Водуэнъ-де-Куртенэ передъ ударяемымъ слогомъ, переходили въ ц, з, с если имъ предшествовали гласныя передняго ряда (ь, і, е носовое); эти согласныя восходятъ непосредственно къ средненёбнымъ смягченнымъ к, г, х, замѣнившимъ задненебныя к, г, х подъ ассимилирующимъ дѣйствіемъ предшествующей гласной. Разумѣется, эти ц, з, с были въ общеслав. языкѣ мягкими: они сохранили свою мягкость и въ общерусскомъ праязыкѣ; позже діалектически отвердѣло ц: овца вм. овця (а это изъ овьца́, восходящаго къ овька); но з и с сохраняютъ свою мягкость, какъ и мягкія с, з другого происхожденія, напр. великор. сила, сёла, зёрна, зимній, зябну. Ср. с мягкое изъ первоначальнаго х въ совр. весь, вьсего (восходитъ къ вьсь́ изъ вьхъ), з мягкое изъ первоначальнаго г въ совр. князь (восходитъ къ кънѧз'ь изъ кънѧгъ). Между тѣмъ въ древнеболгарскомъ діалектически ц, з, с отвердѣли очень рано, ср. написанія какъ вьсакъ, вьса, кънѧꙁоу, польꙁа, насмисатисѧ въ древнеболг. памятникахъ. Поэтому, если въ совр. литер. языкѣ найдемъ твердое з, а не мягкое на мѣстѣ общеславянскаго мягкаго з изъ г, то такое твердое з свидѣтельствуетъ о церковнослав. происхожденіи соотвѣтствующаго слова. Итакъ церковнославянскими признаемъ слова: польза (мы ожидали пользя, ср. подобное произношеніе въ русскихъ говорахъ. Ср. пользѣ, ср. также нельзя), непритязательный (по русски было бы непритязательный), состязательный (ср. корень тяг -: тягаться, тяжба), осязать (корень сяг-: по-

сягать, посягнуть).

VIII. Въ общеславянскомъ языкѣ ъ и ь были сильными въ положеніи передъ слогомъ съ слабымъ ъ или ь, а также, быть можетъ, подъ удареніемъ въ начальномъ слогѣ слова; въ остальныхъ положеніяхъ они были слабыми, а передъ слоговыми р и л, а также за ними неслоговыми. Напр., обозначая слабыя ъ и ь буквами ъ и ь подчеркнутыми, находимъ для общеслав.: тьмь̯ный, льсть̯ный, пьсъ̯, пь̯са, сть̯кло, дъ̯ва, жь̯ньць̯, жьнь̯ца и т.д.; вь̯рхъ, вь̯лкъ, блъ̯ха, дръ̯ва, пль̯вати со слоговыми р и л. Тоже имѣло мѣсто въ общерусскомъ праязыкѣ, но неслоговыя ъ и ь передъ слоговыми р и л и послѣ нихъ стали слоговыми и притомъ сильными вслѣдствіе потери звуками р и л ихъ слогового характера; вмѣсто вь̯рхъ̯, вь̯лкъ̯, гъ̯рдый, мъ̯лва явились вьрхъ̯, вълкъ̯, гърдый, мълва съ неслоговыми р, л и сильными ъ, ь; вмѣсто блъ̯ха, дръ̯ва, пль̯вати, трь̯вога съ слоговыми р, л явились блъха, дръва, пльвати, трьвога съ неслоговыми р и л и сильными ъ, ь. Наконецъ, сочетаніе согласная + ўь̯ (неслоговое у и слабое ь) перешло въ общерусскомъ въ сочетаніе согласная + вь (согласная в и сильное ь), причемъ измѣненіе слабаго ь въ сильное стоитъ въ связи съ переходомъ неслоговой гласной ў въ фрикативную согласную: зўь̯но, дўь̯ри, перешли въ звьно, двьри съ сильными ь. Уже послѣ распаденія общерусскаго праязыка, не раньше второй половины XII вѣка исчезли изъ произношенія (во всѣхъ вообще русскихъ нарѣчіяхъ) звуки ъ и ь слабыя, перешли въ звуки полнаго образованія, о и е, всѣ сильныя ъ и ь; ср. въ древнерусскомъ и современномъ опущеніе слабыхъ ъ и ь напр. въ тёмный, пёс, пса, скло, два, жнец, женца, напротивъ, замѣну сильныхъ ъ и ь звуками о и е въ тёмный, пёс, жнец, женца, верх, волк, гордый,

молва, блоха, дрова, плевать, тревога, звено, дверей и т.д.

Законъ объ опущеніи слабыхъ ъ и ь не знаетъ, конечно, исключеній. Правда, находимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣну слабыхъ ъ и ь звуками о и е, но всѣ относящіяся сюда въ русскихъ словахъ случаи объясняются вліяніемъ аналогіи. Случаи эти распредѣляются по двумъ категоріямъ: къ первой принадлежатъ такія слова, которыя перенесли о или е изъ однихъ падежныхъ формъ въ другія, причемъ въ этихъ другихъ они заняли мѣсто выпавшихъ ъ и ь (между тѣмъ какъ въ первыхъ они правильно замѣнили старыя ъ и ь сильныя). Сюда относятся такія образованія какъ древнерусское Смоленск(ъ) вмѣсто Смол'неск (изъ Смольньскъ) подъ вліяніемъ Смоленска, Смоленску; или совр. пришелец вмѣсто и при пришлец (изъ пришльць) подъ вліяніемъ пришел'ца (изъ пришльца); или напротивъ, совреи. хреца, жнеца, швеца, кузнеца вмѣсто херца, женца, шевца, кузница подъ вліяніемъ формъ им. падежа хрец, жнец, швец, кузнец; доска вм. дока, цка является подъ вліяніемъ доску, доски съ о изъ сильнаго ъ (сильнаго вслѣдствіе своего положенія въ начальномъ слогѣ подъ удареніемъ); стекло вм. скло подъ вліяніемъ им. мн. стёкла; пестра вм. пстра подъ вліяніемъ пёстр, пёстрый; праведен вмѣсто правден (ср. подъ вліяніемъ праведний), и т.д. Равнымъ образомъ купеческій, молодеческій, греческій явились на мѣсто купецкій, молодецкій, грецкій подъ вліяніемъ краткихъ формъ купческ, молодческ, греческ; старческій вм. старецкій подъ вліяніемъ старческ; человѣческій вм. *человѣцкій подъ вліяніемъ человѣческ. Онѣмечить вмѣсто *онѣмчить новообразованіе подъ вліяніемъ нѣмец, нѣмецкій. Ко второй категоріи относятся случаи появленія о въ предлогѣ со передъ слѣдующимъ с (со вм. с подъ вліяніемъ со въ другихъ слу-

чаяхъ) со своего, состряпать, составъ, состариться, сослѣпа, со свѣта, со стени, со стѣни подъ вліяніемъ сослать, созвать, со сна, со ста.

Но въ литер. языкѣ оказывается рядъ словъ, которыя не могутъ быть подведены ни подъ ту, ни подъ другую категорію, представляя звуки *о*, *е* на мѣстѣ подлежавшихъ випаденію слабыхъ ъ и ь. Сюда относятся: а) слова, содержащія предлоги *со*, *во*, *воз* вмѣсто оканчиваемаго послѣ випаденія ъ въ съ, въ, съз звуковъ *с*, *в*, *з*; б) слова, представляющіе *о*, *е* на мѣстѣ слабыхъ ъ, ь въ нѣкоторыхъ суффиксахъ, в) слова, представляющіе *о*, *е* на мѣстѣ слабыхъ ъ, ь въ корняхъ. Является вопросъ, какъ понять такія *о*, *е*? Значеніе многихъ относящихся сюда словъ ясно указываетъ на ихъ церковнославянское происхожденіе. Но почему же *о*, *е* замѣнили ъ, ь слабыя, подлежавшія випаденію въ живомъ русскомъ произношеніи, въ церковнославянскомъ языкѣ на Руси? Памятники старослав. языка указываютъ, что въ немъ еще въ XI вѣкѣ произошло въ нѣкоторыхъ его діалектахъ измѣненіе сильныхъ ъ и ь въ *о* и *е*, такъ въ Зогр. Такимъ образомъ переходъ сильныхъ ъ и ь въ *о* и *е* въ діалектахъ старосл. языка произошелъ раньше, чѣмъ въ русскомъ. Вѣроятно, онъ имѣлъ мѣсто и въ томъ діалектѣ, который былъ впервые перенесенъ на Русь при Владимірѣ въ X в. и при Ярославѣ въ XI в. Прямымъ результатомъ этого явилось то, что при чтеніи церковныхъ книгъ русскіе люди стали произносить букву ъ какъ *о*, букву ь какъ *е*, не справляясь, конечно, съ тѣмъ, сильные ли эти ъ, ь въ живомъ русскомъ произношеніи, или слабые. Многіе писцы при перепискѣ старослав. оригиналовъ передавали ъ и ь черезъ *о* и *е*, придерживаясь и написанія оригинала, руководясь и собственнымъ русскимъ

произношеніемъ (вліяніе русскаго произношенія очевидно между прочимъ изъ того, что окончаніе -тъ 3л. ед. и мн. старосл. оригиналовъ передается черезъ -ть). Но другіе писцы замѣняли ъ и ь буквами о и е, основываясь именно на церковномъ произношеніи. Вотъ почему въ памятникахъ XI в., переписанныхъ на Руси, найдемъ нерѣдко о и е и при томъ не только на мѣстѣ сильныхъ ъ и ь, но также и на мѣстѣ слабыхъ ъ и ь; мало вѣроятности представляется въ особенности случаи, гдѣ о и е замѣнили слабыя ъ и ь, возводить къ старосл. оригиналамъ (гдѣ вообще находимъ замѣну черезъ о и е только сильныхъ ъ и ь); но еще менѣе возможно объяснить ихъ изъ русскаго живого произношенія, ибо, во-первыхъ, сильныя ъ и ь перешли въ о и е не раньше второй половины XII вѣка, во-вторыхъ, слабыя ъ и ь вообще не замѣнялись черезъ о и е. Приведу примѣры замѣны ъ и ь сильныхъ и слабыхъ черезъ о и е въ церковнослав. памятникахъ руской редакціи XI вѣка. Стихир. 1157: весѧ , въ цьркови, веселеноую, добродѣтелеми, вьседе, владъıцени, неплодове, Юр. св. въземеть, вьсьде, отѧгочалѣ, Минеи 1095: источьника, бг҃овидече, ковечегъ, весемирьна , Ж.Ѳ. золодѣи, Сб.1073 золобѣ 172 об. Особенно интересно написаніе оуповати въ русскихъ памятникахъ Юр. ев. оупованіе 106а, Мин. №175 (18) оупованиѥ 116 об.1, Ж.Ѳ. оуповаю, оупованиѥмь; можно было бы ждать на основаніи общаго закона о выпаденіи слабыхъ ъ и ь оуповати; но это слово было, очевидно, церковнослав.; какъ таковое оно произносилось въ нашемъ церковнослав., а потому и писалось, съ о; это о дошло и до нашего времени (уповать). Искусственнымъ книжнымъ произношеніемъ всякаго ъ какъ о и всякаго ь какъ е объясняется смѣшеніе буквъ ъ, ь и о, е, замѣчаемое во многихъ памятникахъ русскихъ XII-XIV в. въ XI и первой

половинѣ XIIв. отъ такого полнаго смѣшенія удерживало то обстоятельство, что въ живомъ языкѣ ъ и ь сильные и слабые произносились отлично отъ *о* и *е*; но когда со второй половины XIIв. сильныя ъ и ь стали произноситься какъ о и е, а слабыя исчезли изъ произношенія, въ распоряженіи писцовъ, приверженныхъ къ древнему правописанію, не желавшихъ ограничить употребленіе буквъ ъ и ь сообразно съ вновь наступившими въ языкѣ условіями, не оказывалось средствъ различать этимологическое и звуковое значеніе буквъ *о*, *е* и ъ, ь. Отсюда происходятъ чудовищныя написанія, какъ горъда, вѣрьмьемь, дѣтель, съ посадникомо и т.п. Начало всѣмъ такимъ начинаніямъ дано церковнославянскимъ произношеніемъ, произношеніемъ, господствовавшимъ въ церкви, звуковъ ъ, ь какъ *о*, *е*.

Перехожу къ обзору отмѣченныхъ выше категорій словъ совр.лит. языка, гдѣ такое произношеніе выступаетъ наружу.

Предлоги *со, со, соз* въ русскомъ языкѣ должны являться въ такомъ видѣ (а не въ видѣ *с, с, сз*) только въ положеніи передъ слогомъ, содержащимъ гласное ъ или ь (возможность *со* въ другихъ положеніяхъ, а именно передъ согласн. отмѣчена выше). Поэтому признакомъ церковнославянскими слѣдующія слова, сложенныя съ предлогомъ *со*: собирать (ср. діалект. обирать), соборъ, древнерусск. обор архангела Михаила, соборная церковь, совр. оборъ въ другомъ значеніи), соблазнъ, соблаговолить, собесѣдованіе, соблюдать, собратъ, соболѣзновать, совѣтъ (древнерусск. на свѣтѣ), совѣщаться (древнер. свѣщатися), совокупить, совершить (ср. свершить), совратить, совѣсть (древнер.), совладать, согрѣть, согребать (ср. сгребать, сгребъ), согласить, согражданинъ, согрѣшать, соглядатай, содержать (ср. сдержать), содѣйствовать, содрогаться,

соединять, сохалѣть, созивать (ср. звивать), созвучіе, созидать, сокровище (древнер. скровище), сокровенный (древнер. скровенъıй), сократить, сокрушить (древнер. скрушити), сообразоваться, сооружить, соправитель, сопредѣльный, сопровождать, сопротивленіе, соприкасаться, сопричислить, сопряженный, соревнованіе, сосредоточить, сотрясеніе, сотрудникъ, сотрапезникъ, сотворить, соучастіе, сохранить (русск. схоронить), сочетать, сочинить (древнер. счинити), сочленъ, союзъ. Предлогъ со съ особеннымъ значеніемъ соучастія изъ словъ какъ сострадать, сотрапезникъ, соправитель, сочленъ перенесенъ и въ русскія слова сотоварищъ, собутыльникъ.

Слова, сложенныя съ *во*: вовлекать, водворить (хотя м. б. это и русское слово, ср. во двор вм. в двор), совокупить, вооружить, вообразить, воплощеніе, вопросъ, вопреки, вочеловѣченіе.

Слова, сложенныя съ *воз*: возбранять, возбудить (ср. взбудоражить, взбунтовать), возвеличить, возвѣстить, возводить (ср. взвести, взводить), возвратъ, возвышать, возгласить, возгорѣться, воздержаться (ср. вздѣрика), воздвигать, воздавать, воздѣлывать, возлекать, возлюбить, возложить, воскурить, воскресить, воскликнать, возмечтать, вознаграждать, вознамѣриться, возносить, возненавидѣть, вознегодовать, возомнить, возобновлять, воспитать, воспѣть, воспаленіе, воспоминаніе (ср. вспоминать), воспламенить, воспретить, воспротивиться, возстать, возстановить, востребованіе, вострубить, восторгъ, востокъ (обл. встокъ, стокъ), возравить, возрастъ (ср. древнер. врастъ), великовозрастный, восходъ (ср. всходи), восчувствовать.

Суффиксы, содержащіе *е*, *о* на мѣстѣ слабыхъ, подлежавшихъ выпаденію ъ, ь. Повидимому, рядъ словъ съ суффиксомъ -ство (изъ

-ьство) долженъ быть признанъ признанъ церковнославянскимъ. Сюда относятся: рождество и рожество (мы ожидали бы роштво, ср. древнер.), множество, убожество, существо, могущество, человѣчество, качество, количество, купечество, молодечество, художество, вещество, отчество, старчество; также послѣ другихъ согласныхъ, не только послѣ ж, ч, щ; естество (древнер. ѥство). Ср. перенесеніе -ество вмѣсто -ство въ областномъ богатество. Такимъ образомъ -ество узаконилось въ положеніи послѣ согласныхъ ж, ч, щ, очевидно, по удобству произношенія, являясь въ другомъ положеніи вообще въ видѣ -ство: братство, звѣрство, духовенство. - Отмѣчу далѣе скрежетать.

Слова, представляющія о, е на мѣстѣ слабыхъ ъ, ь: вопить (ср. древнер. впити), уповать, быть можетъ, сéти.

IX. Необходимо коснуться здѣсь еще нѣсколькихъ заимствованій, частью въ настоящее время исчезнувшихъ, но оставившихъ слѣдъ на письмѣ. Сюда относятся: *окончаніе им. ед. прилагательныхъ на-ый, -ій.* Въ общеслав. праязыкѣ соотвѣтствующія окончанія звучали ъ̂ị, ь̂ị съ напряженными ъ и ь и звукомъ і неполн. образованія: starъ̂ị, sin'ь̂ị; въ памятникахъ древнеболгарскихъ, а потомъ и въ древнерусскихъ напряженныя ъ и ь изображались буквами ъі (ы) и ы: старъıи, синıи. Въ сѣвернорусскихъ и восточнорусск. говорахъ, слѣдовательно, въ великорусскую эпоху напряженныя ъ и ь перешли въ о и е, какъ въ ударяемыхъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ, хотя возможно, что въ восточнорусскихъ, гдѣ о и е въ неударяем. слогахъ редуцировались, они не возникали на мѣстѣ напряженныхъ ъ и ь неударяемыхъ. Въ московскомъ нарѣчіи, по происхожденію сѣвернорусскомъ, мы должны ожидать подъ удареніемъ -ой, -ей, а въ не-

ударяемыхъ слогахъ -ай, -ей (или -ій), при чемъ -ай, -ей являются результатомъ редукціи неударяемыхъ окончаній -ой, -ей: ср. седо́й, маладо́й, прасто́й, сам трете́й, ми́лай, до́брай, тре́тій. Въ церковнослав. языкѣ окончанія ъ̂і, ь̂і перешли въ -ый, -ий; тѣ же сочетанія явились въ малорусскомъ нарѣчіи. Оба эти обстоятельства узаконили произношеніе окончаній прилагательныхъ какъ -ый, -ий въ церковномъ и книжномъ языкѣ. Трудно сомнѣваться въ томъ, что въ книжной рѣчи Москвы говорили нѣкогда просты́й, седый, млады́й, послѣ г, к, х; глухій, строгій, великій, долгій. На письмѣ -ый, -ій держатся до сихъ поръ, при чемъ оказываютъ вліяніе и на произношеніе. Несомнѣнно, что многіе говорящіе литер. языкомъ произносятъ въ неударяемыхъ слогахъ -ый, -ій, т.е. говорятъ старый, добрый, а не старай, добрай. Въ этомъ не трудно убѣдиться, наблюдая произношеніе тѣхъ, кто послѣ к, г, х употребляетъ окончаніе -ій, а не -ай; въ средѣ книжно образованныхъ людей нерѣдко можно услышать произношеніе крѣпкій, великій, убогій, строгій, безухій. Такое произношеніе возникаетъ подъ вліяніемъ письма, но возможно, что оно держалось въ литер. рѣчи непрерывно.

Въ общеслав. праязыкѣ ъ̂ и ь̂ напряженныя были сильными только въ положеніи передъ слогомъ съ *і* неполнаго образованія изъ jь или i̯i, а также подъ удареніемъ въ началѣ словъ; вообще же, т.е. въ положеніи передъ слогомъ съ гласной полнаго образованія они были слабыми. Въ старославянскихъ, а затѣмъ и въ древнерусск. памятникахъ слабыя ъ̂ и ь̂ напряженныя изображались буквами ы и и: думѣѥть, пролиѥмъ, пѣниѥ, листиѥ. Съ теченіемъ времени и притомъ въ ту же эпоху, что слабыя ъ и ь ненапряженныя, исчезли

Листъ 4-й. Очеркъ совр. русскаго литературн. языка. А. Шахматовъ.

ЛИТ БОГДАНОВА ЗРТЕЛЕВЪ П 7.

изъ произношенія ъ̂ и ь̂ слабыя напряженныя во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка (слѣдовательно, начиная со второй половины XIIв.). Такимъ образомъ явилось сочетаніе: согласная + i̯ + гласная въ живомъ произношеніи: листіе, костіу, лодіа, бекіо и т.п. Въ малорусскомъ i̯ въ такомъ положеніи перешло въ j и затѣмъ ассимилировалось предшествующей согласной (ср. малор. життя изъ жит'ja, жит'i̯a). Но въ великорусскомъ i̯ держится до сихъ поръ. Въ церковнославянскомъ произношеніи, гдѣ, какъ мы видѣли, слабыя ъ и ь послѣ выпаденія ихъ въ живомъ языкѣ, продолжали произноситься какъ о и е, *слабое* ъ̂ *(изображавшееся на письмѣ какъ* и*) продолжало произноситься какъ* и, слѣдовательно, пѣніе, воскресеніе, отданіе, нощію, печатію, братія; поэтому въ церковнослав. братія въ три слога, а въ живомъ народномъ произношеніи братіа (писалось братья) въ два слога. Такое церковное произношеніе объясняетъ намъ, почему до сихъ поръ держатся у насъ написанія съ іа, іи, іе, пѣніе, изображеніе, воскликнаніе, недія, чтеніе и т.п.*) Возможно, что и въ произношеніи нѣкоторыхъ образованныхъ людей держатся двусложныя окончанія *ія, іе, іи*; эти окончанія привились и къ словамъ, заимствованнымъ изъ иностранныхъ языковъ: партія, провизія, компанія; ср. окончаніе -ня послѣ д, напр. въ лекція, порція, конституція. Произношеніе съ i слоговымъ вызываетъ въ нѣкоторыхъ производныхъ сочетаніе -ій, а не -ей, которое явилось бы при коренномъ словѣ съ неслоговымъ i̯ (ср. окамья - окамейка, рукьё - ружейный, армейскій, компанейскій); такъ находимъ прилагательныя: орудійный (указываетъ на четырехсложное орудіе), партійный. Возможно, что церковнослав. произношеніемъ является: сіяю, сіять, піявка, ліяло, взіять (пріятель?); также сохраненіе ій: убійца, убійственный, прилаг. англійскій, италійскій,

*) Ломоносовъ различалъ слова на іе и ье: зданіе, но копье (копьіо), ср. §155 и 156 Гр.

австрійскій; Россія, Марія.

Окончаніемъ род. ед. м. и ср. рода прилагательныхъ въ церковнослав. языкѣ было -аго, между тѣмъ какъ еще въ общерусскомъ праязыкѣ утвердилось окончаніе -ого. Что -аго проникло и въ разговорную рѣчь образованныхъ классовъ можно заключить между прочимъ изъ того, какъ упорно держится -аго на письмѣ до сихъ поръ; теперь мы его пишемъ только въ неудар. слогахъ, но еще очень недавно писали: другаго, втораго, большаго (но произносили, конечно, другово, второво, большово). Быть можетъ, указаніемъ на -аго въ живомъ произношеніи могутъ служить и нѣкоторыя фамиліи, повидимому, свойственныя первоначально духовной средѣ: Живаго, Мертваго, Бѣлаго.

Общеславянское носовое ѣ (іе носовое), являвшееся въ нѣкоторыхъ грамм. окончаніяхъ въ основахъ на мягкую согласную въ соотвѣтствіи съ окончаніемъ -ы въ основахъ на твердую согласную, въ общерусскомъ праязыкѣ перешло въ ѣ, ср. общую утрату гласными ихъ носового свойства въ этомъ языкѣ: род. еѣ, моеѣ, доброѣ, душѣ, волѣ и т. д. Написанія съ ѣ находимъ въ русскихъ памятникахъ, начиная съ XIв.; ѣ держится до сихъ поръ въ малорусскомъ, гдѣ замѣстителя ѣ звукъ і находимъ въ формахъ род. душі, єѳ и т.д. Въ древнеболгарскомъ языкѣ носовыя гласныя сохранялись, сохранилось и носовое ѣ, совпавъ съ носовымъ е въ одномъ звукѣ (ѧ): ср. древнеболг. доушѧ, ѥѧ, добрыѧ. Въ русскомъ произношеніи церковнослав. языка всякое носовое е передавалось звукомъ а: свѧтъ произносилось свѧтъ, тѧбло-тѧбле. *Поэтому какъ а произносилось и то носовое е, которому въ живомъ языкѣ русскомъ соотвѣтствовалъ звукъ ѣ:* род. ед. душа моѥѧ, ѥѧ, отъ дѣвицѧ и т.д., ср. подобныя написанія въ памятникахъ. Конечно, это произношеніе перешло и въ рѣчь образованныхъ классовъ, но съ те-

ченіемъ времени оно было вытѣснено русскими (великорусскими) окончаніями на -и, -й: отъ души, моей, доброй. Вмѣсто еѣ, самоѣ, моеѣ, въ результатѣ извѣстнаго сложнаго процесса явилось её, моеё, самоё; это живое произношеніе вытѣснило искусственное, книжное произношеніе ея, моея, самоя. Дальше всего держалось *а* въ *ея*; на письмѣ оно сохраняется до сихъ поръ, проникая и въ произношеніе книжно образованныхъ людей, усваивающихъ себѣ письменное изображеніе и не считающихся съ живымъ господствующимъ произношеніемъ. Несомнѣнно, что таково же происхожденіе орѳографическаго я въ окончаніи им. - вин. мн.; теперь по произволу теоретиковъ окончанія -ыя, -ія употребляются въ женскомъ и среднемъ родѣ, но на самомъ дѣлѣ -ыя, -ія въ церковнослав. языкѣ на Руси замѣнило и окончаніе им. вин. мн. м.р. (древнеболг. ви им., ꙑѩ, иѩ вин:), и окончаніе им. - вин. ж.р. (древнеболг. ꙑѩ, иѩ) и окончаніе им. вин. ср.р. (аѩ, ѩѩ), подъ вліяніемъ русской замѣны формы им. мн. (м.р.) формой вин. мн., а также утраты самост. окончаній во мн. ч. прилагательныхъ средняго рода; теперь орѳографическое добрыя им. - вин. ж. и ср. рода мы произносимъ такъже какъ добрые им. - вин. м.р. (добрије, добрыи).

Общеславянское сочетаніе i͡ь въ сильномъ положеніи (передъ слогомъ съ выпавшими впослѣдствіи ъ, ь) перешло, повидимому, еще въ общеслав. эпоху въ *і*, между тѣмъ какъ въ слабомъ положеніи оно измѣнялось въ *і* неполнаго образованія: общеслав. jaiсь, jaiсе́, dostoinъ, moi. Въ русскихъ нарѣчіяхъ такое *і* полнаго образованія подъ вліяніемъ аналогіи (напр. вліянія окончаній -en, -ес́ изъ ьnъ, ьсь́ на окончанія -ie, -іс́) замѣнялось звукомъ *е*, ср. діалект. великорусское, а также малорусское и бѣлорусское яец, яешница, так-

же троек, троечка, спокоен, р. мн. воен, боен, боец, им. боек, р. мн. коек, прил. коечный, перемеекъ, раёк, паёк, хвоек и т.д. Древнее *і* находимъ напр. въ изба (истъба изъ іьстъба). Тамъ, гдѣ въ совр. литер. языкѣ является въ указанныхъ суффиксахъ *и* (-ин, иц), *это и можетъ быть объяснено какъ церковнославянизмъ:* им.ед. воинъ (ср. также въ род. воина (трехсложное вмѣсто ожидаемаго извѣстнаго война), достоинъ, троичная ѵностась, таинство, таинственный, воинство, воинственный, воинскій, взаимный.

X. Къ словообразовательнымъ суффиксамъ церковнославянскаго происхожденія относится, какъ кажется, -тель; повидимому, онъ вообще чуждъ русскому языку (ср. тоже въ другихъ слав. языкахъ: словенскомъ, болг., сербско-хорв.), хотя, впрочемъ, житель и древнее волостель слова русскія. Съ увѣренностью признаемъ за церковнослав. слова: предатель, хранитель, властитель, учредитель, потребитель, распространитель, упразднитель, плѣнительница, съ вѣроятностью: учитель, мучитель, знаменатель, утѣшитель, почитатель, покровитель, носитель, повелитель, гонитель, расточитель, сѣятель, исцѣлитель, цѣнитель, правитель, попечитель, проситель и т.д. Въ морфологіи доказываю, что слова учитель, смотритель (ср. мн. учителя, смотрителя) заимствованны; быть можетъ, также и пріятель; -тельница: учительница. Равнымъ образомъ церковнославянскими признаемъ образованія на -тельный (ительный, ательный): страдательный, восхитительный, мучительный, растительный, поразительный, увлекательный, смерзительный, огласительный, оздравительный; простонар.: пользительный; существительныя на -тельность: расточительность, признательность, растительность, на -тельство: учительство, правительство предательство. - Далѣе церковнославянскимъ является суффиксъ -ство

бѣдствіе, царствіе, содѣйствіе, лицедѣйствіе, странствіе, путешествіе, безчувствіе, сочувствіе.— Русскія слова съ суффиксами -ство имѣютъ, повидимому, ударенiе на немъ: родство, свойство, скотство, озорство, баловство, плутовство, хвастовство; слова съ удареніемъ на корнѣ можно частью признать церковнославянскими: царство, свойство, уродство, богатство (слово богатъ церковное, какъ видно изъ господствующаго произношенія съ ѣ), господство, братство, непотребство, средство; во всякомъ случаѣ церковнослав. должны быть признаны слова на -ество: качество, множество, убожество, человѣчество, рождество, естество (о чемъ сказано было выше). Церковнославянскими являются образованія на -енство (по русски было бы -ѣнство): главенство (изъ главьиьство), духовенство, степенство (изъ степеньство), отщепенство. -Образованія съ -ес церковнослав.: тѣлесный; небесный, словесный, древесный, тѣлеса (въ значеніи нолнаго тѣла), чудеса, чудесный. -Вѣроятно, церковнославянскими надо признать и слова на -еніе, -ѣніе, -аніе: ученіе, лѣченіе, страданіе, пѣніе, горѣніе, сожалѣніе, повелѣніе, устроеніе, упоеніе, воспитаніе, растеніе, воспаленіе, загражденіе, освѣщеніе, запрещеніе, учрежденіе; въ русскомъ языкѣ вмѣсто еніе, аніе находимъ еньё, аньё: спанье, діалект. пѣнье, вставленье, или еще аньё, еньё съ удареніемъ на предшествующемъ слогѣ: катанье, глаженье, снатанье, братанье; слова какъ варенье, печенье, прощанье, катанье, гуляньё, конечно, русскія, но они не имѣютъ уже значенія отглагольныхъ существительныхъ, а если получаютъ, то подъ вліяніемъ книжнымъ. - Мы говорили выше, что прилагательныя наст. времени вообще представляются сплошь церковнославянскими образованіями, ср. форму ихъ окончаній: -ящій,

-ущій. Но также признаемъ церковнославянскими прич. страд. на -нный; по самой формѣ эти причастія отличаютъ свое церковносл. происхожденіе; древнѣйшіе примѣры причастій на -аньный, -еньный находимъ въ церковнослав. памятникахъ. Русскія причастныя формы на-ный не имѣютъ значенія причастія, это прилагательныя; ср. мощоный, тканый, печеный, топлёный, мазаный, учоный, точоный, верченый, сѣяный, вѣяный, холеный, воженый, замеженый, замараный, стираный, писаный. Причастія страд. производятся отъ глаголовъ совершеннаго вида и по церковнослав. образцу оканчиваются на -нный: расписанный, размазанный, вымощенный, натопленный, отвязанный, запаханный, размозжённый, утверждённый, запрещённый, учреждённый, загрязнённый, расположенный и т.д. Разумѣется, въ разговорной рѣчи, какъ видно изъ примѣровъ, такія причастія производятся и отъ чисто русскихъ словъ, но напр. запаханный остается такимъ же церковнославянизмомъ, какъ пашущіе, замороженный, какъ хоронящій. И отъ глаголовъ несовершеннаго вида могутъ быть произведены причастныя формы на -нный: видѣнный, слышанный.-Причастія на-вшій, -вшійся также признаемъ ц.слав. образованіями, ибо русск.яз. утратилъ склоняемое причастіе нестрад. залога и замѣнилъ его дѣепричастіемъ; поэтому церковнославянизмы видѣвшій, игравшая, пахавшіе, вернувшійся, взволновавшееся, простившая и т.д.-Русскій яз. утратилъ также склоняемыя формы степеней сравненія; въ совр.разгов.языкѣ и нѣтъ, но здѣсь сохранились склон.формы превосходной степени: умнѣйшій, добрѣйшій, милѣйшіе, любезнѣйшая, кратчайшій, высочайшій, широчайшій, мельчайшія подробности, сильнѣйшія боли-это все церковнославянизмы; меньшой, большой безъ оттѣнка сравненія-русск.слова, но меньшій, большій ц.славянскія; также лучшій.*)

*) *Ломоносовъ §25 Гр. признаетъ рассудительн. и превосх. степени на -шій словенскими: дамчайшій, свѣтлѣйшій, высочайшій.*

Русскими признаемъ только краткія формы со значеніемъ нарѣчія или прилаг. - сказуемаго: сильнѣй, короче, тяжеле, веселѣй, глубже, шире. То обстоятельство, что умнѣйшій является въ народной рѣчи формою чуждою, книжною, такъ же какъ причастія наприм. богатѣвшій, старѣвшій, объясняетъ, почему вмѣсто умнѣйшій и т.п. употребляется въ народной рѣчи умнѣвшій, богатѣвшій, сильнѣвшій въ значеніи однако очень умный, богатый, сильный безъ оттѣнка сравненія. - Слова съ *вз* - русскія: вздать, а издать церковнославянское, выходъ, но исходъ, вытекать, но истекать, вымѣрить, но измѣрить, но конечно, среди нихъ есть и русскія: избить, исполосовать, испачкать; вынуть, но изъять, вылить, но излить, вычислить, но исчислить.

XI. Къ числу остатковъ церковнослав. языка въ нашемъ разговорномъ и литературномъ языкѣ относятся многія глагольныя образованія съ многократнымъ значеніемъ. Они обнаруживаются уже извѣстными намъ признаками, напр. наличностью жд въ соотвѣтствіи съ кореннымъ д, или щ въ соотвѣтствіи съ т: присуждать, убѣждать, побѣждать, заграждать, запрещать, запрещать, посѣщать и т.д. (см. болѣе подробное перечни выше). Съ увѣренностью относимъ сюда и тѣ формы, гдѣ въ соотвѣтствіи съ коренными к,т глаголовъ немногократныхъ является щ, з: восклицать при воскликнуть, проницать при проникнуть (русск. литер. проникать), брящать (при брякнуть), отрицать, поринать, также созерцать (ср.к въ зеркало при церковнослав. зерцало), осязать. Возможно, что русскій языкъ имѣлъ нѣкогда подобныя образованія, но онъ устранилъ въ нихъ щ, з звуками к, т, подобно какъ въ великорусскомъ ц, з въ новѣйш.наклоненіи, а также въ формахъ склоненія замѣнени

были по аналогіи звуками к, г (пеки, не моги, на порогѣ, въ кускѣ и т.п.). Въ этой замѣнѣ сказалось бы стремленіе сблизить коренную часть глагола несовершеннаго или многокр. вида съ коренною частью соотвѣтствующаго глагола совершеннаго или немногократнаго вида. Ср. съ этимъ вытѣсненіе въ русскомъ языкѣ звуковъ а и ѣ звуками о и е въ случаяхъ какъ прилетать вм. прилѣтати ср. прилетѣть, притекать ср. притеку, отворять при отворить. Впрочемъ, неясно, можно ли русскія отворять, провожать, рожать, прощать, опережать, передѣлять, угощать, наклонять, загонять и т.п. возводить къ отворяти, провожати, рожати и т.д. Повидимому, глаголы на -ати въ древнемъ языкѣ перенесли удареніе на коренную гласную подъ вліяніемъ ударенія формъ настоящаго времени, которыя, какъ показываетъ сербскій языкъ еще въ общеслав. праязыкѣ имѣли удареніе на корнѣ, по крайней мѣрѣ въ формахъ со стяженными окончаніями (-ашь, -ать, -амъ, -ате); поэтому древнерусск. упрашашь, упрашамъ и отсюда упрашати; на это указываетъ удареніе въ упрашивать, прохаживаться, ухаживать, занашивать, забрасывать, усваивать, прикрашивать, закусывать, высушивать. Поэтому глаголы полагать, касаться съ сохраненнымъ въ нихъ а признаемъ церковнославянизмами; въ русскомъ они неминуемо перешли бы въ *полагивать, *касываться. Различіе между родить - рожать и упросить - упрашивать, слѣдовательно, между родити - рожати, просити - прашати сводится къ тому, что въ древнемъ языкѣ рожати въ настоящемъ вр. спрягалось рожаю, аешь, аетъ, а прашати спрягалось (прашамь), прашашь, прашать, что является стяженіемъ изъ прашаашь, прашаать, ср. старослав. имаамь, имааши (любопытно удареніе имаши въ церковнославянскомъ). Церковнославянскому языку и въ древнѣйшія эпохи

его существованія были чужды образованія пра́шаль, пра́шаши, пра́шать; они замѣнились черезъ пра́шаю, пра́шаюши, пра́шаютъ. Отсюда различіе русскихъ образованій, какъ отвра́тить - отвора́чивать, прикра́сить - прикра́шивать (согласно предыдущему изъ * прикра́шать) и церковнославянскихъ, какъ украсить - украша́ть, отвратить - отвращать. Въ виду этого наше провожа́ть едва ли не церковнослав. образованіе (надо было бы ожидать провождать, ср. сопровождать), ср. проваживать, выпроваживать; также угрожа́ть ср. русск. угра́живать, успаша́ть ср. успа́шивать, вытравлять ср. вытра́вливать, ссужа́ть ср. ссу́живать, разъясня́ть ср. прояснива́ться, нарушать, ср. обру́шиваться.

XII. Кромѣ указанныхъ словъ и формъ, обличающихъ свое внѣшнею формою свое церковнослав. происхожденіе, можно указать еще рядъ словъ, самое значеніе кот. и культ. исторія доказываютъ тоже ихъ церковнослав. происхожденіе. Таковы напр. слова кади́ть, внеза́пно, стезя́, о́бразъ, це́рковь (склоненіе церквамъ, церквахъ сохранило церк. окончанія, ср. русск. церквямъ, древнерусск. дат. мн. свекровемъ), хору́говь, бу́кша. Послѣднія слова заимствованы изъ германскаго. Отнесемъ сюда же рядъ греческихъ словъ, проникшихъ въ нашъ языкъ черезъ посредство церковнославянскаго: пономарь (изъ парамонарь), пресви́теръ, мона́хъ, монасты́рь, ке́лія, архіерей, іерей, епископъ, епитрахиль, епитимья, е́ресь, еретикъ, крова́ть, гра́мота, попъ, діаконъ, дьякъ, подьячій.

Изъ предложеннаго обзора церковнославянизмовъ въ современномъ литерат. языкѣ видно, что въ словарномъ своемъ составѣ онъ по крайней мѣрѣ на половину, если не больше, остался церковнославянскимъ. Какъ мы видѣли, онъ пользуется церковнославянскими элемен-

ками и при граммат. образованіяхъ отъ русскихъ корней: ср. причастія на -ущій, -ащій, напр. стерегущій, ворочающій, молотящій, причастія на -вшій: моловшій, стеревшій, говорившій, причастія на -нный: пересланный, укороченный, убережонный, превосх. степень прилагательныхъ прямѣйшій, холоднѣйшій, прехорошенькій. Въ подобныхъ образованіяхъ видимъ наличность въ одной формѣ и русскаго и церковнослав. элемента. Еще обычнѣе вторженіе русскаго элемента въ исконно церковнослав. слово: ср. перебраниваться (подчеркиваю русскіе элементы), обезвреживать, сотоварищъ, вытрезвлять, человѣчество, вочеловѣченіе, преграду, поврежу, здравіе (не содравіе).

Впрочемъ, въ области морфологіи церковные элементы могутъ быть обнаружены еще въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ: а вм. у въ род. Наши вкуса, предмета, разговора, со страха, изъ гроба и т.д. едва ли не подъ церковнослав. вліяніемъ.

Малорусское вліяніе.

Церковнославянскій языкъ былъ перенесенъ въ Россіи прежде всего малорусскую почву, въ Кіевъ. Правда, Новгородъ крестился одновременно съ Кіевомъ, но онъ въ умственномъ, литературномъ отношеніи находился въ прямой зависимости отъ Кіева и долгое время не имѣлъ въ этомъ отношеніи самостоятельнаго значенія. Конечно, въ Новгородѣ, какъ и въ Смоленскѣ и въ Ростовѣ, переписчики церковнослав. текстовъ вносили въ нихъ вмѣстѣ съ русизмами и свои мѣстныя діалектическія особенности, но не эти вольности переписчиковъ опредѣляли жизненныя явленія въ церковносл. языкѣ на Руси. Явленія эти опредѣлялись въ Кіевѣ. Если діаконъ Григорій, работавшій въ Новгородѣ надъ перепиской евангелія для посадника Остромира, пе-

звонкій себѣ въ видѣ общаго пріема смѣшивать юсы съ буквами ꙗ, а, оу, ю, систематически замѣнялъ ѣ черезъ ꙗ въ словахъ какъ камѣнъ, прѣмо, писалъ ьр, ър, ъл вмѣсто рь, ръ, лъ оригинала и т.п. -Это зависѣло отъ того, что подобные пріемы выработались уже въ Кіевѣ, въ школѣ кіевскихъ грамотеевъ. Усвоивая себѣ церковнослав. произношеніе, новгородское духовенство подражало при этомъ кіевскому, въ общемъ не имѣя возможности учиться непосредственно отъ болгаръ. Если предположимъ, что уже въ XI вѣкѣ ѧ звучалъ въ Смоленскѣ какъ монофтонгъ, то возможно, что болгарское ѧ (=ä) смольняне передали бы своимъ звукомъ ѧ; но они передадутъ его, какъ и кіевляне (у которыхъ ѧ былъ дифтонгомъ іе, далекимъ по звуку отъ ä), черезъ е; такъ же передадутъ его новгородцы, отъ чего зависитъ смѣшеніе буквъ е и ѧ въ древнѣйшихъ новгородскихъ памятникахъ (между тѣмъ звуки е и ѧ продолжали различаться еще долгое время). Произношеніе церковнослав. языка въ устахъ кіевлянъ принялъ рядъ типическихъ (не общерусскихъ) особенностей малорусскаго нарѣчія. Такъ звукъ ґ, въ древнеболгарскомъ звучавшій какъ звонкая мгновенная согласная, систематически замѣнялся въ кіевскомъ произношеніи черезъ γ (h). Доказательства, что ґ на всей Руси въ церковномъ языкѣ произносилось какъ γ(h), у насъ на лицо: до сихъ поръ, нѣкоторые священники, читая Евангеліе и произнося церковныя молитвы, систематически произносятъ ґ какъ γ (h): ноγа, γрад, γробѣх, γлас, γолубь и т.д.; еще распространеннѣе произношеніе ґ какъ γ (h) въ окончаніи род. над. мѣстоименій и прилагательныхъ: тоγо, святаγо, моегγо, добраγо, слѣпаγо, живаγо. Считая вѣроятнымъ, что церковнославянскій, ставши разговорнымъ, сохранялъ такое γ и въ сѣверно-великорусской области, народнымъ говорамъ которой въ большинствѣ

чудоу вообще, а въ частности и въ родѣ падежѣ (гдѣ оно замѣнено черезъ е). Слѣдовательно, и въ Москвѣ говорили въ книжной рѣчи: воуа, урубий, друуа, уонитель, и т.д. Это видно, во первыхъ, изъ того, что въ книжной рѣчи (независимо отъ позднѣйшаго вліянія южновеликор. элементовъ) долгое время держалось произношеніе двух, врах, свлох, нох. Ср. свидѣтельство Ломоносова. Востокова. Въ отвѣтѣ на программу для собиранія особенностей великор. говоровъ N изъ уѣзда сообщается, что въ средѣ духовенства до сихъ поръ держится такое произношеніе.

Во вторыхъ, нѣсколько словъ совр. литературнаго языка сохранили у до сихъ поръ: это слова по преимуществу церковныя, вошедшія съ церковнымъ произношеніемъ и въ народный языкъ, между прочимъ и въ московское нарѣчіе: Бох, род. Воуа, Уосподь, а также еще слова боуатый (очевидно неизвѣстное въ народномъ языкѣ), Уосподинъ, блауо, блауородный, блауоразумный и т.д. Въ древности также произносилось уосударь, что видно изъ параллельнаго произношенія осударь, ср. оспоподь при Уосподь, очевидно, черезъ посредство hосподь, hосударь. Въ третьихъ, произношеніе сочетаній ге, ги въ словахъ иностранныхъ, какъ jерманія, jенералъ, jерой свидѣтельствуетъ также о томъ, что г произносилось какъ у; эмансипація отъ такого произношенія видимъ въ устарѣвшемъ, но еще не такъ давно распространенномъ произношеніи genvar вмѣсто jenvar (январь), такое же ju являлось и въ книжномъ, а по происхожденію южнорусскомъ произношеніи слова Кнаjина, ср. написанія княиня въ памятникахъ XV - XVIIIв. Отмѣтимъ, что въ церковномъ произношеніи je, ji могло являться и независимо отъ малор. вліянія на мѣстѣ правописныхъ ге, ги въ словахъ греческаго происхожденія, въ виду того, что въ

среднегреческомъ γε, γι произносились какъ je, ji, ср. Егор вм. и при Георгій.

Другимъ случаемъ малорусскаго вліянія на церковное произношеніе является наше простонародное котить, окотить, котяти. На великорусской почвѣ кръстити не могло бы перейти въ костити, ибо на мѣстѣ общеслав. сочетанія рь послѣ согласной въ сѣверноруссномъ и восточноруссномъ неизмѣнно является сочетаніе р + сильное ъ̂, а сильное ъ переходило по общему правилу въ е. Между тѣмъ въ малорусскомъ рь̂, ль̂, рѣ̂, лѣ̂ въ слабомъ положеніи переходили также въ сочетанія р, л + сильныя ѣ̂, ѣ̂; сильныя ѣ̂, ѣ̂ по общему правилу переходили въ я, и въ малорусскомъ (ср. переходъ общерусскаго dobrѣ̂i, откуда великор. dobroi̯, въ малорусскомъ въ dobryi̯), но кромѣ того они имѣли при себѣ сочетанія рь̆, рѣ̆, ль̆, лѣ̆ со слабыми ъ̆, ѣ̆ и неслоговыми р̯, л̯, возникавшія подъ вліяніемъ аналогіи сочетаній рь, рѣ, ль, лѣ съ сильными ъ̂, ѣ̂ и неслоговыми р̯, л̯ въ сильномъ положеніи. Тогда какъ въ малор. при dr̯̂va, kr̯̂sta, kr̯̂vi, sl̯̂za издавна существовало произношеніе dr̯̆va, kr̯̆sta, kr̯̆vi, sl̯̆za (подъ вліяніемъ dr̯̆vъ̆, kr̯̆vь̆, sl̯̆zь̆, kr̯̆stъ̆), въ сѣверноруссн. и восточноруссномъ нарѣчіи такое параллельное произношеніе было неизвѣстно; dr̯̂va, kr̯̂sta, kr̯̂vi, sl̯̂za фонетически измѣнились въ сѣверноруссномъ и восточноруссномъ въ drova, kŕesta, kroví, sĺeza, въ малорусскомъ въ dryva. Криста, крови, слина. Но кромѣ того въ малорусскомъ явились неизвѣстныя въ другихъ русскихъ говорахъ дрва, крста, крви, слза; такое произношеніе засвидѣтельствовано и современными говорами и памятниками. Отсюда видно, что котить, котяти, водокша могли фонетически явиться только въ малорусскомъ. Появленіе ихъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ объясняется заимствова-

ніемъ изъ церковнаго языка, который въ свою очередь получилъ ихъ изъ малорусскаго.

Возможно, что произношеніе позволить, дозволить, вызволить возникло въ книжномъ языкѣ также подъ вліяніемъ малорусскаго; малорусы произносили пожаволить - пойзволить; дальнѣйшій пропускъ й передъ группой согласныхъ явился уже на великорусской почвѣ; ср. произношеніе пожалуста вмѣсто пожалуйста.

О заимствованіяхъ, проникшихъ въ литературный языкъ.

Въ этой главѣ я не касаюсь тѣхъ заимствованій, которыя вошли въ литературный языкъ вмѣстѣ съ его церковнославянской основой; объ этихъ заимствованіяхъ изъ греческаго языка я говорилъ выше; они неотдѣлимы отъ церковнославянизмовъ. Равнымъ образомъ оставляю въ сторонѣ заимствованія изъ финскихъ, тюркскихъ и другихъ языковъ, которыя вошли въ литературное нарѣчіе вмѣстѣ съ другими русскими элементами изъ живой среды окружавшихъ его р. говоровъ (имѣю въ виду такія заимствованія какъ толокно, лошадь, утюгъ, кушакъ, сашка, ковшъ, ендова, кувшинъ, курганъ, аргамакъ, армякъ): эти заимствованія неотдѣлимы отъ русскихъ элементовъ съ точки зрѣнія литер. языка. Я имѣю въ виду тѣ заимствованія, которыя вошли въ литер. языкъ, минуя и церковнослав. языкъ и русскія нарѣчія, и укоренившись впервые въ языкѣ книжномъ стали фактически или потенціально достояніемъ великорусскаго языка вообще, великорусскихъ говоровъ, заимствующихъ эти слова вмѣстѣ съ другими книжными элементами изъ литер. языка. Подобныя заимствованія почти всѣ проникли въ нашъ литературный языкъ вмѣстѣ съ культурными вліяніями западной Европы, начиная съ XIV вѣка. Сначала глав-

нимъ источникомъ заимствованій былъ греческій языкъ, вліявшій на нашъ литературный и непосредственно, благодаря оживившимся сношеніямъ съ Византіей въ XIV - XV в., и посредствомъ южныхъ Славянъ. Вѣроятно, можно указать рядъ греческихъ книжныхъ словъ, перешедшихъ въ русскій церковнослав. языкъ и неизвѣстныхъ въ древнемъ болгарскомъ языкѣ: ср. (Россія) лагунъ (корыто, бочка, кадь) изъ λάγυνος, литавры изъ *πολυταυρέα, лавръ изъ λαῦρος, корманъ изъ , скрыня, скринька изъ , фонарь изъ греч. . Позже, когда мы вошли въ непосредственныя сношенія съ западной Европой къ намъ хлынуло много романскихъ словъ черезъ посредство итальянцевъ, нѣмцевъ, поляковъ; въ числѣ ихъ были и латинскія слова. Въ XVII в.: оптека, персона, майстеръ, магистръ, гарнецъ (польск. garniec). Въ XVII вѣкѣ видимъ уже значительное число заимствованій изъ германскихъ языковъ въ особенности для выраженія понятій въ разныхъ областяхъ техники. При Петрѣ Великомъ вмѣстѣ съ новыми, иноземными понятіями вторгается весьма много западноевропейскихъ словъ. Поляки играли здѣсь, какъ и раньше, довольно значительную роль въ смыслѣ посредничества (напр. музыка несомнѣнно отъ поляковъ, а не прямо съ нѣмецкаго или французскаго), также цырульникъ, мизерный. Съ польскаго: писарь, лѣкарь (какъ показываетъ ихъ удареніе); опека; м.б. офицеръ, своимъ удареніемъ во мн. свидѣтельствующее объ офицеръ; мѣшкать; банка (польск. banka) и др. Приведу нѣсколько примѣровъ для словъ, иностраннаго западноевропейскаго происхожденія, существовавшихъ уже при Петрѣ Великомъ: атака, ассигновать, ассамблея, аудиторъ, балансъ, багинетъ (польск. bagnet, фр. baionette), базаменто (итальянск. basamento, сплошной пьедесталъ), балберъ (поль-

balbierz изъ нѣмецк. Barbier), брустверъ (нѣм. Brustwehr: ограда для прикрытія), рецидивъ, принципъ, трактиръ. См. Н.А. Смирновъ, Зап. вліяніе на русск. языкъ въ Петровскую эпоху. СПБ. 1910. Въ теченіе всего XVIII вѣка приливъ французскихъ и нѣмецкихъ словъ не прекращался, при чемъ заимствовались не только слова, необходимыя для выраженія новыхъ понятій въ области техники и культуры, но также и такія, которыя имѣли при себѣ въ русскомъ языкѣ равнозначущія или почти равнозначущія синонимы; въ свѣтскомъ обществѣ явилось стремленіе отдѣлиться отъ простонароднаго, избѣгать "подлаго", т.е. обыденныя, простыя выраженія, замѣняя ихъ болѣе вычурными и прежде всего иноземными. Ср. напр. въ концѣ XVIIIв. слова какъ резонъ, консидерація, натура, воякъ. Въ XIX вѣкѣ, благодаря болѣе національному и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе демократическому направленію въ литературѣ и просвѣщенія, излишнимъ заимствованіямъ въ области обыденныхъ понятій кладется предѣлъ, но за то успѣхи научной и политической мысли, самостоятельныя работы въ относящихся сюда областяхъ, вызываютъ необходимость въ постоянномъ пополненіи языка новыми заимствованіями изъ западноевроп. языковъ. Если примемъ во вниманіе научные термины въ области естественно-историческихъ наукъ и прикладныхъ знаній, то число иноземныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, доступныхъ употребленію въ русской рѣчи, окажется едва ли меньшимъ въ особенности въ литер. рѣчи содержащихся въ ней русскихъ и церковнослав. элементовъ. Каждому изъ насъ знакомы въ извѣстн. степени эти иностранныя слова, вторгшіяся въ русскій языкъ; не буду приводить для нихъ примѣровъ.

Листъ 5-й. Очерки совр. русскаго литературн. языка. А.А. Шахматовъ.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЗРТЕЛЕВЪ И. Т.

Такимъ образомъ въ области лексики, благодаря заимствованіямъ изъ западноевроп. языковъ, литер. языкъ нашъ по сравненію даже съ XVII вѣкомъ совершенно преобразился. Оказали ли однако иноземные языки вліяніе на другія стороны языка, на его фонетику, морфологію, словообразованія, синтаксисъ? Въ области синтаксиса издавна уже отмѣчалось наблюдателями значительное число галлицизмовъ, т.е. оборотовъ, заимствованныхъ изъ французскаго языка; много галлицизмовъ было забыто, оставлено, но нѣкоторые сохранились до сихъ поръ. Въ словообразованіи отмѣтимъ напр. заимствованіе глагольнаго суффикса -ир- (русск.-ировать, -ирую), при чемъ онъ присоединяется иногда уже на русской почвѣ къ иностраннымъ корнямъ: агитировать, препарировать, спеціализироваться, пропагандировать, руссифицировать и т.д.; отглагольныя существит. на -ація: руссификація, спеціализація, провокація, фиксація, денаціонализація, полонизація, германизація. Слово выглядѣть, выгляжу, выглядить оказывается русскимъ переводомъ нѣмецкаго aussehen, sieht aus, при чемъ нашъ глаголъ, несмотря на свое сложеніе съ предлогомъ вы-, сохранилъ значеніе несовершеннаго вида (подъ вліяніемъ нѣмецкаго). Выраженіе имѣетъ быть, имѣютъ явиться едва ли не съ польскаго (Овс. Кул. с.117). Въ области морфологіи едва ли можетъ быть обнаружено иностранное вліяніе. Ломоносовъ Гр. §216 признаетъ превосходныя съ приложеніемъ наи новыми, съ Польскаго языка взятыми: наилутчій, наичистѣйшій и говоритъ, что они Россійскому слуху непріятны. Но фонетика обогатилась и обогащается рядомъ новыхъ звуковъ, что зависитъ отчасти отъ того, что иностранныя слова произносятся многими по иностранному. Ср. напр. появленіе въ иностран. словахъ сочетаній твердая согласная съ

звукомъ е; произношеніе тэма, профэсор или прафэсор довольно обычно у представителей образованныхъ классовъ. Вообще иностранное ц передъ і, сохраняя свою твердость, превращаетъ і въ и: цирк, цифра, порция, лекция, но нерѣдко услышимъ и сочетаніе ц твердое + і: циркуль, Цицерон. Вмѣсто -ция въ словахъ, какъ лекция, Турция, извѣстно и ция: лекция, Турция. Кромѣ того, многіе замѣняютъ -ция сочетаніемъ т'ja, т'i̯a и произносятъ нат'i̯a вмѣсто нация, смягчая и предшествующія т согласныя, напр. Фран'т'i̯a, стан'т'i̯a. Обычно сочетаніе рн послѣ согласныхъ: принц, принцип, но рядомъ и рн: принц. Нѣкоторыми произносится ӧ въ словахъ какъ бронӧра, бӧнаръ, бӧро. Въ послѣднемъ словѣ слышится по французскому произношенію напряженное (закрытое)о : бӧро̂, ср. тоже въ д'ено̂. Въ словахъ финансы, авансом, провенансы нерѣдко вмѣсто ан носовое а: финасы, авасом. Двойныя согласныя: искусство, аллея.

Глава . Діалектическіе элементы въ литер. языкѣ.

Какъ ясно изъ предыдущаго, всѣ русскіе элементы нашего литер. языка, должны быть признаны великорусскими, въ частности московскими. Лишь кое-что перешло въ него изъ отдаленныхъ эпохъ малорусское. Но широкое распространеніе литер. языка на всю область занятую великорусами, вторженіе путемъ печати, школы, администраціи также и въ бѣлорусскую и малорусскую области сдѣлали нашъ литер. языкъ достояніемъ людей разнообразныхъ нарѣчныхъ группъ. Говоря литер. языкомъ, какъ своимъ роднымъ, уроженцы мѣстностей болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ Москвы, а въ особенности тѣ, которые научились литер. языку преимущественно

изъ книгъ и изъ школы, не употребляя его съ малолѣтства, сохраняютъ въ своемъ произношеніи рядъ мѣстныхъ, областныхъ чертъ. Сѣвернорусы съ трудомъ привыкаютъ къ аканью, произнося по старинному о, гдѣ того требуетъ этимологія, на мѣстѣ московскаго а: гора́, нога́, галова́. Южновеликорусы упорно сохраняютъ х въ концѣ словъ на мѣстѣ этимологическаго г, хотя сравнительно легко (въ виду того, что это свойственно и мѣстнымъ южновеликорусскимъ говорамъ) отдѣлываются отъ произношенія г какъ фрикативной согласной: друх, сапох. Гораздо рѣже услышимъ въ говорѣ образованныхъ людей т' въ 3л. ед. и мн., какъ южновелик. черту: идёт', шумит', сидят'. Малорусы, говоря на литер. языкѣ, не могутъ отдѣлаться отъ звонкихъ шумныхъ согласныхъ въ концѣ слова (такое произношеніе свойственно преимущественно восточноукр. говорамъ): суд, мёд, народ; съ трудомъ они избавляются отъ фрикативнаго γ или h на мѣстѣ г: γора́ (hора́); е въ концѣ слога они произносятъ какъ ў: роў, кроў, останоўка; такъ же какъ сѣвернорусы не всегда поддаются аканью: γора́ (но и γара́); не всегда смягчаютъ согласныя передъ е: сэрце. Бѣлорусы также удерживаютъ γ на мѣстѣ г, произносятъ е въ концѣ слога какъ ў; кромѣ того съ трудомъ отдѣлываются отъ твердаго р на мѣстѣ мягкаго: бу́ра, цара́, стари́к; стремясь произнести въ такихъ случаяхъ мягкое р, они впадаютъ иногда въ ошибку, замѣняя и исконно твердое р мягкимъ: крясный как ряк; мягкія т и д они произносятъ съ легкой ассибиляціей: цихо, дзень и т.д. - Объ этихъ діалектическихъ особенностяхъ въ рѣчи говорящихъ литературнымъ языкомъ мы будемъ говорить и дальше. Намъ придется упомянуть не одинъ разъ въ дальнѣйшемъ изложеніи о тѣхъ разновидностяхъ, которыя съ трудомъ пріурочиваются къ той или

другой діалектической области; сюда относится напр. діалектическое смягченіе губныхъ передъ мягкими зубными (зем'лю, дерев'ня вмѣсто обычнаго и московскаго произношенія землю, деревня), отвердѣніе губныхъ въ концѣ слова: сем; любоф, голуп, отвердѣніе губныхъ передъ мягкими средненебными согласными: немки, крепкіе, дефки, лафки, рюмки (вмѣсто обычнаго и моск. произношенія нем'ки, креп'кіе, деф'ки, лаф'ки, рюм'ки), отвердѣніе ф передъ твердыми губными и задненёбными: первый, серп, зеркало, церкофь, верх (при моск. пер'вый, сер'п, зер'кало, цер'кофь, вер'х), причемъ нерѣдко колебаніе въ предѣлахъ говоровъ (первай, серп, зеркало, черпать, смеркнуцца, верба, но цер'коф', вер'х, четвер'к), отвердѣніе зубныхъ передъ мягкими губными: тверь, дверь, двинут' (вмѣсто болѣе обычныхъ т'вер', д'вер', д'винут'); смягченіе задненёбныхъ, переходъ ихъ въ мягкія средненёбныя передъ мягкими зубными: лех'че, век'сель, протек'т'іа (вмѣсто болѣе обычныхъ лехче, вексель, протекцыя или протекцjа); произношеніе щ какъ ш'ч' вмѣсто болѣе обычнаго произношенія какъ ш'ш': веш'ч'и (а по московски веш'ш'и) и мн. др.

Глава . Объ архаическомъ и искусственномъ произношеніи.

Литер. языкъ, какъ всякій вообще письменный языкъ, менѣе подверженъ измѣненіямъ сравнительно съ живыми народными говорами въ особенности относительно, если принять во вниманіе, съ одной стороны, подверженность литер. языка многочисленнымъ діалектическимъ и иноземнымъ вліяніямъ, а съ другой изолированность того или иного народнаго говора. Традиціонное произношеніе выдерживается строже въ литер. языкѣ, частью благодаря болѣе строгимъ требова-

ніямъ со стороны общественной среды, а частью благодаря вліянію школы; послѣднее вліяніе тѣсно связано вообще съ вліяніемъ письменнаго изображенія звуковъ на ихъ произношеніе. Выше мы указывали уже на такое вліяніе: ср. книжное и искусственное произношеніе: отъ нея, у нея. Иногда письменное изображеніе дѣйствуетъ не консервативно, а напротивъ разрушительно: знакомясь изъ книгъ, газетъ, объявленій со словами жесть, атлетъ, русскіе люди читаютъ ихъ жесть, атлёт (ибо же, ле можно прочесть не только какъ же, ле, но и какъ жо, лё, ср. жесткій, полетъ).

Вліяніемъ традиціоннаго произношенія, частью поддержаннаго книжными написаніями, объясняются нѣкоторыя колебанія въ произношеніи тѣхъ или иныхъ звуковыхъ сочетаній въ лит. языкѣ. Такъ сочетанія чн въ рядѣ случаевъ произносятся какъ нн: молонный, прачешная, скушно, коринневый, гренневый, подсвѣшникъ, конешно, путонный, кромешный, горячешный, порядошный, лубошный; во вмѣстѣ съ тѣмъ въ рядѣ другихъ случаевъ держится чн: прочный, точный, восточный, замочный, рѣчно́й, молочно́й, печно́й, безупре́чный, подвѣне́чный, огуре́чный, проточный, встре́чный, удачный, поперечный и т.д. Принимая во вниманіе, что въ церковнослав. словахъ держится исключительно чн (млечный, мрачный, вѣчный), можно думать, что вообще чи - это книжное, церковнослав. произношеніе, а нн - русское, народное; но чн привилось и къ русскимъ словамъ, ср. удачный, дачный, поперечный. Въ сущности оно въ такихъ словахъ такъ же искусственно, какъ въ передкомъ произношеніи: конечно, скучно, молочные продукты.

Въ группѣ сти въ разговорномъ языкѣ систематически выпускается т; произношеніе мѣстный вм. и при мѣсный надо признать искус-

ственнымъ.

Глава . Звуковой составъ русскаго литер. языка.

Въ предыдущихъ главахъ внесены тѣ элементы, изъ которыхъ сложился звуковой составъ нашего языка. При этомъ выяснилось, что если словарный составъ его, на половину не русскій, а церковнослав., то звуковой составъ всецѣло русскій; въ нашъ языкъ не перешло особые изъ церковнославянскаго звуковъ, чуждыхъ русскому языку; со стороны фонетики церковнослав. языкъ обрусѣлъ очень скоро и чуждые русскому языку звуки русскіе люди стали произносить по своему: шт какъ ш (шч), ср. свое русское ш, жд какъ ж, а позже какъ жд (ср. русское жд въ словахъ какъ ждать, каждый), ѣ какъ е, носовые звуки какъ у, а, ѣ, полумягкія согласныя передъ гласными передняго ряда какъ мягкія, и т.д. Такимъ образомъ церковнослав. звуковъ въ нашемъ языкѣ нѣтъ; иноземное ф, перешедшее къ намъ черезъ посредство церковнаго языка, нашло себѣ соотвѣтствіе въ русскомъ ф изъ в въ концѣ слова и передъ глухими согласными. Но литер. языкъ, какъ мы видѣли, имѣетъ звукъ ѵ въ нѣсколькихъ книжныхъ словахъ: оно сохранилось въ немъ изъ того періода, когда въ церковнослав. языкѣ на Руси господствовало малорусское произношеніе. Прочіе звуки находятъ себѣ полное соотвѣтствіе въ звукахъ московскаго нарѣчія.

Перехожу къ обзору этихъ звуковъ. Оставляю въ сторонѣ общія свѣдѣнія о природѣ звуковъ человѣческой рѣчи, предполагая, что Вы найдете ихъ въ другихъ курсахъ проф. Бодуэна-де-Куртенэ, Вулича, Щербы. Разсмотрю отдѣльно гласныя и согласныя.

При произведеніи гласныхъ звуковъ артикулируютъ слѣдующіе органы рѣчи: *небная занавѣска:* она можетъ быть или приподнятой, опираясь о стѣнки гортани и преграждая такимъ образомъ воздуху до-

ступъ въ носовую область, или опущенной, предоставляя при этомъ выдыхаемому изъ легкихъ воздуху доступъ какъ въ область рта, такъ и носа. Приподнята занавѣска при произведеніи гласныхъ чистыхъ, неносовыхъ, каковыми являются всѣ вообще гласныя русскаго языка; опущена при носовыхъ гласныхъ, каковыхъ въ русскомъ литер. языкѣ нѣтъ; какъ мы видѣли, въ индивидуальномъ произношеніи встрѣчается носовое а въ иностр. словахъ франсэ, анасэ.

Губы могутъ образовать или болѣе или менѣе значительное воронкообразное округленіе, или болѣе или менѣе значительное продольное отверстіе, черезъ которое проходитъ выдыхаемый воздухъ изъ полости рта. Округленіе губъ сопровождаетъ такъ называемыя лабіализованныя гласныя: ы(у), о̂, о, ӓ, ӧ; онѣ складываются въ продольное отверстіе при произнесеніи гласныхъ нелабіализованныхъ а, у (ы), ӓ, э, і (и).

Нижняя челюсть можетъ находиться при произнесеніи разныхъ гласныхъ въ большемъ или меньшемъ удаленіи отъ верхней. Дальше всего это разстояніе при гласной а, ближе при о, э, еще ближе при ы, і.

Мягкое и твердое нёбо играютъ при произнесеніи гласныхъ пассивную роль, активная же принадлежитъ при этомъ языку. Языкъ въ той или другой части своей опираясь о мягкое (заднее) или твердое (переднее) нёбо видоизмѣняетъ такъ или иначе резонансъ полости рта. При этомъ возможны слѣдующія три главныя положенія: а) передняя часть (спинка) языка опирается о твердое (переднее) нёбо; въ результатѣ получаются гласныя передняго ряда или палатальныя: ӓ, э, і (нелабіализованныя), ӥ, ӧ (лабіализованныя); б) задняя часть (спинка) языка опирается о мягкое (заднее) нёбо; въ ре-

зультатѣ получаются гласныя задняго ряда или задненебныя: а (нелабіализованное), о, ᵘ (лабіализованныя), в) средняя часть (спинки) языка опирается о ту часть нёба, которая находится между заднимъ и переднимъ нёбомъ: — это средненёбныя гласныя или гласныя средняго ряда у (и) (нелабіализованное), ᵘ̈, ᵒ̈ (лабіализованныя). Возможны еще и другія менѣе рѣзко отдѣленныя другъ отъ друга положенія: артикуляція средней части языка о болѣе задняя часть нёба даетъ въ результатѣ гласныя задне-средненёбныя, артикуляція средней части языка о болѣе передняя часть нёба — гласныя передне-средненёбныя. Артикуляція языка можетъ быть при этомъ болѣе напряженной (мускулы языка болѣе натянуты) и менѣе напряженной (ослабленной); при большемъ напряженіи получаются гласныя напряженныя: â, ô, ê и т.д., при меньшемъ напряженіи — гласныя ненапряженныя: а, о, е и т.д., иначе гласныя напряженныя называются закрытыми, а ненапряженныя гласныя открытыми. Возможно, что отличіе между тѣми и другими гласными зиавается и другими одновременно дѣйствующими причинами, напр. положеніемъ нижней челюсти, которая при гласныхъ напряженныхъ приближается къ верхней челюсти больше, чѣмъ при гласныхъ ненапряженныхъ.

Въ литер. русскомъ языкѣ извѣстны слѣдующія гласныя (полнаго образованія).

а: задняго ряда нелабіал. ненапр. въ словахъ братъ, краса (подъ удар. и въ слогѣ передъ удар.)

â: задняго ряда напряженное извѣстно въ литер. языкѣ подъ удареніемъ передъ звукомъ ᵗ̈ въ концѣ слога: дал, бал, балка, галка, или въ положеніи передъ гласной неполнаго образованія (ᵃ): znâtᵗ̈ᵃ, ustâtᵗ̈ᵃ.

о: задняго ряда лабіализ. ненапр., напр. въ словахъ сон, мост, лицо, кожа (только подъ удареніемъ)

ô: задняго ряда лабіализованное напряженное извѣстно въ литер. языкѣ подъ удареніемъ передъ звукомъ ł въ концѣ слога: пол, стол, полка, иголка или въ положеніи передъ гласной неполнаго образованія, гôлаву, парôлα.

ы: задняго ряда лабіализованное произносится въ слогахъ неударяемыхъ: душа́, гуля́ть, суро́к.

û: задняго ряда лабіализованное напряженное въ слогахъ ударяемыхъ: ду́шу, гу́л, слух, а въ неударяемыхъ послѣ ł: луна́. Различіе между u и û мнѣ кажется менѣе значительнымъ, чѣмъ различіе между о и ô.

у средняго ряда нелабіализованное ненапряж. извѣстно въ слогахъ неударяемыхъ: сыро́й, сыно́к, дыми́т

ŷ средняго ряда нелабіализованное напряженное извѣстно въ удар. слогахъ: дым, сын, вы́збу

ė средняго ряда нелаб. ненапр. въ слогахъ неудар. (на мѣстѣ этимологическаго, правописнаго е): сėло́, сėстра́, вėду; подъ удареніемъ послѣ твердой согласной: tėk

ȧ средняго ряда нелаб. ненапр. въ слогахъ ударяемыхъ послѣ мягкихъ согласныхъ (пишется я): подрядъ, мясо

ȕ средняго ряда лабіализованное ненапр. въ слогахъ неударяемыхъ послѣ мягкихъ согласныхъ (пишется у, ю): чуда́к, сюда́, людско́й.

û̂ средняго ряда лабіализ. напряж. въ слогахъ удар. послѣ мягкихъ согласныхъ: чудо, отовсюду, рюмка

ȯ средняго ряда лабіализованное ненапр. въ слогахъ удар. послѣ

мягкихъ согласныхъ (пишется ё): мёдъ, сёстри.

ŷ переднесредняго ряда подъ удареніемъ между ш, ж и мягкой согласной: жизнь, шить, жить

і передн. ряда нелаб. ненапряж. въ неударяемыхъ слогахъ въ началѣ слова и послѣ гласныхъ: игла, хозяинъ, паинька.

î передняго ряда нелаб. напряж. въ слогахъ ударяемыхъ и неударяемыхъ послѣ мягкихъ согласныхъ, а также въ началѣ словъ подъ удареніемъ: тихо, тишмя, сила, писать, и́глу

е передняго ряда нелаб. ненапряж. въ ударяемыхъ слогахъ въ концѣ слова и передъ твердой согласной (е, ѣ): крестъ, мѣра, мнѣ.

ê передняго ряда нелаб. напряж. въ удар. слогахъ передъ мягкой согласной (е, ѣ): день, мѣрить, на сѣнѣ.

ä передняго ряда нелаб. ненапряж. въ ударяемыхъ слогахъ между мягкими согласными: пять, мячик, зять, окончаніе.

ü передняго ряда лаб. ненапряж. въ неударяемыхъ слогахъ между мягкими согласными: люде́й, люби́ть.

ü̂ передняго ряда лаб. напряж. въ ударяемыхъ слогахъ между мягкими согласными: лю́ди, лю́бить.

ö передняго ряда лаб. ненапряж. въ ударяемыхъ слогахъ между мягкими согласными (ё): тётя.

Замѣчанія о гласныхъ полнаго образованія. Вмѣсто ė средняго ряда, которое я слышу напр. въ своемъ произношеніи, какъ въ московскомъ нарѣчіи, такъ и въ литер. языкѣ употребляется и звукъ і (быть можетъ, ненапряженное), напр. виду, систра. Сомнѣваюсь, чтобы вмѣсто ė (или согласно предыдущему, также *и*) слышалось ê. - Возможно, что въ индивидуальномъ произношеніи ä, ü, ü̂, ö произносятся какъ а, *и*, *û*, о, но я слышу различные звуки

въ радъ и рядъ, саду и сяду, блуду и блюду, лот и лёт; звуки ä, u̇, û, ȯ предоставляются промежуточными между a, u, ū, o и между ä, ü, ǖ, ö. - Впрочемъ, мнѣ хорошо извѣстно, что рядъ лицъ въ положеніи между мягкими гласными не произноситъ правописныхъ я, ю, ё, какъ ä, ü, ǖ, ö, а какъ ȧ, u̇, û, ȯ, или даже какъ a, u, û, o; но въ моемъ произношеніи явственно различные звуки въ взять и взять, люди и людъ, тётя и тётка. Звукъ ä болѣе открытый звукъ чѣмъ e, чѣмъ ä въ нѣмецкомъ Bär; звукъ ü близокъ къ франц. u въ lune, нѣм. ü въ Sünde; звукъ ö близокъ къ франц. e въ un (гдѣ ö носовое), нѣм. ö въ Löffel. Возможно, что ŷ неизвѣстно въ индивидуальномъ произношеніи, но я произношу различно три звука послѣ ж (ž): франц. Gil, русск. жизнь и жыръ, жили и жилъ, чили и чилъ.

Замѣчу еще, что гласныя a, o, û, т.е. заднія, въ положеніи передъ согласными мягкими (палатальными) становятся въ конечной части артикуляціи близкими къ ȧ, ȯ, u̇: bab'i имѣетъ другое a, чѣмъ baba, dóc другое o, чѣмъ don (донъ), dúm другое u, чѣмъ dúra. Самостоятельнаго обозначенія оттѣнки такихъ a, o, û не требуютъ.

Кромѣ гласныхъ полнаго образованія русскій языкъ имѣетъ и гласныя неполнаго образованія, т.е. такія, при которыхъ органы рѣчи, хотя и настроены тѣмъ или другимъ соотвѣтственнымъ образомъ, но приближаются вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря не энергичной артикуляціи къ состоянію безразличія, покоя. Литер. языкъ имѣетъ нѣсколько гласныхъ съ ослабленной артикуляціей (напр. въ извѣстныхъ случаяхъ ослабленно произносятся гласныя i, u, y въ неударяемыхъ слогахъ), но болѣе опредѣленно выступаютъ слѣдующія двѣ гласныя: 1) a гласная ~~второго~~ ряда ненапряженная бо-

лѣе суженная, чѣмъ гласная α полнаго образованія, при чемъ, какъ увидимъ, различаются два оттѣнка - менѣе напряженный α (передъ слогомъ съ а): стаража́, гавари́ть и болѣе напряженный α̂ (передъ слогомъ съ i, u, y): старика́, галубо́й, барыши́. 2) ε гласная средняго ряда ненапряженная по условіямъ произношенія близкая къ ė, но представляющая ослабленную артикуляцію: v́ε-śėl'ic̄α (веселиться), ṕε tačók (пятачекъ).

При еще большемъ ослабленіи артикуляціи является такой гласный звукъ, который произносится при совершенномъ безразличномъ спокойномъ положеніи органовъ рѣчи, вслѣдствіе чего проходящій черезъ полость рта голосъ не измѣняется въ зависимости отъ того или иного резонанса; обозначу этотъ звукъ буквой Λ (ла) (перевернутое v слова vox): Kaz'l'onλčik.

Гласныя полнаго образованія производятся при тѣсномъ смыканіи въ гортани голосовыхъ связокъ; это производитъ треніе выдыхаемаго воздуха о вибрирующія связки, что и даетъ голосъ. Но если голосовыя связки смыкаются не тѣсно, а только приближаются болѣе или менѣе одна къ другой, то въ результатѣ прохожденія черезъ нихъ воздуха получается шопотъ; такъ являются и шопотомъ произносимыя гласныя. Гласныя α, ε шопотомъ произносятся почти такъ же, какъ въ громкомъ разговорѣ; отсюда видно, что при произношеніи ихъ наступаетъ не только ослабленіе артикуляціи органовъ рѣчи, но еще и шопотное положеніе голосовыхъ связокъ.

Наиболѣе узкія гласныя (а узость гласныхъ опредѣляется степенью приближенія спинки языка къ нёбу, почему о, е у́же, чѣмъ а; u, y, i у́же, чѣмъ о, е), т. е. u, y, i при еще большемъ су-

женія (еще большемъ приближеніи спинки языка къ нёбу), становятся звуками полугласными, по условіямъ образованія близкими къ согласнымъ. Въ русскомъ лит. языкѣ извѣстна полугласная *i*; она встрѣчается только въ неслоговомъ употребленіи, т.е. въ соединеніи съ гласной, причемъ гласная можетъ ей предшествовать или же слѣдовать за ней. Тѣ и другія сочетанія можно назвать дифтонгами, но собственно дифтонгами (разумѣя именно двугласныя) назовемъ сочетанія гласной съ послѣдующими i̯, ибо въ сочетаніяхъ i̯ съ послѣдующей гласной звукъ i̯ склоненъ вообще утратить функцію гласной, переходя въ согласную j; впрочемъ, русскій литер. языкъ вообще такого перехода не знаетъ. Такимъ образомъ находимъ сочетанія i̯ съ гласными задняго и передняго ряда: i̯a (причемъ a звучитъ чисто, не ȧ, ср. ядъ и мясо), i̯â (взъялъ), i̯o (iorš: ершъ), i̯ô (i̯ôška), i̯u (znai̯ut: знаютъ), i̯û (i̯ûnaša, pi̯ût), i̯î (i̯îx: ихъ), i̯e (i̯exat'), i̯ê (i̯êl'i: ёли), i̯ä (i̯ät': ять, назв. буквы), i̯ü (na i̯üg'i: на югѣ), i̯ö (s'emi̯öi̯: семьёй). Собственно дифтонги: ai̯ (dai̯: дай), oi̯ (stroi̯: строй), ûi̯ (bui̯nai̯: буйный), îi̯ (arud'îi̯nai̯: орудійный), êi̯ (bêi̯: бей), äi̯ (čäi̯: чай, val'äi̯: валяй), üi̯ (garüi̯: горюй), öi̯ (pɛt'ërnöi̯: пятернёй); ai̯: dobrai̯ (добрый), ɛi̯ (vypɛi̯: выпей). Кромѣ того русскій литер. языкъ имѣетъ u̯ извѣстное только въ дифтонгахъ âu̯, ôu̯ въ именахъ собственныхъ и заимствованныхъ словахъ: au̯kcyon (аукціонъ), Faustava (Фаустово), Jauza (Яуза), Brounaf (Броуновъ); тѣ же дифтонги âu̯, ôu̯, а также ûu̯, yu̯, îu̯ являются въ произношеніи тѣхъ лицъ, у которыхъ l въ концѣ слога замѣняется звукомъ u̯: dâu̯, bûu̯.

тельности; въ частности и гласныя могутъ быть долгими, полудолгими, краткими и полукраткими или очень краткими. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ долгихъ гласныхъ; подъ удареніемъ гласныя обыкновенно полудолги; такое именно впечатлѣніе они производятъ по сравненію съ кр. гласными другихъ языковъ, ср. нѣм. Kochen, Knochen, waschen, Ratte, Gasse, gucken, Zippen и русск. косу, ваши, погасли, гусли, липа; впрочемъ передъ двойной (долгой) мгнов. согласной гласная и въ русскомъ языкѣ кратка, напр. paruččik, proččii̯, діалект. tŕeťťii̯; они кратки и передъ нѣкоторыми группами согласныхъ, ср. točit съ полудолгимъ o, но točka съ краткимъ, dočeŕi съ полудолгимъ o, но dočka, pťačɛt съ полудолгимъ α, но zapťačkα съ краткимъ a подъ удареніемъ. Въ слогѣ передъ удареніемъ гласныя обыкновенно кратки: daská, pírok, sapók, gul'at', а въ остальныхъ неударяемыхъ слогахъ они, какъ кажется, вообще полукратки, при чемъ на мѣстѣ полукраткихъ a, o, e являются, какъ мы видѣли, гласныя неполнаго образованія α, ε: krαsatá, vɛlĭčiná, Kŭrαsl'ép, pĭvavár, rybaki, dɛs'ėt'i.

Звуки гласныя могутъ быть произносимы различно въ отношеніи къ ихъ силѣ; наиболѣе сильно произнесенная въ словахъ гласная называется ударяемою. Въ русскомъ литер. языкѣ, какъ видно изъ предыдущаго разбора, не всѣ гласныя являются подъ удареніемъ, а только нѣкоторыя, а именно въ ударяемыхъ слогахъ неизвѣстны, во-первыхъ, ненапряженныя гласныя u, y, ė, u̇, i̇, ü̇; во-вторыхъ, гласныя неполнаго образованія α, ε; напротивъ, въ неударяемыхъ слогахъ неизвѣстны: напряженныя гласныя â, ô, û (но ťûpa, ťûbok) ŷ, û̂, ü̂, ê и ненапряженныя o, ȯ, ö, e, ȧ, ä; одинаково и въ неудар. и въ ударяемыхъ слогахъ извѣстны только: a (внѣ ударенія только передъ удар. слогомъ), i. - Впрочемъ, въ словахъ слабоударяемыхъ, а таковыми явля-

ются слова со служебнымъ значеніемъ (союзы, нарѣчія), а также слова, потерявшія свое реальное значеніе (присловья), звуки α и ε могутъ употребляться и подъ (слабымъ, ослабленнымъ), удареніемъ: on znàčit, da oràt, ty màt, nu tæk, rad gæt' (т.е. радъ, говорить). Получая удареніе такое α переходитъ въ ė, наприм. въ словѣ tėk(тэкъ).

Согласныя. Главнымъ и существеннымъ отличіемъ согласныхъ отъ гласныхъ является наличность при произнесеніи первыхъ разнаго вида шумовъ въ полости рта, почти отсутствующихъ при произнесеніи гласныхъ; гласные звуки являются результатами измѣненія голоса (т.е. тренія выдыхаемаго воздуха о голосовыя связки) въ зависимости отъ того или иного резонанса, обусловленнаго тѣмъ или инымъ положеніемъ языка въ отношеніи къ нёбу, къ нёбной занавѣскѣ, въ отношеніи къ зѣву и т.д.; согласные звуки - это тѣ шумы, которые производитъ выдыхаемый воздухъ, упираясь о преградившій ему вполнѣ или отчасти выходъ изъ полости рта тотъ или иной органъ рѣчи (языкъ, губы). Но такъ какъ степени загражденія бываютъ различныя, отъ минимальнаго загражденія, при которомъ воздухъ проходитъ совершенно свободно, до полнаго загражденія, при которомъ воздуху для своего прохожденія приходится сдѣлать взрывъ преградившихъ ему ходъ органовъ рѣчи, то различіе между гласными и согласными оказывается относительнымъ; согласныя при произнесеніи которыхъ воздуху предоставлено свободное, малостѣсненное прохожденіе, оказываются близкими къ гласнымъ, отличаясь отъ нихъ тѣмъ, что свободная вообще струя стѣснена въ той или другой части полости рта; эти согласныя называются плавными и носовыми; дальше отстоятъ отъ гласныхъ тѣ

согласныя, при произношеніи которыхъ для прохожденія голоса оставлена узкая щель, при чемъ треніе воздуха о сомкнувшіеся органы рѣчи производитъ значительный шумъ; эти сочетанія назовемъ шумными фрикативными или длительными; еще дальше отстоятъ отъ гласныхъ тѣ согласныя, при произношеніи которыхъ полость рта замыкается въ той или иной части совсѣмъ, такъ что выдыхаемому воздуху для своего прохожденія приходится взрывать соотвѣтств. соединенія органовъ рѣчи; этотъ взрывъ производитъ тотъ шумъ, который называемъ согласной шумной взрывной или мгновенной. Такимъ образомъ взрывныя и фрикативныя согласныя объединяются общимъ представленіемъ о шумѣ въ полости рта, произведенномъ будь то взрывомъ, будь то треніемъ. Кромѣ того шумныя согласныя въ противоположность плавнымъ и носовымъ заключаютъ въ себѣ не только такія согласныя, при произношеніи которыхъ воздухъ, проходя черезъ голосовую щель, производитъ голосъ, но также и такія, которыя произносятся безъ участія голоса, т. е. при отсутсвіи соприкосновенія между голосов. связками: первыя изъ такихъ шумныхъ согласныхъ называются звонкими, а вторыя глухими. Правда, глухими могутъ быть также плавныя и носовыя, но только при наступленіи особыхъ условій, напр. въ томъ или иномъ ихъ соединеніи съ глухими шумными согласными; въ русскомъ языкѣ такія глухія плавныя и носовыя почти неизвѣстны. Итакъ разсмотримъ сначала плавныя и носовыя согласныя, а потомъ шумныя.

Плавныя и носовыя. Въ русскомъ языкѣ извѣстны слѣдующія плавныя: r, r', ℓ, l'. При произнесеніи r кончикъ языка прижима-

---

Листъ 6-й. Очеркъ совр. русск. литературнаго языка. А.А.Шахматовъ.

ЛИТ БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П "

ется къ твердому нёбу настолько неплотно, что выдыхаемый воздухъ, достигнувъ до образовавшагося затвора приводитъ кончикъ языка въ дрожаніе, устремляясь наружу черезъ получающееся при этомъ отверстіе; при произнесеніи r' къ твердому небу прижимается передняя часть спинки языка, которая подъ напоромъ воздуха приходитъ въ такое же дрожаніе, какъ кончикъ языка при произнесеніи r. Въ индивидуальномъ произношеніи встрѣчается и такое r, при произнесеніи котораго къ заднему (мягкому) нёбу прижимается задняя спинка языка, приходящая въ движеніе подъ напоромъ выдыхаемаго воздуха; такое задненёбное r можно условно изобразить буквой ϱ. Наконецъ, извѣстно и губное r, производимое при дрожаніи губъ: этотъ звукъ употребляется при останавливаніи лошадей. Звукъ t получается при прохожденіи воздуха въ одно или оба боковыя отверстія, оставленныя языкомъ, своей переднею стѣнкою плотно прижавшимся къ твердому (переднему) нёбу и касающимся пространства за верхн. рядомъ зубовъ своимъ кончикомъ, а задней своей частью опирающимся о мягкое (заднее) нёбо: bos! tan! Западноевр. l (французское, нѣмецкое) неизвѣстно литерат. русск. языку: оно отличается отъ русскаго тѣмъ, что языкъ опирается своимъ кончикомъ въ переднее нёбо (а не въ область за верхними зубами), оставаясь въ задней своей части въ нормальномъ, не приподнятомъ положеніи. Близко по условіямъ образованія къ европ. l русское l': языкъ опирается въ переднее нёбо не своимъ кончикомъ, а передней частью своей спинки.

Носовыя n и m въ полости рта преграждаютъ воздуху свободное прохожденіе плотнымъ затворомъ, образуемымъ при n кончи-

комъ языка, прижавшимся къ дуночной области, т.е. къ мясистымъ частямъ, въ которыхъ сидятъ верхніе зубы, а при m сближеніемъ нижней и верхней губы; эти затворы взрываются воздухомъ, но отличаются n и m отъ соотвѣтствующихъ зубныхъ и губныхъ взрывныхъ тѣмъ, что воздухъ свободно устремляется при ихъ произнесеніи черезъ носовую полость между тѣмъ какъ при произнесеніи взрывныхъ согласныхъ нёбная занавѣска поднята и преграждаетъ воздуху доступъ въ носовую полость. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ, извѣстно еще задненёбное n (ŋ), при произнесеніи котораго происходитъ затворъ, образуемый прижатіемъ задней спинки языка къ мягкому нёбу, взрываемый затѣмъ выдыхаемой струей воздуха, одновременно устремляющемся въ полость носа; быть можетъ, именно такое ŋ слышится въ словѣ коŋка въ индив. произношеніи. Мягкое n' отличается отъ n тѣмъ, что къ твердому нёбу прижимается передняя часть спинки языка, а при произнесеніи мягкаго m' точно также прижимается къ твердому нёбу передняя часть спинки языка, между тѣмъ какъ кончикъ языка опирается о заднюю часть нижняго ряда зубовъ.

Плавныя и носовыя, какъ видно изъ предложеннаго ихъ описанія, въ существенныхъ чертахъ сближаются съ гласными, а именно тѣмъ, что выдыхаемая струя воздуха проходитъ свободно или черезъ носовую полость (при произнесеніи носовыхъ, ср. носовыя гласныя), или черезъ полость рта (при произнесеніи плавныхъ); но съ согласными они сближаются тѣмъ, что при произнесеніи ихъ слышатся шумы, однородныя съ тѣми, которыя наблюдаются при шумныхъ согласныхъ и производящіеся или взрывомъ (при m, n, ŋ) или дрожаніемъ кончика языка (при), или наконецъ треніемъ о стѣнки по-

лости рта (при t, l). Близость физіологическая къ гласнымъ объясняетъ, почему во многихъ языкахъ плавныя и носовыя выступаютъ въ качествѣ слоговыхъ звуковъ, т.е. главныхъ звуковъ въ слогѣ, между тѣмъ какъ обыкновенно эти функціи составляютъ удѣлъ гласныхъ звуковъ. Въ русскомъ языкѣ плавныя и носовыя неизвѣстны въ качествѣ слоговыхъ. Съ другой стороны отличіе плавныхъ и носовыхъ отъ гласныхъ объясняетъ возможность появленія ихъ безголосныхъ оттѣнковъ; безъ голоса (т.е. безъ вибраціи голосовыхъ связокъ) нѣтъ гласныхъ, при отсутствіи звучащаго голоса не можетъ быть произведенъ гласный звукъ; напротивъ, шумы при произношеніи плавныхъ и носовыхъ играютъ такое существенное значеніе, что эти звуки не теряютъ своей природы и при отсутствіи голоса, т.е. звучащей струи. Глухія r, l, n, m встрѣчаются вообще рѣдко; въ русскомъ языкѣ они появляются въ концѣ слова послѣ глухихъ согласныхъ, ср. глухое r въ Пётр (откуда и Пёт), рупль (откуда и руп, рупь), драхм (примѣръ проф. Богородицкаго).

Шумныя согласныя распадаются на нѣсколько категорій, сообразно съ мѣстомъ неполнаго (при фрикативныхъ) или полнаго (при взрывныхъ) затвора органовъ рѣчи. Активную артикуляцію проявляетъ при этомъ нижняя губа, языкъ и заднее нёбо. При полной, интенсивной вибраціи голосовыхъ связокъ, получаются звонкія шумныя согласныя (въ громкомъ разговорѣ), при слабой вибраціи ихъ шумныя согласныя, произносимыя шопотомъ, а при отсутствіи всякой вибраціи связокъ получаются согласныя глухія. Такимъ образомъ въ каждой категоріи шумныхъ, опредѣляемой мѣстомъ затвора, полнаго или съ протокомъ, различаются звонкія и глухія согласныя. Сообразно съ активнымъ выступленіемъ нижней губы, языка и

мягкаго нёба, шумныя согласныя распадаются на губныя, язычныя и такъ называемыя фаукальныя отъ лат. слова faux: зѣвъ (ибо мягкое нёбо артикулируетъ о заднюю стѣнку зѣва).

Разсмотрю отдѣльно каждую изъ этихъ категорій.

Губныя могутъ быть губно-губными или губно-зубными, въ зависимости отъ того, примыкаетъ ли нижняя губа къ верхней губѣ или къ верхнему ряду зубовъ. Въ русск. литер. языкѣ соединеніе обѣихъ губъ производитъ полный затворъ; такимъ образомъ получаются губно-губныя звонкое b и глухое p (ср. выше носовое m); напротивъ, соединеніе нижней губы съ верхнимъ рядомъ зубовъ даетъ затворъ съ протокомъ: такъ получаются губно-зубныя звонкое v и глухое f. Рядомъ съ твердыми b, p, v, f извѣстны и мягкія: при произнесеніи ихъ передняя часть спинки языка одновременно съ соотвѣтств. губной артикуляціей прижимается къ твердому небу; bok, pas, vol, frant; bíč, péro, vás (вязъ), fêi̯α (фея).

Язычныя различаются по тѣмъ областямъ нёба, о которыя оперируетъ языкъ, и по тѣмъ частямъ языка, которыя активно артикулируютъ. Во-первыхъ, это зазубныя: кончикъ языка артикулируетъ о пространство, находящееся непосредственно за верхнимъ рядомъ зубовъ; при полномъ затворѣ получаются взрывныя звонкое d и глухое , при затворѣ съ протокомъ - фрикативныя звонкое z и глухое s (ср. выше носовое n). Во-вторыхъ, это альвеолярныя: кончикъ языка артикулируетъ объ альвеолы (зубныя лунки) заднихъ зубовъ; при затворѣ съ протокомъ получаются - фрикативныя звонкое ž и глухое š (иначе, они называются шипящими въ противоположность свистящимъ s и z). Въ третьихъ, это какуминальныя: нижняя часть загнутаго назадъ кончика языка артикулируетъ объ альвеолы; взрыв-

ныя ḍ, ṭ, фрикативныя ẓ̌, ṣ̌ встрѣчаются только въ индивидуальномъ произношеніи говорящихъ литер. языкомъ. Въ четвертыхъ, это смягченныя зубныя: одновременно съ артикуляціей, производящею зубныя твердыя, передняя часть спинки языка прижимается къ твердому нёбу: взрывныя d', t', фрикативныя z', s'. Въ пятыхъ, это смягченныя альвеолярныя (шипящія): одновременно съ артикуляціей, производящею альвеолярныя твердыя, передняя часть спинки языка прижимается къ твердому нёбу: фрикативныя ž̌, š̌; смягченныя согласныя встрѣчаются частью только въ индивидуальномъ произношеніи (напр. naśměšník), частью же только въ долгомъ видѣ (двойныя ž̌, š̌ изображаемыя буквами жж, зж и щ). Въ шестыхъ, средненёбныя смягченныя: средняя часть спинки языка прижимается къ передней части средняго нёба: взрывныя ǵ, ḱ, фрикативныя j, χ́; въ русск. литер. языкѣ отсутствуютъ средненёбныя несмягченныя, при произнесеніи которыхъ средняя часть спинки языка прижимается вообще къ среднему нёбу, а не только къ передней его части. Въ седьмыхъ, задненёбныя согласныя: задняя часть спинки языка артикулируетъ о заднее (мягкое) нёбо: взрывныя g, k, фрикативныя γ, χ (ср. выше носовое ŋ).

Фаукальныя согласныя производятся взрывомъ полнаго затвора, образуемаго соприкосновеніемъ мягкаго нёба къ задней стѣнкѣ зѣва. Онѣ встрѣчаются только въ соединеніяхъ съ послѣдующими n и n̥ на мѣстѣ этимологическихъ t, p (глухіе фаукальные) и d, b (звонкіе фаукальные); какъ мы знаемъ, взрывъ n происходитъ тамъ же, гдѣ взрывъ t, d, а взрывъ m тамъ же, гдѣ взрывъ p, b; въ сочетаніяхъ tn, dn и pm bm вмѣсто взрыва свойственнаго звукамъ t, d и p, b получается взрывъ преграждающей воздуху доступъ въ носовую область

небной занавѣски (задней части мягкаго неба), прижавшейся къ задней стѣнкѣ зѣва. Ср. фаукальныя согласныя (обозначаю глухой звукъ знакомъ –, а звонкій знакомъ + надъ строкой) въ par'noi̯, a⁺man, a⁺nako).

Кромѣ перечисленныхъ простыхъ согласныхъ русскій языкъ имѣетъ нѣсколько слитныхъ согласныхъ, называемыхъ *аффрикатами*; они образуются изъ тѣснаго соединенія взрывной съ соотвѣтствующей фрикативной, при чемъ въ результатѣ такого соединенія является нѣсколько ослабленное произношеніе взрывной; сюда относятся аффрикаты: c (пишется ц), разлагающееся на ts и ʒ (пишется дз, напр. въ фамиліи Модзалевскій или въ словахъ какъ подзадоривать, подзывать), разлагающееся на dz; далѣе: č (пишется ч), разлагающееся на t (очевидно не зубное, а альвеолярное) и š и ǯ (пишется дж, напр. въ поджаривать), разлагающееся на альвеолярное d и ž. Впрочемъ, č извѣстно въ литер. языкѣ въ мягкомъ видѣ (ć) и представляетъ, слѣдовательно, соединеніе t съ ś. Остальныя аффрикаты тверды, хотя возможно, что въ индивид. произношеніи c при извѣстныхъ условіяхъ мягко (напр. въ словѣ b'ect'vije, roct'venik). Равнымъ образомъ индив. произношеніе źź какъ źǯ (напр. poźǯe) знаетъ мягкое ǯ (ср. ść вм. обычнаго śś).

Носовые, плавные и шумные согласные могутъ употребляться не только въ краткомъ, но и въ долгомъ видѣ. Долгіе согласные въ русскомъ литер. языкѣ получаются или изъ соединенія двухъ краткихъ, напр. kaménai̯ вм. kamen-nai̯, s̄ora вм. ssora, s̄ynam, z̄'imy (первая часть z твердая, а вторая смягченная), ḡatavě, padakiɣat' (знакъ долготы можно ставить надъ буквой и подъ ней), или подъ вліяніемъ аналогіи: d'erevanai̯, atavanai̯ (ср. kamennai̯, ramonai̯,

sukoñai). Кромѣ того, находимъ ñ въ церковнослав. по происхожденію причастіяхъ страд. залога: učeñ'oñei, prodañai. Также въ иностранныхъ словахъ: kasa, presa, vana, t'el'egrama. Впрочемъ, t и l' въ иностранныхъ словахъ обыкновенно упрощаются: al'eja, batast, il'ustracija; произношеніе съ двойной согласной представляется искусственнымъ, слишкомъ книжнымъ.

Рядъ дополнительныхъ замѣчаній объ употребленіи въ русскомъ литер. языкѣ гласныхъ и согласныхъ будетъ сообщенъ ниже при обзорѣ: 1) дѣйствующихъ въ настоящее время звуковыхъ законовъ, 2) нѣкоторыхъ пережитыхъ моск. нарѣчіемъ звуковыхъ процессовъ въ прошломъ.

. Дѣйствующіе въ настоящее время въ совр. литер. языкѣ звуковые законы.

Строго говоря въ языкѣ неиндивидуальномъ нѣтъ активныхъ звуковыхъ законовъ. Они зарождаются въ индивидуальномъ языкѣ, какъ вообще измѣненіе въ языкѣ, передаваясь языку окружающей среды путемъ подражанія въ томъ случаѣ, если эти измѣненія отвѣчаетъ уже сложившимся въ языкѣ индивидуумовъ, входящихъ въ эту среду, условіямъ. Среда сдерживаетъ разрушительный процессъ, вносящійся въ языкъ каждымъ говорящимъ, рѣшительно осуждая и отвергая всякое измѣненіе неожиданное, не оправдываемое психологическими и физіологическими условіями, общими для всей окружающей среды, и принимая то, что естественно вытекаетъ изъ этихъ условия. Закономѣрность въ явленіяхъ языка сказывается не въ томъ активн. процессѣ, кот. ведетъ за собой измѣненія въ звукахъ и формахъ яз., а въ томъ пассивн. процессѣ, кот. регулируетъ ихъ, вноситъ согласованіе съ дѣйств. нормами, распространяясь на одпор. случаи.

Этотъ пассивный процессъ принадлежитъ коллективной средѣ говорящихъ (составляющихъ семью, общину, племя, народъ), между тѣмъ какъ активный процессъ зарождается въ языкѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, инвентирующихъ средѣ своимъ соціальнымъ положеніемъ, своимъ умомъ, талантами, образованіемъ (культурностью). Разсматривая дѣйствующіе въ настоящее время звуковые законы, мы имѣемъ въ виду тѣ пассивные процессы, которые могутъ быть наблюдаемы напр. при вторженіи въ языкъ того или иного элемента (иноязычнаго, инонарѣчнаго), не согласованнаго съ другими сходными, однородными элементами; подъ дѣйствіемъ указанныхъ пассивныхъ процессовъ измѣняются звуки вторгшагося чужероднаго элемента, они замѣняются звуками, согласованными съ существующею и живущею въ языковомъ представленіи говорящихъ нормою. Такъ заимствуя иностранное слово la comète (фр.), русскій языкъ, въ силу дѣйствующихъ въ немъ лексикологическихъ и морфологическихъ нормъ, переводитъ его въ разрядъ др. словъ съ окончаніемъ -а: Комета; но сочетаніе те чуждо русскому языку; оно замѣняется поэтому сочетаніемъ ть; отсюда заключаемъ, что въ русскомъ языкѣ дѣйствуетъ законъ о смягченіи согласныхъ передъ е; онъ такъ же живутъ, какъ и въ общерусскомъ праязыкѣ, когда его можно впервые наблюсти, но разумѣется, живучесть эта пассивная, а не активная; мы измѣняемъ Ко ete въ Комета въ силу подражанія господствующей нормѣ и то же имѣло мѣсто въ общер. праязыкѣ; активный процессъ имѣлъ мѣсто въ общер. эпоху въ индив. языкѣ тѣхъ или иныхъ лицъ; обобщенъ же онъ, проникнувши во всѣ слова языка, уже въ силу пассивнаго процесса говорящей средн. Въ совр. языкѣ Комета не перейдетъ далѣе въ *Комота, между тѣмъ какъ въ языкѣ стариннаго періода такой переходъ былъ бы необходимъ (ср. P'etr вм. P'etrъ,

S't'ора вм. S't'ера, svokta вм. svekta, греч. σεῦκλον; очевидно, въ настоящее время уже не дѣйствуетъ процессъ, по которому нѣкогда всякое е въ положеніи послѣ мягкой согласной и передъ твердой измѣнялось въ е. Слово Kométa въ нашемъ литер. языкѣ звучитъ Kaméta въ силу того, что въ слогѣ предударномъ о измѣняется у насъ въ а (ср. vadá, Kaléno); измѣняя Kométa въ Kaméta мы подчинили заимствованное слово господствующей звуковой нормѣ и заключаемъ отсюда, что въ числѣ дѣйствующихъ въ настоящее время законовъ находится и законъ о переходѣ о въ а въ предударномъ слогѣ. Правда, мы говоримъ sonet (а не sanet), но сохраненіе здѣсь иностраннаго произношенія зависитъ отъ того, что это слово не вошло въ обыденную рѣчь; оно такъ же мало противорѣчитъ утвержденію о наличности закона, по которому предударное о переходитъ въ а, какъ произношеніе профэсор, тэма съ несмягченными ф, т. Слово парадъ (фр. la parade, нѣм. die Parade) мы произносимъ парат съ t вмѣсто конечнаго д въ силу закона, по которому звонкія шумныя согласныя становятся глухими въ концѣ слова: законъ этотъ признаемъ дѣйствующимъ; говоря по французски мы произнесемъ la limonade, la commode, la méthode, le club, l'étage, по русски – l'imonat, kamot, métat, Kłup, etaš, и это въ силу дѣйствующихъ и въ настоящее время законовъ. Такимъ образомъ видимъ, что анализъ совр. языка приводитъ къ обнаруженію какъ звук. законовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время, такъ и законовъ, дѣйствовавшихъ въ прошедшія эпохи.

Приведу рядъ дѣйствующихъ въ настоящее время законовъ, разсмотрѣвъ сначала законы, относящіеся только къ употребленію гласныхъ, затѣмъ законы, относящіеся къ употребленію согласныхъ, далѣе законы, относящіеся къ соединенію гласныхъ и согласныхъ между

собою, наконецъ, законы, относящіеся къ соединенію глас. между собою.

1. Гласная у (ы) не терпима въ началѣ слова и слога и извѣстна только послѣ согласныхъ.

2. Гласныя ŷ, û, ü̂, ü̂ извѣстны только подъ удареніемъ; въ неударяемыхъ слогахъ имъ соотвѣтствуютъ ненапряженнымъ у, u, u̇, ü: dûšu, sŷnα, но dušá, synók.

3. Гласныя о, ȯ, ö̈ извѣстны только подъ удареніемъ: most, t'ȯtkα, t'öt'α.

4. Въ слогѣ предударномъ вмѣсто о является а: mastý, gadók, ťavít', pragrés.

5. Въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ вмѣсто о и а является α: mαstavái̯α, stαríká, naxadít', ťóvαk, sťóvα, prαpagándα.

6. Начальное α, однако, замѣняется черезъ а: ad'inók, afséca, ab'ižát', astaróžnα.

7. Звукъ ė на мѣстѣ этимологическаго е и др. является въ предударномъ слогѣ; въ другихъ неударяемыхъ слогахъ ему соотвѣтствуетъ ε: l'ėt'êt', výl'εt'εť, vεl'ičiná.

8. Звукъ і напряженъ въ началѣ слова подъ удареніемъ: îva, ненапряженъ въ неудар. слогѣ, напр. iván, igrá. Послѣ гласной і внѣ ударенія ненапряженно: vóin, xazäin, но voînstvénαi̯.

9. Гласныя о, а подъ удареніемъ становятся напряженными (ô, â) въ положеніи передъ ť, стоящимъ въ концѣ слога или передъ гласной неполнаго образованія: bâťkα, bâťαvαt', igôťkα, goťαvu.
Такъ же въ положеніи передъ u въ нѣкоторыхъ заимств. именахъ и словахъ: Brâu̯n, Fâu̯stαvα, Brôu̯nαf.

10. Гласныя задняго ряда а, о, u подъ удареніемъ переходятъ въ въ гласныя средняго ряда послѣ смягченныхъ согласныхъ, а именно

въ ȧ, ȯ, ȗ: mȧtα, l'ȯt, čȗdα; онѣ переходятъ въ гласныя передняго ряда ä, ö, ü между смягченными согласными: zät', t'öt'α, lüdi.

11. Въ неударяемыхъ слогахъ u послѣ мягкихъ согласныхъ переходитъ въ ü, а между мягкими согласными въ ü: čüdák, čüd'ît'.

12. Въ предударномъ слогѣ a и o переходятъ послѣ мягкихъ согласныхъ въ ė: sėło (ср. сѣвернорусск. sóło), sėstrá (ср. сѣвернор. sóstrá), čėsý, vėzát', pėták, gl'ėdî, mėsnîk. Въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ не конечныхъ въ словѣ a и o послѣ мягкихъ согласныхъ переходятъ въ ε: pεtαčok, t'εžėłó, mεdanósnαi̯ (ср. mód, l'od), výgl'εnεt, závεs' (завязь), ná p'εt' (на пять), ná vεsnu.

13. Въ конечн. слог. неуд. a и o послѣ мягкихъ согласныхъ переходятъ въ α тамъ, гдѣ эти неудар. гласныя ассоціировались съ удар. a и o въ родственныхъ словахъ и образованіяхъ: bánα (ср. mazná), vól'α (ср. s'ėmi̯á), dobrαi̯α (ср. mai̯α), mórα (ср. ruži̯ó). dobrαi̯α (ср. mai̯ó), vîd'α (ср. nasá), sêmα (ср. sėmán). Но тамъ, гдѣ подобной ассоціаціи не было вмѣсто конечныхъ a, o послѣ мягкихъ согласныхъ найдемъ ε: dai̯t'ε (ср. сѣвернор. діалект. dait'a изъ dai̯t'ä), dabrêi̯ε (ср. сѣвернор. діалект. dobrêi̯α), mélčε, bagačε.

14. Послѣ согласныхъ š и ž на мѣстѣ a, o слышатся тѣ же звуки, что послѣ мягкихъ согласныхъ, это указываетъ на то, что эти звуки явились тогда, когда š и ž были еще мягки. Поэтому žėná (ср. сѣверн. žoná), šėl'ît, šėłún, žėl'êt', pšėnó. Произношеніе žará, šarý надо признать новымъ, явившимся подъ вліяніемъ žar, šar. Точно такъ же находимъ šεłavl'îf, łošεt', kúšεt'. Въ концѣ слова, съ одной стороны todžα, tužα (ср. žα слабоударяемое въ случаяхъ, какъ sastal'nŷmi žα, krásnui̯u žα), съ другой, ûžε, χûžε, bol'šε, krašε.

15. Звуки a, o, û подъ удареніемъ передъ слѣдующей мягкой согласной и передъ i измѣняются въ концѣ въ направленіи къ гласнымъ передняго ряда baba, но bäbi, góru, но göra, dûp, но na düb'i. Звукъ u не подъ удареніемъ послѣ ł измѣняется въ своемъ началѣ въ направленіи къ напр. гласной: łûbok, łûna.

16. Звукъ e передъ мягкими согласными и передъ i̯ звучитъ какъ ê подъ удареніемъ: m'era, но m'êr'it', s'ena, но na s'êni, l'ezu, но l'ês', p'eł, но p'êl'i, ср. еще učêni̯e, andrêi̯, vêt'er, pčêl'nik, sêl'skai̯, mêt'it' и т.д.

16.' Сочетаніе ei̯ произносится какъ ii̯: s'ini̯i, karovii̯, kozii̯, trêt'ii̯, vyp'ii̯.

17. Звукъ y не употребляется послѣ смягченныхъ согласныхъ.

18. Послѣ отвердѣвшихъ (см. выше) согласныхъ š, ž, а также послѣ отвердѣвшаго c вмѣсто i произносится y: šyrokai̯, žyła, žyr, kur'icy, kupcy, nažy, kožy, syt. Поэтому и въ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ обыденную рѣчь, вм. i слышится y послѣ š, ž, c: cyrkul', cyrul'nik, cyfra, šyrma, žyrafa, šyna и т.п. Но если за y въ томъ же слогѣ стоитъ мягкая согласная, оно звучитъ какъ гласная болѣе передняго ряда (переднесредняго ряда) ẏ: žẏt', žẏzn', dvužẏl'nai̯, šẏr' и т.д.

19. Передъ i всѣ вообще согласныя, какъ увидимъ, произносятся мягко; но, какъ указано, общее отвердѣніе согласной ведетъ за собой переходъ слѣдовавшаго за нею i въ y (ср. выше); равнымъ образомъ, отсутствіе смягченія согласной подъ вліяніемъ звуковой аналогіи имѣетъ слѣдствіемъ переходъ слѣдующаго за нею i въ y: такой случай наблюдается въ отношеніи согласныхъ предлоговъ, какъ v, iz, s, nad, pod, ob, k; онѣ не смяг-

частотой вообще по аналогіи случаевъ, гдѣ эти предлоги стоятъ передъ гласными задняго или средняго ряда, а также передъ твердой согласной. Звукъ i послѣ такой согласной и подъ ея вліяніемъ замѣняется звукомъ y. Начало этому явленію въ глубокой древности, но продолжается оно до сихъ поръ; ср. at yvana (вм. ot ivana), vŷzbu, kygnatu, kyz'bé, vŷgraχ, at ykonu, abykoné, at yméni; также въ сложныхъ словахъ: atygrasca, abyskat'. Впрочемъ, послѣ k слышится также i, а k замѣняется иногда черезъ k': k'ikoné, k'imeni, k'istiné, k'ikoné, k'éméni. Произношеніе abistiné, abilie, равно и ob'iχot объясняется м.б. книжнымъ вліяніемъ. Кажется, въ индив. произношеніи допускаются при этомъ и сочетанія твердая согласная + i: abiljé, at ivana.

20. Сходное явленіе имѣетъ мѣсто въ сочетаніяхъ предлоговъ съ начальнымъ e, вообще встрѣчающимся только въ мѣстоименіи etot. Возможно, что e переходитъ послѣ несмягченной согласной въ ė, ê т.е. въ соотв. гласную средняго ряда: atėtava, sêtim, izėtava. Впрочемъ, въ индив. произношеніи слышатся и e, ê: atetava, ketêu, sêtim

21. Сочетанія ky, gy, χy неизвѣстны въ совр. языкѣ; они замѣнились черезъ k'i, g'i, χ'i еще въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ; поэтому sat - sady, bop - baby, но katok - katki, voda -vody, но noga - nogi. Въ окончаніи прилаг. м.р., какъ strogai, uprugai, loxkai, vysokai, слышится не yi, а ai. Равнымъ образомъ въ многокр. глагольныхъ образованіяхъ на этим.-ивать послѣ твердой согласной слышится, повидимому, не y, а a на мѣстѣ i: vyskakavat', padyskavat', panukavat', zapugavat'.

22. Согласныя звонкія въ концѣ слова переходятъ въ соотв. глухія: sat, vos, karof, stof, dosš, sapok. Произношеніе sapok, parox, drux въ индив. произношеніи - черта діалектическая (южновеликорусская).

22¹. Согласныя губныя въ концѣ слова сохраняютъ мягкость только подъ вліяніемъ мягкости губныхъ въ родственныхъ образованіяхъ: na zem' (ср. na zemi), krof' (kravi), gotup' (gotuba). Въ индивидуальномъ произношеніи распространено отвердѣніе мягкихъ губныхъ и въ такихъ случаяхъ: sem, krof, l'ubof, na zem.

22². Звуки š, ž, с отвердѣли при всякомъ положеніи въ словѣ: patsveš'nik, patsneš'nik, parubež'niki, ster'žen', šyrok, šar, car', čerkaf, kuznecy, nažy, nacix.

Примѣчаніе 1-е. Долгія (или двойныя) šš, žž сохраняютъ свою мягкость: voššzi, drožžzi, ugaššu, sakrašš'u.

Примѣчаніе 2-е. Мягкія š и ž встрѣчаются въ единичныхъ случаяхъ въ индивидуальномъ произношеніи: ubežiššа. Нѣкоторыя лица произносятъ šš, žž послѣдовательно передъ мягкими язычными: nasš'esnik, prežnei, zdešnii.

23. Глухія согласныя передъ звонкими шумными (кромѣ v) произносятся какъ звонкія, а звонкія шумныя передъ глухими какъ глухія: fpitat', f kuznicu, fperot, noška, skaska, dafka, ktupka, votka, patkova, iskazit' - adbit', zbyt', matadba, svadba, kazba. Ср. рядомъ svoi, tvoi.

23². Всѣ согласныя, кромѣ отвердѣвшихъ š, ž, с произносятся мягко передъ гласными передняго ряда i, e (ɛ). Ср. произ-

ношеніе иностранныхъ именъ: b'ismark, t'irol', t'ema, kaf'ɛd-rɑ, gr'eci̯ɑ.

Примѣчаніе. Произношеніе tema, profesɑr, švedy представляется искусственнымъ.

23б. Конечное s отвердѣваетъ, если не защищено аналогіей со стороны s' въ родств. образованіяхъ (какъ въ gûs'): astai̯ûs вм. astai̯üs', učus, brosiłɑs, rɑdiłɑs, vzɛ́łɑs, nɛ́sus. Ср. отвердѣніе конечнаго t' въ 3л. ед. и мн.: učit, nɛ́sot; въ инфинитивѣ t' защищено аналогіей t'i въ nɛ́st'i, pas't'i; dast, i̯est, фонетически вм. das't', i̯ɛ̂st', а i̯ɛ̂st' (est) едва ли не церк.сл. архаизмъ: ср. sut' также boχvɛ́st'.

23в. Мягкія k', g', x' извѣстны только передъ гласными передняго ряда e, i: ruka, pałk'i, x'itrai̯; въ концѣ слова k' (на мѣстѣ этимологическаго g' изъ g'i вм. z'i или прямо вм. z') отвердѣваетъ: l'ak (2 л. пов.). Сочетанія k'a, k'u, g'a и т.п. чужды лит. языку, но онъ принялъ k'a въ k'axta; иностран. g'ü переходитъ въ g'i: g'intɑr (фамилія).

24. Язычныя согласныя передъ мягкими язычными (кромѣ r) мягки: s'n'im, z'dɛłɑt', pas't'ɛl', kon'čik, ftor'n'ik, [illegible], gon'čaj̯ɑ, kost', pɛ̂t'lɑ, ind'i̯ɑ, kan'čat'. Въ islandi̯ɑ, skandinavi̯ɑ, kanditɛr, (при kan'dit'ɛr) n твердо вслѣдствіе неподчиненія этихъ иностр. словъ общей нормѣ.

Въ индивидуальномъ произношеніи r отвердѣваетъ: porča, gorn'icɑ, ftorn'ik, ɑ̂vorn'ik, gorl'icɑ, gorl'ɛnkɑ, kurn'ik, p'ɛrčatkɑ, v'ɛrčenɑi̯.

Примѣчаніе 1-е. Сочетанія tn, dn, какъ мы знаемъ, замѣняютъ t, d фаукальными согласными; поэтому нельзя

говорить о смягченіи t,d передъ n', но группа фаукальныхъ согласныхъ +n' составляетъ одно палатальное цѣлое ср.е въ l'êdǹik, pérêdǹik. Сочетанія tl̀ ,dl' произносятся съ однимъ общимъ взрывомъ; поэтому нельзя и здѣсь говорить о t' d', ср. pêtl̀a.

Примѣчаніе 2-е. Зубныя согласныя въ концѣ предлоговъ вообще не смягчаются передъ слѣдующей согласной: padǹat', atǹat', padd̀eɫat' (но и padd̀eɫat'). Но s̀ǹat', s'ǹîm.

26. Язычныя согласныя мягки передъ мягкими губными: d'v̀e, t'v̀êr', čet'vɛr̀t', izb'e, d'v̀êri, d'v̀îgat', v̀ět'vi, karm̀ît', skorb'. Произношеніе съ отвердѣвшими язычными нерѣдко tv̀êr', dv̀înut'. Искусств. kanf̀eta.

Примѣчаніе 1-е. Согласныя t,d предлоговъ вообще не смягчаются передъ губными: padv̀êǹečnai̯, padv̀êt̀rɛnai̯a staraṇa, atv̀et, atv̀edat', atv̀azyvat', atm̀etka.

Примѣчаніе 2-е. Обычно отвердѣлъ r': Karm̀it'.

27. Язычныя согласныя сохраняютъ свою этимологическую мягкость передъ твердыми губными и задненебными: kaźba, svad'ba, Kuz'ma, vas̀moi, p̀is'mo, v̀êd'ma, sud'ba, fpat'max, t'ma, gan'ba, gur'ba, bar'ba, gor'kai̯, car'ka, Kus'ka, gus'kon, t̀ur'ma.

Примѣчаніе. Смягченіе r въ сочетаніи ьr передъ твердыми губными и заднеязачными произошло еще въ эпоху общеслав. (гдѣ была полумягкость) и общерусскую,(гдѣ полумягкость превратилась въ полную мягкость). Въ литературномъ языкѣ r' сохранилось въ слѣдующихъ словахъ: čet'v̀erk, cêr̀kaf', v̀êr'x, s̀t̀êr̀va, менѣе распространены (p̀êr̀vai̯, z̀êrkaɫa).

Листъ 7-й. Очеркъ современ. русск. литературнаго языка. А. А. Шахматов.

Вообще же r' отвердѣло: v'erbα, s'erp, č'erpαt', uss'erp, m'erknut', ср. его отвердѣніе въ d'v'erka. Можно думать, что мягкость r въ t'ur'ma удерживается подъ вліяніемъ: t'ûrεm, t'ürεmnαi̯, а въ bar'ba, gur'ba подъ вліяніемъ другихъ словъ на -ba (gud'ba, sud'ba).

28. Язычныя согласныя теряютъ свою этимологическую мягкость передъ твердыми язычными: gornαi̯, godnαi̯, d'εrεvenskαi̯, ženskαi̯, carskαi̯, adnu

29. Мягкое l' сохраняетъ свою этимологическую мягкость при всякомъ положеніи, между прочимъ передъ твердыми зубными: ispol'nαi̯, l'du, pril'nût'.

30. Губныя мягки передъ мягкими средненёбными: krêpkii̯ε, nêmki, šapki, ťaf'ki, rumki, ššêpki, d'êf'ki, šumgi.

Примѣчаніе. Весьма однако распространено отвердѣніе губныхъ въ такомъ положеніи: rumki, propki, nêmki, d'êfki, ššêpki.

31. Губныя мягки передъ мягкими губными не въ началѣ словъ: s'imb'irsk, imb'ir, ťomb'εrnαi̯. Извѣстно ли также fp'erot, не знаю.

32. Губныя тверды передъ язычными (и твердыми и мягкими): t'omnαi̯, krûpnαi̯, pravdα, zemi'u, d'ėrevnα, s'tebli, sėebrenαi̯, ťapt'i, ropšεt, opšεstvα.

Примѣчаніе. Въ индивидуальномъ произношеніи мягкость губныхъ сохраняется передъ мягкими язычными въ особенности послѣ ударяемаго ê: zêml'u, s't'êb'li, d'ėêvnα, naxl'êbnik.

33. Задненёбныя сохраняются не смягчаясь передъ мягкими язычными: l'exčε, noxt'i, maxčε, lokt'i, koxt'i, veksεl'.

Примѣчаніе. Въ индивидуальномъ произношеніи задненёбныя переходятъ въ мягкія средненёбныя передъ мягкими язычными въ особенности послѣ e: vêksεl', l'êxčε. Также объясняется произношеніе l'êkt'i̯a, prat'êkt'i̯a, sêkt'i̯a, гдѣ t'i̯a замѣнило болѣе обычное

произношеніе ci̯a и cyi̯a.

34. Въ группѣ stn,zdn звукъ t,d (точнѣе-замѣнившія t,d фаукальныя согласныя) послѣдовательно опускаются praznαi̯, grusnα, p'ril'esnαi̯, vlasnαi̯, poz'n'εi, namêsn'ik.

Примѣчаніе. Произношеніе mes'nαi̯ съ фаукальной согласной передъ n представляется книжнымъ и искусственнымъ.

35. Двойныя долгія согласныя упрощаются въ концѣ слова, также передъ согласными и послѣ согласныхъ: f'in, f'inskαi̯ (но f'iñy и f'iny подъ вліяніемъ f'in; vañα) ruskαi̯, francuskαi̯,-opšεsvo (вм. opššestvo: opšinα, borš, maršinα.

Примѣчаніе. Рядомъ opščεsvo, boršč, maršcinu у тѣхъ, кто произноситъ šš какъ šč. Въ индивидуальномъ произношеніи š вмѣсто šš отвердѣваетъ: opšεsvα, opšynα.

36. Въ сочетаніи i̯i, i̯ удерживается въ началѣ словъ i̯ix, i̯ixn'i̯i, едва ли не подъ вліяніемъ i̯ėvo, i̯ei̯o, вообще же i̯i измѣняется въ i въ положеніи послѣ гласныхъ: strait'el'nαi̯, pait'.

37. Въ слогахъ неударяемыхъ т.е. передъ неударяемой гласной, i̯ въ положеніи послѣ гласной произносится редуцировано и даже совсѣмъ исчезаетъ, при чемъ слѣдующее за нимъ α переходитъ въ ä (шопотное) ε въ i (шопотное), u̇ въ ü (шопотное): stai̯a, произносится staä̯, stai̯ú, staü̯, (а произносится не какъ чистое a, но какъ a склонное къ ä въ концѣ (ср. п. 15), na'dei̯ùs', какъ nad'eü̯s', sèi̯u, какъ sèü̯, igrai̯εt, какъ igrai̯t, igrai̯ùt, какъ igraü̯t, šêi̯a, какъ šêä̯.

38. Въ положеніи послѣ t мягкое s' отвердѣваетъ: sαbratsá, datsá, zαvetsá, s'n'itsá, ср. отвердѣніе n' послѣ t въ patsotnešn'ik и patsotnyšn'ik, вм. patsotn'εšn'ik).

О нѣкоторыхъ звуковыхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ болѣе древнія эпохи и сказавшихся на московскомъ нарѣчіи.

Рядъ колебаній въ произношеніи въ современномъ московскомъ нарѣчіи и современномъ литературномъ языкѣ можетъ быть объясненъ только при предположеніи, что въ настоящее время уже не дѣйствуютъ тѣ законы, которые раньше производили въ языкѣ тѣ или иныя звуковыя измѣненія. Къ наиболѣе значительнымъ изъ нихъ относится законъ объ измѣненіи е въ о въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ. Сравнительное изученіе русскихъ нарѣчій доказываетъ, что въ общерусскую эпоху уже сложилось это явленіе, а сравненіе съ другими славянскими языками дѣлаетъ вѣроятнымъ, что зачатки его относятся къ общеславянскому праязыку.

1. Въ общеславянскомъ праязыкѣ мягкими были только тѣ согласныя, которыя явились въ результатѣ смягченія: а) r, l, n передъ i̯ (j) б) s, z передъ i̯ (j), откуда š, ž в) t, d передъ i̯ (j), откуда č̌č̌ и ǯ̌ǯ̌ г) задненебныхъ они смягчались въ болѣе древнюю эпоху въ č, ž, š въ позднѣйшую въ c', z' или ʒ' s') передъ гласными передняго ряда и i̯ (j) въ результатѣ измѣненія сочетанія kt передъ гласными передняго ряда и въ результатѣ позднѣйшаго вліянія предшествующихъ гласныхъ передняго ряда. Звукъ е послѣ всѣхъ этихъ смягченныхъ согласныхъ перешелъ тамъ, гдѣ за нимъ не было въ слѣдующемъ слогѣ гласной передняго ряда въ ö: čömu, lić'ö, къnęžö, našö, mor'ö, pol'ö, vъs'öno, къ n'ömu. Въ общерусскомъ праязыкѣ это ö перешло въ звукъ болѣе задній, а именно въ ȯ. Такимъ образомъ въ общерусскую эпоху ȯ послѣ исконно мягкихъ согласныхъ являлся на мѣстѣ этимологическаго е: 1) въ положеніи въ концѣ слова, 2) въ положеніи передъ твердой согласной. Отсюда далѣе въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ ȯ и о въ со-

временномъ литературномъ ó послѣ сохранившихся мягкими согласными и о послѣ отвердѣвшихъ; примѣры приведу только для ударныхъ слоговъ, ибо въ неударныхъ слогахъ о не удерживалось, переходя вообще въ а, ъ, а послѣ мягкихъ согласныхъ въ é, е итакъ 1) l'ico, fs'ó 2) ssóku, žonka, pcóčka, žorax, sam šost.

Тотъ же звукъ ô явился въ нарѣчіяхъ древнерусскихъ на мѣстѣ ь передъ твердыми согласными (ср. переходъ ъ въ о) ср. совр. čórnai, žornaf, šótk, čótn, žóltai.

Звукъ е послѣ i и послѣ несмягченныхъ согласныхъ оставался въ общеславянскомъ праязыкѣ безъ измѣненія. Въ общерусскомъ праязыкѣ передъ е, какъ и передъ другими гласными передняго ряда, смягчались всѣ вообще согласныя. Это е перешло въ ó въ положеніи передъ слѣдующими твердыми согласными, а передъ мягкими согласными въ ê; такъ явились въ общерусскомъ: nósu, vósto, sóstry, sóstrь, módь, pókть, при nêsi, pêkli, sêmь. То же сохранялось въ нарѣчіяхъ древнерусскихъ, при чемъ послѣ паденія глухихъ сильныя ь передъ твердыми согласными явились также въ видѣ ó, а передъ мягкими въ видѣ ê (ср. переходъ ъ въ о): p'ós, d'ón, mórtv, d'órn, но d'ên, p'ên, vês, l'êst'. Въ концѣ слова послѣ мягкихъ согласныхъ на мѣстѣ е являлось ä: id't'ä, mêná, ies'mä. То же ä являлось на мѣстѣ е и послѣ i: žit'iä (изъ žitьiä), l'ist'iä, koliä и т.п. Въ великорусскомъ нарѣчіи ó съ теченіемъ времени измѣнилось въ ó; ср. современ. литер. mót, sóstry, nós, vósta, pók, pós, d'on, mórtvai, d'órn. Звукъ ä одновременно перешелъ въ а въ слогахъ слабоударяемыхъ, напримѣръ, mêná, t'ëb'a, тогда какъ въ сильно ударяемыхъ явилось на мѣстѣ ä, какъ кажется е. Въ словахъ žit'iä, ruž'iä, и т.п., ä замѣнено было звукомъ о (ó), заимствованнымъ изъ другихъ словъ ср. рода, какъ kal'co, l'ico, vésto, séto, p'éro.

Такимъ образомъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ общею нормою стала наличность послѣ мягкихъ согласныхъ звука о (ȯ) передъ твердыми согласными и ê передъ мягкими согласными. Вслѣдствіе этого, если по той или другой причинѣ отвердѣвала согласная послѣ ê - это ê замѣнялось звукомъ о (ȯ). Впрочемъ, какъ кажется, надо различать нѣсколько категорій случаевъ: 1)согласная отвердѣвала передъ слѣдующей твердой согласной, 2)отвердѣніе š и ž, 3) отвердѣніе с. Въ первыхъ двухъ категоріяхъ дѣйствительно по общему правилу ê, быть можетъ, черезъ посредство е переходило въ о: t'ȯmnai̯, p'erël'ȯtnai̯, nai̯ȯmnai̯, pad'ȯš, grad'ȯš, mȯžu, gatavȯška, ad'ȯža, s'ȯrȯža, между тѣмъ въ третьей категоріи вмѣсто ê является е: kupec, kuz'nec, švec. Возможно, что отвердѣніе произошло въ первыхъ двухъ категоріяхъ (въ первой это даже навѣрное) раньше, чѣмъ въ третьей, при чемъ отвердѣніе с наступило уже тогда, когда законъ о непремѣнномъ измѣненіи е въ о передъ твердой согласной уже былъ нарушенъ, уже не существовалъ. Но возможно и другое объясненіе: ê замѣнялось черезъ о только передъ такими согласными, которыя произносились лабіализованно, т.е. при томъ же положеніи губъ, при которомъ произносятся о, u, оно замѣнялось черезъ е передъ согласными нелабіализованными. Самый переходъ е въ ö въ общерусскомъ праязыкѣ зависѣлъ, повидимому, отъ лабіализованнаго произношенія твердыхъ согласныхъ, являясь такимъ образомъ въ результатѣ ассимиляціи гласной е слѣдующей согласной (ср. переходъ е въ ê передъ палатал. согласными тоже въ результатѣ подобной ассимиляціи). Теряя свою мягкость подъ вліяніемъ слѣдующей твердой, слѣдовательно, лабіализованной согласной, отвердѣвшая согласная становилась сама лабіализованною и вліяла такимъ образомъ на переходъ предшествующаго е въ ö; такимъ образомъ t'ȯmnai̯ вм.

t'êmnαi̯, можно понять какъ уподобленіе звука ê слѣдующему лабіализованному m, если объяснить такимъ уподобленіемъ появленіе ö-въ sam, (о sòm (откуда samsòm) въ общерусскомъ праязыкѣ. Отвердѣніе š и ž могло сопровождаться ихъ лабіализаціей; но согласныя вообще склонны къ лабіализаціи въ разныхъ языкахъ, напротивъ е отвердѣвая не должно было подвергаться лабіализаціи; поэтому е передъ ними не переходило въ ö-ò, а измѣнялось только въ е. Въ пользу предложеннаго объясненія можно привести еще слѣдующія соображенія: 1) нѣкоторые факты языка доказываютъ, что въ московскомъ нарѣчіи с отвердѣло раньше, чѣмъ š и ž; ср. подчиненіе основъ на с склоненію твердыхъ основъ, напримѣръ въ родительномъ множественномъ, гдѣ находимъ Kupcof, maɫatcof (при Kupcy, maɫatcy), между тѣмъ, какъ основы на š, ž сохранили связь съ основами на мягкую согласную: nažêi̯, fšêi̯ (при nažy fšy), ср. rubl'êi̯, mèčêi̯, 2) отвердѣніе губныхъ въ случаяхъ какъ zèml'u не повело за собой перехода ê въ ö потому, что u не могло лабіализоваться передъ мягкой согласной, (хотя возможно, что отвердѣніе въ такихъ случаяхъ сравнительно ново).

Во всякомъ случаѣ недавно отвердѣвшія согласныя не влекутъ за собой перехода е въ ö. Это можно объяснить или такъ, что ко времени ихъ отвердѣнія уже нарушился законъ о переходѣ е въ ö передъ твердыми согласными, или такъ, что при такомъ позднѣйшемъ отвердѣніи не лабіализировались вообще отвердѣвшая согласная. Ср. отвердѣніе губныхъ передъ мягкими язычными: примѣры: zèml'u, d'èrèvnà, отвердѣніе губныхъ передъ суффиксомъ sk, звучавшемъ повидимому долго какъ sk (s вмѣсто s подъ вліяніемъ предшествующей согласной): zemskαi̯, отвердѣніе зубныхъ и r передъ тѣмъ же суффиксомъ:

d'ɛrèvenskai̯, ženskai̯, отвердѣніе r передъ твердыми губными и задненебными: ṅervai̯, čerpat', s̀erp, zerkala. Также діалектич. отвердѣніе губныхъ передъ мягкими средненебными šš̀epki.

Откуда же пошло нарушеніе общаго закона о переходѣ е въ ö передъ твердыми согласными? Быть можетъ оно явилось слѣдствіемъ перехода звука ѣ въ е, совпаденіе звуковъ ѣ и е; ѣ въ древнерусскомъ звучало отлично отъ е, сначала какъ іе, а затѣмъ діалектически вѣроятно, какъ i̯e. Когда въ московскомъ нарѣчіи, какъ и во многихъ другихъ, i̯e утратило свою неслоговую часть древнее ѣ стало звучать въ положеніи передъ твердой согласной какъ е, а передъ мягкой какъ ê: m̀era, m̀ẽrit'. Такимъ образомъ въ цѣлой категоріи случаевъ получилось соединеніе е съ послѣдующей твердой согласной; е уже не могло въ этихъ случаяхъ подчиниться господствовавшей до тѣхъ поръ нормѣ, требовавшей передъ твердой согласной ö; это повело къ тому, что е передъ твердой согласной стало вообще терпимо. И когда соединеніе е съ твердой согласной получалось позже въ результатѣ отвердѣнія согласной послѣ ê, е уже не переходило въ ö - ȯ.

Въ настоящее время, такимъ образомъ, литературное нарѣчіе, сохраняя древнее чередованіе ȯ передъ твердой согласной-ê передъ мягкой, имѣетъ рядъ случаевъ, гдѣ оно нарушено. Всѣ случаи подходятъ подъ слѣдующія категоріи: 1) е передъ отвердѣвшимъ с: Kup̀ec, 2) е на мѣстѣ ѣ передъ твердой (или отвердѣвшей) согласной: v̀ek, r'eš, m̀esta, m̀elkai̯, (стар. мѣлъкъıи), 3) е передъ поздно отвердѣвшими согласными: zeml'u, zemskai, d'ɛrèvenskai̯, s̀erp, čerpat', діалектич. šš̀epki, 4) е передъ твердой (или отвердѣвшей) согласной въ словахъ церковнославянскихъ: ǹeba, kr̀est, žertva, abyknav̀ennai, duxav̀enstva, pad̀eš, m̀ẽt'eš (ср. перечень этихъ словъ выше).

2. Въ настоящее время видимъ, что въ московскомъ нарѣчіи въ слогахъ ударяемыхъ извѣстны гласныя о, а, е, ê, между тѣмъ какъ въ предударныхъ вмѣсто о, а являлся а, вмѣсто е, ê является ė, а въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ вмѣсто о, а – ɑ, вмѣсто е, ê – ɛ; при этомъ послѣ мягкихъ согласныхъ въ предударныхъ слогахъ вмѣсто о, а находимъ е, а въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ ɛ, но въ концѣ словъ подъ вліяніемъ граммат. аналогіи не ɛ, но ɑ. Понять эти явленія какъ было отчасти уже указано можно только съ исторической точки зрѣнія, предполагающей, что нѣкогда звуковыя отношенія нарѣчія, предшествовавшаго московскому, были иныя, чѣмъ теперь. Конечно, явленія современнаго московскаго нарѣчія и литературнаго нашего языка не трудно понять какъ результатъ редукціи неударяемыхъ гласныхъ а, о, е, ослабленія ихъ въ положеніи не подъ удареніемъ и замѣны ихъ гласными неполнаго образованія. Но неяснымъ представляется хотя бы то обстоятельство, что о и ɑ въ неударяемомъ (непредударномъ) слогѣ одинаково нетерпимы, замѣняясь здѣсь чрезъ ɑ, между тѣмъ какъ въ предударномъ слогѣ сохраняется а и даже о переходитъ здѣсь въ а (аканье). Для объясненія московскаго аканья и редукціи неударяемыхъ гласныхъ надо, какъ кажется, исходить изъ слѣдующихъ двухъ соображеній:

Во первыхъ, аканье и редукція гласныхъ это явленіе общее всѣмъ южновеликорусскимъ и бѣлорусскимъ говорамъ, слѣдовательно, согласно предыдущему, общее нѣкогда всѣмъ восточнорусскимъ говорамъ. Активно оно выступило поэтому впервые въ восточнорусскомъ пранарѣчіи. Конечно, и аканье и редукція гласныхъ въ основаніи своемъ явленія однородныя; явленія эти состояли въ ослабленіи (редукціи) неударяемыхъ гласныхъ, но не всѣхъ, а только гласныхъ широкихъ

или болѣе широкихъ, а именно а, о, ӧ, е, вѣроятно и ê; гласныя і, и у редукціи не подверглись; зависѣли эти явленія отъ усиленія экспираторной силы ударенія; ударяемый слогъ сталъ произноситься сильнѣе, громче, чѣмъ раньше, чѣмъ въ общерусскомъ праязыкѣ; это повело къ ослабленію силы слоговъ неударяемыхъ, а такое ослабленіе не отражаясь на природѣ сокращавшихся при этомъ въ силѣ гласныхъ узкихъ (и у і), сказалось на природѣ сократившихся при этомъ въ силѣ гласныхъ широкихъ (а, о, е). Эти гласныя потеряли свою первоначальную природу при сокращеніи, замѣняясь гласными неполнаго образованія: задняго ряда α и средняго ряда ε. Такимъ образомъ теоретически мы должны были ни ждать и въ московскомъ нарѣчіи и въ другихъ южновеликорусскихъ говорахъ въ видѣ вообще неударяемыхъ слоговъ на мѣстѣ а, о звукъ α; а на мѣстѣ е (ѣ) звукъ ε (имѣю въ виду пока только а, о въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ); слѣдовательно, vαdá, stαrαná, krαsá, prαsí, xαžú, stαrik, stαrikа́, d'εl'it', n'εsí, d'εsàtαi̯, t'εsnαtá, Между тѣмъ, какъ въ московскомъ нарѣчіи, такъ, болѣе или менѣе послѣдовательно, и въ другихъ южновеликорусскихъ говорахъ, находимъ вмѣсто α-а; вмѣсто ε-е въ слогѣ предударномъ, тогда какъ въ другихъ неударяемыхъ слогахъ дѣйствительно является α, ε. Понять это обстоятельство можно только при предположеніи, что законъ о редукціи гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ изложенъ нами не вполнѣ точно, что съ самаго начала въ немъ было дано еще одно соотвѣтствующее условіе. Такимъ условіемъ было повидимому, слѣдующее: ослабленіе силы слоговъ неударяемыхъ было разной степени; въ слогѣ предударномъ гласныя становились менѣе сильными сравнительно съ ударяемыми, а въ другихъ неударяемыхъ слогахъ онѣ переходили

въ совсѣмъ слабыя; но ослабленіе а, о, е даже менѣе сильное давало въ результатѣ тѣ же звуки α, ε что ослабленіе полное постепенное усиленіе α, ε требовавшееся только что приведеннымъ сопровождающимъ условіемъ давало въ результатѣ звуки а, ė. Такимъ образомъ а, о, е въ неударяемыхъ слогахъ вообще переходили въ α, ε, но въ слогахъ предударныхъ α, ε въ силу требовавшейся здѣсь большей силы, измѣнялись въ а, ė, т. е. становились звуками полнаго образованія, быть можетъ, однако болѣе краткими, чѣмъ звуки ударяемыр, а, о, е. Еще Потебня, опредѣляя взаимное отношеніе по силѣ неударяемыхъ слоговъ въ южновеликорусскомъ нарѣчіи и обозначая наиболѣе сильный (ударяемый) слогъ цифрой 3, опредѣлялъ слогъ предударный цифрой 2, а прочіе неударяемые слоги цифрой 1; слѣдовательно слова starika, galovuška, golavu, nastaranu, staraná могутъ быть изображены какъ 123, 2311, 311 3111 123, равнымъ образомъ sėlo, vėsėlá, какъ 23, 123; на мѣстѣ цифры 1 изъ разсмотрѣнныхъ выше во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ звуковъ стоятъ α, ε, на мѣстѣ 2 звука а, ė; на мѣстѣ 3 звуки а, о, е.

Во вторыхъ, возвращаюсь къ отмѣченному уже выше обстоятельству по которому въ слогахъ неударяемыхъ (не конечныхъ) послѣ мягкихъ согласныхъ стоятъ систематически вмѣсто этимологическихъ а, о, звуки ė, въ слогахъ предударныхъ и ε въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ. Правда о въ такомъ положеніи звучало нѣкогда какъ ö послѣ не исконно мягкихъ согласныхъ и переходъ ö въ ė, ε понятенъ физіологически, такъ какъ ö принадлежитъ къ гласнымъ передняго ряда, того же ряда, что е; но въ ė, ε измѣняются также и ȯ въ положеніи послѣ исконно мягкихъ согласныхъ (žėná, čėlo), равно также и а въ положеніи послѣ всѣхъ мягкихъ согласныхъ (vėzat', čėsy). Это обстоя-

тельство и объясняю себѣ такъ, что въ московскомъ нарѣчіи еще до редукціи неударяемыхъ гласныхъ а, о послѣ мягкихъ согласныхъ стали звучать, какъ ä, ö (о совпало слѣдовательно съ ö) въ силу ассимилирующаго вліянія мягкой согласной на слѣдующую гласную; ср. это съ тѣмъ, что и подъ удареніемъ, по крайней мѣрѣ между мягкими согласными, а, о, звучатъ въ московскомъ нарѣчіи, какъ ä, ö. Возможно, что такое измѣненіе по происхожденію своему не южновеликорусское, а сѣверновеликорусское (при чемъ проникновеніе его въ нѣкоторыя южновеликорусскіе говоры обязано вліянію московскаго нарѣчія). Во всякомъ случаѣ получаемъ хронологическое указаніе на е глубокую его древность и понимаемъ, что, при объясненіи совр. моск; vězat', cěsy, cěto, равно какъ и sěto, надо исходить изъ произношенія väzat', cäsy, cöto, söto. Итакъ редуцируясь гласныя а, о переходили въ ə, а гласныя ä, ö, e, ê (и также ie, iê, если тамъ звучало ě) въ ɛ, въ слогахъ неударяемыхъ, при чемъ ɑ, ɛ усиливаясь въ слогахъ предударныхъ переходили затѣмъ въ а, е.

Въ третьихъ оказывается несогласованнымъ съ только что выставленнымъ утвержденіемъ то, что въ конечномъ слогѣ послѣ мягкихъ согласныхъ а, о звучатъ не какъ ɛ, а какъ ɑ. Не думаю, чтобы при объясненіи этого явленія было исходить изъ предположенія, что конечныя а, е не подверглись переходу въ ä, ö въ концѣ слова послѣ мягкихъ согласныхъ по причинѣ физіологической. Болѣе вѣроятно предположить, что такое измѣненіе было задержано морфологическими причинами, а именно ассоціаціей а, о (послѣ мягкихъ согласныхъ въ окончаніяхъ съ а, о въ окончаніяхъ послѣ твердой согласной: vid'a, nosa, xod'a не переходили въ vidä,

nosä, xodä, подъ вліяніемъ а въ pöka, nösa; duša, baňa, vola, не переходили въ dušä, baňä, volä, подъ вліяніемъ а въ voda, noga, kosa; pol'o, goro, l'ico, имѣли о не ö, подъ вліяніемъ о въ söto, vösbo, čisto и т.д. Поэтому послѣ редукціи неударяемыхъ а, о здѣсь получалось vid'α, ban'α, vol'α, pol'α, gor'α, (а не vid'ε, ban'ε, vol'ε, pol'ε, gor'ε). Понятно, что kol'i̯ä звучавшее kol'i̯a въ силу ассоціаціи съ kn'az'i̯a, drus'i̯a перешло въ kol'i̯α. Между тѣмъ dai̯t'ä, xodit'ä фонетически измѣнились въ dai̯t'ε, xod'itε. Равнымъ образомъ въ словахъ tožo, tužo о сохранилось подъ вліяніемъ žo (žö), слабоударяемой частицы, между тѣмъ, какъ tužö, głubžö являлось ö; ср. совр. tožα при tužε. Конечное i̯e (ѣ) систематически ослаблялось въ концѣ слова въ неударяемомъ слогѣ въ ε: на sênε, fpol'ε, vban'ε.

Въ четвертыхъ, въ началѣ слова α физіологически оказывалось труднымъ для произношенія и замѣнялось поэтому черезъ а; слѣдовательно, не только въ предударномъ слогѣ: akno, adna, но и въ другихъ неударяемыхъ слогахъ ad'inakαf, adnavo, atvaži̯ε.

3. Законъ о паденіи слабыхъ глухихъ и переходѣ сильныхъ ъ и ь въ о и е разсмотрѣны нами выше тамъ же, гдѣ разсмотрѣнъ законъ о паденіи слабыхъ глухихъ напряженныхъ и переходѣ сильныхъ ъ̂ и ь̂ въ о и е.

4. Законъ о монофтонгизаціи ѣ (ie) и переходѣ его въ е и ê въ великорусскихъ говорахъ также разсмотрѣнъ выше. Возможно, что въ нѣкоторыхъ условіяхъ ѣ монофтонгизировалось въ і еще въ общерусскую эпоху. Быть можетъ, дифтонгъ сохранялся только подъ удареніемъ, а въ неударныхъ слогахъ только передъ твер-

дой согласной; между тѣмъ передъ мягкой согласной и въ концѣ слова іе замѣнялось монофтонгомъ і. Подъ удареніемъ благодаря большей силѣ звука оба элемента дифтонга сохранялись неприкосновенными; въ неударномъ слогѣ передъ твердой согласной то же имѣло мѣсто, потому что твердая (согласно предыдущему, вѣроятно, лабіализованная) согласная препятствовала ассимиляціи элемента е элементу і (т.е. переходу іе въ іе̂, откуда іі, і); напротивъ въ неударяемыхъ слогахъ передъ мягкой согласной и въ концѣ слова іе естественно переходило въ іе̂, іі, і. Указаніе на общерусскій переходъ іе въ і въ положеніи передъ мягкой согласной извлекаемъ изъ словъ какъ дитя, сидѣть (ср. старослав. дѣтѧ, сѣдѣти, русск. дѣти, сѣлъ), быть можетъ, также мизинецъ (ср. сербск. мезимац древнер. мѣзыни) и свидѣтель (вм. съвѣдѣтель, хотя здѣсь сказалось вѣроятно вліяніе словъ видѣть); эти слова звучатъ съ і не только въ великорусск. бѣлор., но также и въ малор., при чемъ бѣлор. а въ сядзѣць, сядзѣў надо объяснить, какъ результатъ новаго измѣненія сидѣть въ сѣдѣть подъ вліяніемъ сѣў, сѣли. Въ дитятко, сиднемъ (совр. лит.), насиженный видимъ нефонетическій переносъ і подъ удареніе. Указаніе на общерус. переходъ іе въ і въ концѣ словъ извлекаемъ изъ соврем. моск. и литер. двѣсти, колѣни, являющихся формами дв. числа; этимологически ждемъ и въ памятникахъ имѣемъ дъвѣ сътѣ, колѣнѣ. Если же вообще конечное іе (ѣ) не звучитъ какъ і въ московскомъ нарѣчіи, а какъ е, возводящееся къ е, то вѣроятно объяснить это еще общерусскимъ діалектическимъ переносомъ іе (ѣ) въ неударяемыя окончанія изъ соотвѣтствующихъ неударяемыхъ: на s̀ѣǹѣ вмѣсто на s̀ѣ'ǹi подъ вліяніемъ на gǹѣzdѣ на s̀ê̂l'ѣ, на p̀êr'ѣ.

Звукъ е изъ ѣ согласно предыдущему, не подлежалъ переходу въ ȍ (ȍ) передъ твердыми согласными; если же мы въ московскомъ нарѣчіи находимъ нѣсколько случаевъ подобной замѣны, то она произошла не фонетически, а по аналогіи, отчасти въ морфологическихъ категоріяхъ. Тамъ вмѣсто ожидаемыхъ źvèzdy, vèdrα, gnèzdα (этимологически звѣзды, вѣдра, гнѣзда), находимъ źvòzdy, vòdrα, gnòzda, ясно, что подобное произношеніе вызвано аналогіей: sèło,-sòłα, vèsło, _ vòsłα, rèmèsło,- rèmòsłα, mètła,- mòtły, sèstra,- sòstry, вмѣсто ожидаемыхъ prìobrèł находимъ prìobròł подъ вліяніемъ аналогіи к mòł, при mèsti, или cvòł (цвѣлъ) при cvèsti (цвѣсти). Ср. еще простонародн. ub'ok, вмѣсто uo'ek по аналогіи zažok, ispòk, ut'ok, произношеніе nadòvαn подъ вліяніемъ aplòvαn, zat'ósαn, rastrastr'opαn, ср. nad'évat' при apl'évat', zαt'ésat' и т.д.

5. Въ род. пад. мѣстоименій и прилагательныхъ находимъ окончаніе - vo - vα; въ письменности до сихъ поръ держатся окончанія - го; ясно, что - vo объясняется изъ го, но не изъ го съ g (go), а изъ - го съ γ или h (γo, ho). Переходъ go въ въ-vo въ великорусск. нарѣчіяхъ неизвѣстно, ср. sługoi̯, tugoi̯, pagonα, zagon. На старое произношеніе - γo - ho указываетъ діалектич. сѣверновеликор. - γo, напр. въ олонецкихъ нарѣчіяхъ. Петрозаводскъ, Полѣнец., Пуд., Вычегод. уѣздовъ; - γo, - γa, господствуетъ и въ южновеликорусск. говорахъ, но здѣсь оно можетъ быть объяснено изъ - go, ибо всякое g звучитъ въ нихъ какъ γ; между тѣмъ въ сѣверновеликорусскихъ g, сохранилось, а потому діалектическое γ нельзя объяснить въ немъ изъ g. Переходъ γ въ v надо признать явленіемъ великорусскимъ, въ частности сѣверновеликорусскимъ. Оно восходитъ, судя по памятникамъ къ XIVв. Общерусскій праязыкъ имѣлъ въ род. падежѣ окончаніе

obo, это - ono унаслѣдовано изъ общеславянскаго и возникло здѣсь изъ oo, а это изъ oso: *koso дало *koo нефонетически подъ вліяніемъ нефонетическаго же перехода *kosmu дат.; kostь мѣст. въ komu, komь; ср. старое окончаніе so, въ česo, čьso.

О нѣкоторыхъ звуковыхъ явленіяхъ, проведенныхъ въ литературномъ современномъ языкѣ не послѣдовательно.

Непослѣдовательность въ проведеніи нѣкоторыхъ звуковыхъ явленій можетъ объясниться или позднимъ ихъ происхожденіемъ и отпоромъ со стороны различныхъ обособившихся группъ лицъ говорящихъ литературнымъ языкомъ, или такимъ тѣмъ отпоромъ, которое оказывалъ вообще нововведеніямъ письменный языкъ, отчасти опирающійся на письменныя начертанія. Впрочемъ этотъ отпоръ не могъ быть дѣйствительнымъ, если бы онъ не находилъ себѣ поддержку и въ живомъ народномъ произношеніи. Разсмотрю нѣсколько случаевъ.

1. Въ литературномъ нарѣчіи замѣтно стремленіе къ отвердѣнію r передъ согласными. Такъ въ индивидуальномъ произношеніи, какъ указано выше, господствуетъ r твердое передъ мягкими язычными послѣ гласныхъ задняго ряда: porča, ftornik, dvornik, kurnik, parni, afčarna, (при večerni, davercivai, mertvena), рѣже, отвердѣваетъ r въ такомъ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда (davercivai, vercenai). - Весьма распространенно отвердѣніе r' передъ твердыми губными и задненебными согласными: pervai, serp, zerkala, čergat', я приводилъ выше случаи, гдѣ r' удерживается въ такомъ положеніи: čet'verk, cer'kaf, ver'x.

2. Въ литературномъ нарѣчіи отвердѣваетъ n въ концѣ слова, если мягкость n не защищена аналогіей, а именно въ положеніи за неударными гласными. Такъ объясняется род.мн. bašεn, barysεn, pêsεn, basεn, но d'εrêvên (въ korεn n защищено аналогіей косв.падежей). Однако имѣемъ očεn, не očεn, хотя впрочемъ извѣстно и očεn.

3. Въ литературномъ нарѣчіи нерѣдка замѣна ri черезъ ry, по-послѣ задненёбныхъ согласныхъ: skrypkα,, gryp, gryby, skrypêt, krylo, krynkα, но встрѣчается и skripka, grip, griby, krinka, и ry только krik, kriknut', griva, xrip.

4. Въ литературномъ нарѣчіи čn въ рядѣ словъ замѣнено черезъ šn: maloš̆nαi̯, kanešnα, но рядъ словъ и не только церковно-славянскаго происхожденія удерживаетъ čn: večnαi̯, rečnoi̯, točnαi̯.

О нѣкоторыхъ явленіяхъ аналогіи, нарушившихъ звуковыя отношенія.

Распространеніе каждаго звукового закона можетъ повести за собой расширеніе его естественныхъ предѣловъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ лексикологическихъ или морфологическихъ причинъ. Выясненіе природы такихъ явленій безусловно необходимо, иначе останется невыясненною самая сущность изслѣдуемаго звукового закона. Нерѣдко указанныя причины, напротивъ, не расширяютъ, а задерживаютъ распространеніе звукового закона.

1. Повидимому, еще въ очень древнюю эпоху отвердѣли конечныя губныя, ср. тв.ед. на m вм. ожидаемаго m (изъ mь): synom, sadom, или 1 л. ед. на m: dam, i̯em. Но конечныя губныя мягкія,

---

Листъ 8-й. Очеркъ современнаго русск. литер. языка. А. А. Шахматовъ.

защищенныя аналогіей удерживаютъ свою мягкость до сихъ поръ въ литер. нашемъ языкѣ golup', sém', krof', ср. golub'i, séni, krovi, izbaf',prigolupь, ср. izbavit', prigolub't',ostaf',ср. ostavit' и т.д. Діалектически, а также и въ діалектахъ лит. наречія губныя конечныя потеряли мягкость и въ такихъ случаяхъ, несмотря на дѣйствіе аналогіи.

2. Отвердѣніе конечнаго t въ 3 л. ед. и мн.могло произойти только фонетическимъ путемъ: nosit, nosat, отвердѣніе произошло во всѣхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ (только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилось окончаніе ut' въ 3 л. мн.). Оно не распространилось на окончаніе инфинитива подъ вліяніемъ задерживающей аналогіи со стороны формъ на ti (nést'i,past'i, не распространилось на окончаніе им.ед.словъ,какъ nit', mat', gospot' подъ вліяніемъ формъ склоненія, гдѣ мягкая согласная (t',d') была защищена гласной.

3. Мы видѣли выше, какъ чередованіе о въ ударяемомъ слогѣ съ ѣ въ слогѣ предударномъ, при чемъ, и о и ѣ восходятъ къ исконному е,вызвало подобное же чередованіе въ нѣсколькихъ такихъ случаяхъ, гдѣ ѣ восходитъ въ предударномъ слогѣ къ исконному ѣ, не переходившему фонетически въ ö, откуда о;ср. zvózdy, gnózda, vódra, príobrót, nadóvan, padd'ófka.

4. Чередованіе о въ ударномъ слогѣ съ а въ предударномъ, восходящимъ къ исконному о, вызвало по аналогіи о въ ударномъ слогѣ вмѣсто исконнаго а при а въ предударномъ слогѣ. nášu-nósit,kášu-kósit,xážu-xódit вызываетъ при plaču plot'it,вм.plat'it,pasažu-pasodit,вмѣсто pasádit въ нашемъ лит. языкѣ;діалектически въ южновеликорусскихъ говорахъ указан-

ная аналогія захватила еще большее количество случаевъ. Точно также подъ вліяніемъ kal'co - kol'ca и т.п. иностранное слово pal'to въ просторѣчіи получаетъ въ мн. числѣ произношеніе pol'ta.

5. Чередованіе о въ ударномъ слогѣ съ ѐ въ предударномъ, восходящихъ къ исконнымъ е, послѣ мягкой согласной вызываетъ появленіе о въ ударномъ слогѣ въ соотвѣтствіи съ ѐ въ предударномъ, восходящимъ къ звуку а послѣ мягкой согласной; nós - nésu, pók-péku вызываетъ zaprók, вмѣсто zaprák при zaprégu, trós, вмѣсто trás при trésu.

6. Чередованіе о, и въ ударномъ и неударномъ слогѣ простого глагола (однократ.) съ о въ ударномъ слогѣ многократнаго на -ивать вызвано было старымъ общеславянскимъ чередованіемъ о съ а въ глаголахъ длительныхъ (просити - пръшати отсюда р. править). Изъ такихъ случаевъ какъ просить - правивать, носить - наливать, молить - маливать, усвоить - усваивать, такое чередованіе распространялось на случаи, какъ колотить - околачивать, молотить обмолачивать, морозить - замораживать, гдѣ оро восходитъ къ и ъ общеславянск. ор. Позже оно распространяется и на рядъ другихъ случаевъ, неизвѣстныхъ въ древнеславянск. языкѣ: обуславливать, озабачиваться. Такое произношеніе діалектически распространяется въ нашемъ литературномъ языкѣ.

СКЛОНЕНІЕ.

Склоненіемъ называется измѣненіе словъ по падежамъ. Въ русскомъ языкѣ извѣстны слѣдующіе падежи: именительный, винительный, родительный, дательный, творительный и мѣстный или предложный. Опредѣленіе значенія этихъ падежей, сложившихся исторически и при-

томъ въ составѣ предложенія, принадлежитъ синтаксису. Здѣсь отмѣтимъ, что именительный падежъ это та форма, которую въ рѣчи принимаетъ грамматическое подлежащее, остальные падежи это формы, которыя принимаютъ грамматическія дополненія; эти остальные падежи называютъ въ противоположность именительному косвенными падежами.

Винительный падежъ въ отношеніи къ дѣйствію, выраженному глаголомъ, принимаютъ тѣ имена на представленія о которыхъ это дѣйствіе переходитъ непосредственно. Родительный падежъ имени означаетъ, что представленіе, соотвѣтств. имени находится въ предѣлахъ дѣйствія, выраженнаго глаголомъ, затрачиваясь имъ лишь отчасти. Дательный падежъ имени означаетъ, что на представленіе соотвѣтств. этому имени направлено дѣйствіе, что въ интересахъ его оно совершается. Творительный падежъ имени означаетъ, что дѣйствіе совершается при помощи представленія объ этомъ имени, что это представленіе орудіе дѣйствія. Мѣстный падежъ въ русскомъ языкѣ употребляется только послѣ предлоговъ въ, на, при и объ, изъ которыхъ первые три даютъ преимущественно указаніе на то, что дѣйствіе совершается въ предѣлахъ представленія о получившемъ мѣстн. падежъ имени.

Склоняемыми словами являются въ русскомъ языкѣ: имя существительное, имя прилагательное, мѣстоименіе, числительное, а также глагольныя образованія, объединяемыя понятіемъ причастія: склоняемыя слова объединяются понятіемъ имя.

Эти склоняемыя имена измѣняются еще и по другимъ категоріямъ, а именно по категоріи числа и рода. Категорія числа (а въ русскомъ языкѣ различаются два числа: единственное и множественное)

свойственна всѣмъ склоняемымъ именамъ (кромѣ однако числительныхъ количественныхъ); она наблюдается и въ глаголѣ. Категорія рода (въ русскомъ языкѣ различаются три рода: мужескій, женскій и средній) свойственна именамъ прилагательнымъ, мѣстоименіямъ, числительнымъ (въ количественныхъ только числительнымъ: одинъ, два) причастіямъ; та же категорія наблюдается въ нѣкоторыхъ глагольныхъ формахъ, по происхожденію формахъ именныхъ (прилагательныхъ, причастіяхъ). Такимъ образомъ склоняемыя имена въ отношеніи къ категоріи рода распадаются на имена, неизмѣняющіяся по родамъ: это имя существительное, и имена, измѣняющіяся по родамъ: это имя прилагательное, мѣстоименіе, числительныя и причастія. Правда, въ именахъ существительныхъ находимъ имена мужескаго, женскаго и средняго рода, но эти три ряда именъ даны какъ готовые, опредѣленные ряды: изъ нихъ не можетъ быть извлечена категорія рода, такъ какъ, во-первыхъ сами существительныя не измѣняются по родамъ, во-вторыхъ, ихъ родъ опредѣляется въ рядѣ случаевъ, только синтаксически (напр. умная голова, городской голова).

Указанное дѣленіе склоняемыхъ именъ на имена существительныя и на остальныя склоняемыя имена устанавливается и синтаксически: имена существительныя это слова опредѣляемыя, а прилагательныя, мѣстоименія, (кромѣ личныхъ мѣстоименій), числительныя и причастія имена опредѣляющія (a) аттрибутивныя Различіе между опредѣляющими словами, какъ и вообще значеніе частей рѣчи, опредѣляются синтаксически. Морфологическія различія (въ строеніи основъ и въ падежныхъ окончаніяхъ) даютъ основанія и при изложеніи морфологіи разсматривать отдѣльно опредѣляемыя слова (имена существительныя) и слова опредѣляющія, а въ этихъ словахъ - отдѣльно прилагатель-

ния, мѣстоименія, числительныя и причастія.

И М Я С У Щ Е С Т В И Т Е Л Ь Н О Е.

Какъ указано, въ именахъ существительныхъ различаются три ряда, грамматически не соединимыхъ по одному изъ своихъ признаковъ: имена мужескаго, женскаго и средняго рода. Эти имена исконно различались по самымъ своимъ основамъ, т.е. по тѣмъ неизмѣннымъ частямъ слова, къ которымъ присоединяются падежныя окончанія; только основы на ĭ и на ā еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ обнимали не только слова женскаго рода, но также слова мужескаго рода; впрочемъ, явный перевѣсъ въ основахъ на ā исконно принадлежалъ словамъ женскаго рода, мужескаго рода были только тѣ слова, которыя обозначали лица мужескаго пола; то же наблюдается въ русскомъ языкѣ и теперь.

Я упомянулъ объ основахъ и падежныхъ окончаніяхъ. Тѣсное слитіе окончанія основы съ падежнымъ окончаніемъ (въ частности: конечной гласной основы и начальной гласной падежнаго окончанія), произошло еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Съ теченіемъ времени, благодаря фонетическимъ измѣненіямъ, которымъ подверглись вообще конечныя гласныя основъ, а также и тѣ гласныя, гдѣ слились окончаніе основы и падежное окончаніе, представленіе о первоначальной основѣ затемнялось все болѣе, смѣняясь въ представленіи говорящихъ представленіями о другихъ, видоизмѣненныхъ основахъ. Такъ представленіе объ основахъ мужского рода на ŏ, въ особенности послѣ происшедшаго уже на русской почвѣ отпаденія конечныхъ -ъ въ именительномъ падежѣ а - ъ (изъ - os) и въ винительномъ падежѣ (гдѣ ъ изъ-om), смѣнилось представленіемъ объ основахъ на согласъ-

ную; то же представленіе смѣнило такое представленіе объ основахъ мужскаго рода на-ŭ ибо и здѣсь произошло отпаденіе въ именительномъ падежѣ-ъ (изъ-ŭs), а въ винительномъ падежѣ - ъ (изъ -ŭm). Научное опредѣленіе основы въ современныхъ именахъ существительныхъ невозможно; но такъ какъ разнообразіе падежныхъ окончаній въ современномъ языкѣ обусловлено, какъ и въ старомъ, различіемъ именныхъ основъ, то обозрѣніе формъ склоненія должно основываться на различеніи этихъ основъ по тому или иному ихъ признаку. Въ настоящее время при обозрѣніи наличныхъ именныхъ основъ можно исходить изъ формы именительнаго падежа единственнаго числа; окончаніе этого падежа напр. въ части именъ женскаго рода и въ именахъ средняго рода не можетъ быть признано падежнымъ окончаніемъ уже потому самому, что языкъ нашъ имѣетъ рядъ именъ мужского и женскаго рода, гдѣ форма именительнаго падежа единственнаго числа отличается отъ формы почти всѣхъ остальныхъ падежей именно отсутствіемъ окончанія, представляясь такимъ образомъ тождественной съ основой (напр. основы мужского рода на твердую согласную: столъ, домъ, основы мужского рода на мягкую согласную: ключъ, гость; основы женскаго рода на мягкую согласную кость).

Принимая во вниманіе исконное дѣленіе существительныхъ на три рода, а также необходимость объединить нѣкоторыя группы существительныхъ, въ предѣлахъ каждаго изъ тѣхъ родовъ, по общности падежныхъ окончаній, я распредѣлю опредѣленіе склоненія именъ существительныхъ по слѣдующимъ отдѣламъ.

I. Имена мужского рода: 1) единственное число словъ на твердую и мягкую согласную: домъ, ножъ, гость, 2) единственное число сло-

ва путь; 3) множественное число словъ на твердую согласную и на ѣ (ꙗ): столы, воробьи; 4) множественное число словъ на и, ы и на мягкую согласную: ноги, родители; 5) множественное число словъ на твердую и мягкую согласную, оканчивающихся въ именит. множествен. на - ья; 6) множественное число словъ, представляющихъ въ единственномъ числѣ основу на-ин: бояре.

II. Имена женскаго рода: 1) словъ на и, ы и на мягкую согласную; 2) слова на а (женскаго и мужского рода): вода, буря, душа, куча, воевода, вдова.

III. Имена средняго рода: 1) слова на о (послѣ мягкихъ согласныхъ и искони мягкихъ, но отвердѣвшихъ е): село, море, поле; 2) слова на а: имя, дитя.

Исходя изъ того принципа, что обозрѣніе формъ склоненія распредѣляется по именительному падежу ед. числа, и разсматривая склоненіе словъ, представляющихъ двѣ или нѣсколько основъ, въ томъ отдѣлѣ, куда относится соотвѣтствующій именительный падежъ: мать и дочь разсматриваются въ склоненіи основъ женскаго рода на мягкую согласную, но ихъ особенность-появленіе основы матер-, дочер- оговаривается особо; чудо, небо относятся къ словамъ средняго рода на -о, но особо оговаривается производство ими множественнаго числа отъ основъ небес-, чудес-, множ. дѣти я укажу при дитя, хотя оно возводится къ другой основѣ, чѣмъ дитя, дитяти, множ. жеребята, телята укажу при склоненіи словъ мужского рода на твердую согласную ибо именит. единственный при нихъ являются жеребенок, теленок; слово Господь разсмотрю вмѣстѣ съ именами мужскаго рода на мягкую согласную, несмотря на то, что въ род. и другихъ падежахъ является Господ-.

Обзору склоненія именъ я долженъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній. Расположу ихъ сначала по тѣмъ категоріямъ, о которыхъ я уже говорилъ: рода, числа, падежей.

Родъ именъ существительныхъ, какъ указано, познается синтаксически. Но частью и окончаніе слова свидѣтельствуетъ о принадлежности его тому или другому роду. Такъ всѣ слова на твердую согласную мужского рода; изъ словъ на твердую согласную къ женскому роду могутъ принадлежать только слова на ш, ж. Женскаго рода всѣ слова на а, кромѣ словъ, обозначающихъ лица мужского полу, (парнишка, мальчишка). Средняго рода всѣ слова на о (е) кромѣ словъ, обозначающихъ существа мужского полу, какъ напр. имя Михайло, Сѣрко, фамилія Ткаченко, Манько, а также уничижительныхъ на ишко, енко, произведенныхъ отъ неодушевленныхъ мужского рода: домишко, баммачишко, табачишко (уничижительныя отъ одушевленныхъ оканчиваются на ишка: старичишка), и увеличительныхъ на - ище отъ одушевленныхъ мужского рода: мужичище. Слѣдовательно, только въ словахъ на ж, ш и на мягкую согласную родъ не можетъ быть опредѣленъ окончаніемъ; онъ опредѣляется для однихъ падежей, въ томъ числѣ для именительнаго, синтаксически, а для другихъ падежными окончаніями, ибо падежныя окончанія словъ мужскаго рода (въ единственномъ числѣ) расходятся съ окончаніемъ словъ женскаго рода. Нѣкоторыя слова на а могутъ быть мужского и женскаго рода: пьяница, ханжа. Впервые при опредѣленіи рода мы встрѣчаемся съ особой категоріей, категоріей одушевленныхъ именъ и при томъ мужескаго рода: только въ эту категорію могутъ входить слова мужского рода на -а; неодушевленныя съ этими окончаніями могутъ быть только женскаго рода.

Категорія числа входитъ въ склоненіе существительныхъ: вообще отъ каждаго имени могутъ быть произведены формы какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа. Но нѣкоторыя имена по значенію своему не могутъ употребляться въ множественномъ; это во-первыхъ, названія странъ свѣта и мѣстностей, какъ сѣверъ, югъ, Китай, Саратовъ, во-вторыхъ, слова съ отвлеченнымъ значеніемъ, какъ глубина, ширина, святость, чепуха, упорство, темнота, молодость, любовь, грусть; въ-третьихъ слова означающія дѣйствія: бѣгство, служеніе, ученье, судоговореніе, летаніе, стукотня, ѣзда, молотьба, сѣвъ; въ-четвертыхъ, слова со значеніемъ вещественнымъ: воскъ, мука, горохъ, лебеда, макъ, серебро, вотчина, золото, молоко, мѣдь; въ-пятыхъ, названія нѣкоторыхъ народовъ: (съ собирательнымъ значеніемъ) Мордва, Черемиса, Литва, Русь. Впрочемъ, многія изъ подобныхъ словъ допускаютъ индивидуализацію, т.е. могутъ мыслиться не въ сплошной недѣлимой массѣ, а выдѣленными въ особые виды, входящіе въ составъ собирательнаго или вещественнаго понятія; напр. сѣно луговое и лѣсное, масло подсолнечное и льняное, мясо русское и черкасское; при такой индивидуализаціи возможно употребленіе этихъ словъ въ мн. числѣ: масла, мыла, сѣна, табаки, спирты, мяса и т.д. Равнымъ образомъ возможна индивидуализація отвлеченныхъ понятій, и это ведетъ къ производству отъ нихъ мн. числа: радости означаетъ радостныя событія, впечатлѣнія; должности - мѣста, занятыя должностными лицами; добродѣтели - качества добродѣтельнаго человѣка и т.д. Такимъ образомъ, мы, анализируя имена въ отношеніи къ категоріи числа, встрѣчаемся съ категоріями отвлеченности и конкретности, вещественности, собирательности и единичности. Какъ увидимъ, эти категоріи связываются еще и съ

другими явленіями въ склоненіи именъ.

Напротивъ, рядъ именъ употребляется только въ множественномъ числѣ, сюда принадлежатъ, напримѣръ: сани, ножницы, щипцы, дрожжи, сотн, гусли, духи, вѣсы, икры, корчи, клещи, вини, кресты, бубны, черви, ворота, дрова, чернила, сливки, крестины, святки, будни, каникулы, также названіе городовъ и селъ: Холмогоры, Боровичи, Ясы. Родъ этихъ именъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть опредѣленъ морфологически: такъ слова съ окончаніемъ могутъ быть признаны женскаго рода, если оканчиваются въ род. мн. на согласную основы; мужского, если оканчиваются на-овъ; впрочемъ, этотъ критерій произвольный; выставляя его не считаются съ тѣмъ обстоятельствомъ, что слова мужского рода, употребляющіяся преимущественно въ мн. числѣ, какъ разъ не имѣютъ въ род. мн. окончанія овъ: сапогъ, солдатъ, рекрутъ. Съ полною достовѣрностью опредѣляются только слова средн. рода, ибо окончаніе им. мн. на а свойственно только средн. роду. Слово ножницы женскаго рода по своему суффиксу, неизвѣстному въ мужскомъ родѣ. Слово помои представляется намъ мужского рода, благодаря род. помоевъ, но по происхожденію своему это слово женскаго рода. Синтаксическое опредѣленіе рода подобныхъ именъ невозможно потому, что слова опредѣляющія (прилагательныя, мѣстоименія) во множественномъ числѣ утратили различіе въ родѣ. Особую группу составляютъ слова, означающія парные предметы: глаза, бока, рога, уши, плечи, ноздри, колѣни, устар. очи.

Падежей, какъ мы видѣли въ склоняемыхъ словахъ различается шесть, но въ нѣкоторыхъ именахъ мужскаго рода въ книжной, а частью и въ народной рѣчи сохранились старыя формы звательн. па-

дежа: Боже, Владико, Іисусе, Христе, Господи.

Много извѣстно существительныхъ, которые употребляются только въ одномъ или двухъ - трехъ падежахъ. Такія существительныя должны быть признаны (иногда въ соединеніи съ предшествующими предлогами) нарѣчіями, ибо они потеряли главное свойство существительныхъ, какъ словъ опредѣляемыхъ; ср. верхомъ (существ. верхъ имѣетъ творительный падежъ вéрхомъ), кругомъ, руськомъ, наизволокъ (я пошелъ на изволокъ у Л. Толстого), на показъ, на изнанку, на вывороть, на распашку, въ потьмахъ, въ торопяхъ, въ сухомятку, въ приглядку, въ прикуску, на бекрень, безъ умолку. Мы говоримъ на тонакъ вмѣсто діалектическаго на тонахъ, гдѣ форма мѣстнаго мн. отъ прилагательнаго. Слово даромъ мы разсматриваемъ, какъ нарѣчіе, потому что при даромъ въ извѣстномъ его употребленіи не можетъ быть опредѣленія. Точно такое нарѣчіемъ является слово дóма, молчкомъ. Въ народномъ выраженіи по дѣломъ сохранилась старая форма дат. мн. При силкомъ извѣстно простонародное силомъ, ведущее къ слову мужского или средняго рода, ср. силомъ въ адвербіальномъ употребленіи въ совр. болгарскомъ (напр. извѣстия на семинар и по слав. филология при унив. въ София. кн. III, стр. 248). Особо отмѣчу нѣкоторыя фамиліи, по происхожденію оказывающіяся формами род. ед. или род. мн.: Дурново, Петровыхъ; эти имена не склоняются, но и не сознаются какъ формы род. падежа.

Прилагательныя съ полнымъ окончаніемъ (-ый, -ая, -ое, и т.д. получившія значеніе существительныхъ (большею частью благодаря пропуску опредѣляемаго имя существительнаго), склоняются вообще какъ прилагательныя: гостинная, крёстная, крёстный, ломовой, прохожій, нищій, взрослый, худое, Вологое, красный, Толстой, жаркое

Поэтому склоненіе такихъ существительныхъ должно быть разсмотрѣно въ отдѣлѣ, посвященномъ прилагательнымъ. Но прилагательныя съ именными окончаніями [(-ъ), -а, -о; (-ь), -я (-е)], получая значеніе существительныхъ, переходятъ въ склоненіе существительныхъ: ср. царевна, королева, Николаевна, спальня; сюда же имена городовъ на -ск.: Смоленскъ, Витебскъ, Кузнецкъ; далѣе имена на -ь, утратившія связь съ притяжательными: Кіевъ, Глуховъ, Черниговъ; имена на -ь, какъ Ярославль, Переяславль, Епифань (въ Игуменъ видимъ отвердѣніе н въ концѣ слова, ср. башен, вм. башень); также названія рѣкъ: Десна, Шуя, Ельня. Но многія прилагательныя съ именными окончаніями, ставши существительными, образуютъ нѣкоторые падежи по склоненію прилагательныхъ - или точнѣе сохраняютъ вообще именное склоненіе прилагательныхъ; сюда относятся фамиліи на -овъ, -инъ, женск. -овъ, -ина, а также имена городовъ на -овъ, -инъ, если эти имена употребляются и какъ прилагательныя притяжательныя: Борисовъ, Царицынъ. Склоненіе этихъ именъ существительныхъ должно быть поэтому разсмотрѣно въ отдѣлѣ прилагательныхъ.

Здѣсь вернусь къ нѣкоторымъ грамматическимъ категоріямъ въ именахъ существительныхъ, обнаруженнымъ предшествующими указаніями.

Категорія одушевленности и неодушевленности. Выше было указано, что кромѣ именъ уничижительныхъ и увеличительныхъ на -о (е) могутъ оканчиваться только тѣ слова мужского рода, которыя обозначаютъ существа одушевленныя: подмастерье, Сѣрко, Карько, Ткаченко. Слѣдовательно, категорія словъ одушевленныхъ грамматическимъ образомъ отдѣляется отъ категоріи словъ неодушевленныхъ. Можно думать, что средній родъ потерялъ вообще возможность опредѣлять жи-

вия существа и что всѣ слова средняго рода, означавшія имена одушевленныя, перешли въ мужской родъ: этимъ объясняется, быть можетъ, и переходъ теля, жеребя, въ теленокъ, жеребенокъ. Только слово дитя, дитятко осталось сред. рода. Можемъ прослѣдить указанную категорію и въ другихъ грамматическихъ явленіяхъ, а именно въ склоненіи единствен. и множествен. числа словъ мужскаго рода и множественнаго числа словъ женскаго рода. Въ мужскомъ родѣ винительные падежи единствен. и множествен. числа тождественны по формѣ съ именительными падежами только въ словахъ, обозначающихъ нѣчто неодушевленное: столъ, дома, посты; между тѣмъ, въ словахъ обозначающихъ нѣчто одушевленное винительные падежи ед. и множ. числа тождественны съ родительными падежами: я вижу брата, я согналъ голубей. Исключеній изъ этого общаго правила вообще не имѣется: за мухъ имѣетъ нарѣчное значеніе (ср. выше); нарѣчными выраженіями являются также и такія, какъ вышелъ въ люди, отданъ въ солдаты, въ рекруты, произведенъ въ офицеры, полковники, попалъ въ монахи и т.п. Напротивъ находимъ винительный сходный съ родительнымъ отъ словъ на -атель, -итель, какъ читатель, знаменатель, множитель, дѣлитель очевидно подъ вліяніемъ того, что вообще всѣ слова на-тель означаютъ имена лицъ; говорятъ поставить идола, сокрушить идоловъ, очевидно, вслѣдствіе представленія объ идолѣ какъ о живомъ существѣ. - Въ женскомъ родѣ винительный ед. отличается въ словахъ на -а отъ именительнаго; по этой причинѣ здѣсь не могло быть противоположенія винит. падежа одушевленныхъ и неодушевленныхъ, подобнаго тому, что въ мужскомъ родѣ: подъ этимъ вліяніемъ не создалось такого противоположенія и въ словахъ женскаго рода на мягкую согласную, гдѣ винит. совпада-

етъ съ именит. (дочь, мать/ свекровь). -Но винит. мн. ж. рода совпадаетъ во всѣхъ именахъ съ именительнымъ; такого совпаденія нѣтъ однако въ именахъ одушевленныхъ; въ нихъ именит. падежъ замѣняется родительнымъ: я прибилъ собакъ, я позвалъ дочерей. Въ среднемъ родѣ совпаденіе винит. съ именит. замѣчается и въ ед. и во мн. числѣ; словамъ средняго рода не свойственна замѣна винит. падежа родительнымъ, ибо, кромѣ слова дитя, это все слова съ неодушевленнымъ значеніемъ (нѣкоторыя отвлеченныя могутъ быть и конкретизированы); въ силу этого винит. падежъ дитя, дитятко; лицо, Божество, превосходительство, во мн. лица; но вообще какъ мы видѣли, почти всѣ слова одушевленныя ср. рода (кромѣ дитя) перешли въ муж. родъ. Въ словахъ муж. рода на -о, -е винит. пад. ед. числа не можетъ быть, въ силу указанной причины, тождественъ съ именит. падежомъ; онъ въ однихъ случаяхъ (когда слово на -о означаетъ не личность) принимаетъ окончаніе род. ед., напр. запряги Карька, въ другихъ (когда слово на -о означаетъ личность) принимаетъ окончаніе, свойственное склоненію словъ на -а: Ткаченку, Сидоренку, Михайлу; это обстоятельство повело къ тому, что имена лицъ на -о вообще склоняются какъ слова на -а. Слова, какъ телята, поросята, получаютъ въ винит. мн. окончаніе род. въ силу того, что по роду своему они принадлежатъ къ словамъ муж. рода (ср. теленокъ, поросенокъ): телятъ, поросятъ. Категорія одушевленности и неодушевленности, согласно сказанному, свойственна только именамъ существительнымъ; прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ, если эти существительныя муж. рода, имѣютъ въ винит. падежѣ форму родит.: позовите городового. Прилагательныя опредѣляющія такъ же какъ атрибутивныя мѣстоименія и числительныя согласуют-

ся въ падежѣ и въ формѣ падежа, поэтому находимъ и здѣсь въ мужскомъ родѣ при опредѣленіи одушевленныхъ въ винит. падежѣ форму родит. пад. я любилъ своего брата, я видѣлъ многихъ высокихъ людей; также въ женскомъ родѣ при винит. мн. одушевленныхъ: завелъ злыхъ собакъ, купилъ молочныхъ коровъ. Только неодушевленныя мужского рода могутъ имѣть въ родительномъ ед. окончаніе -у; одушевленныя не имѣютъ этого окончанія.

[Особо стоятъ мѣстоименія вопросительныя, какъ употребляющіяся самостоятельно, а не аттрибутивно; въ нихъ выражено различіе одушевленныхъ и неодушевленныхъ: кто, кого? относится къ одушевленнымъ, что, чего? къ неодушевленнымъ. Личныя мѣстоименія 1 и 2 л. означаютъ, конечно, исключительно одушевленные предметы (и именно лица); вслѣдствіе этого винительный и родительный совпадаютъ здѣсь въ одной формѣ: меня, тебя, насъ, васъ; но мѣстоименіе 3 л. замѣняетъ не только личныя имена, но такіе и названія предметовъ; въ этомъ мѣстоименіи однако различеніе одушевленныхъ и неодушевленныхъ не удержалось; винит. падежъ въ одушевленныхъ получилъ форму род. и эта форма замѣнила такіе форму винит. падежа неодушевленныхъ: я положилъ его (камень), я читалъ его (книгу), я проѣзжалъ его (село)].

Категорія лица и не лица. По своему происхожденію она - древнѣе категоріи одушевленности и неодушевленности; это видно изъ того, что въ словахъ на -а муж. род. находили только имена лицъ, а не животныхъ (ср. позднѣйшее распространеніе муж. род. на слово собака въ малор. и бѣлор.); сопоставьте съ этимъ и то, что въ мѣстоименіяхъ личныхъ и вопросительныхъ категорія лица имѣла исконно выраженіе. Въ совр. языкѣ категорія лица имѣетъ ограниченный кругъ распространенія, расширившись (напр. въ употребленіи род. вм. вин.)

въ категорію одушевленности и неодушевленности. Тѣмъ не менѣе эта категорія можетъ быть опредѣлена и теперь; ср. только что указанное обстоятельство - наличность въ словахъ на - а только названій лицъ мужескаго рода: воевода, тупица, умница, слуга, невѣжа, лѣвша, заика, замарашка. При этомъ, какъ мы видѣли, имена лицъ средняго рода на - о переходятъ въ своемъ склоненіи въ склоненіе словъ на - а: Ткаченку, отъ Ткаченки, и т.д. Отмѣтимъ, кромѣ того, замѣну окончанія словъ на - аго, означающихъ именно лицъ, съ окончаніемъ - ала: обирала, объѣдала, шагала, вышибала, подлипала. Категорію лица находимъ еще въ словахъ мужескаго рода на согласную; такъ слова на -ин въ ед. чис., если это -инъ не повторяется во множ., означаютъ только лицъ муж. полу: гражданинъ - граждане, болгаринъ - болгаре, хозяинъ - хозяева, шуринъ - шурья и т.д. Еще рѣзче выражается эта категорія во множ. числѣ: окончанія - е, - а (неударяемое) - ва свойственны только именамъ лицъ муж. полу; ср. граждане, бояре, римляне, хозяева, бояра; также окончаніе - ья́ (съ удареніемъ на -я): мужья, друзья, кумовья; окончаніе - и при основѣ на твердую исконно согласную точно также является только въ именахъ лицъ: черти, сосѣди (склоняются дальше по аналогіи словъ какъ люди: чертей, сосѣдямъ и т.д.); напротивъ, окончаніе-ья (безъ ударенія) извѣстно почти только отъ неодушевленныхъ (исключ. братья, холопья); и также только въ неодушевленныхъ является окончаніе -ы съ удареніемъ (при неударяемости падежныхъ окончаній въ единствен.-числѣ): пары́, сады́, ряды́, шаги́, духи́ (но ду́хи); единственнымъ исключеніемъ является нерусское слово панъ: паны́; шуты́ является при шута́, шуто́мъ.

[Категорію лица можно прослѣдить еще въ употребленіи числитель-

---

Листъ 9-й. Очеркъ современнаго русск. литер. языка. А. А. Шахматовъ.

нихъ двое, трое, четверо; они соединяются только съ именами лицъ: двое мужей, трое друзей, четверо солдатъ, такие двое дѣтей; имена женск. рода такъ какъ имена животныхъ и неодушевленныхъ не могутъ имѣть при себѣ этихъ числительныхъ: двѣ женщины, два вола, три волка!.

Категорія отвлеченности и конкретности. Мы обнаружили эту категорію, опредѣляя слова, не образующія множ. числа; только предметы мыслимые,какъ нѣчто конкретное могутъ соединяться съ представленіемъ о числѣ и слѣдовательно образовать множ. число;слова красота, ясность, привлекательность не могутъ соединяться съ числительными; поэтому при нихъ нѣтъ и множественнаго; но можно сказать: "ты допустилъ двѣ неосмотрительности"въ значеніи уже не отвлеченномъ, а въ значеніи неосмотрительныхъ поступковъ; поэтому возможно множ. число: неосмотрительности. Категорія отвлеченности сказывается еще въ нѣсколькихъ грамматическихъ явленіяхъ. Такъ они въ противоположность конкретнымъ охотно принимаютъ въ живомъ, разговорномъ языкѣ окончаніе -у въ род. муж. р., при чемъ конкурирующее окончаніе -а въ значительномъ числѣ случаевъ можетъ быть отнесено насчетъ церковнаго, книжнаго вліянія:для виду, для запаху, для вкусу, со страху, сверху, снизу (см.подробнѣе въ отдѣлѣ склоненія словъ муж.роду). Тѣ слова, при которыхъ возможенъ счетъ (двѣ, три) гораздо рѣже получаютъ окончаніе -у. Отмѣчу еще, что всѣ слова муж. род. съ отвлеченнымъ значеніемъ не имѣютъ вообще ударенія на окончаніяхъ: верхъ, задоръ,отпоръ, и т.п.напротивъ, всѣ слова съ удареніемъ на окончаніяхъ имѣютъ конкретное значеніе: табакъ, столбъ, понъ, конецъ, (кромѣ словъ на-ёкъ).

Категорія единичности и множественности. Нѣкоторыя понятія

мыслятся нами только въ единственномъ числѣ, не допуская множественнаго. Кромѣ разсмотрѣнныхъ отвлеченныхъ и отмѣченныхъ ниже вещественныхъ-собирательныхъ сюда относится рядъ конкретныхъ. Относительно состава конкретныхъ словъ, употребляющихся только въ единственномъ числѣ, можно замѣтить, что онъ опредѣляется прежде всего единичностью тѣхъ предметовъ или представленій, которыя этими словами обозначаются; таковы напр. имена собственныя, означающія мѣстности (города, рѣки), названіе странъ свѣта; сюда же относятся слова, представляющія во множ. числѣ другую основу или ассоціирующіяся съ другимъ словомъ: человѣкъ-люди, цвѣтокъ-цвѣты; сюда же, наконецъ, относятся и такія слова, которыя во множ. имѣютъ другой оттѣнокъ значенія; хлѣбъ означаетъ болѣе широкое понятіе, или точнѣе имѣетъ нѣсколько значеній, между тѣмъ, какъ множ. хлѣба́ ограниченнѣе въ своемъ значеніи и не покрываетъ слова хлѣбъ (нельзя сказать: вынула хлѣба́ изъ печи"). Всѣ эти слова муж. рода объединяются въ одной категоріи единичности, что́ можно заключить, напр. изъ того, что ни одно изъ нихъ не можетъ образовать род. падежъ на - у въ совр. языкѣ: ср. изъ Рима, изъ Петербурга, изъ Камина, изъ Пудожа и т.д.; также: дайте хлѣба; съ юга, съ востока. Единичность въ словахъ на - ин выражается этимъ суффиксомъ; во множ. находимъ основу безъ - ин (образованія, какъ воины, Литвины, Мордвины, Русины принадлежатъ къ книжнымъ и искусственнымъ). Замѣчательно соединеніе подобныхъ образованій на - ин съ числительнымъ два, три, четыре; также два цвѣтка, два человѣка, три человѣка (даже сто цвѣтковъ, пять, десять, сто человѣкъ). Ясно, что категорія единичности не всегда исключаетъ возможность мыслить тѣ или другіе единичные предметы въ числѣ двухъ, трехъ и вообще многочисленныхъ, но не допуска-

етъ представленія о нихъ въ неопредѣленномъ числѣ. Мы говоримъ пять дворянъ, сто бояръ не дворянниновъ, бояриновъ въ силу унаслѣдованнаго издревле словоупотребленія. Замѣчу, что слова на - ин разсмотрѣнн уже выше: какъ указано, въ нихъ сказалась также категорія лица. - Повторю еще разъ, что категорія единичности не исключаетъ считаемости: можно сказать въ Россіи два Кузнецка, двѣ Десны, два Ростова, двѣ Двины, но мы не скажемъ: Кузнецки, Двины.

Слова, употребляющіяся только во множ. числѣ, pluralia tantum, особенно краснорѣчиво доказываютъ наличность категоріи множественности-единичности. Оставляя въ сторонѣ названія городовъ, горныхъ хребтовъ (Карпаты), видимъ, что остальныя слова обозначаютъ: а) сложное или составное орудіе или предметъ: сани, ножницы, дрожки, ворота, клещи, мѣхи, гусли, счёты, вѣсы, б) части тѣла, уста, икры, в) карточныя масти: черви, пики, г) раздѣленія времени: будни, святки, сумерки, д) названіе праздниковъ; обрядовъ, службъ: крестины, именины, похороны, мееимоны. Къ словамъ этой категоріи отнесены тѣ формы множест. числа, которыя въ ед. числѣ являются съ другими оттѣнками и мало употребительны; напр. плоды, Святые Дары, пески, а также слова какъ люди (при человѣкъ), дѣти (при дитя). Слова, употребляющіяся только во множ., могутъ подлежать счету; но какъ увидимъ въ обзорѣ числительныхъ, слово одинъ получаетъ при этомъ форму множ. числа, а вмѣсто два, три, четыре, пять и т.д. употребляются двое, трое, четверо, пятеро и т.д.: двое воротъ, трое ножницъ, у меня сегодня двое крестинъ.

Категорія собирательности. Не будемъ смѣшивать ее съ категоріей множественности; слова съ множественнымъ значеніемъ разложимы на составныя единицы; напротивъ слова съ собирательнымъ значеніемъ обозначаютъ собраніе лицъ или предметовъ, разсматриваемое какъ од-

но цѣлое. Повидимому, въ совр. русскомъ языкѣ эта категорія имѣетъ незначительное распространеніе сравнительно съ древнимъ: собирательныя получили значеніе множ. числа; ср. друзья, братья, которыя нѣкогда были именами женск. рода ед. числа; также господа склоняющееся раньше род. ед. господи, вин. господу, дат. господѣ и т.д.; равнымъ образомъ листья, зубья, гвоздья - это по происхожденію формы им. ед. ср. рода, при чемъ листья (фонетически вмѣсто листье) склонялось: р. листья, дат. листью, мѣстн. о листьѣ. Въ опредѣленіи Востокова: листы означаетъ предметъ въ отдѣльности, или единицы, а листья совокупность предметовъ, собраніе единицъ. Собирательное значеніе сохранили слова какъ Русь, Мордва, Литва, Черемисы; также слова на - ство: множество, большинство; равнымъ образомъ слова, какъ толпа, народъ, рядъ. Только нѣкоторыя изъ этихъ словъ могутъ образовать множ. число.

Категорія вещественности. Сюда относятся 1)слова, употребляющіяся только во множ. числѣ: дрова, сливки, сотни, дрожжи, отруби, чернила, опилки, духи, 2) слова, употребляющіяся только въ ед. числѣ: мука, соль, масло, сѣно, вино, молоко, горохъ и т.д. Какъ указано, множ. число является для обозначенія разныхъ сортовъ этихъ веществъ: иностранныя вина, конопляное и подсолнечное масла. Грамматически эта категорія выражается въ словахъ муж. рода, употребляющихся въ единственномъ числѣ: они образуютъ род. падежъ на-у: меду, воску, гороху, анису, изюму, винограду; правда, и другія слова (напр. слова съ отвлеченнымъ значеніемъ) образуютъ род. съ окончаніемъ - у, но только вещественныя могутъ имѣть окончаніе-у подъ удареніемъ: табаку, коньяку, песку, нанатырю.

Категорія умалительности, уничижительности и увеличительности. Мы видѣли уже при разсмотрѣніи категоріи рода, что указанная ка-

тегорія опредѣляется и фактами языка, существуетъ именно связь между родомъ простого имени и произведенныхъ отъ него словъ съ указанными значеніями; связь эта нарушаетъ ту зависимость рода отъ окончанія, которую замѣчаемъ въ языкѣ (въ силу этой зависимости напр. иностранное пальто средняго рода). Такъ мы знаемъ, что всѣ неодушевленныя на - о (-е) средняго рода; однако слова уменьшительныя: баннячишко, домишко, голосишко муж. рода подъ вліяніемъ баннякъ, домъ, голосъ также увелич.: ножище; уничижит. мужиченко; слова ручище, ножище, головище женск. рода подъ вліяніемъ рука, нога, голова. Такъ мѣстн. ед. въ углу́ съ такимъ окончаніемъ можно объяснить только вліяніемъ со стороны въ углу.

Общія замѣчанія объ основахъ именъ существительныхъ.

Укажу на нѣсколько явленій, общихъ основамъ разныхъ склоненій. Сюда относятся: 1) осложненіе основы въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ звуками о, е, 2) измѣненія конечныхъ согласныхъ основы, 3) подвижность ударенія въ нѣкоторыхъ основахъ.

Основой называется неизмѣнная въ склоненіи часть того или иного слова. Какъ указано, принимая во вниманіе данное опредѣленіе, основы современныхъ склоняемыхъ словъ не тождественны съ древними основами. Всѣ основы именъ существительныхъ въ современ. языкѣ являются основами, оканчивающимися на согласныя твердую или мягкую; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ различаются основы муж. женск. и сред. рода: нос-, вод-а, князь-, бур-а, гнѣзд-о, мор-е.

1) Во многихъ словахъ основа является въ двоякомъ видѣ: простомъ, оканчивающемся на ту или иную группу согласныхъ, и осложненномъ, гдѣ группа согласныхъ подверглась вставкѣ гласной о или е; по своему происхожденію оба вида восходятъ къ одному первоначальному со звукомъ ъ или ь между согласными; мы знаемъ, что ъ и ь при однихъ ус-

ловіяхъ, а именно, когда въ слѣдующемъ слогѣ находился ъ или ь, переходили въ о и е, а при другихъ, когда въ слѣдующемъ слогѣ находилась гласная полнаго образованія, опускались; вслѣдствіе этого и въ корняхъ словъ и въ суффиксахъ возникали двоякія формы, при чемъ въ однѣхъ формахъ являлись звуки о, е, а въ другихъ они исчезали; такіе звуки о, е можно по примѣру школьныхъ грамматикъ опредѣлять какъ бѣглые. Формы съ бѣглыми о,е находимъ въ им. и вин. падежѣ ед. числа муж. и женск. рода, оканчивавшихся нѣкогда на ъ,ь: день-(ср. дн'а), рок (ср.рци), сон (ср.сна), каток (ср.катка); далѣе въ род. множ. всѣхъ трехъ родовъ, также оканчивавшихся на ъ,ь: турок (ср. турки), царевен (ср. царевна), писем (ср.письмо); затѣмъ въ тв. ед. ж. рода, оканчивавшемся нѣкогда на ъв: любов'ю (ср.любв-и); бѣглое е (откуда при извѣстныхъ условіяхъ о) находимъ въ сочетаніяхъ аіе, оіе и т.д. въ соотвѣтствіи съ аі, оі: заіом - (заім-а), неіек (при неік-а). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣглость о-е не оправдывается этимологіей, она явилась по аналогіи случаевъ, гдѣ бѣглыя о,е восходятъ къ ъ,ь: лёд (ср.л'ду), потолок (ср.потолк-а), камен'(ср.камн'-а), ср.въ древнемъ языкѣ леду, камене, въ діалектахъ потолока; иногда форма изъ бѣглой гласной переносится по аналогіи въ такіе падежи, гдѣ бѣглая гласная требуется фонетикой: причтъ - причта (вм.причетъ), Смоленск - Смоленска (вм. Смоленеск). Напротивъ по аналогіи бѣглости о, е, восходящихъ къ ъ, ь, въ нѣкоторыхъ словахъ находимъ вставку о, е въ группы согласныхъ, этимологически не оправдываемую: псалом-(ср. псалм-а), досок-(ср.доск-а), заимсел-(ср.заимсл-а). Наконецъ, видимъ, что есть слова, гдѣ о, е удерживается во всѣхъ падежныхъ формахъ несмотря на то, что, по своему происхожденію изъ ъ,ь подлежали бы выпаденію: чеснок - чеснока, челнок - челнока, чернецъ - чернеца (при древнемъ чернца), мох - мохом (но также мху), кузнецъ - кузнеца, гор-

децъ - гордеца; сохраненіе о, е во всѣхъ этихъ случаяхъ вызвано стеченіемъ согласныхъ. Благодаря випаденію ъ, ь въ однѣхъ формахъ, сохраненію ихъ въ другихъ, видимъ такіе дублеты, какъ: примелецъ - примел'ца, при приплецъ - приплеца. Ограничиваюсь этими немногими замѣчаніями о бѣглости о, е въ основахъ именъ существительныхъ.

2) Согласныя въ концѣ основи подвергаются измѣненіямъ благодаря 1)положенію въ концѣ слова, 2)положенію передъ гласной передняго ряда. Положеніе въ концѣ слова вызываетъ: а)переходъ звонкихъ согласныхъ въ глухія: рот (род.род-а), княс' (род.княз'а), сапок р.ед.и им.ед. (при сапог-а), рок (при рки), рип (при риб-а), любсф' (при любв-и); б) отвердѣніе конечнаго-н' въ слогѣ неударяемомъ кухон (при кухи'а), банен (при бани'а), наковален; в) діалектическое отвердѣніе мягкихъ губныхъ: кроф, любоф, голун.

Положеніе твердой согласной передъ гласной передняго ряда или i вызываетъ: а)переходъ ихъ передъ е (изъ ѣ) въ соотвѣтствующія мягкія: на стол'е, (при стол), в вад'е (при вад-а); при этомъ задненёбныя переходятъ въ мягкія средненёбныя: кулак'е, наг'е, горох'е (при кулак, наг-а, горох); б) переходъ задненёбныхъ въ мягкія средненёбныя передъ окончаніемъ -и, которое измѣняется подъ вліяніемъ предшествующей согласной въ -и: рук'и, яблок'и, мух'и; в) переходъ задненёбныхъ въ к, г, въ ч, ж въ случаяхъ какъ: суч-ја (при сук-), крючья, ключья, батожья; ср. еще ж вм. г въ Боже; г) переходъ задненёбнаго г въ з въ словѣ друз-ја при другъ (раньше переходъ г въ з, к въ ц, х въ с и при томъ именно передъ ѣ и передъ и изъ ѣ былъ общимъ закономъ, но позднѣе з, ц, с вытѣснены этимологическими к, г, х: руке вм. руце, други мои, волки, вм.

друзи, волци). Въ книжномъ языкѣ: Въ Возѣ почивній.

3) въ отношеніи къ ударенію именныя основы дѣлятся на двѣ группы: а)основы съ неподвижнымъ удареніемъ. б) основы съ подвижнымъ удареніемъ. Различіе этихъ двухъ категорій зависѣло отъ извѣстныхъ звуковыхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто частью еще въ общеславянскомъ праязыкѣ, а частью еще въ болѣе отдаленную эпоху славяно-балтійскую: здѣсь долгія гласныя (ā, ī, ū, ē, ȳ) и дифтонги имѣли двоякаго рода долготу; одну изъ нихъ называемъ экспираторною или вслѣдъ за Фортунатовымъ длительною, а другую музыкальною прерывистою);экспираторная долгота перетягивала на себя удареніе съ сосѣдняго, ближе къ началу слова, слога(краткаго или съ долготою музыкальною), между тѣмъ какъ гласныя съ музыкальной долготой, такъ же какъ и краткія гласныя, этимъ свойствомъ не обладали;вслѣдствіе этого, если удареніе исконно падало на предпослѣдній слогъ съ краткой гласной или гласной долгой съ долготою музыкальной,то оно переносилось на окончаніе, если окончаніе имѣло экспираторную долготу; напротивъ оно оставалось на основѣ, если окончаніе имѣло краткую гласную или гласную съ музыкальной долготой: vǫ́dā переходило поэтому въ vǫdā́ (ибо ā имѣло экспираторную долготу), но vǫ́dǭ въ вин. сохраняло старое мѣсто ударенія (ибо ǭ имѣло музыкальную долготу); rǫ́gā въ им.-вин. дв. переходило въ rǫgā́, а rǫ́gā въ род. сохраняло старое удареніе (ибо ā въ им.-вин.дв. имѣло экспираторную, а ā въ род. музыкальную долготу). Вслѣдствіе той же причины гласная основы съ экспираторной долготой перетягивала на себя удареніе съ окончанія, если гласная окончанія была краткая или долгая съ музыкальной долготой: sȳnъ переходило въ sȳ́nъ, но sȳnȳ съ ȳ въ окончанія вин. ин. экспираторно-долгимъ сохраняло свое наконечное удареніе. Позднѣйшія ассоціативныя явленія въ сильной сте-

нени видоизмѣнили и осложнили указанныя двѣ первопричины подвижности ударенія въ склоняемыхъ основахъ; мы находили (частью еще въ общеслав. праязыкѣ) передвиженіе ударенія и при такихъ условіяхъ, которыя не могутъ быть прямо возведены къ этимъ первопричинамъ: ср. напр. чередованіе удареній въ сел́о, сел́а, сел́у при им. мн. сёла, несмотря на то, что ā въ setā (сёла) имѣло нѣкогда экспираторную долготу, почему ему надлежало бы перетянуть на себя удареніе съ предшествующаго слога. Въ виду того, что употребленіе тѣхъ или иныхъ падежныхъ окончаній (въ особенности въ словахъ муж. р.) зависитъ отъ подвижности или неподвижности ударенія основы, мнѣ придется обратить ваше вниманіе на это свойство склоняемыхъ основъ и разсматривать составъ словъ съ подвижнымъ удареніемъ при обзорѣ склоненія по указаннымъ выше отдѣламъ.

Въ виду выясненной причины подвижности ударенія въ нѣкоторыхъ словахъ, намъ понятно, какія именно слова исконно не допускали подвижности въ удареніи: это, во-первыхъ, слова съ экспираторной долготой въ предпослѣднемъ и притомъ ударяемомъ слогѣ, а также слова съ краткою или музыкальной долгой гласной въ предпослѣднемъ слогѣ, когда удареніе словъ исконно падало на окончанія: клин, сила; пон - пон́а, тосќа. Оставляя въ сторонѣ отношенія, выясняющіяся для древняго языка, видимъ, что съ точки зрѣнія современнаго языка удареніе неподвижно, когда оно въ им. ед. женск. р. на -а падаетъ на первый слогъ двусложнаго слова: л́ипа, р́ыба, с́ила, тя́жба, б́аба; далѣе, когда оно въ словахъ женск. р. на -а и сред. рода падаетъ въ многосложномъ словѣ на предпослѣдній слогъ: поля́на, лопа́та, воро́та, соло́ма, колѣ́но, кобы́ла, копы́то; также въ словахъ муж. р., когда оно въ род. пад. падаетъ на предпослѣдній слогъ многосложнаго исконно русскаго слова: проро́ка, горо́ха, человѣ́ка;

далѣе въ словахъ женскаго рода, когда удареніе падаетъ на начальный слогъ многосложнаго слова: вставка; далѣе въ словахъ женскаго рода на -ость: молодость, старость, радость. Опредѣленіе того, какія слова съ неподвижнымъ удареніемъ имѣли его на основѣ и какія на окончаніяхъ, заводитъ въ вопросы, выходящіе изъ предѣловъ русскаго языка въ его историческомъ развитіи. Отмѣчу только, что всѣ сложныя съ предлогами слова имѣютъ удареніе на основѣ (или на предлогѣ): народ, порука, разсада, размах, нарост, носуда, загородь, заговор, замок; исключеніе составляютъ слова съ подвижнымъ о, е, какъ замок, замка, посол, посла, наемъ - найма, а также слова: похвала, помело (это слово съ подвижнымъ удареніемъ: помелья). Всѣ слова мужескаго рода съ удареніемъ на окончаніяхъ имѣютъ конкретное (или вещественное) значеніе, кромѣ словъ грабежъ, дѣлежъ, мятежъ и прочихъ на-ежъ.

I. *Склоненіе единственнаго числа словъ мужескаго рода на твердую и мягкую согласную.*

По происхожденію своему объединяющіяся въ одномъ общемъ склоненіи основы восходятъ: а) къ старымъ основамъ на -о: брат, б) къ основамъ на -о послѣ согласной задненёбной, которой предшествовала гласная передняго ряда, измѣнившая задненёбную согласную въ свистящую простую или африкату: отец (отьць изъ *otьko-s) князь, в) къ основамъ на -jo: край, муж, г) къ основамъ на -ŭ: сын, дом, д) къ основамъ на -ĭ: гость, лебедь.

Надежныя окончанія ед. числа частью восходятъ къ старому склоненію на -о, частью же къ старому склоненію на ŭ (окончанія основъ на -jo исчезли: напр. -ŭ въ мѣстн. ед., ср., впрочемъ, ниже). Окончанія эти слѣдующія: Род. падежъ: -а (изъ основъ на -ŏ), -у (изъ основъ на -ŭj). Дат. падежъ: -у (изъ основъ на -ŏ). Твор. ед.

ом (изъ основъ на ŭ)при чемъ замѣна болѣе древняго окончанія-омь черезъ -ѣмь произошла еще въ общерусскомъ праязыкѣ). Мѣстн. ед. -е (на мѣстѣ ѣ изъ основъ на -ŏ), -у (изъ основъ на -ŭ). Объ окончаніи на -и (о Василіи) см. ниже. Винительный падежъ сходствуетъ съ именительнымъ,но какъ мы знаемъ въ словахъ, означающихъ одушевленные предметы, съ родительнымъ.

Эти окончанія общія для всѣхъ словъ муж. рода (кромѣ слова путь), произносятся различно въ зависимости отъ того, падаетъ ли на нихъ удареніе или нѣтъ: род.-а, въ неударномъ слогѣ-ъ; дат. ŭ(y) въ неударномъ слогѣ ŭ твор. ом -въ неударномъ слогѣ-ъм послѣ тв. согласныхъ,-ѣм послѣ мягкихъ (на письмѣ подъ удареніемъ:-омъ,-ёмъ, -емъ, въ неударныхъ слогахъ-омъ,-емъ); мѣстн.-е, въ неударномъ слогѣ-ѣ.

Изъ приведенныхъ окончаній только окончанія -у мѣстн. ед. перетягиваетъ на себя удареніе въ словахъ съ удареніемъ подвижнымъ. Это обстоятельство приводитъ къ опредѣленію слѣдующаго словъ съ подвижнымъ удареніемъ (всѣ приведенныя слова могутъ образовать или образуютъ всегда мѣстн. ед. на-у съ удареніемъ на окончаніи, между тѣмъ во всѣхъ прочихъ падежахъ удареніе падаетъ на основу):

Указываю только тѣ слова, которые въ моемъ словоупотребленіи имѣютъ окончаніе у.

гробъ, дубъ, зобъ, якапъ, домъ, Донъ, плёнъ, бытъ, чанъ,балъ,валъ, мѣлъ, пилъ, полъ, боръ, жаръ, миръ, вѣтеръ, бредъ, видъ, годъ, задъ, ладъ, медъ, прудъ, родъ, рядъ, садъ, ходъ, чадъ, холодъ,передъ, легъ, мостъ, нотъ, свѣтъ, цвѣтъ, возъ, глазъ, тазъ, низъ, вѣсъ, квасъ, лѣсъ, носъ, бѣгъ, долгъ, кругъ, лугъ, мозгъ, снѣгъ, торгъ, шагъ, берегъ, бокъ, вѣкъ, крюкъ, сокъ, сукъ, мелкъ, верхъ, духъ, [illegible], пухъ, снѣхъ, бой, клей, край, пай, рай, строй, чай,

хмель, хлѣвъ, островъ, жиръ, соръ, вечеръ, отпускъ, смотръ.

Кромѣ того видимъ переносъ ударенія на -а въ род. ед. нѣкоторыхъ словъ послѣ числительныхъ два, три, четыре, и послѣ слова полъ; слова эти слѣдующія: шагъ, разъ, шаръ, часъ, рядъ; мы говоримъ полчаса́ два шага́, два часа́, также два раза́ при два ра́за, три шара́ (болѣе обычно, чѣмъ три ша́ра). Окончаніе -а въ этихъ случаяхъ по происхожденію не окончаніе род. ед., а имен.-винит. дв., которое систематически перетягиваетъ на себя удареніе въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ.

Многія слова колеблются въ своемъ удареніи: при род. ша́ра (земного *ша́ра, пло́да, пру́да, у́са, ба́са, та́за, ба́нта, кожу́ха,* шу́та (ср. въ особенности: *къ шу́ту),* жу́ка, *со́кола,* извѣстно и шара́, плода́, *пруда́,* уса́, баса́, таза́, банта́, кожуха́, *шута́, жука́,* со́кола (*я подчеркнулъ* то удареніе которое свойственно моему словоупотребленію).

Какъ мы знаемъ рядъ основъ мужескаго рода является въ двоякомъ видѣ съ бѣглыми о, е и безъ этихъ гласныхъ. Бѣглыя гласныя принимаютъ удареніе на себя, если оно вообще падаетъ на окончанія: оте́ц - отца́, висо́к - виска́, костёр - костра́, наём - найма́. Но въ словахъ: у́зел , у́гол удареніе переносится не на бѣглыя гласныя, а на корень.

Въ связи съ основами, имѣющими бѣглыя о,е стоятъ и тѣ основы, которыя въ именит. падежѣ оканчиваются на -ій. Въ чисто русскихъ словахъ это окончаніе неизвѣстно; вмѣсто него является -ей: жеребей - жеребья, улей - улья, Но въ церковныхъ именахъ при русскомъ окончаніи -ей является церковное - ій: Василей, Юрей, при Василій, Георгій; въ церковномъ окончаніи выдерживается і также и въ остальныхъ падежахъ: Василія, Василію, Василіемъ; въ мѣстн. ед. находимъ Василіи (при род. Васильѣ). Итакъ въ именахъ собственныхъ на -ій явля-

этоя окончаніе мѣстн. ед. -и, неизвѣстное въ русскихъ словахъ.

Какъ указано въ род. и мѣстн. ед. слова муж. рода представляютъ по два окончанія: одни изъ нихъ -а, -е восходятъ къ основамъ на -о, другія -у, -у къ основамъ на й Остановлюсь на вопросѣ о распредѣленіи этихъ окончаній.

Родительный падежъ. Окончаніе -а можно признать обычнымъ и господствующимъ окончаніемъ. Въ извѣстномъ синтаксическомъ употребленіи формы род. падежа, а именно послѣ числительныхъ два, три, четыре совр. литературный языкъ знаетъ исключительно окончаніе -а: два года, три дома, четыре рода. Родит. падежъ, какъ мы уже знаемъ, замѣнилъ здѣсь древнюю форму двойств. числа; это видно изъ ударенія въ такихъ случаяхъ какъ два города, два мужа, три года и т.д.; города, мужа, года по мѣсту ударенія формы род. падежа; въ имен.вин. дв. удареніе основъ съ подвижнымъ удареніемъ переносилось на окончаніе: города, мужа, года; ср. сохраненіе стараго ударенія въ случаяхъ вніе указанныхъ, какъ два нага, два раза, два часа, два ряда. Совпаденіе окончанія -а им.-винит. дв. съ -а род. ед. повело къ употребленію род. падежа послѣ числительныхъ 2-4, а это закрѣпило окончаніе -а во всѣхъ словахъ, подлежащихъ счету. Напротивъ слова по значенію своему не употреблявшіяся послѣ числительныхъ, укрѣпили за собой окончаніе -у. Слова эти двухъ категорій: 1)вещественныя, 2)отвлеченныя (см. ниже). Кромѣ того исключительно -а имѣютъ всѣ слова, означавшія живыя существа, въ томъ числѣ и имена собственныя; нарицательныя могутъ подойти подъ разрядъ словъ, соединявшихся съ числительными, но имена собственныя требуютъ для своего -а другое объясненіе. Дѣло въ томъ, что исконно (еще въ общеслав. праязыкѣ) слова, обозначавшія лица, получали въ винит. падежѣ форму род. падежа; но окончаніемъ, общимъ для обоихъ падежей,

было исключительно -а, ибо употребленіе формы род. падежа на -у въ основахъ на -й для вин. падежа было совершенно неизвѣстно, напротивъ и здѣсь являлась въ вин. форма сына при род. сыну; вытѣсненіе окончанія -а въ род. словъ, обозначавшихъ лица или живыя существа, вообще черезъ -у стало невозможно именно вслѣдствіе того, что то же окончаніе -а было окончаніемъ вин. падежа. Итакъ для окончанія -а опредѣляются слѣдующія области нераздѣльнаго господства: 1) слова, обозначавшія живыя существа, 2) конкретныя слова, подлежащія счету. Но относительно господства -а въ этихъ послѣднихъ словахъ должна быть сдѣлана слѣдующая оговорка: тамъ, гдѣ форма род. падежа исконно совпадала съ формой именит. - винит. двойств. вытѣсненіе окончанія род. -а окончаніемъ -у было невозможно; напротивъ, тамъ, гдѣ форма род. падежа, отличаясь по ударенію отъ формы именит. - винит. двойств. не совпадала съ ней, вытѣсненіе окончанія -а окончаніемъ -у стало явленіемъ обычнымъ; первый случай имѣлъ мѣсто въ словахъ съ неподвижнымъ ударенiемъ: клина род. ед. и имен. дв., второй — въ словахъ съ подвижнымъ ударенiемъ: вмѣсто города род. ед. (при города имен. - вин. дв.) могло явиться городу. Такимъ образомъ область конкретныхъ словъ, гдѣ господствуетъ безраздѣльно окончаніе -а, ограничиваемъ такъ: 2) конкретныя слова, подлежащія счету, съ ударенiемъ неподвижнымъ. Это объясняетъ почему въ современномъ языкѣ совершенно неизвѣстно окончаніе -у въ словахъ съ ударенiемъ на окончаніи, если слово и имѣетъ значенія вещественнаго (табаку, песку и т.п.); ср. куста, конца, креста, холста, сундука, двора, угла, боба, тонора и т.д.

Изъ предыдущихъ замѣчаній выясняется, что область распространенія окончанія -у ограничивается тѣми группами словъ, куда -у могло проникать, не встрѣчаясь съ безраздѣльнымъ господствомъ -а, слѣ-

довательно, тѣми группами, гдѣ форма род. падежа не была тождественна съ другимъ падежомъ (вин. ед. въ именахъ, означавшихъ живыя существа; имен. - вин. дв. въ конкретныхъ съ удареніемъ неподвижнымъ). Сюда относятся исконно слова со значеніемъ вещественнымъ и собирательнымъ, не подлежавшія счету въ составныхъ своихъ частяхъ: народу, лѣду, товару, сору, бархату, перцу, супу, воску, мёду, сахару, сиру, гороху, чаю, клею, мѣлу, дёгтю, песку, табаку, огню, киселю, миндалю, фуражу, коньяку, мишьяку, также льну, льду, (вмѣсто древняго леду); далѣе слова съ значеніемъ отвлеченнымъ (и потому счету не подлежавшія): вкусу, счету, запаху, свѣту, доходу, расходу, страху, жару, ходу, холоду, вздору, безъ умолку, крику, до зарѣзу, вѣсу, отъ роду, съ размаху, спросу, духу, слуху, уму, мору, толку, до верху, съ низу; наконецъ, слова съ значеніемъ конкретнымъ при условіи подвижности ихъ ударенія (многія изъ приведенныхъ формъ на -у только въ соединеніи съ предлогомъ): съ Дону, изъ лѣсу, изъ дому, до дому, съ часу, безъ году, съ боку, изъ ряду, съ возу, изъ носу, сряду, ни разу, сразу, ни шагу, съ міру, съ полу, отъ роду, съ краю; сюда же относится изо рту; въ этомъ соединеніи форма род., потерявшая удареніе, не совпадала съ формой имен. вин. дв. рта. Итакъ опредѣляются слѣдующія группы съ господствующимъ окончаніемъ -у: 1) слова со значеніемъ вещественнымъ, в) слова со значеніемъ отвлеченнымъ, е) слова конкретныя съ подвижнымъ удареніемъ.

Однако полное господство -*у* видимъ только въ первой группѣ. Но и здѣсь необходимы оговорки. Если счету подлежатъ сорта того вещества, которое обозначается однимъ изъ разсматриваемыхъ словъ, то употребляется форма на -а, какъ форма исключительно господствующая при счетѣ: два разныхъ табака. Слово овёсъ по причинѣ неясной не образуетъ овсу, а только овса (вліяніе словъ какъ проса, пшена?) Слово хлѣбъ

имѣетъ хлѣба потому, что означаетъ не только вещественное понятіе (у насъ нѣтъ хлѣба), но и конкретное (подали два хлѣба). Ср. употребленіе сыра при счетѣ: два сыра. Также народа: два народа. Вообще индивидуализація или конкретизація вещественныхъ понятій ведетъ за собой появленіе окончанія а: лѣсъ состоитъ изъ ельника и березника, очистить лѣсъ отъ хвороста, онъ вышелъ изъ простого народа, преданія русскаго народа (ср. Востоковъ). Сюда же такое словоупотребленіе: свойство сахара, пряность, аниса, перца (но возможно и вкусъ коньяку, запахъ табаку).

Во второй и третьей группѣ окончаніе -у не только чередуется съ окончаніемъ -а, но и вытѣсняется имъ. Вытѣсненіе -у во второй группѣ обязано двумъ причинамъ: во первыхъ, вліяніе книжнаго языка, упорно держащагося стараго окончанія -а; ср. страха ради Іудейска, блеска, срама, разврата, возврата (а подъ этимъ вліяніемъ: дскладя, отпуска, смѣха и т.д.. Во-вторыхъ еще тѣмъ, что окончаніе -у не вытѣсняло вообще окончаніе -а въ формѣ, сопровождаемой опредѣляющимъ словомъ: для виду, но для одного вида, отъ расходу, но отъ большого расхода; это обстоятельство вело къ тому, что слова отвлеченныя, болѣе тѣсно опредѣленныя, такъ сказать индивидуализированныя, систематически стали удерживать -а, этого вида я не забуду, отъ этого вкуса, зеленаго цвѣта, отъ постояннаго расхода и т.д. Вытѣсненіе -у въ третьей группѣ обязано тѣмъ же двумъ причинамъ, но также еще и третьей, а именно употребленіе формы на -а при счетѣ: два носа́, ряда́, бока́, года́ и т.д. вытѣсненія формами два носа́, ряда́, бо́ка, го́да и т.д.; эти формы содѣйствовали утратѣ формъ но́су, ряду, бо́ку, го́ду въ род. и послѣднія, какъ мы видѣли сохранились отчасти только въ положеніи послѣ предлоговъ. Въ совр. литературномъ

Листъ 10-й. Очерки современнаго русск. литер. языка. А. А. Ахматовъ.

языкѣ нѣтъ ни одного слова въ конкретномъ значеніи, которое не могло бы образовать формы род. пад. на -а; и напротивъ, параллельныя формы на -у все болѣе утрачиваютъ подъ собой почву.

Мѣстный падежъ. Употребленіе обоихъ окончаній -ѣ и -у гораздо строже разграничено, чѣмъ употребленіе обоихъ окончаній -а и у въ родительномъ. Обычнымъ окончаніемъ мѣстнаго ед. является -ѣ нѣтъ слова, которое не могло бы образовать въ мѣстномъ пад. формы на -ѣ. Но при этомъ форма мѣстнаго пад. является въ двоякомъ видѣ въ зависимости прежде всего отъ предшествующаго ей предлога.

Послѣ предлоговъ о (объ), при господствуетъ и при томъ исключительно форма на -ѣ: объ углѣ, при садѣ, о берегѣ, о верхѣ, о ртѣ, о раѣ, при боѣ и т.д. Возможно, однако, что слово полкъ образуетъ полку въ соединеніи съ предлогами о, при.

Послѣ предлоговъ въ, на въ большей части словъ держится окончаніе -ѣ. Но въ нѣкоторыхъ группахъ словъ находимъ окончаніе -у. Это окончаніе имѣетъ всегда на себѣ удареніе, причемъ переносятъ его на себя если другія окончанія въ склоненіи являются безъ ударенія.

Окончаніе -у въ мѣстн. ед. находимъ: 1) во многихъ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ: въ гробу, въ зобу, на Дону, въ чану, на балу, на пиру, въ ряду, на ходу, въ цвѣту, на вѣсу, на носу, на бок, въ раю и т.д. (всѣ эти слова перечислены выше), 2) въ нѣкоторыхъ словахъ односложныхъ въ мѣстномъ падежѣ: во рту, на лбу, на льду, во мху, на дну, 3) въ слѣдующихъ словахъ съ неподвижнымъ удареніемъ на окончанія: въ полку́, въ посту́, въ углу́, на плоту́, въ уголку́ (возможны также, по моему словоупотребленію они чужды. въ песку, въ узлу, въ полову́, ср. рядомъ въ пескѣ, въ узлѣ; слово поло́нъ вышло изъ употребленія), 4) въ нарѣчныхъ выра-

женіяхъ: на яву́, на скаку́.

Многія изъ этихъ словъ образуютъ и форми на -ѣ. Такъ инѣ, напримѣръ, возможно сказать: въ дому и въ домѣ, на балу и на балѣ, на холоду и на холодѣ, въ цвѣту и въ цвѣтѣ (только въ цвѣтѣ лѣтъ), въ глазу и ни въ одномъ глазѣ, на вѣсу и убавилъ въ вѣсѣ, въ квасу и въ квасѣ, въ носу и въ носѣ, въ кру́пу и въ кругѣ моихъ знакомыхъ, на вѣку и въ вѣкѣ, на верху и на верхѣ дерева, на смѣху и въ его смѣхѣ, на острову и на о́стровѣ, въ жиру и въ жирѣ, въ вечеру и на вечерѣ въ отпуску и въ отпускѣ, въ чаю и въ чаѣ и др. Я говорю только въ по́гребѣ, въ те́ремѣ, хотя извѣстны и форми въ погребу́, въ терему́. При этомъ бросается въ глаза еще и слѣдующее обстоятельство: опредѣляемая форма мѣстн. ед. чаще имѣетъ окончаніе -ѣ, чѣмъ не опредѣляемая; частью это видно изъ приведенныхъ примѣровъ, хотя необходимо замѣтить, что окончаніе -у извѣстно и въ опредѣляемой формѣ: въ платяномъ шкапу, на моемъ столу, въ высокомъ кругу, въ великомъ посту. Ср. еще въ моемъ домѣ, въ деревянномъ гробѣ, на его глазѣ.

Скажу нѣсколько словъ о происхожденіи чередованія окончаній -ѣ и -у въ мѣстномъ падежѣ. Въ основахъ на -с было искони извѣстно окончаніе -ѣ (переходившее въ -и послѣ мягкихъ согласныхъ, въ основахъ на -jo); въ основахъ на -й было окончаніе -у. Оба окончанія имѣли нѣкогда длительную долготу и потому перетягивали на себя ударе́ніе въ словахъ съ подвижнымъ ударе́ніемъ; род. са́да, мѣстн. садѣ́; род. до́му, мѣстн. дому́. Но въ основахъ на -о, а также вѣроятно и въ основахъ на -й съ теченіемъ времени, впрочемъ, еще въ общеславянск. праязыкѣ, произошла оттяжка ударе́нія въ формѣ мѣстн. ед. въ словахъ съ подвижнымъ ударе́ніемъ; эти слова только въ мѣстн. ед. перенесли ударе́ніе на окончаніе; вліяніе ударе́нія другихъ падежей имѣло

послѣдствіемъ перенесенія ударенія на основу и въ мѣстномъ: садѣ вм. *садѣ. Но послѣ предлоговъ въ и на сохранялось старое мѣсто ударенія вслѣдствіе, быть можетъ, тѣснаго соединенія формы мѣстн. ед. съ этими предлогами; мы увидимъ, что такая же оттяжка ударенія, вызванная такою же причиной (вліяніемъ другихъ падежей), замѣчается въ мѣстн. ед. словъ женск. род. на -ь (какъ рѣчь, часть), причемъ старое мѣсто ударенія сохранилось въ формахъ слѣдующихъ за предлогами въ, на (я говорю о ночи, о рѣчи, о крови, но въ ночи, въ рѣчи, на крови). Подъ вліяніемъ основъ на-й въ основы на -ŏ проникало окончаніе -у, въ мѣстн. ед.; но сохранилось такое -у вообще только тамъ, гдѣ форма мѣстн. ед. отличалась отъ формы дат. ед. Въ древнемъ языкѣ, напримѣръ, находимъ на холму, во льну, въ обиску, въ Смоленску; но въ современномъ исчезли всѣ тѣ формы мѣстн. падежа на -у которыя по звуку тождественны съ дат. падежомъ; остатками стараго словоупотребленія оказываются приведенныя выше односложныя формы, а также мѣстн. падежи, какъ въ полку́, въ посту́, на плоту́, въ полону́; углу́ при имен. уголъ, предполагая существованіе ударенія у́гла, у́глу, въ дат., а это узакониваетъ углу́ въ мѣстн.; уголку́ подъ вліяніемъ въ углу́. Впрочемъ, данныя древняго языка свидѣтельствуютъ о томъ, что самое распространеніе окончанія -у насчетъ -ѣ задерживалось тамъ, гдѣ форма мѣстн. на -у совпала бы съ формой дат. ед.; но зато, въ древнемъ языкѣ имѣлись условія, благопріятствовавшія распространенію -у вопреки указаннымъ задерживающимъ началамъ, а именно окончаніе основы на задненёбную согласную; въ совр. литер. языкѣ это условіе устранено совсѣмъ и въ полную силу вступили задерживающія начала.

√ Замѣчательно, что названія одушевленныхъ предметовъ не знаютъ совсѣмъ окончанія -у. Это объясняется тѣмъ, что такія названія могли приходить въ соединеніе съ предлогами въ, на только случайно, въ

единичныхъ случаяхъ; ср. въ воронѣ, въ волкѣ, на ворѣ, въ бѣсѣ и т. д.

О нѣкоторыхъ особенностяхъ отдѣльныхъ словъ. Слово день обычно склоняется такъ же, какъ разсматриваемыя основы на твердую и мягкую согласную; но въ литературную рѣчь проникаютъ и формы, образованныя по другому склоненію (ср. слово путь); такъ находимъ два дни, три дни вм. два дня, къ Петрову дни, отъ Петрова дни. Тоже въ склоненіи слова рубль: два, три рубли.

Слово Господь имѣетъ при себѣ зват. форму Господи; всѣ остальные падежи образуются отъ основы Господ-: р. Господа, д. Господу и т. д.

О томъ, что имена муж. рода на -ій, какъ Василій, Георгій, образуютъ мѣстн. ед. на -іи, см. выше.

О звательномъ ед. Воже, Христе, Отче, см. выше.

Слово Христосъ въ другихъ падежахъ имѣетъ основу Христ-

2. Склоненіе единственнаго числа слова путь.

Слово путь оказывается единственнымъ изъ многочисленныхъ словъ муж. р. съ исконной основой на ĭ, которое въ ед. числѣ сохранило старыя формы склоненія; остальныя слова перешли въ склоненіе основъ на -о, -jo (напр. гость, лапоть); нѣкоторыя слова сохранили свои формы склоненія, но зато перешли въ женск. родъ (и образовали въ творит. падежѣ форму на -jу вмѣсто -ем); сюда относятся напримѣръ, печать, корь, гортань. И слово путь въ народномъ языкѣ получаетъ женск. родъ.

Слово путь склоняется такъ: р. пути, д. пути, вин. путь, тв. путёмъ, мѣстн. пути. Итакъ удареніе во всѣхъ падежахъ на окончаніи.

О формахъ дни, рубли сказано выше.

3. Склоненіе множественнаго числа словъ муж. род. на твердую согласную, кромѣ ш, ж и на -й (окончаніе низш. мн. -ч, -ѝ, -а).

Основы, получающія такое склоненіе, тѣ же, что разсмотрѣнныя выше въ склоненіи ед. числа; но изъ основъ на -jo сюда относятся только тѣ, которыя въ имен. ед. оканчиваются на дифтонгъ съ -й (край, бой, воробей, и т.д.); старыя основы на -ĭ исключаются отсюда совсѣмъ. Отличіемъ разсматриваемаго склоненія отъ склоненія основъ на мягкую согласную является окончаніе род. мн.: здѣсь находимъ -овъ, -евъ, -ъ, тамъ -ей.

Надежныя окончанія мн. числа только отчасти восходятъ къ старому склоненію мн. чис. основъ на -о, -jo; въ имен. мн. находимъ кромѣ того окончанія, восходящія къ двойств. числу муж. р., а также къ им. ед. собирательныхъ словъ женск. и ср. рода; въ дат., тв., мѣстн. находимъ окончанія, заимствованныя изъ основъ женск. рода на -а. Окончанія эти слѣдующія.

Им. мн.: -ы, (-ы), -а. Род. мн.: -ов (-ев, т.е. jæf въ неударныхъ слогахъ послѣ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ), (-ъ), точнѣе отсутствіе всякаго окончанія. Дат. мн.: -ам. Твор. мн. -ами. Мѣстн. мн. -ахъ. Винительный падежъ мн. числа сходствуетъ съ именительнымъ, но какъ мы знаемъ, въ словахъ, означающихъ одушевленные предметы, съ родительнымъ. Эти окончанія въ зависимости отъ фонетическихъ условій, какъ отчасти указано въ скобкахъ, получаютъ различное произношеніе. Звуку -ы въ имен. послѣ твердыхъ согласныхъ соотвѣтствуетъ звукъ -и послѣ j(i̯): столы, но боjи, чаjи, воробjи; вм. -ы находимъ -и также послѣ к, г, х: волки, полки. Звукъ -а извѣстенъ только подъ удареніемъ: города́, краjа́. Окончаніе -овъ произносится подъ удареніемъ какъ -of, въ неударныхъ слогахъ, какъ

ɑf, послѣ j находимъ въ неударяемыхъ слогахъ также -of, а въ неударяемыхъ ɑf: bojof, окончаніе -эмъ дат. множ. подъ ударе́ніемъ -эм, въ неударныхъ слогахъ -ɑм. Окончаніе -эми твор. множ. подъ ударе́ніемъ -эмі въ неударныхъ слогахъ -ɑмі. Окончаніе -ахъ мѣстн. множ. подъ ударе́ніемъ -ах, въ неударныхъ слогахъ -ɑх.

Во множественномъ числѣ рѣзко различаются основы съ неподвижнымъ ударе́ніемъ (на корнѣ или окончаніяхъ) и основы съ подвижнымъ ударе́ніемъ. Эти послѣдніе могутъ имѣть ударе́ніе на окончаніяхъ или во всемъ склоненіи, противополагаясь единствен. числу, гдѣ ударе́ніе на корнѣ, или только на окончаніяхъ род., дат., мѣстн., между тѣмъ какъ им. -вин. мн. имѣютъ, какъ и формы единственнаго числа, ударе́ніе на корнѣ. Такимъ образомъ въ словахъ съ подвижнымъ ударе́ніемъ различаются двѣ группы: въ первой ударе́ніе переносится на окончанія им. мн. -ы и -а, во второй ударе́ніе не переносится на окончаніе им. мн. -ы; объединяются обѣ группы тѣмъ, что ударе́ніе переносится въ той и другой на окончанія, начиная съ род. мн. Опредѣленіе подвижныхъ основъ предполагается ниже при разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ окончаній именит. мн. При этомъ оказывается необходимымъ различать слѣдующія три окончанія: -ы (-и), перетягивающее на себя ударе́ніе въ словахъ съ подвижнымъ ударе́ніемъ а, всегда имѣющее на себѣ ударе́ніе, -ы, не перетягивающее на себя ударе́нія въ словахъ съ подвижнымъ ударе́ніемъ.

Именительный падежъ множественнаго числа на -ы (-и), перетягивающее на себя ударе́ніе въ словахъ съ подвижнымъ ударе́ніемъ. Это окончаніе надо признать господствующимъ; правда, его можно отличить отъ -ы, не перетягивающаго на себя ударе́нія, только въ словахъ съ подвижнымъ ударе́ніемъ, но сопоставленіе словъ, употребляющихъ то или другое окончаніе доказываетъ, что первое изъ нихъ (и,

перетягивающее ударение) свойственно преимущественно одушевленным, между тѣмъ, какъ второе (и не перетягивающее ударенія) преимущественно одушевленнымъ. Въ виду этого -ы (-и) въ словахъ съ неподвижнымъ удареніемъ одушевленныхъ не стоитъ къ разсматриваемому теперь окончанію. Это окончаніе по происхожденію окончаніе вин. мн. числа; замѣна древняго окончанія им. мн. -и окончаніемъ рид. мн. -ы въ словахъ, означающихъ неодушевленные предметы, принадлежитъ къ однимъ изъ раннихъ явленій въ области русск. склоненія; произошла эта замѣна подъ вліяніемъ того, что падежи имен. и вин. мн. совпадали въ склоненіи основъ женскаго и средняго рода, а также и того, что эти падежи совпали въ одной общей для всѣхъ родовыхъ формѣ въ словахъ опредѣляющихъ (прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ и т.д.); кромѣ того особенное значеніе при замѣнѣ окончанія им. мн. окончаніемъ рид. мн. имѣло и то обстоятельство, что въ единственномъ числѣ слова муж. р., обозначающихъ одушевленные предметы им. и вин. падежи имѣли одну общую форму; (волъ, воза; домъ, дома). Въ словахъ съ основой на -ъ, а также съ основой на -й (-i) находимъ окончаніе -и (которое послѣ ц перешло въ -ы), это -и замѣнилось окончаніе -ѣ подъ вліяніемъ окончанія -ы послѣ твердыхъ согласныхъ. Примѣры для окончанія -ы въ словахъ съ неподвижнымъ удареніемъ: столбы, посты, хвосты, пароды, дворы, суды, животы, доходы, размѣры, заводы, товары, заносы; выступы, ножики; вѣтры, пай, лишай.

Окончаніе рид. мн. -ы имѣло нѣкогда экспираторную долготу; вслѣдствіе этого удареніе словъ съ подвижнымъ удареніемъ переносилось на это окончаніе. Вотъ почему окончаніе им. мн. на -ы (-и) въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ имѣетъ на себѣ удареніе. Перечислю слова съ подвижнымъ удареніемъ, имѣющія окончаніе -ы (-и); это перечисленіе необходимо потому, что слова съ подвижнымъ удареніемъ могутъ имѣть еще и другое окончаніе -а.

балы́, боры́, бои́, валы́, верхи́, вѣсы́, дары́, долги́, дубы́, духи́, жары́, жиры́, зады́, зобы́, квасы́, круги́, лады́, міры́, меды́, мозги́, мѣхи́, носы́, низы́, паны́, пуки́, пупы́, полы́, пары́, пуды́, переды́, раи́, рои́, ряды́, разы́, сады́, склады́, слои́, сыры́, торги́, фунты́, хлѣбы́, цвѣты́, часы́, чаны́, чаи́, шаги́, шелки́, шкапы́.

Итакъ это все двухсложныя слова (трехсложно только переды́, но и оно исконно было двухсложно: передъ изъ *пердъ). Повидимому, они могутъ быть распредѣлены на три группы. Къ *первой* относимъ тѣ, которые вообще не употреблялись при счетѣ, не могли слѣдовательно образовать двойственнаго числа и такимъ образомъ получить окончаніе -а (проникшаго, какъ увидимъ, изъ формы им. вин. дв.числа). Сюда относятся слова съ вещественнымъ значеніемъ: меды, чаи, шелки, жиры, квасы, сыры; далѣе слова, употребляющіяся только въ множественномъ числѣ: цвѣты (ед. чис. цвѣтокъ), вѣсы (вѣсъ въ другомъ значеніи), мозги (мозгъ стоитъ отдѣльно), переды (ед. передокъ), зады (ср. на задахъ, твердить зады, гдѣ задъ не стоитъ въ прямой связи съ ед. задъ), верхи (тоже), низы (тоже), лады́, нелады́, мѣхи́, склады́, круги́, духи́; жары (въ спеціальномъ значеніи, ср. ед. число жара́), долы (имѣетъ тоже значеніе, что единст. полъ: полы въ этой комнатѣ не годятся), торги́ (при счетѣ не употребляется), долги́ (тоже). Сюда же относятся часы́, разы́, шаги́, ряды́, ибо часа́, раза́, шага́, ряда́ не получили значенія множ. числа, а употребляются только при числительныхъ два, три, четыре, Слова пуды, фунты можно признать рѣдко употребляющимися во множ. числѣ, ибо при счетѣ употребляются или пудъ, или пу́да, или пудъ, пудовъ (послѣ числительныхъ). Ко *второй* категоріи относимъ книжныя и новыя слова, какъ шкапы, балы, паны, (польск.), раи, слои,

Къ *третьей* категоріи относятся: сады, чины, міры, пиры, дары, валы, боры, станы, верхи, низы, зады (послѣднія три слова въ другихъ значеніяхъ, чѣмъ выше). Въ первыхъ двухъ категоріяхъ появленіе -ы вмѣсто ожидаемаго -а понятно (ср. или ихъ книжный характеръ или отсутствіе возможности сочетать ихъ съ числительными 2, 3, 4). Въ третьей категоріи -ы непонятно, если не предположимъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со старой формой двойств. числа отъ исконныхъ основъ на -у; два сады́, три сады́ и т.д. укрѣпляло за сады́ значеніе именит. множ. какъ два года́, три года́ вызвали въ формѣ года́ значеніе именит. множ. Въ нѣкоторыхъ словахъ замѣчается колебаніе: возы́ и воза́, хлѣвы́ и хлѣва́ (у Востокова хлѣва́, но хлѣвы́).

Именительный падежъ множественнаго числа на -а, имѣющее на себя всегда удареніе. Окончаніе -а, согласно только что сказанному, надо признать обычнымъ и правильнымъ окончаніемъ им. мн. словъ съ подвижнымъ удареніемъ. Всѣ слова съ подвижнымъ удареніемъ должны образовать им. мн. на -а. По происхожденію это окончаніе им. вин. двойств.; оно исконно имѣло длительную долготу и, слѣдовательно, перетягивало на себя удареніе; изъ сочетаній съ числительнымъ два формы дв. числа переносились и въ положеніе послѣ числительныхъ три, четыре: два города́, топора́, три города́, три топора́. Совпаденіе формы двойств. числа съ формой род. ед. въ части словъ (въ словахъ съ неподвижнымъ удареніемъ), въ связи съ утратой самой категоріи двойств. числа, привело къ синтаксическому употребленію послѣ числительныхъ 2-4 формы род. падежа ед. числа: два го́рода, топора́, три го́рода, топора́; замѣна словоупотребленія два, три города́ словоупотребленіемъ два, три го́рода, привела къ тому, что, во-первыхъ, сочетанія, какъ два, три города́ исчезли совсѣмъ, во-вторыхъ, форма города́ получила значеніе множественнаго числа. Съ пред-

ложеннымъ объясненіемъ согласованс тс, что слова съ неподвижнымъ ударевіемъ не могутъ образовать мн. на -а (ибс въ нихъ форма на -а по происхожденію форма двойств. числа была пс звуку тождественна съ формой род. падежа).

Слова, имѣющія окончаніе -а́ въ им.мн.распредѣляк по слѣдующимъ тремъ группамъ:

а) слова двухсложныя или трехсложныя волѣдствіе полногласія:

боровъ, берегъ (брегъ) бокъ, ворохъ, годъ, городъ, вѣкъ, вѣтеръ, домъ, желобъ, глазъ, коробъ, голосъ, край, лугъ, лѣсъ, мѣхъ, рогъ, снѣгъ, стогъ, теремъ, хлѣбъ, цвѣтъ.

Быть можетъ, сюда же клѣва́ (какъ у Востокова); также употребительны раза́, волка́, коза́.

б) слова трехсложныя и многосложныя; въ нихъ ударевіе, вѣроятно, перенесено съ предпослѣдняго слога, гласная котораго (краткая или прерывисто-долгая) не могла удержать на себѣ ударенія.

жерновъ, счетъ, погребъ, откупъ, о́корокъ, пологъ, поясъ, вечеръ, поваръ, островъ, приставъ, потрохъ, ястребъ, колоколъ, шелепъ, образъ. Востоковъ даетъ еще возраста́.

в) иноязычныя слова, разновременно заимствованныя и подчинявшіяся аналогіи указанныхъ трехсложныхъ словъ; во всѣхъ этихъ словахъ ударевіе не на предпослѣднемъ слогѣ.

парусъ, куполъ, сортъ; корпусъ, помполъ, орденъ, ситецъ, паспортъ, ордеръ, мастеръ, кучеръ, катеръ, киверъ, вахтеръ, докторъ, ректоръ профессоръ и пр., мичманъ, флагманъ. Что до офицера́, то офице́ръ отступаетъ отъ указаннаго правила объ удареніи; быть можетъ надо допустить, въ старшемъ языкѣ офицера, какъ заимствованное изъ

польскаго.

Совершенно отдѣльно стоитъ рукава́, такъ какъ рука́въ, имѣетъ неподвижное удареніе на окончаніяхъ; здѣсь видимъ явный остатокъ дв. числа (ср. малорусск. рукава съ перенесеннымъ ударе́ніемъ). Безъ созвучія со значеніемъ двойств. числа употреблялись и слова глаза́, рога́, бока́, какъ означающія парные предметы.

Большая часть приведенныхъ словъ можетъ образовать им. мн. на -ы (безъ ударенія); вѣроятно, подобныя формы представляютъ книжныя образованія: сто́ги, снѣ́ги, вѣ́хи, о́бразы, го́ды, жерновы, откупы, паруса, пояса; это относится въ особенности къ иноземнымъ, какъ мастеры, профессоры, ордены. Но особо должны быть оговорены: ро́ги (напр. охотничьи), хлѣ́бы (съ другимъ значеніемъ, чѣмъ хлѣба): о нихъ скажу ниже. О нѣкоторыхъ параллельныхъ образованіяхъ на -ы ударяемое, какъ цвѣты́, разы́, мѣхи́ сказано выше.

Именительный падежъ мн. числа на -ы, не перетягивающее на себя удареніе въ слова́хъ съ подвижнымъ удареніемъ. Отличить окончаніе -ы, не перетягивающее на себя удареніе, отъ -ы, перетягивающаго удареніе, можно, конечно, только въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ. Поэтому поговоримъ сначала о нихъ, а затѣмъ перенесемъ полученный выводъ и на слова съ удареніемъ неподвижнымъ. Сначала укажу тѣ слова съ имен. мн. на -ы, которыя съ большею или меньшею вѣроятностью можно признать книжными, представляющими церковнославянское или искусственное удареніе, а потому не подлежащими нашему разсмотрѣнію.

Это:

гробы (ср. гроба́), громы, доли, домы (ср. дома́), дубы, виды, гра́ды, сло́ги, вѣки, (ср. вѣка́), со́ки, снѣги (ср. снѣга́), стоги (ср. стога), пѣхи, годы (ср. года́), ро́ды, клубы, сор-

ты, вѣтры.

Остальныя слова дѣлятся на двѣ группы:

1) слова, означающія одушевленные предметы: волки, боги, бѣсы, трусы, моты, плуты, воры, духи.

2) слова: волосы, зубы, роги, хлѣбы, боки (руки въ боки).

Что до словъ второй группы, то они имѣютъ при себѣ и другія образованія въ им. мн.: волоса (и волосья), зубья, рога, хлѣба; послѣднія три слова отличаются по значенію; зубы (зубья у пилы), роги, (рога у коровы), хлѣбы (хлѣба въ полѣ); повидимому множ. на -я индивидуализируетъ ихъ значеніе: волоса, зубья, рога, хлѣба не означаютъ нѣсколькихъ волосъ, зубовъ, роговъ, хлѣбовъ, а имѣютъ или собирательное или парное значеніе. И это значеніе словъ зубы, роги, сближаетъ ихъ со значеніемъ множ. въ словахъ одушевленныхъ. Обращаясь къ окончанію -ы въ одушевленныхъ, видимъ, что выводить его изъ в-мн. невозможно; этому препятствуетъ ударение; кромѣ того при давнемъ стремленіи давать въ вин. мн. одушевленныхъ форму род. мн. непонятно было бы, какимъ образомъ форма вин. мн. сравнительно рѣдкая могла вытѣснить форму им. мн., тѣмъ болѣе, что въ ед. числѣ формы именит. и вин. падежа отличались по формѣ. Въ виду этого принимаю, что -ы въ бѣсы, моты и т.д. не есть окончаніе вин. мн. этихъ словъ; -я замѣнило окончаніе им. вин. -и подъ вліяніемъ господствующаго въ другихъ словахъ окончанія -ы (по происхожденію окончанія вин. мн.); но при переносѣ этого окончанія сохранилось древнее мѣсто ударенія. Подтвержденіе такому объясненію, тому, что им. мн. словъ, означающихъ одушевленные предметы, сохраняли окончаніе -и дольше, чѣмъ неодушевленныхъ, вижу въ томъ, что нѣкоторыя слова муж. рода сохраняютъ окончаніе -и до сихъ поръ (при чемъ переходятъ въ другое склоненіе): черти, сосѣди. Что до формъ, какъ зуби, волоси, рози (ст-

сюда роги), хлѣби, то повидимому эти формы въ извѣстную эпоху жизни русскаго языка сохраняли значеніе нѣсколькихъ зубовъ, роговъ, волосъ, хлѣбовъ, между тѣмъ, какъ формы зубы́, волосы́, хлѣбы́ (по происхожденію формы вин. мн.) означали совокупность зубовъ, волосъ, или получили значеніе собирательное (ср. замѣну ихъ черезъ собират. зубья, волосья), рога означалс пару роговъ; формы зубы́, волосы́, хлѣбы́ смѣнились черезъ зубья, волоса или волосья, хлѣба, а зуби, волеси, хлѣби, рови черезъ зубя, волосы, хлѣба, роги (ср. духи, волки, воры вм. дуси, волци, вори).

Изъ сего обстоятельства, что -ы въ бѣсы, трусы и т.д. обнаруживаетъ иное происхожденіе, чѣмъ -ы въ окончаніи неодушевленныхъ, можно заключить, что иное происхожденіе имѣло -ы и въ одушевленныхъ также съ непсдв. удареніемъ, т.е., что напр. въ игумены, приказчики. Греки, попы́, мужики́ -ы (-и) замѣнилс окончанія им. мн. -и.

Родительный падежъ множественнаго числа на -овъ (-евъ). Обычнымъ окончаніемъ род. мн. при имен. мн. на -ы (-и послѣ к, г, х), въ -а является -овъ: возовъ, волковъ, городовъ. Поэтому отнсму къ разсматриваемому склоненію и такія слова, какъ чаи, рои, края; въ род. сви оканчиваются на овъ: чаёвъ, роёвъ, краёвъ. Во всѣхъ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ -ов имѣетъ на себѣ ударе́ніе; мы находимъ ударяемое -ов не только при формахъ им. мн. на -ы (-и), -а ударяемыя, но также и при им. мн. на -ы (-и) неударяемыя: волковъ, бѣсовъ, трусо́въ (такъ у Востокова; я говорю трусовъ), боговъ, хлѣбо́въ, роговъ, зубо́въ и т.д. Причиной перенесенія ударенія на -ов – было, какъ кажется то обстоятельство, что -ов произносилось съ долгимъ о, удлинившимся вслѣдствіе отпаденія послѣ в звука -ъ; ср. указанный выше переходъ ка́менье въ каме́ніе въ связи съ удлиненіемъ е, вызваннымъ выпаденіемъ звука ъ.

Родительный падежъ множ. числа безъ окончанія. Такія формы встрѣчаются вообще крайне рѣдко и представляются архаизмами, остатками древней эпохи, когда именно такое образованіе род. мн. было обычнымъ (древнимъ окончаніемъ род. мн. было -ъ въ основахъ на -о, а окончаніе -овъ свойственно основамъ на -й и изъ нихъ уже на почвѣ русскаго языка переносилось въ основѣ на -о). При этомъ выясняются двѣ группы словъ съ такимъ образованіемъ родит. множ.: 1) слова, часто употребляющіяся при счетѣ и сохраняющія древнюю форму род. мн. послѣ числительныхъ пять, шесть и т.д., а также послѣ словъ какъ нѣсколько, много; сюда относятся аршинъ, разъ, человѣкъ; многіе употребляютъ въ род. мн. также еще форму пудъ; въ старинномъ языкѣ также алтынъ (слово, вышедшее изъ употребленія). 2) Многосложныя слова, означающія одушевленные предметы, лица, какъ: гренадеръ, драгунъ, кадетъ, солдатъ, турокъ. Какъ указано выше, одушевленные сохраняли въ им. мн. окончаніе -и долѣе, чѣмъ неодушевленные. Быть можетъ, окончаніе -ов ассоціировавшееся именно съ окончаніемъ им. мн. -ы, не такъ легко проникало въ слова съ окончаніемъ -и въ им. мн. (понятно, что приведенныя иностранныя слова подчинились аналогіи своихъ русск. словъ). Та же причина удерживала при им. мн. во́лоси (выше было указано, какъ долго держалась эта форма) род. мн. воло́съ (удареніе воло́съ при во́лоси зависѣло отъ различнаго качества ударенія на сочетаніи ол; ол имѣло удареніе нисходящее, но въ слогѣ передъ выпавшими ъ, ь нисходящее удареніе переходило въ восходящее; ср. съ этимъ выше: чере́нья, чере́пья, коло́сья, поло́зья при че́рен, че́реп, ко́лос, по́лоз). Та же причина могла удерживать форму глаз при предполагаемомъ *гла́зи (на *гла́зи указываютъ нѣкоторыя діалектическія формы, какъ глазёх, глазём, въ глазях), существовавшую при двойств. глаза́. Та же причина могла удерживать форму сапог при именит. сапози́ (откуда сапоги́), долго державшуюся при дв. сапога́ (ср. дв. число отъ этого слова въ еванг.

текстѣ). Слѣдовательно та же причина можетъ быть предположена и для чулок, при им. чулци (откуда чулки); значеніе слова чулокъ позволяетъ допустить наличность формы им. чулка при болѣе рѣдкомъ мн. чулци. Форма волоси, глази, сапози, чулци держались, не замѣняясь формами волосы, глазы, сапоги, чулки, такъ какъ сначала собраніе нѣсколькихъ предметовъ, выдѣлявшихся изъ совокупности или изъ парности волосъ, глазъ, сапогъ, чулокъ. Такимъ образомъ значеніе им. мн. на -и въ именахъ лицъ (ссѣди, черти) и въ такихъ словахъ, какъ волоси, зуби объясняется представленіемъ о собраніи индивидуальныхъ лицъ или предметовъ и противополагается значеніе ед. числа, поглощающаго единицы; такое значеніе въ словахъ со значеніемъ неодушевленныхъ развивалось подобнымъ только тамъ, гдѣ существовало отъ нихъ множ. число со значеніемъ собирательнымъ или парнымъ.

Окончаніе дательнаго, творительнаго, мѣстнаго множественнаго числа. Эти окончанія -ам, -ами, -ах заимствованы изъ основъ жен. и муж. рода на -а; они замѣнили старыя окончанія -ом, -ы, -ѣхъ. По общему правилу удареніе падаетъ на эти окончанія тогда, когда удареніе падаетъ на окончанія род. мн. -ов (см.выше при род.мн.): богам, хлѣбам, волкам.

Замѣчанія о нѣкоторыхъ группахъ словъ. Слова на ёнок образуютъ им. мн. на -ята. Сюда относятся тѣ слова, которыя въ древнемъ языкѣ оканчивались въ им. ед. на -я и представляли во всѣхъ другихъ падежахъ основу на -ят: древнія теля, порося, жеребя, козля и т.д. перешли въ телёнок, поросёнок, жеребёнок, козлёнок; но эта новообразованная основа удерживается только въ ед. числѣ, въ множественномъ продолжала существовать старая основа, склонявшаяся въ среднемъ родѣ: поросята, козлята, ребята. Понятно, что те-

перь и эти формы мн. числа подъ вліяніемъ формы ед. числа перешли въ мужескій родъ. Рѣже образованія на -енята: бѣсенята, чертенята. Неправильная форма бурята вм. буряты, проникшая въ газеты, обязана аналогіи словъ какъ ребята, котята.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ. О формахъ черти, сосѣди, холопи сказано выше; о нихъ скажемъ и ниже. -Слово другъ образуетъ друзья, кумъ - кумовья, сынъ - сыновья; см. объ этихъ образованіяхъ ниже въ 5 отдѣлѣ. -Тамъ же см. образованія им. мн. отъ братъ, холопъ, супъ, зубъ. Тетеревъ образуетъ тетерева, но въ род. тетеревей.

4. Склоненіе множественнаго числа словъ мужескаго рода на мягкую согласную и на отвердѣвшія ш,ж.

Главнымъ отличіемъ этого склоненія отъ склоненія основъ на твердую согласную является окончаніе род. мн. -ей, между тѣмъ, какъ въ тѣхъ основахъ находимъ -ов.

Сюда относятся слова, принадлежавшія исконно къ основамъ на -ĭ и къ основамъ на -jo. Падежныя окончанія им. мн. -и, род. мн. -ей восходятъ во всѣхъ этихъ основахъ къ окончаніямъ -i, -ьi основъ на -ĭ; правда, им. мн. основъ на -jo фонетически можно возвести и къ старой формѣ им. мн. основъ на -jo: кони, ключи, но не забудемъ, что ключи должно было бы вытѣсниться формой ключѣ, т.е. старой формой вин. мн.; если такого вытѣсненія не произошло, то, очевидно, подъ вліяніемъ основъ на ĭ: ключѣ замѣнено черезъ ключи подъ вліяніемъ пути, гвозди, ногти и т.д.; или ключѣ не вытѣснило ключи, такъ какъ окончаніе -и въ ключи отождествлено было съ окончаніемъ -и (по происхожденію вин. мн.) словъ, какъ пути, гвозди, ногти. На тождество окончаній -и въ ключи и -и въ пути показываетъ и наличъ-

ность при ключи формы род. мн. ключей, явившейся вм. старой формы ключъ. Такъ же точно им. мн. черти, сосѣди, холопи не вытѣснено черезъ чертн, сосѣди, холопы подъ вліяніемъ отождествленія ихъ окончанія -и съ окончаніемъ -и въ гуси, люди, гости; ср. новообразованія чертей, сосѣдей, холопей.

Итакъ, въ разсматриваемомъ склоненіи обнаруживаются слѣдующія окончанія: им. мн. -и (-ы), а. Род. мн. -ей. Дат. мн. -ам. Тв. -ами. Мѣстн. -ах. Винит. падежъ сходствуетъ съ именительнымъ, но, какъ мы знаемъ, въ словахъ, означающихъ одушевленные предметы, съ родительнымъ.

Въ отношеніи къ ударенію разсматриваемыя формы мн. числа распадаются на группы: 1) неподвижныя съ удареніемъ на окончаніи или корнѣ при им. мн. на -и, 2) подвижныя при им. мн. на -и или -а. Подвижность ударенія второй группы выражается въ томъ, что род., дат., тв. и мѣстн. мн. переносятъ его на окончаніе, между тѣмъ, какъ въ имен. оно падаетъ на корень. Мы видѣли, что въ основахъ на твердую согласную, -ы обыкновенно, перетягиваетъ на себя удареніе въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ; напротивъ, окончаніе -и въ основахъ на мягкую согласную никогда ударенія на себя не перетягиваетъ; это свидѣтельствуетъ о совершенно различномъ морфологическомъ происхожденіи окончаній -ы и -и; ошибочно было бы утверждать, что въ ключи то же окончаніе, что въ топоры и различающееся отъ него только вслѣдствіе положенія послѣ мягкой согласной. Замѣчательно, что слово конь, исконно съ неподвижнымъ удареніемъ на окончаніи, переноситъ его въ им. мн.: кони; очевидно, здѣсь сказалось вліяніе словъ какъ гости, гуси, лебеди и т.д. Въ группѣ словъ съ неподвижнымъ удареніемъ большинство словъ имѣетъ удареніе на окончаніи; исключеніе составляютъ

нѣкоторыя слова на -ичъ (Ива́новичи назв. мѣстн. Воровичи) и ин, какъ това́ринъ. Государь, роди́тели, камни. Разсмотрю отдѣльно окончанія и сдѣлаю при этомъ еще нѣсколько замѣчаній объ удареніи.

Именительный множествен.ч.на -ы, никогда не переносящее на себя удареніе. Въ словахъ съ неподвижнымъ ударе́ніемъ: 1) лучи́, мечи́, бичи́, богачи́, клещи́, плащи́, ножи́, чижи́, ковши́, торгаши́, корабли́, кисели́, псари́, алтари́, богатыри́, угри́, караси́, дожди́; 2) това́рищи, государи́, попо́вичи, сюда же черти, сосѣди, холопи. Въ словахъ съ подвижнымъ ударе́ніемъ (ср. ниже при окончаніи род. мн.): голуби, овощи (но у Востокова овощи́ съ неподвижнымъ ударе́ніемъ), гости, лебеди, люди, сюда же черти. То обстоятельство, что слова на -ъ не образуютъ им. мн. на -а, бытъ можетъ, служитъ указаніемъ на то, что въ окончаніи -и частью сохранилось старое окончаніе им. -вин. дв. отъ основъ на ѣ: два, три караси вызвало сохраненіе формы карасей въ мн. ибо рядомъ, въ теченіе долгаго времени, не существовало соединенія два, три карася́. Подъ вліяніемъ основъ на ѣ, это окончаніе переносилось въ основы на -jo. Ср. два рубли вм. два рубля.

Именительный множествен.ч.на -а, переносящее на себя ударе́ніе. Сюда относятся, преимущественно, слова заимствованныя, подчинившіяся аналогіи словъ съ основой на твердую согласную. Эти слова на -тель книжнаго, церковнославянскаго происхожденія: учителя, смотрителя; слова на -арь, заимствованныя съ польскаго: лѣкаря, писаря; слова тополь, якорь; слова на -ель: вексель, вензель, крендель, педель, дупель, штемпель, флигель; слово егерь. -Что до слова сторожа, то, по-видимому, оно замѣнило старшее сторо́на подъ вліяніемъ словъ, какъ: мужья́, князья́.

Родительный множественнаго числа. Окончаніе -ей въ словахъ съ неподвижнымъ ударе́ніемъ: путей, плащей, ключей, голубей, кораблей; го-

судáрей, родúтелей. Окончаніе -ей въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ имѣетъ ударéніе всегда на себѣ. Перечислю эти слова:

Именит. падежъ множественнаго числа на -и неудар.: голубь, гвоздь, гость, грудь, гусь, зять, (?) звѣрь, лебедь, лапоть, коготь, кóзырь, корень, локоть, окунь, омуль, ноготь, перстень, соболь, тать, угсль, угорь, óвомъ, мужъ, червь. -Кромѣ мужъ и овощъ - это все исконныя основы на -ĭ.

Причина переноса, образованіе сочетанія -ъ̂і̯ съ -ъ̂ сильнымъ; ср. переносъ ударенія на -ov изъ -ov̯ъ.

Дательный, творительный, мѣстный множественнаго числа. Окончанія -ам, -ами, -ах всегда имѣютъ на себѣ ударéніе въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ: голубя́мъ, ногтя́ми. Ср. сказанное выше объ удареніи этихъ окончаній въ основахъ на твердую согласную.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ. Слово день кромѣ дней образуетъ форму род. мн. дён̈ъ, рѣдко употребляемую въ литер. нарѣчіи; полдни - полдён̈ъ.

Мужъ, зять, князь образуютъ мужья, зятья, зятевья, князья, гвоздь - гвоздья, см. объ этихъ словахъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

5. Склоненіе множественнаго числа словъ, оканчивающихся въ им. мн. на ья.

Окончаніе -ья въ именит. мн. двоякаго происхожденія. Въ словахъ, означающихъ одушевленные предметы, точнѣе лица, это окончаніе восходитъ къ окончанію им. ед. женскаго рода собирательныхъ; слово братья въ старомъ языкѣ склонялось въ ед. числѣ: вин. братью, род. братьѣ и т.д.; ср. слово братья (монастырская братья) и въ совр. языкѣ. Сюда относятся им. мн. братья, холопья, мужья, друзья, князья, зятья, зятевья, сыновья, кумовья. Совершенно ясно, что друзья замѣнило древнее дружья, извѣстное въ памятникахъ, подъ вли-

яніемъ формы им. мн. друзи; также князья вмѣсто княжья подъ вліяніемъ князи. Поэтому можно думать, что зятевья, сыновья, кумовья замѣнили зятья, *кумья, *сынья подъ вліяніемъ формъ им. мн. зятеве, сынове, кумове. Такимъ образомъ, им. мн. на -ья имѣютъ, какъ слова съ основой на твердую согласную (при нихъ также -овья), такъ и съ основой на мягкую согласную (при нихъ также -евья). Слова съ неподвижною по ударенію основой не переносятъ ударенія на -ья: братья, холопья; напротивъ, слова съ подвижною по ударенію основой, переносятъ его на окончаніи: мужья́, зятья́, друзья́, князья́, сыновья́, кумовья́; различіе въ удареніи словъ, какъ братья и зятья, восходитъ еще къ той эпохѣ, когда эти слова означали им. пад. женск. рода.

Въ словахъ, означающихъ неодушевленные предметы, -ья восходитъ къ окончанію им. ед. собирательныхъ ср. рода; окончаніе это звучало -ье, но неудар. -е въ концѣ слова фонетически перешло въ -а (ср. меня вм. мене, есме въ есмя, татарове въ татарова): слова, какъ листье, гвоздье склонялись нѣкогда въ ед. числѣ; род. листья, дат. листью; но когда именит. листье перешло въ листья, его окончаніе -а стало вызывать представленіе о множественномъ числѣ; ассоціація им. мн. листья съ лист не препятствовала муж. роду этого послѣдняго слова, ибо подобная ассоціація уже существовала въ случаяхъ какъ братья - брат, холопья - холоп. Возможно, что листья смѣнялось и смѣнилось бы совсѣмъ черезъ листьи, если бы не вліяніе словъ, какъ перья, деревья, ср. род. О существованіи ед. числа листье, гвоздье, калинье и т.д. свидѣтельствуютъ не только памятники, но и современные сѣверновеликорусскіе говоры (ли́стьё, гво́здьё). Перечислю формы им. мн. на -ья отъ словъ со значеніемъ неодушевленныхъ:

1) Двусложныя съ неподвижнымъ ударевіемъ въ ед. и мн. чис. (на кор-

нѣ или окончаніяхъ): колъ, клокъ, крюкъ, листъ, сукъ, гвоздь, стулъ, струпъ, брусъ, клинъ.

Двусложныя съ подвижнымъ удареніемъ въ ед. и мн. чис.: зубъ, комъ, лубъ, прутъ.

2) Трехсложныя, исконно двусложныя, съ подвижнымъ удареніемъ: колосъ, полозъ, черепъ, черенъ; сюда же у́голь.

Трехсложныя съ неподвижнымъ удареніемъ: волдырь, пузырь, пупырь, батогъ, кочанъ, камень.

Трехсложныя съ подвижнымъ удареніемъ: обозъ, корень, лоскутъ.

Итакъ, приведенныя формы образуются, какъ отъ словъ съ основой на твердую согласную, такъ и отъ словъ на мягкую согласную. Удареніе никогда не падаетъ на -ья, оно падаетъ на слогъ передъ -ья, поэтому въ двусложныхъ оно ложится на первый слогъ, а въ трехсложныхъ на предпослѣдній (но у́голья) въ словахъ, какъ обо́дья, коренья, каменья явный переносъ ударенія на удлинившійся слогъ вслѣдствіе выпаденія за нимъ въ слѣд. слогѣ ь; слово камень, имѣющее неподвижное удареніе, ср. род. мн. ка́мней, всетаки представляетъ такой переносъ; въ словѣ уголья удареніе падаетъ не на предпослѣдній слогъ потому, что уголья восходитъ къ древнему у́глѣје; въ словахъ: коло́сья, чере́пья имѣемъ другое удареніе, чѣмъ въ ко́лосъ, че́репъ въ зависимости отъ подобнаго же процесса, а именно-наличности въ слѣд. слогѣ ослабленнаго звука, ср. удареніе род. воло́съ при род. во́лоса. Только -ья: стулья, колосья.

При листья находимъ листы въ другомъ употребленіи, съ другимъ значеніемъ; листы при листья ср. зубы, во́лосы (слѣдовательно, -ы замѣнило здѣсь -и, старое окончаніе им. мн.), при крючья-крюки́, при гвоздья-гво́зди, при уголья-у́гли, при коренья-корни (въ другомъ значеніи), при клочья-клочки (въ другомъ значеніи), при колья-колы (въ другомъ значеніи), при зубья-зубы (въ другомъ значеніи и т.д.

Востоковъ замѣчаетъ: "когда говорятъ о предметахъ въ отдѣльности, какъ объ единицахъ, тогда употребляютъ правильное окончаніе: струи, батоги, крюки, камни, корни; когда же разсматриваютъ предметы въ совокупности, какъ собраніе единицъ, тогда употребляютъ окончаніе на -ья: струпья, батожья, крючья, каменья, кореньа".

Склоненіе словъ, оканчивающихся въ им. мн. на -ья, распадается на двѣ группы: въ первую, обнимающую, какъ исконныя собирательныя женск. рода, такъ и собирательныя сред. рода, входятъ всѣ тѣ слова, которыя оканчиваются на неударяемое -ья; въ род. пад. множ. они имѣютъ -евъ: братъ - братьевъ, сучья - сучьевъ, каменья - каменьевъ; во вторую, обнимающую только собирательныя женск. рода, входятъ слова, которыя оканчиваются на ударяемое -ья; въ род. пад. мн. они имѣютъ -ей: мужья - мужей, друзья - друзей, сыновья - сыновей Такимъ образомъ, первая группа примыкаетъ къ словамъ съ основой на твердую согласную, а вторая къ основамъ на мягкую согласную. Повидимому, причина дифференціаціи слѣдующая: при им. мн. на -ья (jə) возникалъ род. мн. jев потому, что такое окончаніе являлось и при формѣ им. мн. на -ья (ji): краснобаи - краснобаевъ, горностаи-горностаевъ; вообще, окончаніе -ей не являлось послѣ j; причиной этому было то, что въ словахъ съ основой на ĭ не было такихъ, которыя передъ ĭ имѣли j, слѣдовательно, представляли род. мн. jей; поэтому при бояи, горностаи являлись формы бояов, горностаjев; и также при им. мн. муж. рода братья являлось братьевъ. Между тѣмъ въ рядѣ словъ на -ья съ новой формой им. мн. ассоціировалась форма род. мн. на -ей, которая принадлежала къ старому склоненію съ им. мн. на -и: такъ при мужья род. мн. былъ мужей, относящійся соотвѣтственно къ им. мн. мужи (и замѣнившій форму муж., когда мужи ассоціировалось съ гости, тати), при друзья род. мн. друзей, относящійся собствен-

но къ им. мн. друзи (ср. новообразованіе чертей, холопей при черти, холопи), при зятья - зятей, при князья - князей; подъ вліяніемъ такихъ словъ и новообразованія кумовья, сыновья, зятерья получили при себѣ новообразованныя формы род. мн. сыновей, зятерей; но также являются и формы на -ёвъ; кумовьёвъ, зятьёвъ (ср. ниже шурьёвъ). Что до прочихъ падежей множественнаго числа, то въ основаніи ихъ была положена основа им. мн.: поэтому братьямъ, сучьямъ; друзьями, сыновьяхъ.

6. Склоненіе множественнаго числа словъ, представлявшихъ въ единственномъ числѣ основу на -ин. Въ единственномъ числѣ слова на -ин, означавшія лица муж. пола, склоняются, какъ всѣ, вообще основы муж. рода на твердую согласную: бояринъ, боярина и т.д. Но во мн. числѣ окончаніе -ин отпадываетъ, не является; причиной этого то, что суффиксъ -ин имѣлъ значеніе единичности, ср. -ин въ одинъ -ин въ инокъ, иноходецъ. Такимъ образомъ, для образованія мн. числа служила сокращенная основа, основа на согласную. Въ древнемъ языкѣ основы на согласную получали особыя, своеобразныя именно имъ, окончанія: им. мн. -е, род. мн. -ъ; прочіе падежи искони образовывались и по основамъ на і, или по основамъ на -с. Современный языкъ сохранилъ эти старыя формы, въ значительной части относящихся сюда словъ: мѣщане, мѣщанъ, мѣщанам, мѣщанами, мѣщанах (послѣднія формы по склоненію на -а, вслѣдствіе общаго перенесенія окончаній основъ на -а въ основы на -о). При основахъ на -итин явились новообразованныя формы мн. числа на -итяне, собственно, образованныя при формахъ единств. -итянин: москвитин и москвитянин - москвитяне, тверитин и тверитянин - тверитяне. Но въ нѣкоторыхъ словахъ окончаніе -е, фонетически переходившее въ -а (ср. сказанное выше относительно листья, меня, есмя), получало затѣмъ (передъ этимъ -а) отвердѣвшую согласную

подъ вліяніемъ, конечно, твердости согласной во всѣхъ прочихъ падежахъ множ. числа; такъ вм. бояре, татаре, баре, откуда бояря, баря, татаря, являлось произношеніе бояра, бара, татара. Окончаніе -а смѣнилось окончаніемъ -ъ, напр. въ болгарь, татарь. Въ р. мн. не явилось новообразованія на -ов по той общей причинѣ, что -ов являлось только тамъ, гдѣ фор. род. мн. совпадала съ формой именит. ед. Приведу рядъ относящихся сюда основъ: основы на -ан: мѣщане, дворяне, римляне, крестьяне, магометане, мусульмане, дворяне, цыгане, египтяне; основы на -ар (съ окончаніемъ -аре): бояре, татаре, болгаре (форма устарѣвшая); (съ окончаніемъ -ара): татара, бояра, бара (также малоупотребительныя формы); (съ окончаніемъ -арь): татарь, болгарь. Сюда же относится им. мн. хозяева при хозяинъ; хозяева вм. *хозяевья, а это изъ *хозяеве съ окончаніемъ им. мн. -еве (ср. предположенное выше зятеве, вошедшее въ составъ зятевья).

Особую группу образуютъ тѣ слова на -ин, которыя во мн. числѣ представляли исконныя слова собирательныя. Прежде всего сюда относится господинъ - господа́, госпо́д, господа́м; слова господа́ по происхожденію собирательное женск. рода (р. господы вин. господу); склоненіе господа́, госпо́д явилось въ связи съ переходомъ другихъ собирательныхъ женск. рода въ форму мн. числа, ср. указанныя выше: мужья, зятья, сторожа; форма род. мн. госпо́д не господо́в доказываетъ, что здѣсь не было вліянія со стороны образованій, какъ города́ - городо́в; господ не смѣнилось формой господов подъ вліяніемъ словъ, какъ бояр, мѣщан и т.д.: господ, такъ относится къ господин, какъ мѣщан къ мѣщанин. Также при шуринъ является шурья, также форма единств. чис. съ собирательнымъ значеніемъ по своему происхожденію (р. шурьи, вин. шурьи); шурья имѣетъ при себѣ род.

мн. мурьёвъ, ве мурей; очевидно, что здѣсь почему то не сказалось вліяніе словъ, какъ друзья - друзей. Слова Русинъ, Литвинъ, Мордвинъ, Чудинъ, Жидовинъ, Черемисинъ имѣютъ при себѣ собирательныя: Русь, Литва, Мордва, Жидова, Черемиса, (впрочемъ, Черемиса замѣняется формой множ. числа Черемисы, ср. татары вмѣсто татара). Слова: Сербинъ, Турчинъ, Нѣмчинъ (теперь уже устарѣвшія) имѣютъ при себѣ множ. число Сербы, Турки, Нѣмцы.

Нѣкоторыя книжныя слова на -ин образуютъ им. мн. на -инны: воины, властелины. Такие искусственно Русинн. -Цыгане ведетъ отъ им. ед. цыган, а цыгане относится къ цыганин; равнымъ образомъ, молокане относится къ молоканив, а при им. ед. молокан можно ждать молоканы.

7. Склоненіе словъ женскаго рода на ш, ж и на мягкую согласную. Относящіяся сюда основы восходятъ къ исконнымъ основамъ на i, а также, къ основамъ на согласную ч и къ основамъ на й-ѣv. Звуки ш и ж твердые восходятъ къ исконнымъ мягкимъ ш и ж. Падежныя окончанія восходятъ всѣ къ старому склоненію. Окончанія эти слѣдующія: р. ед. -и, дат. -и, твор. -ью, мѣстн. -и, вин. падежъ совпадаетъ съ именит.; им. мн. -и, род. мн. -ей, дат. мн. -ам, твор. -ами (рѣже -ми), мѣстн. -ах, вин. мн. -ы.

Основы на исконное -er отличаются тѣмъ, что основу -er' представляютъ во всѣхъ падежахъ кромѣ имен. и винит., гдѣ является болѣе краткая основа на предшествующую звукамъ er' согласную: мат', доч', род. матери, дат. дочери и т.д.

Основы женск. рода на мягкую согласную могутъ имѣть или неподвижное ударение (всегда на корнѣ, не на окончаніяхъ) или подвижное; къ первымъ относятся, напр., мѣдь, нить, сладость, юность; ко вторымъ, напр., грязь, лошадь, кровь, мать.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ падежахъ. Въ твор. падежѣ является окончаніе ју изъ древняго ѣју; въ связи съ выпаденіемъ ѣ стоитъ то, что основы, имѣющія въ слогѣ передъ окончаніемъ ъ (или ь), замѣняютъ его черезъ о: вошь, вошью (при вши), церковь, церковью (при церкви). Вмѣсто -ју является -ей, заимствованное изъ склоненія основъ на -а въ словахъ: басней, пѣсней, слѣдсвательнс, -сней вм. -снју: но -знју сохраняется, не замѣняясь черезъ -зней, напр., жизнью, казнью (произносятся почти жизню, казню, или жизнѣю, казнѣю съ долгимъ и).

Окончаніе мѣстн. ед. -и исконно отличалось отъ окончанія -и ород. и дат. качествомъ долготы: -въ мѣстн. ед. -и имѣло длительную долготу, а въ род. и дат. прерывистую. Вслѣдствіе этого, въ словахъ съ подвижнымъ ударсніемъ, оно перенеслось на окончаніе мѣстнаго падежа, оставаясь на основѣ въ род. и дат. Какъ можно заключить изъ современнаго литературнаго русскаго языка, а также изъ того, что сказано было нами раньше объ ударсніи мѣстн. ед. муж. рода, въ общеславянскомъ праязыкѣ ударсніе переносилось въ мѣстномъ падежѣ съ окончанія на основу подъ вліяніемъ ударенія другихъ падежей ед. числа; но перенесеніе это задерживалось при одномъ сопровождающемъ условіи; когда форма мѣстн. падежа находилась въ положеніи за предлогами въ и на, она удерживала старое ударсніе. Поэтому въ современномъ русскомъ языкѣ старое наконечное ударсніе въ словахъ съ подвижнымъ ударсніемъ является въ мѣстн. ед. только послѣ предлоговъ въ и на; тѣ же слова послѣ предлоговъ при, о имѣютъ ударсніе на корнѣ. Перечисляю слова съ перенесеннымъ ударсніемъ въ мѣстн. ед. послѣ предлоговъ въ и на:

бровь, вѣтвь, горсть, грязь, глушь, грудь, десть, дробь,

дверь, кровь, корь, кость, плѣть, ночь, мель, ось, печь, пыль, плеть, рѣчь, сѣть, связь, тѣнь, Тверь, честь, шерсть, степь, пѣпь, часть. Сюда же лошадь, площадь. Кромѣ того взаперти.

Замѣчу при этомъ, что извѣстно и произношеніе въ рѣчи, въ части, (ро непремѣнно въ части, когда часть употребляется вм. участокъ); на лошади, на площади, употребительнѣе, чѣмъ на лошади, на площади. Но только въ пыли, въ грязи, на груди, въ крови, въ кори, въ глуши, на мели, въ Твери, въ степи (рядомъ: о пыли, о грязи). Что до предлога при, то въ моемъ произношеніи и онъ можетъ требовать послѣ себя ударенія, но въ рѣдкихъ случаяхъ: при груди, по Востокову, при оказываетъ на форму мѣстнаго падежа такое же вліяніе, что предлоги въ и на. Въ моемъ произношеніи предлоги въ и на часто не требуютъ за собой формы мѣстнаго падежа съ удареніемъ на окончаніи, когда отдѣлены отъ этой формы опредѣляющимъ словомъ: въ моей крови, на слоновой кости, въ мятой шерсти, на желѣзной оси; но въ моей груди, въ этой пыли, грязи. -Слова вервь, зыбь, жердь, масть, трость, показанныя Востоковымъ, какъ переносящія удареніе въ мѣстномъ падежѣ, въ моемъ произношеніи его не переносятъ. Ясно, что въ древности подобный переносъ былъ обычнѣе, чѣмъ теперь: такъ напр., рядъ словъ съ подвижнымъ удареніемъ, доказаннымъ для род. мн., не переноситъ удареніе въ мѣстномъ единствен. ч. треть, соль, вѣсть, сласть, вещь, власть, страсть, волость, новость, должность и др.; впрочемъ, часть случаевъ, гдѣ имѣется перенесъ ударенія въ род. мн., обязана позднѣйшему перенесенію: но такія слова, какъ соль или волость, исконно подвижны въ отношеніи къ ударенію.

Окончаніемъ род. мн. является -ей: только одно слово сажень имѣетъ при саженей также и форму сажен, сажень, вѣроятно, восходящую къ основѣ на -я. Окончаніе -ей принимаетъ на себя почти

всегда ударение въ силу, очевидно, отмѣченнаго выше закона, по которому оне въ общерусскомъ праязыкѣ перетягивали на себя ударение удлинившееся, вслѣдствіе отпаденія за ними ъ и ь, слоги. Итакъ, бровей, вѣтвей, грудей, частей и также солей, вѣстей, помочей, вещей, волостей, новостей, крѣпостей, мышей, сластей, кистей, смертей и т.д., равнымъ образомъ матерей, дочерей, церквей. Не переносятъ ударенія лишь нѣсколько словъ, повидимому, рѣдко употребляющихся во мн.—жизнь. Но какъ сладость, болесть, пажить, горесть, участь, быть, радость. Слово свекровь, кажется, обычно не переноситъ ударенія (постéлей къ постеля, басней къ басня).

Окончанія дат., тв., мѣстн. на -ам, -ами, -ах всегда перетягиваютъ на себя ударение, слѣдуя при этомъ ударенію род. мн.: волостям, волостями, новостях, но горестям и т.д. Нѣкоторыя слова сохранили старое окончаніе тв. мн. на -ми (изъ ьми): плетьми, лошадьми, дверьми, дочерьми; костьми только въ выраженіи лечь костьми.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ. Только во множественномъ числѣ употребляются: гусли, дрожжи, отруби, сани, сѣни.

Слово церковь сохраняетъ въ дат. тв., мѣстн., мн. древнюю параллельную основу церква: церквáмъ, церквáми, церквáхъ; впрочемъ, извѣстны и образованія церквямъ, церквяхъ. Востоковъ указываетъ на свекровáмъ, но обычнѣе кажется свекрóвямъ.

Слово цель имѣетъ во мн. не только цели, но и целья (изъ стараго собирательнаго целье), но въ другихъ падежахъ, кажется, только целéй, целямъ.

Множ. дѣти, дѣтей получило значеніе сред. рода подъ вліяніемъ ед. дитя́; множ. очи, очéй, у́ши, ушéй также подъ вліяніемъ ско, ухо. Множ. слóни является при ед. слóна. Слово сажéнь имѣетъ во

множ. сажéни, а въ род. сáженъ.

8. Склоненіе словъ женскаго и мужескаго рода на -а. Относящіяся сюда основы восходятъ къ исконнымъ основамъ на -ā и -jā; слова, какъ рана и баня (въ случаяхъ, какъ душа, кожа, дѣвица отвердѣли согласныя исконно мягкія на к, ц) отличались раньше въ склоненіи своими падежными окончаніями, но теперь они совпали въ одномъ склоненіи, при чемъ перевѣсъ получили окончанія твердыхъ основъ. Впрочемъ, фонетическія причины требуютъ замѣны нѣкоторыхъ звуковъ, извѣстныхъ только послѣ твердыхъ согласныхъ, другими соотвѣтствующими звуками.

Окончанія падежей слѣдующія: род. ед. -ы (а послѣ мягкихъ согласныхъ -и), дат. -ѣ (изъ ѣ), винит. -у, мѣстн. -ѣ (изъ ѣ), тв. -ой (послѣ мягкихъ согласныхъ -ôi), а въ неударныхъ слогахъ -ai (послѣ мягкихъ согласныхъ -ei).

Им. мн. -ы (а послѣ мягкихъ согласныхъ -и), род. мн. не имѣетъ окончанія (старая форма оканчивалась на -ъ), а въ нѣкоторыхъ основахъ съ мягкой согласной или съ ѣ, и передъ окончаніями -ей, вин. мн. -ы (послѣ мягкихъ согласныхъ -и), дат., твор., мѣстн. -ам, -ами, -ах.

Обособленный бѣглой гласной о или е видъ основы является въ формѣ род. мн. Сюда относятся многія основы, которыя передъ окончаніями имѣютъ двѣ согласныя, при чемъ въ части такихъ основъ между согласными въ древнемъ языкѣ находились звуки ъ или ь. Такъ находимъ род. мн. княжéнъ, кóпен, сóсен (древнее сосенъ), царевен, гривен, тяжеб, судéб, свáдеб, спален, вечерен, стен, пѣсен, деревéнь, игол, кукол, мѣтел, сабел (др. сабль), земéль (др. земль), кровель (др. кровль), капель (др. капль), сестёр (др. сестръ), овец, денег, серёг, сёмог, розог (др. розгъ), досóк (др. дъскъ), ручек, ножек, конек,

нянек и т.д. Въ соотвѣтствіи съ сочетаніемъ і+согласная находимъ іе: боен, саек, построен, коен, воен. Повидимому, при тяжеб, свадеб обычны тяжб, свадьб.

Особо стоятъ слова на ја послѣ согласной; въ род. мн. передъ окончаніемъ і (окончаніемъ основы тепер. слова) является звукъ е: семей, свиней, судей. Также молней, но обычное правописаніе требуетъ молній. Впрочемъ, въ им. пад. имѣемъ не двусложное молніа, а трехсложное молнія, въ книжномъ произношеніи (?). Книжными являются и форма именъ на ія какъ Софія, Евгенія; съ удареніемъ на і: Марія.

Конечная согласная основы на мягкое отвердѣваетъ въ формѣ род. мн. напр. кухон, барышен, башен, но, какъ мы видѣли, только въ неударяемомъ слогѣ; между тѣмъ, въ ударяемомъ и мягкое сохраняется: деревень, бань. Слово петля образуетъ въ род. не только петель, но и петел.

Слова на -а имѣютъ исконно подвижныя и неподвижныя, въ отношеніи къ ударенію, основы. Подвижность зависитъ отъ того, что нѣкоторыя изъ окончаній имѣли длительную долготу, перетягивавшую на себя удареніе съ предшеств. краткой или прерывисто-долгой гласной. Такими окончаніями были -а̄ им. ед., -а̄мъ, -а̄мі, -а̄хъ въ дат., твор., мѣстн., -ѣ̄ въ мѣстн. и, отождествившемъ свое окончаніе съ нимъ, дательномъ; кромѣ того, перетягивали на себя удареніе (подъ вліяніемъ разныхъ причинъ), окончаніе родит. ед. -у и тв. единств. -ојо (откуда оји, ої). Не переносятъ на себя удареніе окончаніе -о (откуда -и) въ вин. ед., окончанія -у въ им., -вин. мн. и -ъ въ род. мн. Такимъ образомъ, въ современномъ языкѣ только формы вин. ед., им., вин. мн., въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ, сохраняютъ старое мѣсто ударенія; что до род. мн., то его удареніе

по общему правилу стоитъ на старомъ мѣстѣ только въ словахъ двухсложныхъ, а въ трехсложныхъ оно переносится на предпослѣдній слогъ (см. ниже). При этихъ четырехъ падежныхъ формахъ мы и приведемъ основы съ подвижнымъ удареніемъ. Впрочемъ, вліяніе им. -вин. мн. числа сказалось и на удареніи дат., тв., мѣстн.: оно во многихъ словахъ переносится съ окончанія на основу.

Родительный падежъ. Исконными окончаніями были -ы въ положеніи послѣ твердой согласной и -ѣ послѣ мягкой; это послѣднее окончаніе уступило мѣсто окончанію -и, явившемуся въ соотвѣтствіи съ -ы послѣ твердой согласной. Чередованіе бани - банѣ, души - душѣ, явившееся слѣдствіемъ этого (и закончившееся вытѣсненіемъ формъ банѣ, душѣ), вызвало въ свое время формы на ѣ и въ положеніи послѣ твер. согласной: у женѣ, отъ избѣ; до сихъ поръ формы на -е (изъ ѣ) держатся въ говорѣ липч, употребляющихъ литературное нарѣчіе: ср. у Софье, у Лизе (и у Лизи), у Марье.

Дательный падежъ. Исконными окончаніями были -ѣ послѣ твердой согласной и -и послѣ мягкой; послѣднее окончаніе вытѣсненo. Въ им. женск. рода на -ія, также какъ въ иностранныхъ словахъ на -ія держится окончаніе -и: на Маріи, администраціи, агоніи.

Исконное -ѣ въ дат. ед. не перетягивало на себя удареніе; перетянуло оно его на себя подъ вліяніемъ мѣстн. и род. Старое мѣсто ударенія сохранилось въ діалект., но не чуждомъ литературному языку произношеніи къ стѣнѣ, къ зимѣ.

Винительный падежъ. Слова съ подвижнымъ удареніемъ по общему правилу сохраняютъ удареніе въ формѣ вин. падежа на основѣ. При этомъ видимъ двѣ группы словъ: въ первой не допускается ударенія на окончаніи, во второй такое удареніе допускается, при чемъ, вѣроятно думать, что переносъ ударенія на окончаніе-явленіе новое, вызванное аналогіей, вліяніемъ другихъ падежей.

1) зи́му, спи́ну, стѣ́ну, цѣ́ну, го́ру, ко́су, по́ру, во́ду, сре́ду, (день недѣли), ду́шу, но́гу, ру́ку, стро́ку, ше́ку, со́ху, зе́млю, до́ску - го́лову, бо́рону, сто́рону, бо́роду, бо́розду, се́реду, же́лезу, по́лосу - ско́вороду.

2) гу́бу, и́збу, сто́пу, зо́лу, по́лу, но́ру, о́су, ро́су, бло́ху, кро́ху, зо́рю, рѣ́ку, тра́ву, ко́зу, сви́нью, се́мью, о́вцу, (я говорю рѣ́ку, могу сказать: и́збу, зо́лу, бьютъ зо́рю, но въ остальныхъ случаяхъ имѣю удареніе на окончаніи).

Слова нужда́, гряда́, кора́, скала́, смола́, руда́, семья́ извѣстны мнѣ только съ удареніемъ на у въ винит., Востоковъ указываетъ на ну́жду, гря́ду и т.д. Весна имѣетъ весну́, но встрѣчается и въ ве́сну.

Творительный падежъ рядомъ со старымъ окончаніемъ ою, ею получилъ еще въ древнерусскомъ языкѣ ой, ей; въ настоящее время эти новыя окончанія, являвшіяся въ силу стремленія сдѣлать форму твор. падежа равносложною съ формами всѣхъ остальныхъ падежей, окончательно вытѣснили старыя, оставшіяся только на письмѣ. Понятно, что наше письменное - ей изображаетъ звуки εi̯, восходящіе не къ старому ei̯ (ei̯u) а къ αi̯ изъ старшаго oi̯ (oi̯u). бано́i̯ (откуда бане́i̯) вмѣсто бане́i̯у ср. душоi̯ вмѣсто душеjу, земло́i̯ вмѣсто земле́iу

Мѣстный падежъ представляетъ то же окончаніе, что дательный. Въ словахъ на -ія держится и здѣсь въ книжномъ языкѣ окончаніе -іи: въ конференціи, аудиторіи, въ Софіи.

Именительный падежъ множ. числа и тождественный съ нимъ винительный падежъ въ основахъ на твердую согласную сохранили старое окончаніе -и; ему соотвѣтствуетъ окончаніе -и въ основахъ на мягкую согласную: это -и замѣнило подъ вліяніемъ -ы старое окончаніе -ѣ: земли, души вмѣсто землѣ, душѣ (какъ звучали эти формы въ древнерус-

---

скомъ, что видно изъ памятниковъ и изъ малорусскихъ формъ землі, душі). Общимъ, какъ кажется, правиломъ можно признать, что окончаніе -и (-и) въ современномъ языкѣ не имѣетъ на себѣ ударенія; поэтому мы не находимъ ударенія на этомъ окончаніи не только въ словахъ со старымъ подвижнымъ удареніемъ, но такіе и въ тѣхъ словахъ, которыя, судя по наконечному ударенію винит. падежа, принадлежали къ исконно подвижнымъ по ударенію словамъ. Слѣдовательно, не только въ словахъ, перечисленныхъ выше при винит. ед. чис. какъ напр. гори, земли, роси, свиньи, нужди, скали и т.д., но такіе: луни, уздя, слези, пили, скули, свѣчи, скобы, дири, стони, серьги, вожжи, сопли, ноздри, тверьми, игли, слуги, сестри, совы, мемы и т.д. Исключенія изъ общаго правила рѣдки; можно указать на нѣсколько словъ, уже по самому своему значенію чрезвычайно рѣдко употребляющихся во множ. числѣ, какъ напр. судьби (при судьбы), толпы, парчи, четверни, долбни, клепни, далѣе слова муж. рода папи, ханжи. Трехсложныя и многосложныя слова, переносящія удареніе въ винит. падежѣ ед. числ. на первый слогъ, переносятъ его такъ же и въ им. ми.: головы, бороны, сковороды, и т.д.; сюда не употребляющееся только въ им.: похорони (ср. похоронам). Остальныя трехсложныя имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: высоти, сироти (но есть и сироты), тяготы, пастилы, длинноты, сѣдины, стрекозы.

Родительный падежъ множественнаго числа въ нѣсколькихъ словахъ на -а съ предшествующей мягкой (или отверд.) согласной получаетъ окончаніе -ей. Сюда относятся, во-первыхъ слова съ удареніемъ на окончаніи, какъ-то: свѣча (на и свѣчъ), заря (зарей и зарь ?), стезя, мека ( ), пана, ханжа, вожжа, парча, клепня, долбня, четверня, ноздря, сопля; во-вторыхъ, слова на неударяемое -а, которому предшествуетъ группа согласныхъ какъ-то: прит-

ча, толча, верна, векна, распря, букля, басня, пѣсня, рохля, петля (петлей и петель), но капель; туфля образуетъ: туфлей и туфель Особо стоятъ слова въ именит. оканчивающіяся на неудар.-а,а въ род. мн. переносящія его на окончаніе -ей; сюда относятся: тоня (тоней и тонь), доля (долей и доль), вѣроятно, можно предполагать для болѣе древняго языка тоня, доля, при меня находимъ пеней (но это слово устарѣло). Слова муж. рода, какъ дядя, вдова, святоша, вельможа образуютъ дядей, вдовей, святошей, вельможей едва ли не подъ вліяніемъ словъ муж. рода на -и, -ей, какъ гости, кони (впрочемъ, чаще вельможъ, такие извѣстно святошъ).

Слова на-ья имѣютъ въ род. множ. -ей: бадей, свиней, гостей. Но слова на -ія получаютъ въ книжномъ языкѣ -ій: мумій, трагедій, келій, оргій. Слова на -я послѣ гласной оканчиваются на -й: змѣй, верей, колей, стай.

Какъ было указано выше, многія слова имѣютъ въ род. мн. бѣглыя гласныя е, о, отсутствующія въ другихъ падежахъ: трубок, палок, досок, розог, игор, игол, кукол, чухон, гривен, поповен, сосен, сотен, князьон, копен, боен, терем, тяжеб, свадеб и т.д.

Какъ указано, выше слова на -ня съ предшествующей согласной имѣютъ въ род. мн. окончаніе -н твердое: сотенъ, таможенъ, башенъ, кухонъ, барщенъ, вечеренъ, опаленъ, боенъ, обѣденъ, каменоломенъ, но извѣстно также произношеніе съ мягкимъ н (и мнѣ оно не чуждо): сотень, башень, вишень, барщень (baršen), сплетень, кухонь, у Востокова: каменоломень. Но при ударніи на окончаніи-н сохраняется: деревень.

Относительно ударенія род. мн. отмѣтимъ общее стремленіе сохранять его на послѣднемъ слогѣ (если ударніе въ им. ед. на окончаніи -а): головъ, клоноть, волосъ, сторонъ, сиротъ, высотъ, бороздъ,

сковоро́дъ; во многихъ словахъ удареніе падаетъ при этомъ на бѣглую гласную: овецъ, досокъ, земель, судебъ, сюда же свиней, семей (также: свиней, семей), ножонъ, княжонъ, серёгъ, сестёръ. Форми на -ей имѣютъ удареніе на этомъ окончаніи, когда въ именит. оно падаетъ на -я: ноздрей, вожжей, свѣчей; въ словахъ долей, тоней видимъ переносъ ударенія, но, какъ указано, въ древнемъ языкѣ могло быть доля, тоня. Но во многихъ случаяхъ род. мн. получаетъ удареніе именит. мн. и это, вѣроятно, объясняется позднѣйшимъ перенесеніемъ, зависѣвшимъ отъ того, что въ двухсложныхъ словахъ односложная форма род. мн. естественно совпадала по ударенію всегда съ формой именит. мн.: тюрем, игол, игор, судей, гостей, свиней, семей, икор, сирот, взоб (и изб) и т.д. Слово деревня имѣетъ въ родител. мн. деревень (едва ли не указывающую на параллельную форму деревня). Похороня - похорон.

Дательный, творительный и мѣстный падежи множественнаго числа представляютъ старыя окончанія. Въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ, а также съ удареніемъ неподвижнымъ на окончаніяхъ формы назв. падежей должны имѣть удареніе на -а (ам, ами, ах): горам, ногами, сторонах, зимам, полосами и т.д. Но многія слова переносятъ удареніе на тотъ слогъ, который имѣетъ удареніе въ им. мн. очевидно, подъ вліяніемъ ударенія именит. мн., что особенно ясно обнаруживается изъ того, что слова съ исконно подвижнымъ удареніемъ, имѣвшія поэтому удареніе въ именит. мн. не на окончаніи, сохраняютъ его въ значительномъ числѣ словъ въ назв. падежахъ, между тѣмъ какъ слова съ исконно неподвижнымъ удареніемъ на окончаніяхъ, переносившія его въ им. мн. съ окончанія на корень по аналогіи, весьма нерѣдко представляютъ такой же переносъ въ назв. падежахъ. Такимъ образомъ въ словахъ переносящихъ удареніе въ дат., творит. мѣстн. мн. съ окон-

чаній на корень, вни снятся двѣ группы: 1) слова, переносящія удареніе такіе и въ винит. ед., 2) переносящія удареніе только въ им. мн. числа.

Къ первой группѣ относятся: земля, цѣна, изба, душа, оса, роса, стѣна, нужда, гора, среда (день недѣли), рѣка, крова, коза, свинья, семья, овца, спина, сковорода. Впрочемъ, я знаю переносъ только въ земля, душа, изба, нужда, среда, свинья, семья, овца, употребляя, впрочемъ, формы съ наконечнымъ удареніемъ послѣ предлога по въ случаяхъ по душам, по средам, по овцам.

Ко второй группѣ относятся: вдова, сова, труба, жена, пчела, струна, скала, нужда, звѣзда, слуга, дуга. Кромѣ того: тюрьма, игла, игра, судья, изба, икра, семья, переносящія удареніе и въ род. мн. (см. выше). Далѣе сестра, свинья при род. мн. сестёр, свиней.

Какъ указано выше, переносъ ударенія въ формахъ дат., тв., мѣстн. вызванъ вліяніемъ формы им. мн. Замѣчательно, что старое удареніе сохраняется во многихъ словахъ исконно подвижныхъ и имѣющихъ удареніе не на концѣ въ винит. падежѣ; таковы: рука, нога, вода, доска, блоха и др. Кромѣ того старое удареніе является въ словахъ рѣдко вообще употребляющихся во множ., какъ луна, узда, скоба, стопа, весна, пила. Наконецъ ене и въ другихъ словахъ: слеза, свѣча, вожка, ноздря, сопля, дыра, скула, серьга. Большинство словъ, допускающихъ переносъ ударенія въ указанныхъ падежахъ, могутъ имѣть удареніе и на окончаніяхъ; часто здѣсь сказывается книжное вліяніе; ср. въ стѣнахъ замѣчены трещины, но въ стѣнах обители; что творится въ ихъ душах, но о душах нашихъ; пойди къ овцамъ, къ овцам стада Христова, и т.п. Замѣчательно, что plur.tantum и употреб.преим. во мн. сохраняютъ старое удареніе: похоронам, ноздрям, вожжам.

Возможно, впрочемъ, что удареніе козам, слугам и т.п. замѣнило

козáми, слугáм не подъ вліяніемъ аналогіи, а фонетически; ибо вслѣдствіе отпаденія ъ на а получалось такое удареніе (нисходящее), которое переносилось на предшествующій слогъ.

Нѣкоторыя слова женск. рода на -ня, -ля имѣютъ при себѣ параллельныя образованія на нь, ль: басня и баснь (поэтому и въ род. мн. басенъ и басней), пѣсня и пѣснь (род. мн. пѣсенъ и пѣсней), туфля и туфель (род. мн. туфель и туфлей), постель и рѣдко постеля (род. мн. постель и постелей). При ед. слúвна, является во множ. слúвни, род. мн. слúвней.

При дúра, им. мн. дúри извѣстна также форма дирья, по происхожденію собирательное (род. мн. дирьевъ). Слово дядя подъ вліяніемъ словъ муж. рода образуетъ во множ. дядья, при которомъ въ род. мн. дядéй и дядьевъ. При им. ед. курица во мн. не только курицы, но болѣе обыкновенно кýры. При дѣвченка во множ. являются: дѣвчата и дѣвченята.

8. Склоненіе словъ на -о.

Склоненіе этихъ словъ обнимаетъ: 1) старыя основы на -о, 2) старыя основы на -jo, оканчивавшіяся въ именит. на -je (е съ предшествующею смягченною согласною), 3) старыя основы на -os-es, оканчивавшіяся въ им. ед. исконно на -о. Что до основы на -jo, то онѣ приняли во всѣхъ падежахъ окончанія основъ на -о на почвѣ русскаго языка; и въ именит. падежѣ старое окончаніе -е смѣнилось окончаніемъ -о; въ неударяемыхъ окончаніяхъ это -о, какъ и всякое исконное -о, звучитъ редуцированно, какъ -ъ; на письмѣ это -ъ по традиціи изображается послѣ мягкихъ согласныхъ, а также послѣ отвердѣвшихъ ш, ж, ц буквой е: сердце, ложе; традиція до послѣдняго времени поддерживала написанія съ е вмѣсто о даже подъ удареніемъ: лице, яйце; равнымъ образомъ пишется до сихъ поръ е (при ё) въ положеніи послѣ

буквы ь для изображенія звуковъ jo: ружье (и ружьё), житье (и житьё). Основы на os-es давно уже перешли въ склоненіе основъ на -о; тѣла, слова, небу, чуду, являются уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ на мѣстѣ тѣлесе, словесе, небеси, чудеси. Впрочемъ, во многихъ числѣ подъ вліяніемъ церковной рѣчи держатся формы какъ чудеса, небеса, словеса (только съ особеннымъ оттѣнкомъ, о словахъ высокопарныхъ), тѣлеса (въ значеніи тучнаго, жирнаго тѣла).

Слова на -о вообще всѣ средняго рода. Мужескаго -тѣ слова, которыя обозначаютъ 1) лица мужескаго полу, 2) животныя, 3) уменьшительныя и увеличительныя при словахъ мужескаго рода. Ср. Михайло, Короленко, обѣдало, подмастерье; жучко, гнѣдко, воронко; домище, доминко, чиновничишко, воришко, плутишко, сынишко. Впрочемъ, уменьшительныя и увеличительныя на -о могутъ получать также и средній родъ: этакое сапожище, небольшое топоришко. Слова на -о, означающія лица муж. полу могутъ переходить въ склоненіе словъ на -а, замѣняя -о черезъ -а даже въ именительномъ, или образуя только косвенные падежи по указанному склоненію; первый случай видимъ, напримѣръ, въ словахъ, какъ вершила, мѣняла, Михайла; второй случай имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ именахъ на -енко. Впрочемъ, правильнѣе признать, что этотъ второй случай вызванъ тѣмъ, что имена на -енко заимствованы въ великорусскомъ языкѣ, а потому сохраняютъ искусственное свое произношеніе и нерѣдко совсѣмъ не склоняются.

Окончанія ед. числа, кромѣ формы им. падежа, тождественны съ окончаніями именъ муж. рода на согласную. Въ именит. находимъ: о (подъ удареніемъ), а (въ неударномъ положеніи); возможно, что рядомъ съ а надо принимать окончаніе е въ словахъ книжнаго проис-

хожденія на -іе: знаніе, меланіе. Въ род.: а (подъ удареніемъ), ѫ (въ неударномъ положеніи). Въ дат.:-и. Въ винит.тѣ же окончанія, что въ именит.; въ одушевленныхъ мужескаго рода обязательно является окончаніе-у, заимствованное изъ словъ женск. рода. Въ тв. -ом (подъ удареніемъ),-ѫм (въ неударномъ положеніи). Въ мѣстн.:-е подъ удареніемъ),-ѣ (не подъ удареніемъ), а также въ словахъ книжныхъ:-і.

Во множественномъ числѣ:-а (подъ удареніемъ), ѫ, и, послѣ мягкихъ согласныхъ і (не подъ удареніемъ), также-jѫ. Въ род. мн. является основа безъ окончанія, весьма рѣдко является при этомъ окончаніе-оf (въ неударномъ положеніи-ѫf). Въ дат.:-ам (подъ удареніемъ)-ѫм (въ неударномъ положеніи). Въ винит. тѣ же окончанія, что въ именит., но въ словахъ одушевленныхъ является окончаніе род. мн. Въ творит.:-ами (подъ удареніемъ),-ѫми (въ неударномъ положеніи). Въ мѣстн.-ах (подъ удареніемъ),-ѫх (въ неударномъ положеніи).

Обосложненная вставною гласною о или е основа является въ формѣ род. падежа, не принимающей согласно предыдущему окончанія; стеченіе согласныхъ устраняется вставкой названныхъ гласныхъ,этимологически восходящихъ, впрочемъ, въ рядѣ случаевъ къ гласнымъ ъ и ь: ср. о, е восходящія къ ъ, ь въ случаяхъ: колец, крилец, сердец, полотенец, полотен гумен, писем, бревен, пятен, судей, окон, сукон, волокон, доминек;о,е вставленя между согласной и конечными р, л, н въ случаяхъ, какъ: рёбер (при рёбр), ядер (и ядр), вёдер, чисел, ремесел, кресел, вёсел, сёдел, дёрен.

Слова на -о имѣютъ или подвижное или неподвижное удареніе. Подвижное удареніе находимъ:во-первыхъ, почти всѣ слова, имѣющія удареніе на окончаніи о въ им. ед. (во множ. удареніе переносится на

предшествующій слогъ): колесо́, волокно́, полотно́, ремесло́, кольцо́, ожно́, зерно́, письмо́, село́, клеймо́, вино́, ружьё, плечо́, лицо́, перо́, звено́, крыло́, гнѣздо́, число́, жерло́, весло́, сукно́, пятно́, гумно́, бревно́, стекло́, бѣльмо́, тенето́ (слово житьё, нытьё и т.п; неподвижны потому, что отъ нихъ вообще не употребляется множ. число). Въ словѣ лезвеё удареніе переносится не на предпослѣдній, а на третій отъ конца слогъ: ле́звея. Во-вторыхъ, рядъ словъ съ удареніемъ на начальномъ слогѣ, при чемъ во множ. числѣ удареніе переносится на окончанія: пи́во, пра́во, сло́во, дѣ́ло, тѣ́ло, сѣ́но, мы́ло, си́то, ма́сло, лѣ́то, по́ле, се́рдце, ста́до, чре́во, не́бо (небеса́), чу́до, (чудеса́), про́со, войско́, де́рево, зе́ркало. При этомъ отмѣтимъ; де́рево образуетъ не только дерева́, но и дере́вья съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ; озеро переноситъ во множ. удареніе на предпослѣдній слогъ: озёра, озёр; кру́жево переноситъ удареніе на послѣдній слогъ во множ., но въ род. множ. сохраняетъ его на начальномъ слогѣ: кружева́, кружева́м, но кружев (не кружо́в).

Неподвижно удареніе, во-первыхъ, въ словахъ съ удареніемъ на серединномъ слогѣ: боло́то, полѣ́но, коры́то, копы́то, око́шко, полоте́нце, сели́шко; во-вторыхъ, въ словахъ на -ье и -іе неударяемыя: жалованье, знаніе, пѣніе, преніе; во третьихъ, въ словахъ на -ко: дре́вко, ушко, очко́; въ-четвертыхъ, въ отдѣльныхъ словахъ, какъ лы́ко, жа́ло, я́блоко, со́лнце, пра́вило, стойло (но діалектически: стояла́).

Такимъ образомъ видимъ, что множественное число въ значительномъ количествѣ словъ средняго рода отличается по ударенію отъ ед. числа. Въ склоненіяхъ словъ муж. и женск. рода на согласную, а также въ склоненіи словъ на -а подвижность ударенія въ склоненіи зависѣла, какъ мы видѣли, отъ того, что удареніе (обычно предпослѣд-

няго слога) переносилось на окончаніе, если оно имѣло гласную съ долготою длительною; оставалось на основѣ, если окончаніе имѣло гласную краткую или съ долготою прерывистою. Впрочемъ, въ склоненіи словъ на -а мы видѣли переносъ ударенія съ окончанія им. вин. мн. -и, имѣвшаго долготу прерывистую и потому не перетягивавшаго на себя удареніе съ предшествующаго слога: ноги вмѣсто ожидаемаго на основаніи жена, жену - жени. Въ склоненіи словъ на -о, видимъ, съ одной стороны, переносъ ударенія на окончаніе -а: сѣна, лѣта при сѣно, лѣто; съ другой, переносъ ударенія съ окончанія -а: сёла, числа при село, число. Показанія другихъ индоевропейскихъ языковъ заставляютъ признать за окончаніемъ -а длительную долготу; слѣдовательно, переносъ ударенія въ словахъ какъ сѣно, просо (имѣвшихъ въ предпослѣднемъ слогѣ гласную прерывисто-долгую или краткую) произошелъ по той же причинѣ, что и въ другихъ случаяхъ, когда длительная долгота окончанія перетягивала на себя удареніе предшествующаго слога (ср. вода при воду, води; рога им. дв. при рога род.). Поэтому причина оттяжки ударенія съ окончанія им. вин. мн. -а нельзя понять иначе, какъ результатъ вліянія аналогіи. По-видимому, слова сред. рода въ им. ед. получили удареніе на окончаніи о подъ вліяніемъ аналогіи со стороны словъ женск. рода, имѣвшихъ, какъ мы знаемъ, удареніе на окончаніи-а (говорю о тѣхъ словахъ, предпослѣдній слогъ которыхъ имѣлъ краткую или прерывисто-долгую гласную): село, перо вмѣсто сёло, пёро подъ вліяніемъ вода, нога; но эти слова женск. рода въ им. вин. множ. числа имѣли удареніе не на окончаніи, а на основѣ, что и повело къ тому, что такое же удареніе получило множ. число словъ сред. рода. Вліяніе словъ женск. рода на слова сред. рода было тѣмъ естественнѣе, что первоначально им. мн. женск. рода оканчивался на -ā (изъ индо -

европ. -ās); т.е. такъ же какъ им. множ. числа сред. рода: voda-voda вело за собой selo-sela (вмѣсто болѣе первоначальнаго selo-selā). Замѣчу еще, что исконное ударенiе на основѣ сохранили тѣ слова сред. рода, которыя рѣдко или совсѣмъ не употреблялись во множ.; это доказываетъ, что самый переносъ ударенiя на окончаніе въ словахъ сред. рода стоялъ въ зависимости отъ множ. числа, точнѣе отъ совокупнаго вліянiя ед. и множ. числа словъ женск. рода на склоненiе словъ сред. рода; такъ мы находили просо, тѣсто, сѣно, пиво (во множ. числѣ уже подъ вліяніемъ аналогiи являются какъ новообразованiя проса, тѣста, сѣна, пива). Слова, какъ дѣло, тѣло, слово сохранили ударенiе на корнѣ потому, что множ. число при нихъ образовывалось отъ другой основы: дѣлеса, словеса, тѣлеса.

Скажемъ нѣсколько словъ объ отдѣльныхъ падежныхъ формахъ.

Отмѣчу сначала рядъ словъ, представляющихъ разныя основы въ ед. и мн. числѣ. Сюда относятся: во-первыхъ, упомянутыя уже выше чудо и небо, образующiя заимствованныя изъ книжнаго языка формы чудеса и небеса; во-вторыхъ, дерево, звено, крыло, колѣно, полѣно, перо, шило образуютъ деревья (діалект. дерева), звенья, крылья, колѣнья ("о дудчатыхъ составахъ растенiя или орудiя"), полѣнья, перья, шилья; по происхожденiю своему это имена собирательныя; раньше они звучали напримѣръ деревье, перье и склонялись только въ ед. числѣ: род. деревья, дат. деревью и т.д.; но фонетическое измѣненiе конечнаго неударяемаго-е въ-а повело къ произношенiю деревья; такiя формы сблизились съ формами, какъ им. мн. купанья, платья, одонья, помѣстья и получали вслѣдствiе этого значенiе мн. числа; ср. аналогическiй переходъ листье, зубье, колье и т.д. при листъ, зубъ, полъ въ листья, зубья, колья. Въ-третьихъ слово ухо образуетъ во множ. уши (по происхожденiю форма двойств. числа);

при устарѣвшемъ око является очи, употребляющемся въ книжномъ и церковномъ языкѣ; слово колѣно имѣетъ при себѣ (въ значеніи части тѣла) колѣни (по происхожденію форма двойств. числа), но въ род. множ. употребляется не только колѣней, въ дат. колѣнямъ и т.д., но также колѣна, колѣнъ, колѣнамъ, - послѣднія формы значительно рѣже; слово плечо имѣетъ при себѣ плечи, но въ род. мн. плечъ (форма, ведущая къ им. мн. плéча). Въ-четвертыхъ при ед. судно во множ. является суда, род. судóвъ (что ведетъ къ формѣ ед. числа м. р. судъ).

Винит. единственное. Какъ указано, слова муж. рода на -о, обозначающія всегда одушевленный предметъ, получаютъ въ винит. ед. или окончаніе род. ед. -а подъ вліяніемъ словъ муж. рода на твердую согласную, гдѣ винит. ед. тождественъ съ родительнымъ, напримѣръ на этого подмастерья, позвать сюда подмастерья, или окончаніе -у, заимствованное отъ мужскихъ словъ на -а: за Михайлу, за этого обѣдалу. Впрочемъ, послѣдняя замѣна стоитъ въ связи съ переходомъ словъ на -о въ склоненіи словъ на -а.

Мѣстный единствен.ч. Слова на -ье имѣютъ въ мѣстномъ единственномъ два окончанія: -ѣ и -и; на калованьѣ, въ пѣньѣ, при рукобитьѣ и рядомъ на калованьи, въ пѣньи, при рукобитьи. Представляется болѣе обычнымъ употребленіе -и именно въ словахъ на -анье, -енье, при чемъ возможно, что здѣсь сказалось вліяніе словъ на -аніе, -еніе, правильно употреблявшихъ въ мѣстномъ окончаніе -и. Мнѣ лично свойственны формы, какъ на калованьи, въ селеньи, при катаньи, но я говорю въ пѣньѣ, при рукобитьѣ. Многіе не различаютъ звуковъ і и е (изъ е,ѣ) въ такомъ положеніи.

Именительный множественнаго числа. Отмѣтимъ, во-первыхъ, что всѣ слова муж. рода имѣютъ окончаніе -и (послѣ мягкихъ согласныхъ

-и): подмастерьи, объѣдалы, сапожищи, домишки. Во-вторыхъ, по общему вообще правилу всѣ слова съ неподвижнымъ удареніемъ (т.е. не оттягивающія его въ формѣ именит. множ. числа съ окончанія и не переносящія его, напротивъ, въ этой формѣ на окончаніе), имѣютъ въ им. мн. окончанія -ы (-и) вмѣсто -а; поэтому отъ дно-дны, отъ очко́-очки́, ушко́-ушки́; судно-судны, лыко-лыки, вѣко-вѣки, дре́вко-древки, яблоки-яблоки; также коле́чки, сердечки, пёрушки, окошки, крылышки; почти всѣ приведенные примѣры имѣютъ передъ окончаніемъ-о звукъ к, Въ этихъ словахъ укоренилось -и вслѣдствіе того, что предшествующая окончанію мягкая согласная препятствовала вытѣсненію этого окончанія черезъ-а, передъ которымъ согласная была твердая. Послѣ другихъ согласныхъ, окончаніе -ы (напр. желѣзы, жалы, солнцы, полотенцы и др.) легко вытѣснялось окончаніемъ -а частью въ живомъ произношеніи, частью только на письмѣ: болота, копыта, правила; вытѣсненію способствовало то обстоятельство, что въ род. мн. являются формы не на -ов, а формы безъ окончаній, устанавливающія связь соот. словъ со словами сред. рода, какъ мѣ́ст, лѣт, гнёзд и т.д. Въ им. мн. -ья рѣшительно держится окончаніе-а, быть можетъ, подъ вліяніемъ того, что такое окончаніе извѣстно и въ муж. родѣ, при чемъ окончаніе -а (деревья) при -ов (деревьев) находило себѣ соотвѣтствіе какъ въ тождественныхъ образованіяхъ муж. рода (листья-листьев), такъ и вообще въ томъ обстоятельствѣ, что напримѣръ при городов, домов, лѣсов и т.п. извѣстны формы им. мн. числа города, дома, лѣса.

Родительный множественнаго числа. Обычны формы безъ окончанія. Слова на -ье (т.е. i̯ε и i̯o) оканчивается при этомъ на i̯, а передъ i̯ является гласная е (ср. е въ случаяхъ какъ писем, ядер, см. выше); такъ находимъ при ружьё, копьё - ружей, копей. Точно также

слова на -іе оканчиваются въ род. мн. числа на -ій: желаній, сидѣній, селеній. Нѣкоторыя слова на -ье имѣютъ окончаніе -ьев: кушаньев, варенъев, устьев, одоньев, платьев, помостьев; это окончаніе перенесено, повидимому, изъ такихъ случаевъ, какъ деревья-деревьев, перья-перьев и т.д.; здѣсь подобное склоненіе, какъ мы видѣли, возникло подъ вліяніемъ муж. рода, т.е. такихъ случаевъ, какъ листья-листьев, колья-кольев. Окончаніе -ов проникло въ нѣкоторыя слова сред. рода съ постояннымъ окончаніемъ -и, -ы: днов, очков, уков, яблоков (но рядомъ и яблок, очок; такие судов, лик, оконец, древок, крылышек, колечек). - Слова муж. рода на -е по общему правилу подучаютъ окончаніе-ов: подмастерьевъ, доминковъ, дядиковъ; впрочемъ, слова на -ище едва ли не сохраняютъ свои старыя формы: отъ этихъ сапожищъ, отъ такихъ каблучищъ. -Слова море, поле имѣютъ въ род. множ. морей, полей, очевидно, подъ вліяніемъ склоненія основъ на ĭ; ср. твор. польми въ старомъ языкѣ, образованное отъ такой же основы.

9. Склоненіе словъ средняго рода на -а.

Сюда относятся: I. Слова на -мя съ основой на -мен. II-слова на -я съ основой на -ят.

I. Слова имя, бремя, племя, сѣмя, стремя, пламя, темя, знамя, вымя образуютъ падежи ед. и мн. числа отъ основъ имен -времен- и т.д. Слово сѣмя въ род. мн. числа представляетъ основу сѣмян (ср. основу имян- въ именинникъ, племян- въ племянникъ); основа сѣмян- замѣнила сѣмен- подъ вліяніемъ сѣмя. Сюда же относится письмена, употребляющееся только во множ. числѣ.

Всѣ эти основы представляютъ въ склоненіи подвижное удареніе, а именно оно переносится въ формахъ множ. числа (впрочемъ, слова темя, вымя и пламя множ. числа не образуютъ): въ имя, бремя, пле-

мя, сѣмя, стремя ударение переносится на окончания множ. числа (имена́, сѣмена́, стремена́; въ знамя ударение переносится на предпослѣдній слогъ (знамя-знаме́на ср. съ о́зеро-озёра).

Окончанія: именит. винит. единств. числа:-я, род.-и, дат.:-и, творит.:-ем, мѣстн.:-и. Им. множ.:-а, род.: не имѣетъ окончанія, дат.:-ам, творит.:-ами, мѣстн.:-ах.

II. Слово дитя образуетъ падежи ед. числа отъ основы дитят-. Сюда же относятся формы множ. числа, какъ телята, жеребята, поросята, медвѣжата, котята и т.д. (при которыхъ въ ед. числѣ является: теленок, жеребенок и т.д., образованія, о которыхъ мы говорили выше).

Ударение во всѣхъ этихъ основахъ неподвижное.

Окончанія въ склоненіи словъ дитя тѣ же, что въ словахъ на -мя, но твор. ед. имѣетъ женское окончаніе -ей вмѣсто свойственнаго тѣмъ словамъ муж. окончанія -ем: им. винит. дитя, род. дитяти, дат. дитяти, творит. дитятей, мѣстн. дитяти.

Окончанія въ склоненіи телята и т.п. тѣ же, что въ словахъ времена и т.п. Им. винит. множ. числа телята, род. телят, дат. телятам, твор. телятами, мѣстн. телятах.

Слово дитя множ. числа образуетъ отъ основы женск. рода на ї: дѣти, дѣтей, дѣтям (рѣже дѣтям), дѣтьми (рѣже дѣтями), дѣтях (рѣже дѣтях).

Именное склоненіе прилагательныхъ.

Формы именного склоненія прилагательныхъ употребляются: 1) въ притяжательныхъ прилагательныхъ на -ов, -ин: Петровъ, отцовъ, дядинъ, сестринъ, братинъ, 2) въ прилагательныхъ-сказуемыхъ. Склоняются, измѣняясь по падежамъ, только притяжательныя; прилагательныя-сказуемыя измѣняются только по родамъ и числамъ,

образуя впрочемъ творительный падежъ.

Объ основахъ прилагательныхъ притяжательныхъ. Основи оканчиваются на -ов, когда прилагательное образовано отъ имени существительнаго, означающаго лицо муж. рода, оканчивающееся на твердую согласную, на мягкую согласную, на -й, -а-о,-е: царёв, Михайлов, Семенов, Андреев, Васильев, Пушкаренков, подмастерьев . Они оканчиваются на -ин, когда образованы отъ имени, означающаго лицо муж. или женск. рода на -а: Данилин, Фомин, Михайлин, царицин, Софьин, кухаркин. Впрочемъ, на -нин оканчиваются и нѣкоторыя прилагательныя отъ основъ муж. рода на твердую и мягкую согласную: братнин, мужнин, замѣнившія болѣе старыя формы братень, мужень. Ср. при словѣ Господь церковное образованіе Господень. По происхожденію своему къ притяжательнымъ относятся и фамиліи на -ов, -ин: Поповъ, Бубнов, Кормилицын, Никитин, Княжнин, Солнцев (предполагаютъ прозваніе Солнце), Волков (отъ прозв. Волк), Овцын, Свиньин. Равнымъ образомъ по происхожденію своему сюда относятся имена городовъ, какъ Борисов, Ликвин, Камынин, Ардатов, Кадников.

Основи притяжательныхъ имѣютъ неподвижное удареніе. Обыкновенно оно падаетъ на коренной слогъ въ основахъ на -ин, напр. сёстрин, жёнин; но фамильныя имена на -ин имѣютъ удареніе на окончаніяхъ, когда такое удареніе падаетъ на томъ имени, отъ котораго они образованы: Влохи́н, род. Влохина, Свиньина́ (Овцын потому что о́вцу). Въ именахъ на -ов удареніе падаетъ или на коренной слогъ, когда произведено отъ имени съ такимъ удареніемъ, или на суффиксъ -ов, когда произведено отъ имени съ удареніемъ на окончаніяхъ при этомъ удареніе въ прилагательномъ на -ов не переходитъ на окончанія): Семёнов, Го́рев, Мо́рев, Во́лков, Петро́в, Попо́в, Ивано́в предполагаетъ Иван - Ивана. Только притяжательное Петров въ ви-

раженіяхъ до Петрова дни, къ Петрову дни переноситъ ударенiе на окончанія. Ср. сибирскую фамилію Петровыхъ. Прилагательныя притяжательныя сохранили именныя окончанія только въ именит. и винит. падежахъ всѣхъ чиселъ и родовъ, а также въ род. и дат. ед. муж. рода. Поэтому им. отцов, отцова, отцово, отцовы; вин. отцов или отцова, отцову, отцово, отцовы; род. отцова, дат. отцову. Всѣ остальные падежи ед. и мн. числа заимствовали свои окончанія у мѣстоименнаго склоненія прилагательныхъ: муж. и сред.р. твор. ед. съ отцовымъ, мѣстн. въ отцовомъ; женск. родъ, род. отцовой, дат. мѣстн. отцовой, твор. отцовой (отцовою); во множ. числѣ: род. отцовыхъ, дат. отцовымъ, твор. отцовыми, мѣстн. отцовыхъ. Притяжательное Божій, вражій и др. склоняется какъ и прочія прилагательныя на -ій, сохраняя именныя окончанія только въ именит. и винит. падежахъ всѣхъ родовъ и чиселъ: ср. божья воля, божью власть, милость, но изъ божьяго храма. Притяжательное Господень сохраняетъ церковнославянское склоненіе, являясь, очевидно, книжнымъ заимствованіемъ: о гробѣ Господнѣ, отъ руки Господни; но во множ. исключительно неименныя образованія. Кромѣ род. Петрова дни, дат. Петрову дни сохранился и мѣстн. о Петровѣ дни.

Существительныя, являющіяся по своему происхожденію прилагательными притяжательными, а именно фамиліи склоняются такъ же, какъ эти прилагательныя съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ мѣстн. муж. рода имѣютъ окончаніе ѣ: Попов, род. Попова, дат. Попову, мѣстн. въ Поповѣ; им. Попова, вин. Попову; множ. Поповы - въ твор. Поповыми; въ женск. родѣ: род. Ивановой, дат., твор., мѣстн. Ивановой; во множ. числѣ: род., мѣстн. Ивановыхъ, дат. Ивано-

---

Листъ 13- Очерки современнаго русск. литер. языка А. А. Ухманова.

вимъ, твор. Ивановнин.

Названія городовъ, стоящія въ сознаніи говорящихъ въ прямой связи съ тѣмъ или другимъ именемъ, склоняются такъ же, какъ фамиліи; напр. Романовъ, Борисовъ, Юрьевъ, Царицынъ имѣютъ именныя окончанія во всѣмъ склоненіи (ед. чис.), кромѣ однако твор. падежа: съ Романовымъ, съ Царицынымъ. Лишь только такая связь утрачена, именное окончаніе является и въ творит. падежѣ: подъ Калининомъ, съ Кіевомъ, съ Ростовомъ, съ Гдовомъ. Понятно, что тутъ неизбѣжны колебанія: съ Лихвиномъ и съ Лихвинымъ. Имена городовъ на -ск, представляющіяся по происхожденію краткой формой прилагательныхъ, склоняются по именному склоненію: Петровск, Петровска, съ Петровскомъ, въ Петровскѣ (въ нар. языкѣ сохраняются и формы съ Петровскимъ, въ Петровскомъ.

Совершенно единично прилагательное третей, третья, представляющее краткую именную форму при полной, мѣстоименной третій. Употребляется въ выраженіи самъ-третей, сама-третья. Таковы же прилагательныя: друг (самъ-другъ), четвёрт, пят, шост, сём.

Прилагательныя сказуемыя отличаются отъ прилагательныхъ, склоняющихся по мѣстоименному склоненію, тѣмъ, что представляютъ въ муж. родѣ основу, а въ женск. и сред. и во множ. числѣ основу, обособленную соотв. окончаніями-а, о, ы. Основа муж. рода отличается въ рядѣ словъ отъ основъ женск. и сред. рода и множ. числа вставкой бѣглыхъ гласныхъ о,е, изъ которыхъ часть соотвѣтствуетъ исконнымъ ъ, ь, а часть вставлена позже или по причинамъ фонетическимъ, или подъ вліяніемъ аналогіи. Ограничусь нѣкоторыми примѣрами для о,е, въ основахъ муж. рода, отсутствующихъ въ основахъ женск., сред. рода и множ. числа; о восходитъ къ ъ, напр. въ зол, ловок, крѣпок, низок: е восходитъ къ

ь, напр. въ болен, славен, силен, горек. Не восходятъ къ ъ, ь напр. о,е въ сочетаніяхъ оло, ере: полон, долог, черен; е въ сочетаніяхъ ер, ел: остёр, тёпел; о въ сочетаніи ов: рёвов. Въ соотвѣтствіи съ дифтонгомъ -ой, находимъ въ муж. родѣ -ое: спокоен, а въ книжномъ словѣ достоин сочетаніе -ои.

Однѣ основы прилагательныхъ сказуемыхъ и только что указанныхъ прилагательныхъ порядковыхъ имѣютъ удареніе неподвижное на основѣ, напр. род. винова́т, споко́ен, кра́ток, богат; другія имѣютъ неподвижное ме удареніе на окончаніяхъ (а въ м.р.): понятно на основѣ): мала́, бе́л, се́р, мёртв, гол, синь, добр, остёр, хитёр, полон, умён, висок, грёмен, горяч, силён, хорош, широк; напрот. мала́, мало́, мали́.

Третьи основы имѣютъ подвижное удареніе: въ муж. родѣ и во множ. числѣ удареніе падаетъ на основу, а въ женск. родѣ на окончаніе: нов, прав, груб, глуп, слаб, мил, цёл, хил, дик, горд, скор, сыор, стар, строг, сыт, твёрд, свят, густ, прост, бос, кос, пуст, наг, туг, глух, плох, сух, крут, худ, прям, нём, туп, скуп, слён, крив, жив, тих, тощ, чист, зрёл, смёл, спёл, черств, пьян, дряхл, нагл, подл, тускл, бодр, быстр, мудр, храбр, ветх; велик, глубок, далёк, виден, крёпок, долог, весел, дёшев, зе́лен, го́лоден, хо́лоден, мо́лод, хо́лост.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ колебаніе, а именно тамъ, гдѣ удареніе склоняемаго прилагательнаго падаетъ на основу: пья́но, но́во, ста́ро, вели́ко, глубо́ко, далеко́, голодно́, холодно́. Обратно: сильно́, высоко́, широко́, мало́, полно́.

Причастія страдательныя на н, т относятся сюда же. Съ неподвижнымъ удареніемъ: брошен, отпущен, оставлен, расчищен, завален, задёт, убит, обут - дан (дано), несен, повелёно.

Съ подвижнымъ удареніемъ: привит, взят, начат, заперт, отперт, отпитъ, прожит, проклят, пролит; отдан, признан, продан. Слѣдовательно: привито, привиты, но привита; отдано, отданы, но отдана.

Какъ сказано, прилагательныя - сказуемыя измѣняются только по родамъ. Но они образуютъ также творит. падежъ, въ ед. на -ымъ-ой во множ. на -ыми: быть сытымъ, проклятымъ; онъ сталъ весёлымъ, она была всегда весёлой, онъ сдѣлался неподвижнымъ, они становились нетерпимыми. Въ старинномъ языкѣ держался едва ли не до послѣдняго времени дат. на -у: быть бодру, любиму, веселу.

Причастія прошед. времени на -лъ (получившія значеніе прошедшаго времени) измѣняются также только по родамъ; во множ. числѣ они имѣютъ окончаніе -и: бил, била, было, были: берег, берегла, берегли.

Мѣстоименія.

Склоняемыя мѣстоименія дѣлятся на пять группъ: 1) мѣстоименія личныя 1-го и 2-го лица и возвратное, 2) мѣстоименія кто, никто, нѣкто; что, ничто, нѣчто, 3) мѣстоименіе 3-лица он, 4) мѣстоименія, не получавшія въ им. пад. муж. рода особаго окончанія, 5) мѣстоименія, получавшія въ им. над. муж. рода окончаніе -ой.

1. Мѣстоименіе 1-го лица: ед. чис. я, вин. и род. меня (замѣнило болѣе древнее мене); мнѣ, мной, мнѣ; множ. мы вин. и род. нас; нам, нами, нас.

Мѣстоименіе 2-го лица: ед. чис. ты, вин. и род. тебя (вм. тебе); тебѣ, тобой, тебѣ; множ. вы, вин. и род. вас; вам, вами, вас. -Форма те въ "я те дам" замѣнило старшее ти подъ влія-

ніемъ тебѣ.

Возвратное мѣстоименіе: вин. и род. себя (вмѣсто себе); себѣ, собой, себѣ. -Форма ся находится только въ соединеніи съ глаголомъ; ся подъ удареніемъ: взялся, дрался, родился; ся неударяемое послѣ согласныхъ: берегся, бойся, назвался, наѣлся, отрекся; послѣ гласныхъ является -с' (съ): останусь, прячусь, родилась.

Мѣстоименія 1-го и 2-го лица измѣняются по падежамъ и числамъ, не по родамъ, а возврат. мѣстоименіе только по падежамъ.

2. Вопросительное и относительное кто изъ древняго къ-то представляетъ въ падежахъ основу ко-. Измѣняется только по падежамъ; относится только къ лицамъ, безразлично какого рода и числа. Склоненіе: кто, род. и вин. кого (произносится ково), кому, кѣмъ (замѣнило болѣе древнее цѣмь изъ *коімѣ съ обосложненной основой коі-), ком. Опредѣлительное никто, склоняется также. Опредѣлительное нѣкто въ формахъ склоненія получаетъ образованія, стоящія въ связи съ формой именит. нѣкой (нѣкій); что до отрицательнаго нѣ кого, нѣ кому, нѣ кѣмъ, нѣ о ком (мы пишемъ некого и т.д.), то при нихъ не употребляется именительная форма.

Вопросительное и относительное что изъ древняго чь-то представляетъ въ падежахъ основу че-. Измѣняется только по падежамъ; относится только къ предметамъ, безразлично какого рода и въ какомъ числѣ. Склоненіе: что, род. и вин. чего (произн. чево), чему, чѣмъ (замѣнило болѣе древнее чимь изъ *кеімь съ обосложненной основой кеі-), чем. Опредѣлительное ничто склоняется также. Опредѣлительное нѣчто не склоняется, что до отриц. нѣ чего, нѣ чему, нѣ чѣмъ, нѣ о чем (мы пишемъ нечего и т.д.), то при нихъ не употребляется именительная форма.

3. Мѣстоименіе 3-го лица представляетъ двѣ основи: он-только въ именит. падежахъ всѣхъ трехъ родовъ и обоихъ чиселъ: он,

она, оно, множ. число для всѣхъ родовъ они; эта основа не проникла даже въ винит. падежъ сред. рода, который вообще и въ именахъ и въ мѣстоименіяхъ тождественъ съ именит. падежомъ. Ви. они употребляется такие для всѣхъ родовъ форма онѣ (моему употребленію она чужда). Различія, рекомендуемыя грамматиками:

они для муж. и сред. рода, онѣ для женск. рода, искусственны и не оправдываются исторіей языка. Окончаніе -е въ онѣ, ср. въ тѣ, всѣ. Прочіе падежи образуются отъ основы je-, являющейся въ твор. ед. и во множ. числѣ въ видѣ ji (изъ jei - предоставляющагося обособленіемъ основы je-); въ муж. и сред. родѣ: род. и вин. его (произн. jево), дат. ему, тв. ним (произносится jим), предлож. о нёмъ (съ вставнымъ между основой и предлогомъ н); въ женск. родѣ основа jei: род. и вин. её (форма ея книжная и употребляется вообще только на письмѣ, вторгаясь впрочемъ, и въ живую рѣчь подъ вліяніемъ школьной грамматики; её замѣнило древнее еѣ), дат. ей, тв. ей (ею), пред. о ней; во множ. числѣ для всѣхъ чиселъ род. и вин. ихъ (произносится jих), дат. им (jим), тв. ими (jими), предлож. о нихъ. Формы съ начальнымъ н извѣстны не только въ предложномъ, но также во всѣхъ другихъ падежахъ, какъ только онѣ употребляются послѣ предлоговъ: съ неё, отъ него, къ нему, къ ней, съ нимъ, съ нею, съ нихъ, къ нимъ, съ ними.

4. Мѣстоименія, измѣняющіяся по родамъ и числамъ и не получающія особаго окончанія въ муж. родѣ, по значенію своему распадаются на притяжательныя, указательныя, опредѣлительныя, вопросительныя.

Притяжательныя. При я является мой съ основой мой (moi-): въ женск. родѣ моя, въ сред. моё, во множ. числѣ мои для всѣхъ ро-

довъ. Склоняется такъ: мой, род. и вин. моего, вин. мой, дат. моему, тв. моим, пред. о моём; моя, род. моей, вин. мою, дат. моей, тв. моей (моею), пред. о моей; моё, род. моего, вин. моё, дат. моему, тв. моим, пред. о моём; множ. мои, вин. и род. моихъ, вин. мои, дат. моим, тв. моими, пред. моих. Такъ же склоняются твой, являющееся при ты, свой при возвратномъ себя. При мы притяжат. наш, наша, наше, склоняется какъ мой, но удареніе удерживаетъ на основѣ. При вы является ваш. При их, находимъ ихній, не получившее полнаго права гражданства въ литер. рѣчи (еще менѣе употребительно въ этой рѣчи ихой).

Указательныя. Тотъ, та, то; форма именит. муж. рода представляетъ сложеніе старой формы тъ съ основой то; отъ этой основы образованы всѣ остальные падежи; въ тв. ед. муж. рода и во всемъ множ. числѣ основы является въ осложненномъ видѣ тё- (изъ toi-); осложненная основа (toi-) является также въ склоненіи женск. рода, но сохраняется здѣсь какъ toi- въ положеніи передъ гласными окончаніями; въ женск. родѣ необосложненную основу представляетъ только вин. падежъ: ту. Склоненіе: тотъ, род. и вин. того, вин. тотъ, дат. тому, тв. тѣм, пред. о том. Женск.: та, вин. ту, род. той, дат. той, тв. той, (том), пред. о той. Сред.: то, вин. то, род. того и т.д., какъ въ муж. Множ. для всѣхъ родовъ: тѣ, тѣх, тѣм, тѣми, о тѣх.

Указательное таков изитняется только по родамъ и числамъ: таков, такова, таково, таковы; по падежамъ изитняется таковой, ая, ое.

Указательное этотъ склоняется какъ тотъ, но удареніе удерживаетъ всегда на а, э; во множ. эти, этих, этим, этими, этих. Сей устарѣло; сохраняется въ нѣсколькихъ выраженіяхъ: на сей

разъ, сію минуту, сегодня, отъ сихъ до сихъ. Въ склоненіи различаются слѣдующія образованія: им.вин.сей, сія, сію, сіе, сіи; основа се только въ муж. и сред. родѣ: сего, сему о семъ; основа си (изъ сеi) въ тв. ед. и во множ.: сим, сих, сим, сими, сих; основа сеi въ женск. родѣ: род. сей, дат. сей, тв. сей, (сею), пред. сей.

Опредѣлительныя -весь, вся, всѣ, отъ основы vьs'a еще только въ женск. родѣ всю, и множ. всѣ (по формѣ вин. множ.). Остальныя падежи: отъ основы всѣ - (изъ vьsoi); таковы тв. ед. всѣмъ и всѣ косв. падежи множ. числа: всѣхъ, всѣмъ, всѣми, всѣхъ; отъ основы всей- (vьsеi-) косв. падежи женск. рода: род. всей, дат. всей, тв. всей (всею), пред. всей; отъ основы все: всего, всему, о всѣмъ.

Самъ, сама, само; множ. сами; отъ основы сама только вин.ж. рода саму (рѣдко употреб.). Отъ основы само-: род. самого, дат. самому, пред. о самомъ; отъ основы сами-, самѣнившей самѣ-(изъ samoi-): тв. самим. род. множ. самих, дат. самим, тв. самими, пред. о самих. Отъ основы самой- (samoi-) съ гласными окончаніями: род. и вин. самое (вм. стар. самоѣ), вин. самою, дат. самой, тв. самой (самою), пред. о самой.

Нѣкой сохраняетъ отчасти старое склоненіе: муж. и ср. родъ: нѣкоего, нѣкоему, о нѣкоемъ, но съ нѣкіимъ вм. съ нѣкоимъ. Въ женск. род. нѣкая вмѣсто старнаго нѣкоя, нѣкую вм. нѣкою; род. нѣкоей, дат. нѣкоей, тв. нѣкоей (нѣкоею), пред. о нѣкоей. Во множ.: нѣкіе, нѣкіихъ, нѣкіимъ, нѣкіими, о нѣкіихъ.

Несложеное кой (на кой чертъ) употребляется рѣдко: коего, коему, о коемъ, тв. съ коимъ; множ. кои, коихъ и пр. Въ женск.

род. ед. не употребляется.

Чей, чія, чіе. Въ муж родѣ: чьего, чьему, чьим, о чьем. Въ ж. родѣ: чьей и т.д. Во множ.: чьи, чьих, чьим, чьими, чьих.

Каков, какова, каково, каковы. По падежамъ не измѣняется. Рядомъ склоняемое каковой. Такъ же: одинаков, одинакова, одинаково, одинаковы.

Всяк употребляется только въ муж. им. ед.; всяко это нарѣчіе (напр. всяко бываетъ).

5. Мѣстоименія, склоняемыя какъ прилагательныя. Въ только что разсмотрѣнной группѣ удареніе переносится на окончанія (кромѣ кой, нѣкой); въ этой же группѣ удареніе на окончанія не переносится. Одни изъ такихъ мѣстоименій имѣютъ удареніе на окончаніи основы, другіе на коренной ея части. Къ первымъ относятся: такой, какой, таковой, каковой, другой, никакой, сякой (употребл. только въ им. муж. рода).

Ко вторымъ: каждый (новообразованіе вмѣсто кьждо), оный, который, никоторый, самый, нѣкоторый, всякой (пишется всякій), одинаковый.

Прилагательныя

Различаются два склоненія. Въ первомъ окончаніями являются въ именит. падежѣ ед. числа: ой, ая, ое. Во второмъ: ій, ja, je. Объ измѣненіи этихъ окончаній им. падежа и о прочихъ окончаніяхъ скажу ниже.

По происхожденію своему мѣстоименное склоненіе прилагательныхъ (объ именномъ мы говорили выше) есть сложное склоненіе. Нѣкогда въ сложномъ склоненіи склонялись обѣ части сложенія: самое прилагательное по именному склоненію и присоединенное къ нему относитель-

ное мѣстоименіе (основа jo). Но въ большей части падежей старое склоненіе систематически вытѣснено новыми формами, заимствованными изъ склоненія мѣстоименій. Старыя формы сохранились въ им. и вин. падежахъ ед. числа: добрый (изъ добръ-ji), добрая (добра-ja), доброе (добро-je); вин. женск. рода добрую (добру -ju); им. множ. добрыя (т.е. добри -jѣ, по формѣ вин. множ.). Объ им. формахъ второго склоненія (лисій, лисья, лисье) скажу ниже. Кромѣ того старыя формы сохранились (со стяженіемъ двухъ гласныхъ окончанія первой части сложенія и начала второй) въ твор. ед.: добрым (вм. добри-имь, а это еще въ общеслав. эпоху вм. добромь-имь), и во множ. числѣ: добрых (вм. добри-ихъ изъ добръ-ихъ), добрымъ (изъ добрнимъ, вм. добромъ имъ), добрыми (изъ добрыими), добрыхъ изъ добрыихъ, вм. добрѣх -ихъ). -Остальные падежи представляютъ новообразованія: род. доброго вм. добраго (а это изъ добраего), дат. доброму вм. добруму (а это изъ добруему), м. добром вм. добрѣмь (а это изъ добрѣемь), род. женск. рода доброй вм. добрнѣ (изъ болѣе древняго добрнеѣ), дат. и м. ж. доброй вм. добрѣи (изъ болѣе древняго добрѣей). Форма творит. падежа женск. рода добров (откуда позже доброй) можетъ быть признана старой формой, ибо уже въ старомъ языкѣ доброю ею замѣнено было черезъ добров. На появленіе новыхъ формъ повліяло склоненіе мѣстоименій, напр. того, тому, самого, всего и т.д.

Первое склоненіе. Въ составъ его вошли: 1) основы -о, склонявшіяся по сложному склоненію, 2) основы на -jo, склонявшіяся по тому же склоненію. Удареніе можетъ падать или на коренную часть основы: стáрый, бéлый, крýглый, гóлый, весéлый, богáтый, сúльный, или на окончаніе основы: босóй, живóй, морскóй.

Объ окончаніяхъ замѣчу слѣдующее. Окончаніемъ им. ед. является -ой, вытѣснившее старое -ый фонетически какъ въ ударяемомъ,

такъ и въ неударномъ слогѣ; современное правописаніе требуетъ сохраненія -ній въ неударномъ положеніи и замѣны его черезъ -ой въ ударяемомъ; основаніемъ для этого является историческая традиція до сравнительно недавняго времени удерживавшая -ній также подъ удареніемъ (вторый, слѣпый). Въ силу той же традиціи, а частью и искусственнаго правила грамматики послѣ к, г, х пишется і вм. о въ неударномъ положеніи: пѣгій, строгій, крѣпкій, тугоухій; между тѣмъ мы произносимъ здѣсь тотъ же звукъ, что въ добрый, старый. Это не звукъ -ы, а звукъ, изображавшійся нами въ отдѣлѣ фонетики черезъ ɑ; онъ явился на мѣсто о въ результатѣ его редукціи въ неударяемомъ положеніи. Изъ основъ на твердую согласную -ой передалось и въ основы на мягкую согласную: вмѣсто чужій, синій, горячій явились чужой, *синёй, *горячёй; понятно, что въ неударныхъ слогахъ о редуцировалось и послѣ мягкой согласной перешло въ ɛ, откуда і или почти і; наше синій, горячій не тождественно поэтому съ древнерусскими синій, горячій, а, какъ указано, ведетъ къ формамъ синёй, горячёй. Послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ вмѣсто ɛ, і такого происхожденія является ы: свѣжий, пригожий, похожий.

Въ род. ед. муж. рода является подъ удареніемъ -о́вɑ, въ неударныхъ слогахъ -ɑвɑ (послѣ твердыхъ согласныхъ) и -ɛвɑ послѣ мягкихъ): худовɑ, добрɑвɑ, синɛвɑ. На письмѣ -овɑ изображается черезъ -ого (худого), а -ɑвɑ и -ɛвɑ черезъ -аго, -яго (добраго, синяго). Написанія -аго, господствовавшія лѣтъ двадцать пять назадъ и при удареніи на предпослѣднемъ слогѣ, объясняются книжною традиціей, сохранившею церковно-

славянскія написанія; что до окончанія -го вмѣсто произносящагося -вα, то и здѣсь имѣемъ дѣло съ книжною традиціей, поддерживавшеюся тѣмъ обстоятельствомъ, что значительное число русскихъ говоровъ (малорусскихъ, бѣлорусскихъ, южновеликорусскихъ), между прочимъ и нѣкоторые сѣверновеликорусскіе говоры удерживали въ этомъ окончаніи старое γ, h; переходъ ογο въ ово можно считать великорусскимъ явленіемъ по преимуществу.

Въ дательномъ падежѣ находимъ -о́му подъ удареніемъ, -αму, -εму въ неударяемыхъ слогахъ: худо́му, добрαму, син́εму; въ мѣстн. -о́м подъ удареніемъ, -αм, -εм въ неударяемыхъ слогахъ: худо́м, добрαм, син́εм; въ твор. -им послѣ твердыхъ согласныхъ, -им послѣ мягкихъ: худы́м, до́брым, си́ним.

Въ им. ед. женскаго рода подъ удареніемъ -а́ä (пишется -а́я), а въ неударныхъ слогахъ -αä послѣ твердыхъ согласныхъ (пишется -ая), -εä -іä послѣ мягкихъ согласныхъ (пишется -яя): худая, добрая, синяя.

Въ вин. ед. женскаго рода подъ удареніемъ -и́i̯u (пишется -у́ю): худу́ю; что же касается неударяемыхъ слоговъ, то господствующимъ въ московскомъ произношеніи окончаніемъ является -αi̯u (послѣ твердыхъ согласныхъ), -εi̯u іi̯u послѣ мягкихъ согласныхъ, но извѣстно также окончаніе -ui̯u (вмѣсто чего послѣ мягкихъ согласныхъ -ui̯u или почти -üi̯u), на письмѣ только -ую: добрую, синюю. Окончаніе -αi̯u, -εi̯u замѣнило -ui̯u на почвѣ грамматической аналогіи; α, ε проникло изъ прочихъ падежей ед. числа: род. добрαй, д.м.тв. добрαй. Это видно изъ древняго языка, представлявшаго и на письмѣ формы вин. ед., какъ милою, больною и т.п. Ближайшимъ образомъ вліяніе могло быть оказано формой род. падежа, которая совпадала съ винит. падежомъ въ личныхъ мѣстоименіяхъ женск. рода:

её при ею, передаваясь и въ указательныя и опредѣлительныя: тоё и тою, всеё и всею, самоё и самою.

Форма род. ед. женск. рода на -ói̯ подъ удареніемъ (пишется -ой), -ɑi̯ (послѣ тв. согл.), -ɛi̯ (послѣ мягкой) въ неударныхъ слогахъ произошла изъ двухъ болѣе древнихъ формъ -yi̯ и -oi̯, которыя въ свою очередь замѣнили на почвѣ грамматической аналогіи -уѣ, -оѣ, а именно здѣсь сказалось вліяніе другихъ падежей дат. и твор., имѣвшихъ болѣе краткое окончаніе, чѣмъ род.; то же вліяніе еще раньше повело къ переходу окончанія твор. ед. -oi̯u въ oi̯. Окончаніе -уѣ это остатокъ сложнаго склоненія прилагательныхъ: xudyѣ, śiníѣ (вмѣсто śiníѣѣ подъ вліяніемъ грамматической аналогіи); окончаніе -оѣ явилось подъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія: xudoѣ, śiníeѣ; ср. сказанное выше о замѣнѣ окончаній сложнаго склоненія окончаніями склоненія мѣстоименнаго.

Объ окончаніи твор. женск. рода -oi̯ (-ɑi̯, -ɛi̯ и -ii̯) сказано выше, старыя формы -oiu, -ɑiu, ɛiu едва ли извѣстны въ живомъ употребленіи. Въ дат. и мѣстн. находимъ -ói̯ при -ɑi̯, -ɛi̯ и -ii̯ въ неударномъ положеніи.

Во множ. числѣ окончаніемъ им. падежа является -yi, послѣ мягкихъ согласныхъ -ii: xudyi, śiníi, эти окончанія восходятъ фонетически къ -уѣ, -іѣ, такъ какъ ѣ въ неударяемомъ положеніи можетъ переходить въ і (напр. колѣни, двѣсти); возможно, впрочемъ, что -yi, -ii замѣнило непосредственное -yɛ, -iɛ, при чемъ ɛ на мѣстѣ ѣ въ неударяемомъ положеніи. На письмѣ удерживается -ые, -іе, что указываетъ на старшія -ыѣ, -иѣ. Формы -ыѣ, -иѣ (вмѣсто -ѣѣ) представляются по своему происхожденію формами им. и вин. мн. женск. рода и формами вин. мн. муж. рода; эта форма вытѣснила какъ старое окончаніе им. мн. муж. рода -ии (худии, добрии), такъ

и окончаніе именит. винит. множ. сред. рода -ая (худая, добрая); вытѣсненіе всѣхъ формъ одною общею стоитъ въ связи съ общимъ совпаденіемъ формъ всѣхъ родовъ во множ. числѣ; ср. то же въ мѣстоименіяхъ. Въ нѣсколькихъ книжныхъ выраженіяхъ удерживается окончаніе именит. и винит. множ. числа ая, напр. въ вся тяжкая.

Въ род. мѣстн. общимъ окончаніемъ для всѣхъ родовъ является -ых, послѣ мягкихъ согласныхъ -их: худыхъ, синихъ. Въ дат. мн. -ы, -ым, -им: худымъ, синим. Въ твор. множ. -ыми, -ими; худыми, синими.

Отмѣчу здѣсь рядъ прилагательныхъ, получившихъ значеніе существительныхъ, но не утратившихъ своего стараго склоненія: Вѣрный (названіе города), сотской (пишется сотскій), прохожай (пиш. прохожій), лѣшай, (пишется лѣшій), лѣсничей (пишется лѣсничій); въ женск. родѣ горничная, столовая, передняя, гостинная; въ ср. родѣ жаркое, пирожное, мороженое, Бологое.

Второе склоненіе. обнимаетъ старыя основы на -i̯i̯o; звукъ i былъ въ общеславянскомъ языкѣ въ такомъ положеніи полукраткимъ, а потому подлежалъ въ позднѣйшее время выпаденію. Сложное склоненіе представляло первоначально такія окончанія: именит. ед. ĺiśĭi̯iĭ, ĺiśĭi̯ai̯a, ĺiśĭi̯ei̯e, вин. женск. ĺiśĭi̯ui̯u, род. liśĭi̯aho (изъ ĺiśĭi̯a-eho), liśĭi̯ĭĕ, дат. ĺiśĭi̯umu, ĺiśĭi̯iĭ; творит. ĺiśĭi̯iĭi̯imь, ж. тв. ĺiśĭi̯ei̯u, мѣстн. ĺiśĭi̯iĭi̯imь, ĺiśĭiĭ; именит. множ. ĺiśĭi̯iĭi̯i, ĺiśĭi̯ĭĕi̯ĭ, ĺiśĭi̯ai̯a, род. множ. ĺiśĭi̯iĭi̯ixъ и т. д. Въ формахъ именит. и винит. падежа ед. числа русскій языкъ получилъ новообразованія вмѣсто двухъ тождественныхъ сочетаній i̯ai̯a, i̯ei̯e, i̯iĭi, i̯ĭi̯ĭ, явилось одно i̯a, i̯e, i̯i, i̯ĭ: ĺiśi̯a, ĺi-

s'ie, l'is'ii, l'is'ĭĕ. это вызвало новообразованіе и въ им. ед. муж. рода: вмѣсто l'is'iii здѣсь явилось l'is'ii. Также козій, медвѣжій, человѣчій, Божій вмѣсто козьій, медвѣжьій, человѣчьій, Божьій. Въ остальныхъ падежахъ видимъ тѣ же окончанія, что въ первомъ склоненіи. Фонетически l'is'ii, откуда l'is'ii должно было измѣниться въ l'is'ei, наше l'is'ii, вѣроятно, непосредственно замѣняетъ l'is'ei.

Числительныя.

Склоненіе числительныхъ количественныхъ должно быть разсматриваемо особо въ виду нѣкоторыхъ явленій, свойственныхъ только этому склоненію. Впрочемъ, мы видимъ здѣсь вообще смѣшеніе склоненій, свойственныхъ существительнымъ и мѣстоименіямъ. Одни числительныя склоняются, какъ существительныя, другія склоняются какъ мѣстоименія, образуя нѣкоторыя формы по именному склоненію.

А. Какъ существительныя, склоняются всѣ вообще числительныя, оканчивающіяся на мягкую согласную, какъ пять, шесть, десять, одиннадцать, двадцать, тридцать и т.д. Они склоняются только въ ед.ч. какъ имена женск. рода на мягкую согласную (напр. кость), отступая только тѣмъ, что здѣсь (исключая впрочемъ тѣ, которыя оканчиваются на -надцать) переносится удареніе на окончанія: род. дат. м. пяти́, тв. пятью́, тридцати́, тридцатью́; между тѣмъ имена женск. рода, какъ мы видѣли, переносятъ ударенія на окончаніе только въ мѣстн. ед. послѣ предлоговъ на, въ. Старое удареніе сохранилось въ твор. падежѣ, употребленномъ какъ нарѣчіе: пятью-пять, во́семью-восемь. Въ склоненіи восемь является вставная гласная въ формахъ им. и твор.: восемь, восемью.

Въ сложныхъ пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ склоняются обѣ части сложенія: пятидесяти, шестьюдесятью, семью-

десятью, восмидесяти. Впрочемъ, въ твор. падежѣ извѣстны и новообразованія какъ пятидесятью, семидесятью. Очевидно, въ сознаніи говорящихъ утрачено представленіе о томъ, что -десять это форма род. множ.; но замѣчательно, что въ именит. падежѣ держится твердая согласная, при чемъ слѣдовательно старая форма род. множ. не отождествлена съ им. ед. Въ сложеніяхъ, какъ пятьсотъ, девятьсотъ точно также склоняются обѣ части; форма род. множ. сотъ держится только въ им. падежѣ (и конечно также въ род.).

Сорокъ склонялось нѣкогда какъ существительное муж. рода на -о, но теперь сохранилась только одна форма род. ед. сорока, которая получила функціи всѣхъ остальныхъ падежей; мы говоримъ: отъ сорока рублей, къ сорока рублямъ, съ сорока рублями, въ сорока рубляхъ, равнимъ образомъ но сорока рублей.

Девяносто въ нашемъ языкѣ во всѣхъ падежахъ звучитъ одинаково; но въ косвенныхъ падежахъ наше d'ɛvé nósta восходитъ, вѣроятно, къ формѣ девяноста, ср. выше сорока и ниже ста.

Сто является формой именит. и винит. падежа, въ другихъ падежахъ – одна общая форма ста, замѣнившая древнія сту (дат.) стѣ (мѣстн.), стомъ (твор.); ср. отъ ста рублей, къ ста рублямъ, въ ста рубляхъ. Дат. сту. напр. по сту рублей, моему словоупотребленію чуждо, я говорю по ста рублей, ср. по сорока (и по сто, ср. по сорокъ).

Въ пять сотъ, шесть сотъ и т.д. сохраняется, впрочемъ, только въ формахъ именит. и винит. форма род. множ. отъ сто. Въ другихъ падежахъ склоняются одновременно обѣ части сложенія: отъ пяти сотъ, къ пяти стамъ, въ пяти стахъ, пятью стами, о пяти стахъ.

Тысяча склоняется какъ существительное женск. рода: тысячу, отъ тысячи, къ тысячѣ, въ тысячѣ; но въ твор.-тысячью, какъ отъ

основи на ї; въ виду этого, возможно, что и въ дат., мѣстн. существуетъ форма тисячи, а не тисячѣ. Быть можетъ, тисячи только въ сложеніи съ существительнымъ: о тисячи рубляхъ, къ тисячи рублямъ, но объ этой тисячѣ, къ той тисячѣ.

Сто, двѣсти, триста, пятьсотъ и т.д. тисячъ въ косв. падежахъ склоняютъ всѣ части сложенія: со ста тисячами, въ ста тисячахъ, въ трехъ стахъ тисячахъ, съ тремя стами тисячами, о пяти стахъ тисячахъ, въ четырехъ стахъ тисячахъ. Возможно, впрочемъ и сохраненіе тисячъ род. множ. безъ измѣненія, напр. въ пяти стахъ тисячъ экземпляровъ, на пяти стахъ тисячъ рублей; мнѣ, однако, такое словоупотребленіе не свойственно.

Милліонъ склоняется какъ существительное муж. рода.

Существительное полъ можно разсматривать какъ числительное. Подобно числительнымъ сорокъ, сто слово полъ для всѣхъ косвенныхъ падежей образуетъ одну форму полу. Полъ употребляется въ сложеніяхъ, какъ съ существительными, такъ и съ числительными. Въ соединеніяхъ съ существительными находимъ въ имен. пад. ед. ч. и множ. или пол- или полу-. Пол - въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ полдень, полночь; полу- въ остальныхъ: полустанокъ, полушокъ, полукругъ, полуостровъ; въ косвенныхъ падежахъ и въ тѣхъ и въ другихъ случаяхъ только полу-: итакъ, съ одной стороны, къ полудню, отъ полуночи, съ полуднемъ, съ другой стороны: на полуостровѣ и т.д. Кромѣ того, извѣстны и такія соединенія, гдѣ за полъ слѣдуетъ существительное въ род. падежѣ ед. числа: полгода, полминуты; склоняются обѣ части такихъ сложеній: къ полугодамъ, съ полуминутами. -Полтора, т.е. полътора, въ женск. родѣ полторы образуютъ: полутора (такъ во всѣхъ косвенныхъ па-

---

Листъ 14-й. Очеркъ современнаго русскаго литер. языка. А. с. Ахматовой.

дежахъ: къ полутора годамъ, въ полутора верстахъ); въ старомъ языкѣ было бы къ полутору году, въ полуторѣ верстѣ.

Въ полтора, полторы видимъ во второй части сложенія старыя формы порядковаго числительнаго второй, а именно формы именного склоненія. Такое склоненіе имѣли нѣкогда и другія порядковыя; въ совр. языкѣ онѣ сохранились только въ именит. падежѣ ед.чис. муж. рода въ соединеніи съ предшествующимъ сам-: самдруг, самчетверт, сампост и т.д. Едва ли извѣстны въ обычномъ языкѣ соотвѣтствующія формы женск. рода; "она явилась самъ пост"; "именица уродилась самъ пят", а не сама шеста, сама пята. При третій именной формѣ является третей въ выраженіи самъ-третей.

Б. Числительныя одинъ, два, оба, три, четыре склоняются какъ мѣстоименія. Одинъ образуетъ падежи какъ тотъ, но вмѣсто ѣ имѣетъ въ окончаніи основы въ соотвѣтствующихъ падежахъ и: одного, одному - одним, одни, одних и т.д. Что до формъ однѣ, однѣхъ, которыя школьная грамматика рекомендуетъ какъ формы женск. рода, то въ живомъ языкѣ онѣ употребляются вмѣсто одни, одних безъ отношенія къ роду. Въ моемъ словоупотребленіи однѣ является только при женск. родѣ (непослѣдовательно) подъ вліяніемъ школьной грамматики.

Два въ муж. и сред. родѣ, двѣ въ женскомъ образуетъ остальные падежи отъ основы дву-, при чемъ въ твор. падежѣ имѣется окончаніе -мя, отсутствующее у мѣстоименій (діалектически извѣстны: имя, тѣмя): двухъ, двумъ, двумя.

Такъ же склоняются три, образующее падежи отъ основы тре-: трёхъ, тремя. Четыре образуетъ падежи отъ старой основы, на ѣ являющейся въ закрытыхъ слогахъ въ видѣ четыре, а въ открытыхъ въ

видѣ четир? четирём, четырёх при четырьмя.

Оба образуетъ падежи отъ основы обойи-: обо́их, обоим, обоими. Въ женск. родѣ обѣ – отъ основи обѣйи: обѣих, обѣим.

Двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро и болѣе рѣдкія восьмеро, девятеро, десятеро склоняются только во множ.: двои́х, семери́х, пятерым. Въ твор. множ. числа двоими, троими (четверыми, пятерыми и т.д. чужди моему словоупотребленію). Двое, трое, четверо и т.д. употребляются также въ соединеніи съ именами, значащими только множ. число: двое воротъ, и двоими воротами, двое саней, на двоихъ саняхъ (но также къ двумъ воротамъ, на двухъ саняхъ, тремъ воротамъ).

Порядковыя числительныя первый, второй, третій, четвертый, сороковой и т.д. склоняются какъ прилагательныя.

ГЛАГОЛЪ.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ глаголу, необходимо разсмотрѣть во-первыхъ, глаголы въ собственномъ смыслѣ, во-вторыхъ, спрягаемыя имена прилагательныя и причастія, въ-третьихъ, склоняемыя глагольныя имена съ аттрибутивнымъ значеніемъ (причастія), въ-четвертыхъ, несклоняемыя глагольныя имена съ неаттрибутивнымъ значеніемъ (инфинитивъ), въ-пятыхъ, глагольныя нарѣчія (дѣепричастія). Всѣ эти слова объединяются частью тѣмъ, что образуются посредствомъ опредѣленныхъ окончаній отъ общей основи (глаголы, причастія спрягаемыя и склоняемыя, дѣепричастія, инфинитивы), частью тѣмъ, что измѣняются по общимъ всѣмъ имъ категоріямъ, чуждымъ другимъ частямъ рѣчи (категоріи: времени, залога и вида объединяютъ глаголы, причастія, дѣепричастія; категоріи залога и вида объединяютъ съ ука-

заннными формами и инфинитивъ; категоріи лица и времени объединяютъ глаголи, спрягаемыя имена прилагательныя и причастія). Признавъ категорію лица наиболѣе характернои при опредѣленіи глагола, ибо она неотъемлема отъ собственно глагольныхъ (не именныхъ) образованій, мы называемъ измѣненіе глагола по лицамъ спряженіемъ. Сообразно съ этимъ, разсмотрѣнныя выше слова распадаются на двѣ группы: а) слова спрягаемыя (сюда относятся глаголи въ собственномъ смыслѣ, а также несклоняемыя имена и причастія), б) слова неспрягаемыя (инфинитивы, причастія склоняемыя и дѣепричастія). Сначала остановлюсь на спряженіи, т.е. на измѣненіи словъ по категоріи лица; затѣмъ перейду къ измѣненію спрягаемыхъ словъ по другимъ глагольнымъ категоріямъ; наконецъ, займусь неспрягаемыми глагольными словами.

Спряженіе.

Въ русскомъ языкѣ различаются, какъ это было видно при обзорѣ мѣстоименій, три лица: 1-ое лицо, обозначающее лицо (или индивидуализированный предметъ), ведущее рѣчь отъ себя; Второе - обозначающее лицо (или индивидуализированный предметъ), къ которому обращена рѣчь; 3-е - обозначающее лицо или предметъ, о которомъ идетъ рѣчь. То обстоятельство, что рѣчь можетъ вестись не только однимъ лицомъ, но и нѣсколькими, при чемъ она можетъ быть обращена не только къ одному лицу, но и къ нѣсколькимъ лицамъ, является основаніемъ тому, что первое лицо опредѣляется или какъ первое лицо единственнаго числа или какъ первое лицо множественнаго числа, также опредѣляются второе лицо единственнаго числа и второе лицо множественнаго числа. Лицо говорящее, такъ же какъ лицо, къ которому обращена рѣчь, можетъ быть муж. или женск. рода; сообразно съ этимъ первое лицо можетъ быть 1-мъ

лицомъ муж. и женск. рода, второе лицо - вторымъ лицомъ муж. или сред. рода. Равнымъ образомъ предметомъ рѣчи можетъ быть не только одинъ предметъ, но и нѣсколько предметовъ: поэтому при третьемъ лицѣ единств. числа является третье лицо множ. числа. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ принадлежать къ одному изъ трехъ родовъ: муж., женск., или среднему; сообразно съ этимъ третье лицо ед. и множ. числа можетъ быть третьимъ лицомъ ед.ч. муж. рода, третьимъ лицомъ ед. числа женск. рода, третьимъ лицомъ ед. числа сред. рода, третьимъ лицомъ множ. числа муж. рода и т.д. Теоретически возможны еще и другія опредѣленія для всѣхъ трехъ лицъ; такъ возможно опредѣленіе лица еще и двойственнымъ числомъ, а именно рѣчь можетъ вестись отъ имени двухъ лицъ, можетъ быть обращена къ двумъ лицамъ и можетъ итти о двухъ лицахъ или предметахъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ возникало бы представленіе о первомъ, второмъ и третьемъ лицѣ двойственнаго числа. Но современному русскому языку чужда категорія двойственнаго числа въ именахъ; понятно, что ея нѣтъ (она не сохранилась) и въ глаголахъ. Относительно различенія рода (муж., женск. и сред.) въ лицахъ отмѣтимъ, что категорія рода возникла собственно въ именахъ и притомъ путемъ грамматическимъ, формальнымъ (а не реальнымъ, ибо напр. къ муж. женск. роду принадлежатъ слова, которыя обозначаютъ такіе предметы, которые по реальному своему значенію не могутъ быть отнесены ни къ тому, ни къ другому роду). Вслѣдствіе этого проникновеніе родовыхъ различій, въ категорію лица глаголовъ могло произойти только подъ вліяніемъ именъ; въ русскомъ языкѣ это вліяніе сказалось только на спрягаемыхъ именахъ и причастіяхъ. Какъ мы знаемъ, русскій языкъ во множ.ч. частью утратилъ совсѣмъ (въ именахъ аттрибутивныхъ), частью ут-

рачиваетъ постепенно (въ именахъ существительныхъ) различія родовыя; вслѣдствіе этого и въ спрягаемыхъ именахъ родовыя различія наблюдаются только въ единственномъ, но не во множественномъ числѣ.

Изъ сказаннаго ясно вытекаетъ необходимость разсмотрѣть отдѣльно спряженіе глагола отъ спряженія именъ и причастій.

1. Въ спряженіи (измѣненіи по категоріи лица) глаголовъ различаются шесть лицъ: три лица единственнаго числа и три лица множественнаго. Различія эти образуются особыми окончаніями. Окончаніями 1 лица ед. числа являются -у (несу, прошу- горю, играю), а въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ глаголахъ -м (ѣм, дам) Окончаніемъ 2 л. ед. числа является -м (берёшь, ходишь, играешь, ѣшь, дашь), а для повелительнаго наклоненія -и, которое въ неударномъ положеніи переходитъ въ -й, послѣ гласной и вообще отпадаетъ послѣ согласной (неси, проси, дай, устрой, вынь, брось, рѣжь, ляг) сохраняясь однако послѣ группи согласныхъ: почисти, отсохни, тресни, а также въ сложныхъ съ -вн: вынеси, вырази; въ глаголѣ ѣсть окончаніемъ 2-го лица и повелительнаго наклоненія является -м (ѣшь). Окончаніемъ 3-го лица ед. числа является -т (плетётъ, водитъ, сядетъ, дастъ, ѣстъ) и архаическое -тъ въ есть, Богъ вѣсть. Окончаніемъ 1 лица множ. числа служитъ -м (гребёмъ, носимъ, знаемъ, ѣдимъ, дадимъ, даёмъ, повелительное наклоненіе идёмъ). Окончаніемъ 2-го лица мн. числа является -те (стерегете, хвалите, даёте, поспѣете; повелительное наклоненіе идите, хвалите, дайте, выньте, лягте). Окончаніемъ 3-го лица множ. числа является -т (несутъ, носятъ, горятъ, строятъ, спятъ, хотятъ, тревожатъ). Способы присоединенія указанныхъ окончаній къ основамъ будутъ разсмотрѣны ниже при обзорѣ спряженія глагольныхъ основъ. Здѣсь отмѣтимъ, что указанныя

окончанія свойственни только настоящему и будущему времени, а такие повелительному наклоненію.

2. Въ спряженіи именъ прилагательныхъ и причастій различаются десять лицъ, семь для единственнаго числа и три для множественнаго, при чемъ въ единственномъ числѣ три лица муж. р. три лица женск. рода и одно (третье) лицо средняго рода. Различія между этими формами образуются посредствомъ присоединенія къ прилагательнымъ и причастнымъ формамъ восьми мѣстоименныхъ формъ (я для муж. и женск., тѣ для муж. и женск., онъ, она, оно, мы, вы, они): 1-е л. муж. я весел, я былъ, 1-е л.ж.р. я рада, я ходила, 2-е л. муж. ты старъ, ты носилъ, 2-е л.ж.р. ты молода, ты играла, 3-л.м. онъ простъ, онъ собралъ, 3-л.ж. она бѣдна, она ушла, 3-л.ср. оно хорошо, оно упало, 1-е л.мн. мы обижены, мы упали, 2-л. множ. числа вы виноваты, вы устали, 3-е л. множ. числа они счастливы, они отказали. Повторимъ сказанное выше при обзорѣ мѣстоименій: они употребляется безразлично для муж. и женск. рода; вмѣсто они извѣстно такие онѣ такие для муж. и женск. рода; различеніе они и онѣ какъ формы муж. и женск. рода искусственно и не оправдывается ни исторіей, ни современнымъ употребленіемъ. Понятно, что вмѣсто мѣстоименія 3-го лица: онъ, она, оно, они можетъ быть употреблено имя существительное: женщина вышла, дѣти весели.

Разсматриваемое спряженіе распадается на два рѣзко другъ отъ друга отличныхъ отдѣла. Къ первому принадлежитъ спряженіе причастія на -лъ: я былъ, ты крала, оно прошло и т.д. Формы на -лъ въ настоящее время утратили свое первоначальное причастное значеніе прошедшаго времени и употребляются только какъ

спрягаемыя формы прошедшаго времени. Ко второму отдѣлу принадлежитъ спряженіе всѣхъ остальныхъ причастій (на-тъ, -мъ, -пъ), а также и прилагательныхъ. Формальнымъ отличіемъ спряженія второго отдѣла отъ перваго является слѣдующее: окончаніемъ множ. числа въ первомъ отдѣлѣ служитъ и: были, ходили, ѣли, несли, между тѣмъ какъ во второмъ отдѣлѣ такимъ окончаніемъ является и: веселы, биты, любимы, брошены (-и является только въ простонар.: ради, виновати, квити). Относящіяся ко второму отдѣлу спрягаемыя слова измѣняются, въ противоположность причастіямъ на -лъ, по временамъ: простое соединеніе ихъ съ указанными выше мѣстоименіями, а также съ существительными обозначаетъ настоящее время: я молода, женщина убита, солдатъ раненъ но соединеніе ихъ съ формами прошедшаго или будущаго времени вспомогательныхъ глаголовъ (о нихъ скажемъ ниже) служатъ для выраженія этихъ двухъ временъ, напр. я былъ веселъ она была рада, мы будемъ довольны, они будутъ брошены, они бывали неисправны и т.п. Въ подобныхъ сложныхъ образованіяхъ вмѣсто формы на согласную въ муж. родѣ, на -а въ женск., на -о въ сред. родѣ, на -ы во множ. числѣ употребляются не послѣ вспомогательнаго глагола: былъ, буду и формы на -ым въ муж. родѣ, -ой въ женск., -ым въ сред. -ыми во множ. числѣ; по происхожденію своему это формы творит. падежа: я сталъ веселым, она бывала веселой, небо стало пасмурным, онъ сдѣлался серьезным. Равнымъ образомъ при помощи вспомогательныхъ глаголовъ образуются этими спрягаемыми именами наклоненія повелительное и сослагательное: будь весела, было бы скучно.

Въ нѣломъ рядѣ глаголовъ окончаніе 3 л. ед. числа -т въ настоящемъ и будущемъ времени не вноситъ въ глагольную форму категоріи лица: эти глагольныя формы хотя и говорятъ о томъ или дру-

гомъ дѣйствіи или состояніи, но не содержатъ указанія на то, чтобы это дѣйствіе или состояніе производилось опредѣленнымъ субъектомъ. Ср. безличный глаголъ, какъ шумит, морозит, меня тошнит, чешется, думается. Аналогично съ этимъ окончаніе -о въ формѣ прошедшаго времени не вноситъ категоріи лица, напр. въ формахъ, какъ морозило, разсвѣло, чесалось, думалось. И точно также безлично употребляются именныя формы (причастія и прилагательныя) на -о: здѣсь весело, мнѣ тошно, ему больно.

Отъ этихъ безличныхъ формъ отличается употребленіе 3-го лица мн. числа глаголовъ и причастій на -л безъ опредѣленно выраженнаго субъекта; при безличныхъ глаголахъ субъектъ не только не выраженъ опредѣленно, онъ даже не подразумѣвается, между тѣмъ при формахъ 3-го лица множ. числа (на -ут, -ат и -ли) субъектъ подразумѣвается и притомъ во множ. числѣ: пишут, говорят, твердили, смѣялись (подразумѣваются люди).

Форма повелительнаго наклоненія на -и (или на согласную, за которой отпало -и), при употребленіи съ существительнымъ или мѣстоименіемъ 3-го лица или съ мѣстоим. 1 лица утрачиваетъ значеніе 2-лица и получаетъ значеніе 3-го лица или 1-го лица условнаго наклоненія: приди онъ раньше, знай я это раньше, ничего бы не было; скажи онъ это, было бы все исполнено; будь онъ посмѣлѣе, его бы не тронули; вспомни я раньше объ этомъ, все было бы хорошо; будь я тамъ, этого бы не случилось, будь мя тамъ. Также рѣже при 1-мъ и 2-мъ лицѣ множ.ч. будь мя, будь вя. Отмѣчу еще употребленіе формы повелительнаго на -и въ значеніи 3-го лица ед. числа повелительнаго наклоненія: помилуй Богъ, помоги ему Богъ, провались онъ на мѣстѣ (также и во мн. провались они всѣ), пропадай моя головушка, сохрани его Господь.

Категорія времени.

Глаголъ и прочія спрягаемыя слова посредствомъ тѣхъ или иныхъ формальныхъ средствъ образуютъ различныя времена. Дѣйствіе или состояніе предмета представляется или продолжающимся въ настоящемъ времени или относящимся къ прошедшему времени, или, наконецъ, относящимся къ будущему времени. Настоящее время глаголовъ опредѣляется тѣми личными окончаніями, которыя разсмотрѣны выше иду, хожу, просишь, видимъ, даёте, носятъ, ѣмъ, ѣдимъ. Настоящее время прочихъ спрягаемыхъ словъ опредѣляется отсутствіемъ вспомогательнаго глагола при спрягаемомъ словѣ: они веселы, онъ убитъ, онъ задуменъ, онъ тронутъ, она ранена, книга найдена (Настоящее время, состоящее изъ причастія совершеннаго вида, въ противоположность другимъ формамъ настоящаго времени, можно опредѣлить, какъ настоящее время совершеннаго вида). Прошедшее время глаголовъ образуютъ формы спрягаемаго причастія на -л: онъ былъ, онъ убилъ, она приняла, она веселилась. Прошедшее время прочихъ спрягаемыхъ словъ опредѣляется наличностью при спрягаемомъ словѣ вспомогательныхъ глаголовъ въ прошедшемъ времени: она была рада, они были удивлены, они были тронуты (Прошедшее время отъ глаголовъ совершеннаго вида, а также отъ спрягаемыхъ причастій совершеннаго вида, можно опредѣлить какъ прошедшее время совершеннаго вида). Будущее время образуется отъ глагола двоякимъ способомъ: или оно по формѣ основы и по своимъ окончаніямъ тождественно съ настоящимъ временемъ (будущее совершеннаго вида), напр. съѣмъ, сыграетъ, наброситъ, залѣзетъ, заставимъ; или оно представляетъ соединеніе инфинитива съ вспомогательными глаголами: буду, стану (будущее несовершеннаго вида): буду играть, стану сказывать, при чемъ это образованіе воз-

можно только отъ тѣхъ глаголовъ, основа которыхъ не имѣетъ значенія совершеннаго вида (нельзя сказать буду поиграть, будетъ сказать). Будущее время прочихъ спрягаемыхъ словъ опредѣляется наличностью при спрягаемомъ словѣ вспомогательныхъ глаголовъ въ будущемъ времени: я буду полезенъ, я буду избитъ она станетъ сильной. (Соединеніе съ причастіемъ совершеннаго вида образуетъ будущее совершенное).

Настоящее время отъ глаголовъ совершеннаго вида имѣетъ не только значеніе будущаго совершеннаго, но такие и настоящаго времени, при разсказѣ о часто повторяющихся событіяхъ: онъ встанетъ, одѣнется и выйдетъ въ садъ погулять, походитъ по дорожкамъ и вернется домой.

Такимъ образомъ, если примемъ во вниманіе обнаруживающіяся видовыя отношенія, видимъ, что въ нашемъ языкѣ различаются слѣдующія шесть временъ: настоящее несовершеннаго и совершеннаго вида, прошедшее несовершеннаго и совершеннаго вида, будущее несовершеннаго и совершеннаго вида.

Категорія наклоненія.

Наклоненіями называются тѣ различія въ глагольныхъ формахъ, которыми обозначается отношеніе субъекта къ дѣйствію или состоянію, выраженному глаголомъ: дѣйствіе или состояніе можетъ представляться связаннымъ съ субъектомъ непосредственно, въ этомъ случаѣ глагольная спрягаемая форма опредѣляется какъ изъявительное наклоненіе; дѣйствіе или состояніе можетъ представляться связаннымъ съ субъектомъ только при извѣстномъ условіи или опредѣляться, какъ нѣчто желаемое: сослагательное наклоненіе; наконецъ, дѣйствіе или состояніе связывается съ субъектомъ только въ актѣ воли говоряща-

го лица: повелительное наклоненіе. Выраженія для сослагательнаго и повелительнаго наклоненія, равно какъ и для другихъ наклоненій (напр. условнаго, желательнаго) могутъ быть даны разнообразными синтаксическими сочетаніями (напр. если онъ скажетъ, пошелъ бы ты, да будетъ, молчать и т.п.), но въ морфологіи мы останавливаемся только на тѣхъ различіяхъ, которыя даны въ самой грамматической формѣ. Съ этой точки зрѣнія различаемъ въ русскомъ языкѣ только три выше названныя наклоненія. Данное выше опредѣленіе наклоненія исключаетъ возможность признать инфинитивъ наклоненіемъ хотя бы неопредѣленнымъ: въ немъ не выражается отношеніе субъекта къ дѣйствію или состоянію, выраженному глаголомъ; поэтому неопредѣленную форму, представляющуюся простымъ названіемъ дѣйствія или состоянія, удобнѣе назвать иностраннымъ терминомъ "инфинитивъ".

Признакомъ изъявительнаго наклоненія является наличность въ глагольной и вообще спрягаемой формѣ возможности сочетаться съ субъектомъ въ каждомъ изъ шести лицъ и отсутствіе частицы бы за формами прошедшаго времени: я иду, ты несёшь, они хотѣли, они дадутъ, они будутъ сидѣть, она молода, она была больна.

Признакомъ повелительнаго наклоненія является отсутствіе возможности сочетать глагольную форму съ 1-л. ед. числа и 3-л. ед. и множ. числа; обычно она сочетается только со 2 л. ед. и множ. числа: сядь, посиди, проси, будьте любезны, играйте, давайте; въ глаголахъ совершеннаго вида, а также опредѣленно-моторныхъ (см. ниже) форма повелительнаго наклоненія можетъ относиться и къ 1л. множ. числа, выражаясь при этомъ формой 1 л. множ. настоящаго времени, но не сочетаясь съ мѣстоименіемъ 1 л. множ. числа: идёмъ:

бросим, несём, скажем. Форма пошол, не сочетаемая съ мѣстоименіемъ 2 л. ед. числа или принимающая за собой это мѣстоименіе только постпозитивно (пошол ты вон), служитъ также для выраженія повелительнаго наклоненія. Повелительнымъ наклоненіемъ являются и частицы на -нате. Особою разновидностью повелительнаго наклоненія является его предостерегательное значеніе. Оно образуется двоякимъ способомъ: во-первыхъ изъ соединенія, отрицанія *не* съ повелительнымъ наклоненіемъ глагола совершеннаго вида (который вообще съ отрицаніемъ не соединяется): не потеряй, не усни, не урони, не убейся, не попадись, не укради, не укради, не убей (изъ заповѣдей), не уколись, не прозѣвай; во-вторыхъ, изъ соединенія повелительнаго наклоненія смотри, прошу пожалуйста съ повелительнымъ наклоненіемъ (несовершеннаго и совершеннаго вида), сопровождаемыхъ отрицаніемъ: смотри не урони, смотри не упади, не откажитесь, прошу васъ, смотри не вынь несчастливаго ребёнка, смотри не проиграй, не разсердись пожалуйста.

Сослагательное наклоненіе (согласно предыдущему), имѣющее значеніе условнаго и желательнаго наклоненія) опредѣляется наличностью частицы бы при формахъ прошедшаго времени на -лъ: я бы сѣлъ, она хотѣла бы, они бы вышли, она была бы добрѣе. Впрочемъ, какъ мы видѣли для выраженія этого наклоненія (точнѣе наклоненія условнаго) употребляется и форма 2 л. ед. повелительнаго наклоненія въ сочетаніи съ 1 л. и 3 л. единств. числа, рѣже множ. числа: приди онъ раньше, послушайся я его совѣта, догадайся я, что это такъ.

Категорія вида.

Видами называются тѣ различія въ глагольныхъ образованіяхъ, которыми обозначаются различія въ способѣ прохожденія (теченія, совершенія, выполненія) дѣйствія или состоянія, выраженнаго глагольной основой. Ученіе о значеніи видовъ принадлежитъ отдѣламъ грамма-

тики, посвященнымъ синтаксису и семасіологіи. Но вопросы объ образованіи и формѣ видовъ разсматриваются въ морфологіи, причемъ значеніе видовъ затрагивается здѣсь по стольку, по скольку обнаруживается связь между различными значеніями и различными формами видовъ.

Въ русскомъ глаголѣ различаются слѣдующія два главные вида: видъ несовершенный (имперфективный) и видъ совершенный (перфективный). Несовершенный видъ означаетъ дѣйствіе или состояніе, длившееся въ прошедшемъ или продолжающееся (не въ своемъ результатѣ, а въ самомъ дѣйствіи или состояніи) въ настоящемъ или имѣющее длиться въ будущемъ: смотрѣ, я ходилъ, буду читать, переговариваетъ, ты несёшь, онъ бѣжитъ. Совершенный видъ означаетъ или законченность длительности дѣйствія (состоянія): посмотрѣ, похожу, посидитъ, побѣгалъ (т.е. длительность была на лицо, но говорящій говоритъ о ней какъ о прекратившейся, законченной въ прошедшемъ или будущемъ; или онъ обозначаетъ результатъ дѣйствія (состоянія) какъ нѣчто законченное въ прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ: онъ прибѣжалъ, онъ принёсъ; онъ раненъ, онъ наказанъ, онъ уйдётъ, она крикнетъ.

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ форма совершеннаго вида, отличается отъ соотвѣтствующей формы несовершеннаго вида; въ рѣдкихъ случаяхъ формы совершеннаго и несовершеннаго вида совпадаютъ въ звуковомъ отношеніи. Во всѣхъ однако случаяхъ формы обоихъ видовъ отличаются другъ отъ друга въ грамматическомъ употребленіи, а именно: во-первыхъ, форма, имѣющая въ глаголахъ несовершеннаго вида значеніе настоящаго времени, въ глаголахъ совершеннаго вида получаетъ значеніе будущаго времени, напр. говорю, переговорю, несу, принесу, сѣмъсь, засѣмъсь; дому начальству, дому старое платье; онъ телеграфируетъ мнѣ сегодня, она телеграфируетъ мнѣ завтра. Во-вторыхъ, въ глаголахъ несовершеннаго вида будущее время образуется

посредствомъ соединенія вспомогательныхъ глаголовъ буду, стану, съ инфинитивомъ; въ глаголахъ совершеннаго вида такое соединеніе не допускается: буду говорить, буду слушать; слѣдовательно, въ соединеніи: буду телеграфировать, глаголъ несовершеннаго вида. Въ-третьихъ, отъ глаголовъ несовершеннаго вида образуется причастія настоящаго времени: играющій; отъ глаголовъ соверш. вида не можетъ быть образовано причастіе на -щій. Въ-четвертыхъ, отъ глаголовъ совершеннаго вида не употребительно причастіе настоящаго времени страдательнаго залога, между тѣмъ его образуютъ глаголы несовершеннаго вида: любимый, уважаемый, это не произносимо, онъ всѣми видимъ; Въ-пятыхъ, повелительное наклоненіе совершеннаго вида по общему правилу не соединяется съ отрицаніемъ *не*, а если соединяется (иногда съ смотри, пожалуйста, прошу), то имѣетъ значеніе предостерегательное: не промахнись, смотри не уступи, пожалуйста не отпрись.

Перехожу къ формальнымъ отличіямъ совершеннаго вида отъ несовершеннаго. Какъ указано, въ подавляющемъ числѣ случаевъ форма совершеннаго вида глагола отличается отъ соотвѣтствующей формы несовершеннаго вида. Отличіе это выражается или I: въ обособленіи основы несовершеннаго вида предлогомъ: бранъ - побранъ, вибранъ, или II: въ самомъ строеніи основы. Разсмотрю отдѣльно тотъ и другой способъ образованія совершеннаго вида.

I. По общему правилу глаголъ несовершеннаго вида, сочетаясь съ предлогомъ, переходитъ въ совершенный видъ; предлогъ утрачиваетъ при этомъ свое реальное значеніе и указываетъ только или наступленіе результата дѣйствія, выраженнаго глаголомъ, или его окончаніе, или полноту его проявленія или, наконецъ, прекращеніе длительности. Приведу рядъ примѣровъ съ различными предлогами -за: забарабанить,

задрожать, задремать; -воз: воспылать, вознегодовать; по: полетѣть, побѣжать, побрести, повалить, погнать; -отъ: отсидѣть, отстоять, отпѣть; -на: нападать, накурить, написать, напутать; -изъ: испачкать, испортить, истолочь, изжарить; -вы: высѣчь, выкрасить; про: прогремѣть, пробормотать, продать, прозвучать, проѣздить; -у: украсть; -съ: сдѣлать, сыграть, снести, слетать, слукавить; -раз: разбудить, разбогатѣть, развеселить; -о, объ: остолбенѣть, осиротѣть; -по: повѣнчать, построить, покраснѣть; -за: зарѣзать, застрѣлить. Для выраженія прекращенія длительности глагола употребляется предлогъ по: поговорить, поиграть, полѣчиться, походить, почесаться, поторопиться.

II. Различіе въ основахъ, означающихъ совершенный и несовершенный видъ, образуется разными способами и восходитъ къ разнымъ эпохамъ. Необходимо имѣть въ виду слѣдующія четыре группы глаголовъ совершеннаго вида: 1) несложенныя съ предлогами основы на согласную и на -и, имѣющія при себѣ въ несовершенномъ видѣ основы на -а; 2) основы, несложенныя съ предлогами, при которыхъ исчезли соотвѣтствующія основы несовершеннаго вида; 3) несложенныя съ предлогами основы на -ну; 4) сложенныя съ предлогами основы.

1) Число основъ, несложенныхъ съ предлогами, оканчивающихся на согласную и на -и, и имѣющихъ значеніе совершеннаго вида, весьма ограничено. Сюда относятся: дам (осн. дад-) при основѣ дава - въ несовершенномъ видѣ (но въ наст. вр. основа дајо-); паду (осн. инфинит. пад-) при основѣ пада - въ несовершенномъ видѣ (падам), основы на и: благословляю при благословляю въ несовершенномъ видѣ; брону при бросаю, въ несовершенномъ видѣ; кончу при кончаю, лиму при линаю, плѣню при плѣняю, прону при пронаю, пуну при пускаю, рону при рождаю, рѣну при рѣзаю, ступлю при ступаю, хвачу при хватаю, явлю при являю.

Сюда же относится куплю при покупаю въ несовершенномъ видѣ. Глаголъ хватить (ударить) не имѣетъ при себѣ несовершеннаго вида, но ясна связь его съ хватать.

2. При сяду-сѣсть, лягу-лечь, стану-стать, дѣну-дѣть не извѣстны теперь соотв. формы несовершеннаго вида (впрочемъ, извѣстенъ инфинитивъ дѣвать), но раньше при нихъ существовали образованія какъ *сѣдать (малор. сідати);*лѣгать,*ставать,*дѣваю.

3) Несложенныя съ предлогами основы на -ну принадлежатъ всѣ къ совершенному виду, за исключеніемъ тѣхъ, которыя обозначаютъ не активное дѣйствіе предмета, а пассивное его состояніе (какъ тонуть, виснуть, киснуть, пухнуть, мокнуть, сохнуть), а также еще глагола тянуть. Соотв. глаголы несовершеннаго вида производятся отъ основы на -а. Примѣры для глаголовъ совершеннаго вида на -ну: зѣвнуть, крикнуть, чихнуть, ахнуть, хлопнуть, топнуть, рѣзнуть, кольнуть, толкануть, капляпуть, бацнуть, вернуть, кинуть, минуть.

4. Глаголы совершеннаго вида, сложенные съ предлогами, сохранившими реальное свое значеніе, имѣютъ при себѣ по общему правилу глаголы несовершеннаго вида, сложенные съ тѣми же предлогами, но образованные отъ другой основы. При этомъ различаются двѣ группы: А. основы несовершеннаго вида не являются основой производной отъ основы совершеннаго вида. В. Основа несовершеннаго вида производная отъ основы совершеннаго вида.

А. Глаголы несовершеннаго вида со значеніемъ моторнымъ производятся отъ родственной основы съ неопредѣленно моторнымъ значеніемъ, когда совершенный видъ (сложенный съ предлогомъ) содержитъ основу съ соотвѣтствующимъ опредѣленно-моторнымъ значеніемъ. Такъ при отнести является относить, ср. нести-носить; такъ же: завезти-завозить.

Листъ 15-й. Очеркъ современнаго русск. литер. языка. А. А. Шахматовъ.

зить, донести-доносить, залетѣть-залетать, привести-приводить. Сложенний съ предлогомъ глаголъ лѣзть напр. залѣзть, вылѣзть рядомъ съ лазить: залазить, вылазить можетъ имѣть и образованіе съ производной основой: залѣзать, вылѣзать. Только съ производной основой образуетъ совершенний видъ глаголовъ тлѣть, ѣхать, бѣжать соотвѣтствующія основи несовершеннаго вида: приплыть-приплывать (не приплавать) пріѣхать-пріѣзжать (не пріѣздить), набѣжать-набѣгать (не набѣгать).

В. Остальные глаголи совершеннаго вида образуютъ несовершенний видъ отъ соотвѣтствующей производной основи. При этомъ извѣстни производныя основи на -а, производныя основи на -ja, производныя основи на -ивать, -ывать. Разсмотримъ отдѣльно всѣ эти производныя основи.

Производную основу на -а (послѣ гласныхъ на -ва) находимъ отъ всѣхъ глаголовъ, оканчивающихся въ инфинитивѣ на согласную и на гласную при односложности основи совершеннаго вида: прода-ть: продавать; напѣть-напѣвать, нажить-наживать, задуть-задувать, забить-забивать, покрыть-покрывать, обуть-обувать, сознать-сознавать; также отпадать, осѣдать, отсѣкать, запасать. При этомъ въ древнѣйшемъ періодѣ краткія, исконно краткія, гласныя въ корнѣ подвергались растяженію: о переходило въ а, е въ ѣ, ъ въ и, ь въ і; въ русскомъ языкѣ въ частности въ великорусскомъ, такія а, ѣ замѣнени были съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ аналогіи черезъ а, е (напр. погребать вм. погрѣбать, налегать, помогать), но и, и на мѣстѣ старыхъ ъ, ь сохранились: умирать (ср. основу настоящаго умьр- въ умру), простирать (наст. простьр- въ простру), натирать (наст. натьр въ натру), считать (наст. съчьт въ сочту), начинать (наст. начьн- въ начну), покирать (наст. покър- въ покру), пробирать (ср. бър въ пробрати). - Производную основу на -а находимъ (съ такимъ же растяженіемъ исконно кратких гласныхъ) и при глаголахъ съ инфинитивомъ на -нуть: увя-

нуть-увядать, утонуть-утопать, заснуть-засыпать, закинуть-закидать, передвинуть-передвигать. Производную основу на -а находимъ въ рѣдкихъ случаяхъ при основѣ настоящаго времени на -je и основѣ инфинитива на -а: насыпле-насыпа́ть, обрѣжу-обрѣза́ть. -Производная основа на -а является далѣе въ соотвѣтствіи съ основой на -и въ совершенномъ видѣ въ томъ случаѣ, если въ соотвѣтствующихъ глаголахъ несложенныхъ совершеннаго и несовершеннаго вида извѣстны тѣ же обѣ основи: наступить-наступать (ср. ступить-ступать), запустить-запускать; сюда же закупить-закупать (ср. купить совершен. вида, не имѣющее, впрочемъ, при себѣ купать). Производная основа на -а является еще въ нѣсколькихъ случаяхъ: загораться, пригорать, закипать.

Производную основу на -ja находимъ при основѣ на -и, по общему правилу однако только тогда, когда въ основѣ настоящаго времени ударенiе падаетъ на это-и: обвини́м, уснащать, отвращать, надѣлять, угощать, объявлять, отличать, упрощать, устремлять, усиплять, укрѣплять, также еще и тамъ, гдѣ ударенiе въ наст. времени колеблется, но гдѣ въ инфинитивѣ оно падаетъ на -и: стуча́ть, умолять, провожать, погружать, вигружать, перемѣнять. Въ словахъ книжныхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго образованiя на -ja при основѣ на -и, независимо отъ ударенiя основы настоящаго и инфинитивъ, составляетъ общее правило: украшать при украси́ть, управлять, наставлять, прославлять, приставлять, проготовлять, отвѣчать, отправлять, замѣчать, отмѣчать.

Производную основу на -нва съ ударенiемъ на корнѣ находимъ въ другихъ, неотмѣченныхъ выше, глаголахъ въ положенiи послѣ твердой согласной. Такъ при основѣ инфинитива на -ну: заглядывать, притискивать (здѣсь и вмѣсто ы послѣ к), запихивать (тоже послѣ х), отстёгивать (тоже послѣ г), затрогивать, подускивать, проскальзывать, уленётывать, отпрядывать. При основѣ инфинитива на -а и -о съ ос-

новой настоящаго времени на -je: заказывать, срѣзывать, слизывать, помазывать, отклёвывать, отплёвываться, закалывать. При основѣ инфинитива на -а съ основой настоящаго времени на -aje: забрасываю, запугиваю, учитываю, отмежовываю, заламываю, улитывать, закусывать, закутывать, зарабатывать.

Производную основу на -ива съ удареніемъ на корнѣ находимъ въ положеніи послѣ мягкой согласной. При основѣ наст. времени и инфинитива на -и, когда ударѐніе въ инфинитивѣ или настоящ. времени (здѣсь кромѣ 1-го лица единственнаго числа) падаетъ на корень: расцвѣчивать, отпячивать, разукрашивать, подзадоривать, унавоживать, условливаться, замораживать, запрашивать, отваживаться, отплачивать, позванивать, отращивать, отсрочивать, замаливать, загораживать, отсвѣчивать, попугивать, покучивать, отвинчивать, залѣчивать, охорашивать, вынашивать, высушивать, вымѣнивать, вычучивать, выколачивать, выпиливать, обнаруживать, удвоивать, озадачивать, обнадёживать, удерживать, откремиваться, отшучиваться, усваивать,

При основѣ настоящаго времени на -jaje: увѣнчивать, замѣшивать. При основѣ настоящаго времени на -и и основѣ инфинитива на -ѣ (а): высиживать, полёживать, вылёживаться, просиживать (несмотря на ударѐніе просиди́тъ), замалчивать, отстаивать).

III. Нѣкоторые сравнительно немногочисленные глаголы имѣютъ одну общую форму какъ для совершеннаго такъ и для несовершеннаго вида. Сюда относятся глаголы: женю, крещу, казню, велю, дарую, образую, организую, телеграфирую и, повидимому, обѣщаю. Глаголы организую и телеграфирую представляются новообразованіями; обѣщаю, дарую, образую, крещу несомнѣнно слова книжныя, заимствованныя изъ церковнославянскаго; значеніе слова женю даетъ основаніе предположить, что и оно такого же происхожденія; понятно, что и казню, велю можно признать церковнославянизмомъ. Слѣдовательно, совмѣщеніе

двухъ значеній видовыхъ имѣетъ мѣсто а) въ словахъ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго, б) въ новообразованіяхъ. Оба видовыя значенія перенесены изъ самого церковнославянскаго языка; здѣсь, въ силу необходимости создавать неологизмы, а другой разъ въ силу невозможности прибѣгнуть къ новообразованіямъ, въ рядѣ случаевъ какъ увидимъ сохранились первоначальныя отношенія между обоими видами. Быть можетъ, сюда же должно отнести слѣдующіе глаголы, въ настоящее время извѣстные только со значеніемъ совершеннаго вида, но еще недавно употреблявшіеся и со значеніемъ несовершеннаго вида: мозолю, роню. Отдѣльно стоятъ русскіе по формѣ глаголы ворочу и полоню, извѣстные только въ совершенномъ видѣ, при чемъ однако ворочу употребляется въ видѣ несовершенномъ, напр., въ выраженіи онъ рыло воротитъ; эти глаголы, въ особенности полоню (вмѣсто ворочу чаще возвращу, верну) представляются устарѣвшими.

Изъ предыдущаго выясняется, что большая часть глаголовъ совершеннаго вида представляетъ сложеніе глагола съ предлогомъ. Мы можемъ указать на сравнительно немного глаголовъ съ основой на согласную и на -и въ инфинитивѣ, имѣющихъ значеніе совершеннаго вида; возможно, что такое значеніе они получили позже подъ вліяніемъ того, что при нихъ были однозначащіе глаголы съ основой на -а, которымъ было присвоено значеніе соотв. несовершеннаго вида; при этомъ вѣроятно думать, что напр. явить при являть получило значеніе совершеннаго вида вслѣдствіе именно того, что рядомъ съ несовершеннымъ объявлять (съ производной основой) существовало объявить; ср. еще ступить-ступаю при наступить-наступаю; купить совершеннаго вида подъ вліяніемъ накупить-накупаю; родить-рождаю

подъ вліяніемъ зародить-зарождаю. Какъ мы только что видѣли, число глаголовъ, несложенныхъ съ предлогами, гдѣ значеніе совершеннаго вида не связывается съ только что указанными условіями, совершенно незначительно (жену, ранu и т.п.). Итакъ, сложеніе съ предлогомъ по общему правилу вызываетъ замѣну совершеннаго вида глагола видомъ несовершеннымъ: видѣть-увидѣть, красть-накрасть, бросать-забросать, и т.д. Это общее положеніе нуждается однако въ болѣе подробномъ изслѣдованіи, въ виду того, что рядъ глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами, сохраняетъ свое первоначальное значеніе несовершеннаго вида. Сюда относятся слѣдующія группы глаголовъ.

Во-первыхъ, тѣ глаголы, сложенные съ предлогами, имѣющіе значеніе несовершеннаго вида, которые не имѣютъ при себѣ простыхъ безпредложныхъ глаголовъ; эти глаголы разсмотрѣны выше, при чемъ указано, что они образованы отъ производной основы при сложенныхъ съ тѣми же предлогами глаголахъ совершеннаго вида, образованныхъ отъ основы непроизводной. Такъ находимъ со значеніемъ несовершеннаго вида: замѣчать, забавлять, украшать, угонать, упонать, заворачивать, заколачивать, разламывать при отсутствіи простыхъ безпредложныхъ *мѣчать, *ворачивать, *ламывать; ясно, что передъ нами новообразованія, явившіяся при глаголахъ совершеннаго вида: замѣтить, добавить, заколотить и т.п.

Во-вторыхъ, группа глаголовъ съ основой производной на -а, сохраняющихъ значеніе несовершеннаго вида въ сложеніи съ предлогами, несмотря на наличность при нихъ простого, безпредложнаго глагола съ тою же основой; сюда относятся: бивать: забив-

ваю, отбиваю, убиваю, добиваю и др. (но въ соединеніи съ по совер-шенный видъ: побиваю); давать: подаю, отдаю, продаю, раздаю (но въ соединеніи съ на совершенный видъ: надаю); кидать: покидаю (но въ соединеніи съ другими предлогами совершенный видъ: закидаю, накидаю, выкидаю), дѣвать: одѣваю, задѣваю, продѣваю (но въ соединеніи съ по: подѣваю); пускать и простонарод. пущаю: отпускаю, выпускаю, попускаю, запускаю; рождать: порождать, зарождать; рѣзать: отрѣзаю; ступать: заступать, отступаю, наступаю, приступаю, вступаю, поступаю, ругать: изругаю, отругаю; являть: заявлять, объявлять, изъявляю. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что несовершенный видъ въ глаголахъ этой группы сохранялся подъ вліяніемъ глаголовъ первой группы; при всѣхъ этихъ глаголахъ имѣются родственныя образованія совершеннаго вида въ сложеніяхъ съ тѣми же предлогами: забить, подамъ, покину, одѣну, отпущу, зародитъ, отрѣзитъ, наступлю, изругнетъ, изъявлю, и т.д. Глаголы забивать, подавать, отрѣзать, ассоціируясь съ забить, подать, отрѣзить, представлялись такими же производными, какъ напр. затѣвать при затѣять, покрывать при покрыть, увядать при увянуть; вслѣдствіе этого они и получили значеніе несовершеннаго вида. Ср. съ одной стороны несовершенный видъ въ сложеніяхъ, какъ забиваю, подаю, покидаю при сложныхъ забуду, подамъ, покину; а съ другой совершенный видъ въ сложеніяхъ побиваю, надаю, подѣваю, накидаю въ виду отсутствія сложныхъ *надамъ, *подѣну и другого значенія такихъ сложныхъ, какъ побуду, накину.

Въ-третьихъ, группа глаголовъ, обозначающихъ движеніе, какъ ходить, носить, водить, возить, летать, въ сложеніи съ предлогами сохраняютъ несовершенный видъ: отношу, заношу, завожу, привожу, перелетаю (но рядомъ съ совершеннымъ видомъ сложенія, какъ поно-

шу ребенка по комнатѣ, слетаю въ городъ, схожу за нимъ). Сохраненіе несовершеннаго вида вызвано здѣсь тѣмъ, что сложенныя совершеннаго вида какъ отнести, завести, привезти, налетѣть получили при себѣ въ качествѣ несовершеннаго вида образованія какъ относить, заводить, привозить, налетать - и это въ виду существованія при нести, везти, веди, летѣть производныхъ основъ носить, возить, водить, летать. Появленіе совершеннаго вида въ указанныхъ выше поносить, слетать, сходить, объясняется тѣмъ, что сложенныя понести, слетѣть, сойти не ассоціировались съ ними по значенію. Поэтому: заносить платье совершеннаго вида (ибо нельзя занести платье), заводить кого до усталости совершеннаго вида (ибо завести имѣетъ другое значеніе). Сравнивая удареніе глаголовъ выноси́ть, выводи́ть, выходи́ть, вывози́ть и глаголовъ вы́носить, вы́ходить, вы́возить видимъ, что въ несовершенномъ видѣ оно непервоначально, ибо по общему закону оно переносится на предлогъ вы; слѣдовательно, это удареніе явилось подъ вліяніемъ производныхъ съ удареніемъ на примѣтѣ -а; отсюда видно, что не только выходи́ть и т.д., но и доходи́ть, заводи́ть, привози́ть со значеніемъ несовершеннаго вида надо разсматривать какъ новообразованія.

Въ-четвертыхъ, рядъ глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами, сохраняющихъ несовершенный видъ, оказывается заимствованнымъ изъ церковнославянскаго языка, гдѣ, какъ указано, были нарушены первоначальныя условія различенія видовъ вслѣдствіе неологизмовъ, новыхъ искусственныхъ образованій, нарождавшихся при переводѣ на слав. языкъ греческихъ глаголовъ. Ср. съ этимъ аналогичное явленіе въ русскомъ языкѣ, гдѣ глаголъ выглядѣть, образованный по образцу нѣмецкаго языка, сохраняетъ значеніе несовершеннаго вида. Церков-

нослав. глаголи этого рода или имѣютъ при себѣ простне безпредложнне, или извѣстны только въ сложеніи съ предлогами. Къ первымъ относятся, напримѣръ: предвидѣть, провидѣть, подлежать, надлежить, принадлежать, прилежать, содержать, отстоять, предстоять, состоять, настоять, сожалѣть, поносить, (бранить) предчувствовать, сочувствовать, наслѣдовать, преслѣдовать, разумѣть, преобразуетъ. Ковторымъ относятся, напримѣръ: завистъ, извинить, заимствовать, завидовать, обожать, обуревать, ожидать, опасаться, осязаетъ, поборать, угрожать, поблажать, подобать, подозрѣвать, подражать, подразумѣвать, отрицать, порицать, созерцать, увѣщевать, управлять, упражнять, изобиловать, повиноваться, привѣтствовать, приличествовать и др.

Сказанное убѣждаетъ насъ въ томъ, что первоначально всѣ сложенные съ предлогами глаголи получали значеніе совершеннаго вида. Несовершенний видъ въ такихъ глаголахъ визнвался или необходимостью имѣть новообразованіе несовершеннаго вида при соотвѣтст. глаголѣ совершеннаго вида или искусственнымъ подражаніемъ другимъ языкамъ - греческому (въ церковнослав.), -нѣмецкому (глаголъ выглядѣть въ русскомъ).

Совершенно ясно, что указанное происхожденіе совершеннаго вида - путемъ сложенія глагола съ предлогомъ - ведетъ къ слѣдующему положенію: совершенний видъ образовался несамостоятельно, а путемъ противоположенія сложеннаго съ предлогомъ глагола простому, безпредложному. Когда въ рядѣ случаевъ (какъ несу - занесу, прошу - попрошу, курю - накурю и т.п.) возникло соотношеніе несовершеннаго вида съ совершеннимъ, такое же соотношеніе переносилось и въ другія случаи. А именно, во-первыхъ, сложенные съ

предлогами глаголи совершеннаго вида стали нуждаться въ соотвѣтствующихъ содержащихъ тѣ же предлоги (съ опредѣленнымъ реальнымъ значеніемъ), глаголахъ несовершеннаго вида; для образованія ихъ, какъ мы видѣли, прибѣгли къ производнымъ основамъ (занесу - заному, упрому - упраниваю, закурю - закуриваю); во-вторыхъ, видовыя отношенія переносились и въ глаголи простые, безпредложные, при чемъ, подъ вліяніемъ аналогіи сложенныхъ съ предлогами, несоверш. видъ получали изъ сходныхъ по значенію, чередующихся между собой, основъ основы на -а, а значеніе совершеннаго вида основы на согласную или на -и въ инфинитивѣ (такъ явились: явить - являю, ступить - ступаю). Отмѣчу напримѣръ, что еще недавно кончиться употреблялось въ несовершенномъ видѣ; теперь это только совершенный видъ подъ вліяніемъ глагола кончаться. Такие глаголъ рѣшить употреблялся въ несовершенномъ видѣ. Въ церковнославянскомъ языкѣ и въ образовавшемся подъ его вліяніемъ книжномъ русскомъ языкѣ два видовыя значенія стали различаться и въ нѣкоторыхъ единичныхъ глагольныхъ основахъ(крещу - крещу, дарую - дарую).

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что значеніе совершеннаго и несовершеннаго вида соотносительное. Вслѣдствіе этого при данномъ глаголѣ совершеннаго вида существуетъ обыкновенно соотвѣтствующій глаголъ несовершеннаго вида; глаголъ несовершеннаго вида обыкновенно имѣетъ при себѣ соотвѣт. глаголъ совершеннаго вида. Однако изъ обоихъ этихъ положеній имѣются исключенія.

При нѣкоторыхъ глаголахъ совершеннаго вида неизвѣстны соотв. образованія совершеннаго вида. Мы видѣли такіе глаголи среди безпредложныхъ. Сюда относятся: купить (несовершенный видъ при

немъ: покупать), хватить (въ значеніи ударить), сѣсть (несовершенный видъ садиться), лечь (несовершенный видъ ложиться), стать (въ значеніи сдѣлаться, несовершенный видъ становиться), вернуть (несовершенный видъ возвращать), бацнуть, ринуться, хлынуть, грянуть; далѣе сюда же относятся теперь: полонить, воротить, молвить, ранить (см. выше). - Среди глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами, не образуютъ совершеннаго вида рядъ глаголовъ на -ся, по значенію своему ассоціирующіеся непосредственно съ простыми безпредложными, такъ какъ предлоги въ этихъ глаголахъ не сохранили своего реальнаго значенія (а мы знаемъ, что новообразованія несовершеннаго вида возникаютъ только при тѣхъ сложенныхъ съ предлогами глаголахъ, въ которыхъ предлоги сохранили свое реальное значеніе); такъ находили совершенный видъ насидѣться, насмотрѣться, наглядѣться, накричаться, наспаться, наволноваться, належаться, докричаться, расплакаться, разговориться, разнѣжиться, разъѣхаться (въ значеніи распасться), разоспаться, развеселиться; они относятся къ несовершеннымъ: сидѣть, спать, веселиться. Кромѣ того находимъ: уснуть, укусить (при спать, кусать), уронить (при ронять), положить (при класть).

Укажу теперь на такіе глаголы несовершеннаго вида, которые не образуютъ при себѣ видъ совершенный. Сюда относятся, во-первыхъ, нѣкоторые несложные глаголы, какъ удить, силиться (усилиться ?) значить, книжный глаголъ долженствовать. Во-вторыхъ, рядъ сложныхъ глаголовъ церковнославянскаго происхожденія: обожать, полагать, обуревать, ожидать, поблажать, и т.д. (см. перечень такихъ глаголовъ выше). Въ-третьихъ, глаголъ перекоряться. Въ четвертыхъ, нѣсколько глаголовъ на -ивать, какъ заискивать, от-

свѣчивать, отцвѣчивать, ухаживать, охорашиваться. Въ-пятыхъ, глаголы, обозначающіе дѣйствіе, сопровождающее другое дѣйствіе: приплясываю, подпѣваю, припѣвая, присвистывать. Въ-шестыхъ, глаголы, обозначающіе дѣйствіе "сообщающееся разнымъ предметамъ и простирающееся по пространству" (опредѣленіе Востокова): разговариваю, разгуливаю, распѣваю, расхаживать.

Категорія залога.

Формами залога называются тѣ различныя произведенныя отъ одного и того же глагола образованія, въ которыхъ обозначаются различнаго рода отношенія дѣйствія или состоянія, выраженнаго глаголомъ, къ его субъекту. Такимъ образомъ подъ понятіе залога подходятъ тѣ формы, которыя можетъ принять тотъ или иной глаголъ для выраженія указанныхъ отношеній. Опредѣленіе залоговъ составляетъ предметъ морфологіи по столько, по сколько при этомъ выясняются тѣ формальныя средства, къ которымъ для указанной цѣли прибѣгаетъ языкъ.

Въ русскомъ языкѣ существуетъ два формальные способа для выраженія различій въ отношеніяхъ дѣйствія или состоянія, выраженнаго глаголомъ, къ его субъекту: 1) въ причастіяхъ искони различались причастія, произведенныя отъ глаголовъ, обозначающихъ дѣйствіе или состояніе, проистекающее отъ самого субъекта (уважающій, убѣжавшій, принесшій, зеленѣющій), и причастія, произведенныя отъ глаголовъ, обозначающихъ дѣйствіе, переходящее съ другого (психологическаго) субъекта на субъектъ предиката (уважаемый, принесенный); первыя изъ этихъ причастій принадлежатъ къ дѣйствительному залогу, а вторыя къ страдательному; благодаря употребленію спрягаемыхъ формъ причастій страдательнаго залога для выраженія формъ

времени и наклоненія частью въ соединеніи съ вспомогательнымъ глаголомъ, частью самостоятельно, въ нашемъ языкѣ могутъ быть образованы напр. отъ глаголовъ уважать, принести формы страдательнаго залога: я уважаемъ, я былъ уважаемъ, онъ принесенъ, былъ, будетъ принесенъ, будь уважаемъ, былъ бы принесенъ, быть уважаемымъ, принесеннымъ; онѣ противополагаются формамъ: я уважаю, уважалъ, принесъ, принесу, уважай и т.д., которыя такимъ образомъ относятся къ дѣйствительному залогу. 2) Къ разнымъ глаголамъ, выражающимъ какъ дѣйствія, такъ и состоянія, можетъ присоединяться въ русскомъ языкѣ частица -ся (по происхожденію и по первоначальному значенію это возвратное мѣстоименіе 3-го лица); прибавленіе этой частицы вноситъ различія въ основное значеніе глагола и большая часть этихъ различій суть различія залоговыя, ибо ими вносится измѣненіе въ значеніе той связи между предикатомъ и субъектомъ, которая дана въ основномъ глаголѣ. Въ противоположность основнымъ глаголамъ безъ -ся, относящимся къ дѣйствительному залогу, глаголы на -ся можно опредѣлить, какъ глаголы недѣйствительнаго залога; но, имѣя въ виду, что одни изъ нихъ имѣютъ значеніе страдательнаго залога, а другіе такого значенія не имѣютъ, мы эти послѣдніе обозначимъ общимъ терминомъ - глаголы средняго залога.

Итакъ различаемъ въ русскомъ языкѣ слѣдующіе залоги:

I. Дѣйствительный, обозначающій дѣйствіе или состояніе, проистекающее отъ самого субъекта, производимое или осуществляемое имъ: нести, ходить, глохнуть, богатѣть. Формально этотъ залогъ отличается отъ средняго отсутствіемъ окончанія -ся въ произведеннихъ отъ соотвѣтствующаго глагола формахъ.

II. Страдательный, обозначающій дѣйствіе, переходящее на субъ-

ектъ предиката съ другого (психологическаго) субъекта. Къ страдательному залогу принадлежатъ причастія настоящаго времени на -мъ (-мый) и прошедшаго времени на -нъ (-нный) и -тъ (-тый). Спрягаемыя формы образуются: 1) спрягаемыми формами указанныхъ причастій, при чемъ отчасти при помощи вспомогательныхъ глаголовъ могутъ быть выражены всѣ тѣ глагольныя категоріи, которыя выражаются и дѣйствительнымъ залогомъ: я любимъ, ты разорёнъ, онъ будетъ убитъ, они были бы позваны, будь любимъ (повелительное наклоненіе вообще рѣдко въ подобныхъ образованіяхъ); 2) посредствомъ присоединенія частицы -ся къ формамъ глаголовъ съ переходнымъ значеніемъ; наст. время: эта пѣсня распѣвается нами, прошед. вр. книги мною не продавались и не покупались, комната отпиралась подобраннымъ ключомъ, сослагат. наклоненіе: такіе продукты вывозились бы на рынокъ, если бы... буд. вр: этотъ человѣкъ будетъ вами цѣниться, прич.: предполагавшаяся нами постройка, привозившіеся окрестными торговцами товары; повелительное наклоненіе такимъ способомъ не образуется; это зависитъ отъ того, что вообще формы на -ся употребляются только въ 3-л. ед. и множ. числа; для выраженія 1 и 2 лица прибѣгаютъ къ первому способу образованія страдательнаго залога. Отъ глаголовъ совершеннаго вида можетъ быть образовано вообще только будущее время, но ни прошедшее время (нельзя сказать: эти дѣти полюбились нами, а въ выраженіи полюбились намъ, полюбились не страдательный, а средній залогъ), ни также причастіе настоящаго и прошедшаго времени: скатерть залѣтся чернилами (но не залилась чернилами, а только была залита чернилами и не зальющаяся или заливающаяся чернилами.

III. Средній залогъ, обозначающій, что дѣйствіе или состояніе,

выраженное глаголомъ дѣйствительнаго залога, подверглись тому или иному измѣненію въ отношеніи его къ субъекту, при чемъ это измѣненіе внесено въ него частицей -ся: моется, чешется, она одѣлась, они бранятся, ссорились, онъ учится, интересуется, снѣгъ бѣлѣется, онъ плакался, стучался. На значеніяхъ вносимыхъ въ дѣйствіе или состояніе глагола, мы остановимся ниже.

Частица -ся способствовала сохраненію въ глаголахъ средняго залога нѣкоторыхъ формъ, исчезнувшихъ въ глаголахъ дѣйствительнаго залога; такъ въ глаголахъ на -ить дѣепричастіе совершеннаго вида на -я исчезаетъ, но въ глаголахъ на -иться сохраняется -ясь (простивъ его проступокъ; но простясь съ нимъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ средній залогъ не можетъ быть образованъ одной частицей -ся, а только одновременною приставкою предлога. Сюда относятся глаголы, какъ выспаться, наговориться, расплакаться, насидѣться и т.п., обозначающій полноту дѣйствія и вызванную ею удовлетворенность субъекта.

Не всѣ глагола на -ся принадлежатъ къ глаголамъ средняго залога; при многихъ изъ нихъ нѣтъ соотвѣтствующихъ глаголовъ дѣйствительнаго залога, при чемъ, слѣдовательно, частица -ся не отдѣлима отъ этихъ глаголовъ: бояться, смѣяться, набираться, толпиться, осунуться, разстаться, разъѣхться, належаться, напиться, дозваться. Въ этихъ глаголахъ такимъ образомъ нѣтъ формы залога. Отсюда слѣдуетъ, что русскіе глаголы распадаются на два класса: 1) глаголы обозначающіе залоговыя различія, 2) глаголы, такого различія не обозначающія; въ этомъ послѣднемъ классѣ одни имѣютъ ту же форму, что дѣйствительный залогъ, но не могутъ соединяться съ частицей -ся: идти, долженствовать

телеграфировать, возненавидѣть, вознегодовать; а другіе ту же форму, что глаголы средняго залога, но не могутъ быть отдѣлены отъ частицы -ся: бояться, вздромоздиться. Эти послѣдніе глаголы можно обозначить терминомъ отложительные.

Прочія значенія глагольныхъ основъ.

Въ предыдущихъ отдѣлахъ мы имѣли дѣло съ двумя категоріями значеній глагольныхъ основъ: видовыми и залоговыми. Кромѣ этихъ значеній необходимо имѣть въ виду еще нѣкоторыя другія грамматическія значенія, частью совершенно независимыя отъ разсмотрѣнныхъ, частью однородныя съ ними. Остановлюсь на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

I. Глаголы могутъ имѣть или переходное значеніе или непереходное. Переходными глаголами называются тѣ, которые выражаютъ дѣйствіе переходящее съ субъекта дѣйствія на объектъ: онъ ѣстъ грушу, она рвала цвѣты, они принесли письма. Непереходными называются остальные глаголы. Переходные глаголы это тѣ, которые могутъ имѣть за собой прямое дополненіе въ винительномъ падежѣ. Грамматически переходные глаголы отличаются отъ непереходныхъ тѣмъ, что могутъ образовывать причастія страдательнаго залога, а соединяясь съ -ся давать формы страдательнаго залога: книга читается, читана. Глаголы переходные всѣ принадлежатъ дѣйствительному залогу; между тѣмъ непереходные могутъ быть какъ стоящими внѣ залога, такъ и дѣйствительнаго залога и средняго (ходить, торговаться); слѣдовательно, глаголы на -ся не могутъ имѣть переходнаго значенія, а только непереходное.

II. Глаголы несовершеннаго вида обозначаютъ вообще дѣйствіе или состояніе продолжающееся въ настоящемъ или продолжавшееся въ прошедшемъ. Теченіе такого дѣйствія можетъ быть различное. Оно можетъ быть непрерывнымъ, не разлагающимся на отдѣльные моменты: говорю, веселюсь, завидую, плету, тону, сижу, просматриваю, съѣдаю, и т.п.; это значеніе назовемъ длительнымъ. Теченіе дѣйствія можетъ быть непрерывнымъ, но при этомъ указывающимъ на отдѣльные неопредѣленные моменты: онъ носитъ ребенка взадъ и впередъ, онъ ежедневно носитъ намъ булки, онъ ходитъ по комнатѣ, птица летаетъ (т.е. имѣетъ свойство летать, или летаетъ въ опредѣленномъ пространствѣ, но не въ опредѣленномъ направленіи; онъ ужъ ходитъ означаетъ, что онъ можетъ ходить и двигается въ разныхъ направленіяхъ, онъ ходитъ по комнатѣ означаетъ, что двигается по комнатѣ въ разныхъ направленіяхъ, быть можетъ временами и останавливаясь и прерывая движеніе; онъ ѣздитъ по этой дорогѣ, не теперь, не сейчасъ, а въ разное время).

Такое значеніе, свойственное глаголамъ движенія (гонять, летать, бѣгать, ползать, лазить, плавать, ѣздить, ходить, возить, косить, водить, бродить, таскать, катать), назовемъ неопредѣленно-моторнымъ. Ему противополагается такое значеніе тѣхъ же глаголовъ движенія, которыми обозначается, что оно протекаетъ въ томъ или иномъ опредѣленномъ направленіи и при томъ въ опредѣленный, данный моментъ: онъ несетъ мнѣ письмо, онъ везъ (т.е. въ то время онъ велъ, всю сумму денегъ) онъ ѣхалъ (т.е. именно тогда) не одинъ (онъ ѣздилъ не одинъ, но въ этотъ разъ ѣхалъ безъ обычнаго своего проводника). Значеніе глаголовъ летѣть, плыть, ѣхать, бѣ-

жать, гнать, брести, катить, тащить, идти, вести, нести, везти назовемъ опредѣленно-моторнымъ. Замѣтимъ, что опредѣленные глаголы движенія соотносительны съ неопредѣленными: опредѣленность ихъ значенія зависитъ отъ наличности при нихъ глаголовъ со значеніемъ неопредѣленнымъ. Эта соотносительность особенно ярко обнаруживается изъ того, что нѣкоторые сложенные съ предлогами опредѣленные глаголы (получающіе при этомъ значеніе совершеннаго вида) образуютъ при себѣ соотвѣт. глаголы несовершеннаго вида отъ основы неопредѣленныхъ глаголовъ: довести - довозить, приходить - придти, улетѣть - улетать (но -ѣхать, образуетъ несовершенный видъ отъ производной основы - ѣзжать, бѣжать отъ производной основы бѣгать, ползти отъ ползать, лѣзть отъ лѣзать, -плыть отъ производной основы плывать). Это обстоятельство, какъ мы уже видѣли, было причиной того, что соединеніе неопредѣленно-моторныхъ съ предлогами не измѣняетъ ихъ несовершеннаго вида въ совершенный; основы неопредѣленно-моторныя замѣнили ожидаемыя по общему правилу основы производныя. Въ связи съ этимъ отмѣтимъ, что соединеніе ихъ съ такими предлогами, съ которыми не сочетаются опредѣленно-моторныя основы, влечетъ за собой переходъ ихъ несовершеннаго вида въ видъ совершенный; напр. предлогъ по въ соединеніи съ опредѣленно-моторными означаетъ начало дѣйствія, выраженнаго несложеннымъ глаголомъ: понести - нести; между тѣмъ тотъ же предлогъ въ соединеніи съ неопредѣленно-моторными означаетъ прекращеніе непрерывнаго дѣйствія, прекращеніе длительности глагола: поносу ребенка - носу ребенка; вслѣдствіе этого понести и поносить не соотносительны между собой; понести совершенный видъ при нести, а поносить совершенный видъ при

носить. Равнымъ образомъ предлогъ за въ заѣздить, забѣгать, завозить, заводить, заплевать не сохранилъ того реальнаго значенія, которое имѣется напр. въ заѣхать, забѣжать, завезти завести; вслѣдствіе этого они, будучи соверш. вида, ассоціируются съ ѣздить, бѣгать, возить, водить, плавать, какъ съ глаголами несоверш. вида, между тѣмъ какъ заѣхать, забѣжать. внизываютъ при себѣ новообразованія заѣзжать, забѣгать, а завезти, завести - завозить, заводить въ значеніи несоверш. вида. Отмѣчу еще одно формальное отличіе опредѣленно-моторныхъ какъ отъ неопредѣленно-моторныхъ, такъ и вообще отъ длительныхъ: они для обозначенія 1л. мн. повел. наклоненія могутъ употребляться (такъ глаголы соверш. вида) въ формѣ 1л. мн. наст. вр., изъявит. наклоненія: несёмъ, ѣдемъ, идёмъ. Кромѣ того 1л. ед. ч. этихъ глаголовъ можетъ получить значеніе будущаго времени: иду, ѣду, лечу, бѣгу, несу.

Глаголы, обозначающіе дѣйствіе или состояніе, повторяющееся въ настоящемъ или повторявшееся не разъ въ прошедшемъ опредѣляемъ въ ихъ значеніи какъ глаголы многократные: онъ къ намъ хаживаетъ, владыка говаривалъ, что..., я его не видывалъ, ихъ здѣсь отроду не нашивали, онъ видывалъ и не такіе виды. Всѣ такіе глаголы производятся отъ производныхъ основъ на - ива, - ыва, - ва, рѣже - *ja*, - а, возникающихъ при основахъ длительныхъ или неопредѣленно-моторныхъ: пѣть - пѣвать, ходить - хаживать, гостить - гащивать, стоять - стаивать, платить - плачивать, кутить - кучивать, пить - пивать, ѣздить - ѣзжать, ѣсть - ѣдать. Въ виду этого ясно, что многократные вообще представляютъ несложенную съ предлогами

основу, ибо сложенныя съ предлогами основы вообще имѣютъ значеніе длительно-производное; впрочемъ отъ сложенныхъ съ предлогами глаголовъ неопредѣленно-моторныхъ можетъ быть также произведенъ соотв. многократный глаголъ: заходить - захаживать, зачосить - занашивать (онъ частенько занашиваетъ къ намъ письма, въ выраженіи онъ занашиваетъ свое платье глаголъ имѣетъ значеніе длительно-производное, ибо при этомъ имѣется въ соверш. видѣ: онъ заноситъ свое платье). Вообще же многократныя основы, соединяясь съ предлогами, получаютъ значеніе длительно-комитативныхъ: пѣвать - припѣвать; длительно-дистрибутивныхъ: говаривать - разговаривать; длительно-прерывистыхъ: хаживать-похаживать, или вообще длительно-производныхъ: пѣвать - напѣвать, распѣвать; каливать-накаливать; шучивать-вышучивать. Впрочемъ здѣсь, какъ и въ случаяхъ принести-приносить, имѣемъ собственно дѣло не со сложеніемъ многокр. основъ съ предлогами, а съ совпаденіемъ новыхъ производныхъ основъ со старыми производными основами, бывшими извѣстными внѣ сложеній. Многокр. глаголы имѣютъ чрезвычайно ограниченное употребленіе; въ совр. яз. они извѣстны почти только въ прош. вр.; исключеніе составляетъ глаголъ хаживаю, захаживаю, повел. захаживайте, неопр. захаживать; не употребляются также причастія настоящаго времени и дѣепричастія.

Глаголы несовершеннаго вида, произведенные отъ соотв. глаголовъ совершеннаго вида, сложенныхъ съ предлогами, имѣютъ значеніе длительное; ассоціація ихъ съ глаголами совершеннаго вида вноситъ однако извѣстный оттѣнокъ въ ихъ значеніе (значеніе

интенсивной длительности): наливать, накапливать, направлять, закусывать. Опредѣляемъ эти глаголы какъ длительно-производные. Глаголы, означающіе дѣйствіе, сопровождающее другое дѣйствіе, сложенные съ предлогами при и подъ, но не имѣющіе при себѣ соотвѣтствующаго совершеннаго вида, опредѣляемъ какъ глаголы длительно-комитативные: приплясывать, припѣвая, присвистывая. Глаголы сложенные съ предлогомъ разъ и обозначающіе дѣйствіе, "сообщающееся разнымъ предметамъ и простирающееся по пространству"(Востоковъ), но не имѣющіе при себѣ собственнаго совершеннаго вида, опредѣляемъ какъ глаголы длительно-дистрибутивные: разговариваю, расхаживаю, распѣваю.

Глаголы, обозначающіе дѣйствіе или состояніе "учащаемое или перемежающееся"(Востоковъ), и сложенные съ предлогомъ по, опредѣляемъ какъ глаголы длительно-прерывистые (Фортунатовъ: прерывисто-кратные): посиживаю, они подумываютъ, онъ побаливаетъ, покашливаетъ, понаниваетъ.

Отмѣчу, что между спредѣленно-моторными и неопредѣленно- моторными существуетъ отношеніе, сходное съ тѣмъ, которое имѣется между длительными и многократными. Такъ послѣ отрицанія -не опредѣленно-моторные глаголы замѣняются неопредѣленно-моторными; мы говоримъ: я не носилъ, я не ходилъ сегодня въ школу (между тѣмъ: я иду сегодня въ школу, а не хожу); равнымъ образомъ послѣ отрицанія особенно часта замѣна длительныхъ многократными: я не напивалъ, не видывалъ, вмѣсто я никогда не носилъ, никогда не видѣлъ.

III. Глаголы совершеннаго вида представляютъ два основныхъ значенія: 1) результативное: его имѣютъ почти всѣ глаголы со-

вершеннаго вида, 2)детерминативное (терминъ Ульянова): оно принадлежитъ сложеніямъ глаголовъ длительныхъ съ предлогомъ по: посидѣть, поиначить. детерминативное значеніе ограничиваетъ или прекращаетъ длительное значеніе, данное въ простомъ глаголѣ. Въ результативныхъ глаголахъ выдѣляются слѣдующія двѣ группы: группа результативныхъ, имѣющихъ при себѣ соотвѣтствующій глаголъ въ несовершенномъ видѣ, какъ ступить - ступать, принести - приносить, выхвалить- выхвалять; группа результативныхъ (а именно сложенныхъ съ предлогами) имѣющихъ при себѣ въ несовершенномъ видѣ другой глаголъ (несложенный съ предлогами). Этотъ видъ результативныхъ: понести - нести, закричать- кричать представляется более первоначальнымъ, чѣмъ второй видъ ; мы назовемъ его поэтому, вслѣдъ за Ульяновымъ и Фортунатовымъ, результативнымъ 1-го вида; результативность вносится, очевидно, предлогомъ, вошедшимъ въ сложеніе, или чемъ предлогъ не вноситъ въ глаголъ новаго реальнаго значенія, указывая только на начало, конецъ или полноту его проявленія; такъ начало указывается предлогами за, по: заговорить (т.е. начать говорить; рядомъ заговорить кого нибудь представляетъ результативность 2-го вида, ср. заговаривать). понести, закричать, забить тревогу, полетѣть; конецъ дѣйствія предлогами отъ оттанцовать, отсидѣть, отстоять (но отстоять извѣстно и какъ результативность 2-го вида, ср. отстаивать); полноту проявленія дѣйствія вносятъ напр. предлоги на, съ, про, вн, из, раз: нападать, покормить, написать, сдѣлать, снести, съѣздить, слетать, сварить, сконфузить, прогремѣть, проѣздить (весь день), прослабить, прозвучать, внести, выругать, выкупать, испачкать, испугать, испортить, исковеркать, истолочь, разбудить, разбогатѣть, разгромить, развеселить. Ре-

зультативные 2-го вида, какъ указано, отличаются отъ результативныхъ 1-го вида тѣмъ, что имѣютъ при себѣ соотв. глаголъ несовершеннаго вида, тождественный съ ними по значенію: ступать - ступаю, залить - заливать; предлоги въ сложенныхъ глаголахъ этого вида вносятъ въ значеніе глагола особый реальный оттѣнокъ, и потому не ассоціируясь съ простымъ, безпредложнымъ глаголомъ, образуютъ при себѣ соотв. глаголъ въ несовершенномъ видѣ: просить - выпросить - выпрашивать; лить - вылить - выливать; лить-полить цвѣты - поливать цвѣты.

Къ результативнымъ значеніямъ относится и то значеніе, которое опредѣляется, какъ однократное или моментальное: оно указываетъ на то, что результатъ совершился или совершится въ одинъ изъ моментовъ того дѣйствія, которое выражается соотвѣтствующимъ длительнымъ глаголомъ несовершеннаго вида. Сюда относятся глаголы бросить, хватить, (ср. бросать, хватать), а также большая часть глаголовъ на - нуть, напр. крикнуть, дрогнуть, ахнуть. Это все несложенные съ предлогами глаголы. Въ сложеніи съ предлогомъ они удерживаютъ свое однократное значеніе вздрогнуть, вскрикнуть.

Относительно детерминативныхъ надо замѣтить, что они образуются въ результатѣ соединенія по съ глаголами длительнаго значенія. Въ соединеніи по съ опредѣленно-моторными не получается детерминативныхъ: понести значитъ начать нести. Детерминативные въ противоположность результативнымъ не вносятъ въ повелительное наклоненіе съ отрицаніемъ предостерегательнаго значенія: смотри не донеси, смотри не повѣнчай, но нельзя сказать смотри не поиграй, не полѣчи, не помолись

IV. Различеніе реальныхъ значеній глагола, связанныхъ съ его переходностью и непереходностью, не находитъ себѣ формальнаго выраженія ни въ словообразованіи, ни въ грамматическихъ формахъ. Впрочемъ, какъ указано выше, переходные глаголы, требующіе за собой винит. падежъ объекта, не могутъ оканчиваться на -ся и въ противоположность другимъ глаголамъ образуютъ формы причастій страдательнаго залога. Замѣчу еще, что переходные глаголы не имѣются въ томъ классѣ глаголовъ, которые оканчиваются въ основѣ инфинитива на ѣ, а въ основѣ настоящаго времени на -ѣje; равнымъ образомъ нѣтъ переходныхъ глаголовъ и въ томъ классѣ глаголовъ, которые въ основѣ инфинитива оканчиваются на -ну, а прошедшее время образуютъ отъ основы на согласную, предшествующую этому -ну. Оба эти класса содержатъ глаголы, обозначающіе подвижное состояніе предмета: богатѣть, толстѣть, краснѣть, желтѣть и т.д., т.е. становиться богатымъ, толстымъ, краснымъ. Сюда же такіе глаголы, какъ дорожать, крѣпчать, мельчать, гдѣ а вмѣсто ѣ послѣ смягченной согласной. Глохнуть (глохъ), пухнуть (пухъ), гаснуть (гасъ), чахнуть (чахъ) стынуть (стылъ), Такіе глаголы мы будемъ называть глаголами подвижнаго состоянія.

V. Среднимъ залогомъ, какъ указано выше, обозначаемъ ту форму глаголовъ, которая содержитъ частицу -ся, видоизмѣнившую значеніе соотвѣтствующаго простого глагола, образованнаго безъ этой частицы; простому глаголу присваивается такимъ образомъ особое залоговое значеніе дѣйствительное. Глаголы средняго залога распадаются на нѣсколько классовъ по своему формальному значенію, при чемъ классы эти частью отражаютъ различія, замѣчаемыя въ глаголахъ дѣйствительнаго залога. Основное различіе между глаголами средняго зало-

га зависитъ отъ того, произведены ли они отъ переходныхъ или отъ непереходныхъ глаголовъ. Присоединяясь къ глаголу переходному, частица - ся видоизмѣняетъ основное свойство такого глагола, способность переносить его дѣйствіе на объектъ; но результаты такого видоизмѣненія могутъ быть весьма разнообразны; вмѣстѣ съ тѣмъ они сводятся къ тому, что переходное значеніе замѣняется непереходнымъ, или пользуясь употребительнымъ въ данномъ случаѣ терминомъ, возвратнымъ. Присоединяясь къ глаголамъ непереходнимъ частица - ся усиливаетъ значеніе этого глагола: мы опредѣлимъ его терминомъ: усилительно-опредѣлительное значеніе.

Возвратное значеніе глаголовъ средняго залога распадается на слѣдующіе оттѣнки: а/возвратно-непереходное значеніе, когда дѣйствіе субъекта только обнаруживается, но не переходитъ ни на объектъ ни на субъектъ: собака кусается (ср. собака кусаетъ прохожихъ), крапива жжется (ср. крапива жжетъ мнѣ руки), быкъ бодается, народъ строится, ты напрасну тратишься, она цѣлый день убирается, онъ просится въ городъ, онъ бранится, онъ обѣщается придти; б/ возвратно-переходное значеніе, когда дѣйствіе субъекта переходитъ на него же, захватывая или часть его (напр. внѣшность) или его всего, выдвигая его, выставляя его опредѣленнымъ образомъ: онъ моется, я чешусь, ти купаешься, она одѣвается, завивается, румянится - онъ занимается, бросается, кидается, крадется, лошадь плетется, упирается, онъ носится съ мыслью, превозносится, онъ собирается, готовится, направляется, берется, забывается, занимается, присоединяется, твое отсутствіе кидается въ глаза. Глаголи возвратно-переходнаго значенія въ рядѣ случаевъ совпадаютъ по формѣ съ глаголами страдательнаго зало-

га: ср. онъ моется и шерсть моется, онъ готовится и урокъ готовится, я направляюсь и выстрѣлъ направляется; но въ формѣ прош. времени соверш. вида совпаденія нѣтъ; ср. возвратно-переходные: она одѣлась, вымылась, бросилась; страдат.: она была одѣта, была вымыта, была брошена; в/ возвратно-взаимное, когда дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ субъектовъ переходитъ взаимно съ одного на другой или когда дѣйствіе субъекта и объекта взаимно переносится другъ на друга: они познакомились, онъ встрѣтился съ нимъ, онъ видѣлся съ ними, они бранились, ссорились, торговались. Формально глаголы съ этимъ значеніемъ отличаются отъ глаголовъ возвратно-переходныхъ тѣмъ, что по формѣ не совпадаютъ съ страдательнымъ залогомъ на - ся; г/ возвратно-общее, когда дѣйствіе предмета видоизмѣняетъ внутреннее состояніе субъекта: радоваться, печалиться, горячиться, весе́литься, влюбиться, сердиться, учиться, заботиться, бѣситься, томиться, хвалиться, обидѣться, баловаться, интересоваться, любоваться, рѣшаться, топиться. Формально и эти глаголы отличаются отъ возвратно-переходныхъ тѣмъ, что не совпадаютъ по формѣ со страд. залогомъ на - ся.

Усилительно-опредѣлительное значеніе глаголовъ средняго залога развиваетъ изъ себя слѣдующіе два оттѣнка: а/усилительное, когда дѣйствіе субъекта совершается въ его интересахъ плакаться хвастаться, случаться, звониться; б/опредѣлительное, когда состояніе субъекта ограничивается однимъ опредѣленнымъ моментомъ или опредѣленными условіями: снѣгъ бѣлѣется, что-то чернѣется, вишня краснѣется на деревѣ (ср. бѣлѣетъ парусъ: продолжительное время, уже давно; вишня краснѣетъ въ значеніи становится красной); сюда же загораться загорѣться. Какъ указано выше, глаголы съ этимъ зна-

ченіемъ производятся отъ глаголовъ непереходныхъ; и въ этомъ ихъ отличіе отъ глаголовъ возвратныхъ, которые всѣ произведены отъ глаголовъ переходныхъ.

VI. Отложительными глаголами, какъ указано, называемъ всѣ тѣ глаголы на - ся, которые не имѣютъ при себѣ простыхъ глаголовъ и въ которыхъ, слѣдовательно, частица - ся не вноситъ значенія залога. По значенію своему отложительные глаголы близко совпадаютъ съ глаголами средняго залога, при чемъ и здѣсь наблюдаются тѣ самые оттѣнки, которые мы только что разсмотрѣли. Такъ отложительные - мчаться, побираться, толпиться, осунуться, взгромоздиться имѣютъ значеніе, совпадающее со значеніемъ возвратно-переходнымъ; бояться, улыбаться, поститься, чваниться, каяться, надѣяться ср. со значеніемъ возвратно-общимъ: бороться, расходиться, разстаться, ср. со значеніемъ возвратно взаимнымъ. Сходство значеній отложительныхъ глаголовъ и глаголовъ средняго залога зависѣло во многихъ случаяхъ отъ перехода глаголовъ средняго залога въ отложительные благодаря утратѣ соотвѣтствующаго глагола дѣйствительнаго залога.

Особенный классъ отложительныхъ глаголовъ составляютъ тѣ [illegible] съ предлогами глаголы, которые имѣютъ при себѣ простые безпредложные глаголы не на -ся. Глаголы эти можно было бы отнести къ глаголамъ средняго залога только въ томъ случаѣ, если бы при нихъ являлись простые сложенные съ предлогами. Значеніе ихъ по сравненію съ наличными простыми глаголами усилительно-опредѣлительное, при чемъ слѣдовательно, такое значеніе вносится, во-первыхъ, частицей -ся, во-вторыхъ, предлогомъ; такъ при пить, кричать, звать, ждать, будить и т.д. находимъ напиться, на-

кричаться, докричаться, дозваться, добудиться; при плакать, говорить, спать и др. расплакаться, разговориться, разоспаться; при ѣсть, сидѣть, лежать: насидѣться, разѣсться, належаться. При плыть находимъ расплыться и далѣе несовершенный видъ расплываться, при бѣжать - разбѣжаться и далѣе несовершенный видъ разбѣгаться. Оставляя въ сторонѣ послѣдніе глаголи, видимъ, что въ приведенныхъ выше (какъ добудиться и т.д.) одновременно внесени двѣ категоріи: категорія вида (совершеннаго) и залога (средняго).

VII. Частица -ся, присоединяясь къ глаголамъ переходнымъ, дѣлаетъ ихъ, какъ мы видѣли, или безобъектными (непереходными), или превращаетъ въ объектъ самий субъектъ дѣйствія. Замѣчательно, что та же частица, присоединяясь къ формѣ 3 л. ед. числа, глаголовъ дѣйствительнаго залога, превращаетъ ихъ въ глаголи безсубъектние безличние. Можно при этомъ различать слѣдующіе два случая: въ одномъ изъ нихъ, частица -ся присоединяется къ глаголамъ, имѣющимъ въ дѣйствительномъ залогѣ переходное значеніе; въ этомъ случаѣ безличний глаголъ не трудно было вывести изъ страдательнаго залога, при чемъ безличной формой становится 3-л. ед. числа страдательнаго залога за опущеніемъ грамматическаго субъекта: думается, предполагается, здѣсь упоминалось; возможно однако, что безличность вызывалась просто самой частицей -ся: ѣстся ситно, торгуется хорошо, какъ здѣсь говорится, ему не терпится, ему нейметься, не работается. Въ другомъ случаѣ частица -ся присоединяется къ глаголамъ, имѣющимъ въ дѣйствительномъ залогѣ непереходное значеніе; здѣсь исключена возможность какого либо другого объясненія, кромѣ того, что безсубъектность внесена частицей -ся: ему сладко спится, не сидится, икается, хочется, хорошо жи-

ется, ей не можется, ему не приходится, не пришлось, ему достанется. Замѣчательно, что исконно безсубъектные глаголы являются въ дѣйствительномъ залогѣ (морозитъ, гремитъ, меня томитъ); но новые безсубъектные, при которыхъ извѣстенъ исконно личные глаголъ, образуются посредствомъ -ся. Такимъ образомъ въ языкѣ выработалась категорія личности и безличности: личный глаголъ можетъ быть превращенъ формальнымъ способомъ въ безличный. Всѣ эти безсубъектные глаголы относятся къ среднему залогу.

Неспрягаемыя глагольныя формы.

Сюда относятся: инфинитивъ, причастія и дѣепричастія.

I. Инфинитивъ по своему происхожденію представляется именной глагольной формой. Въ русскомъ языкѣ инфинитивъ замѣнилъ и достигательное наклоненіе, оканчивавшееся въ общеславянскомъ праязыкѣ на -тъ и употреблявшееся въ древнерусскомъ языкѣ. Окончаніями инфинитива являются -ти и т́; т́ замѣнило болѣе древнее -ти съ полукраткимъ въ неударяемомъ положеніи. Вслѣдствіе этого въ современномъ языкѣ ти является только тогда, когда ударение падаетъ на и: нести́, пасти́, трясти́, сойти́, но дать, взять, играть, ходить. Рядомъ съ окончаніемъ -ти иногда отъ тѣхъ же глаголовъ употребляется и т́: ср. отнести и отнест́, понести и понест́, впрочемъ, послѣднія формы мало употребительны въ литературномъ языкѣ. Въ вынести, внести, выйти, вытрясти, вывести сохраняется конечное и неударяемое подъ вліяніемъ несложныхъ: нести, мести и т.п. Въ основахъ на согласную вмѣсто ти, т́ является ч́, когда основа оканчивается на задненёбную согласную: сѣчь, мочь, стричь, течь, лечь, жечь. Основа -греб - оканчивается въ инфинитивѣ на -сти: грести. Зубныя д, т переходятъ передъ ти, т́ въ с: вести, мести, красть.—Ин-

финитивъ весьма рѣдко встрѣчается отъ глаголовъ многократныхъ; хаживать, захаживать представляются исключеніями. -Какъ указано, инфинитивъ можетъ при особенно сильномъ на немъ удареніи получать значеніе повелительнаго наклоненія, но далеко не отъ всѣхъ глаголовъ, ср. молчать, сидѣть, лежать, замолчать, перестать, встать, отвѣчать. Широкое употребленіе имѣетъ инфинитивъ въ сложной формѣ будущаго времени, при чемъ однако, какъ мы знаемъ, въ этой формѣ извѣстенъ инфинитивъ только отъ глаголовъ несовершеннаго вида: я буду лежать, говорить, разговаривать, захаживать, хаживать.

II. Причастія настоящаго времени нестрадательнаго залога принадлежатъ всѣ къ неспрягаем. глагольнымъ формамъ; но они измѣняются по родамъ, и по падежамъ (склоняются). По происхожденію своему, какъ видно изъ звуковаго состава ихъ суффикса, всѣ эти причастія не русскія, они заимствованы въ русскій языкъ изъ церковнославянскаго. Суффиксомъ является звукъ м (-ащ- и -ущ-). Причастія употребляются только въ формахъ сложнаго, мѣстоименнаго склоненія. Глаголы средняго залога, а также отложительные глаголы образуютъ также это причастіе. Примѣры: несущій, горящій, пылающій, отказывающійся, веселящійся, ѣдущій, борющійся, носящій и т.д. Замѣчательно, что -ся никогда не замѣняется въ причастіи черезъ -с' (въ неударномъ положеніи). Не образуютъ причастія на -ущ-, -ащ - глаголы совершеннаго вида; послѣдующій явилось подъ вліяніемъ слѣдующій. Не образуютъ его также многократные глаголы, за исключеніемъ хаживающій, захаживающій. Склоненіе причастія настоящаго времени разсмотрѣно выше въ отдѣлѣ, посвященномъ сложному склоненію. - Какъ увидимъ

именныя формы причастія настоящаго времени получили значеніе дѣепричастія.

Отъ причастій на -ущ-,-ащ-церковнославянскихъ по своему происхожденію, должны быть отдѣлены прилагательныя на -уч, ач: по происхожденію своему это русскія причастныя образованія: живучій, могучій, тягучій, висячій, горячій, сидячій, лежачій, стоячій,ср. еще прилагательныя на -уч-отъ глагольныхъ основъ, которыя по правилу должны были бы образовать прилагательныя на -ач-или -ащч-вонючій, линючій, горючій, трескучій, плакучій. Такія прилагательныя извѣстны и въ краткой формѣ: горячъ, живуча.

Причастія прошедшаго времени не страдательнаго залога образуются отъ основы инфинитива; къ окончанію его на согласную присоединяется -ш-,а къ окончанію на гласную -вш-.Такъ съ одной стороны: несшій, ведшій, увезшій, несшійся, напедшій (основу нед - неизвѣстную теперь въ инфинитивѣ ср. въ прошедшемъ времени нел, ла); съ другой стороны: бывшій, говорившееся, тонувшій, говорившій, давшій, проклявшій, рѣзавшій. Нѣкоторыя основы на зубную согласную (по правилу выпавшую передъ л въ прошедшемъ времени) образуютъ причастія прошедшаго времени не на -ш-,а на -вш-напр. сѣвшій, съѣвшій, укравшій, павшій (падшій употребляется уже какъ прилагательное), кравшій. Въ виду очевиднаго церковнославянскаго происхожденія причастій настоящаго времени на -ущ-, -ащ-можно думать, что такого же происхожденія и причастія прошедшаго времени. Это причастіе не образуется вообще отъ глаголовъ многократныхъ, за исключеніемъ хаживавшій, захаживавшій. Краткія (именныя)формы этихъ причастій употребляются,какъ уви-

димъ, въ значеніи дѣепричастія.

Причастія настоящаго времени страдательнаго залога образуются отъ основы настоящаго времени посредствомъ суффикса -м-: ведомий, несомий, творимий, уважаемий, направляемий, видимий. Повидимому, всѣ такія причастія церковнославянскаго происхожденія; этимъ объясняется ихъ рѣдкость. Чаще всего они образуются отъ основъ на -а. Ср. рядъ прилагательныхъ на -мий, образованныхъ отъ глагольныхъ основъ, по происхожденію своему причастій: зависимий, непроходимий, недостижимий, неуловимий, неукротимий, (и т.п. сложныя съ -не), терпимий, любимий. Краткія формы такихъ причастій (а также прилагательныхъ) спрягаются, соединяясь съ личными мѣстоименіями и вспомогательными глаголами: онъ направляемъ онъ былъ видимъ всѣми и т.д. Въ соединеніи съ быть въ старомъ языкѣ употреблялась форма дательнаго падежа съ именнымъ окончаніемъ у (для выраженія инфинитивъ страдательнаго залога) быть любиму, уважаему. Теперь такая форма окончательно вытѣснена и изъ литературнаго языка. Понятно, что причастіе на -мий (-м) образуется только отъ основъ несовершеннаго вида, такъ какъ основи совершеннаго вида утратили значеніе настоящаго времени.

Причастія прошедшаго времени страдательнаго залога по общему правилу образуются отъ основи инфинитива; суффиксами являются -н- и -т; суффиксъ -н- присоединяется къ основѣ инфинитива при помощи соединительной гласной е, когда основа оканчивается на согласную или на і (i̯). Суффиксъ -и- употребляется для образованія причастій, во-первыхъ, отъ основъ на согласную: погребен, занесен, заряжен, остриженъ, погребен, прочтен-; во-вторыхъ, отъ основъ производныхъ на і (i̯): прославлен; учен- говорен, удалён-; въ-третьи-

ихъ, отъ основъ на -а: дан- продан- узнан- воспитан- отрѣзан- выстрадан- убран- замаран- вымазан- въ-четвертихъ, отъ основы на ѣ, видѣн- удержан- Суффиксъ -т употребляется для образованія причастій отъ основъ на гласную -у (-ну), -о, а также односложныхъ на -и, -у, -н, -ѣ, и еще -а (восходящее къ малому всу): пролит- обут- прикрыт- отпѣт- одѣт- проклят- снят- взят- проколот- смолот- тронут- кинут- двинут- сунут- наконецъ отъ основы на -ер: припертый, простертый. Повидимому, и эти причастія церковнославянскаго происхожденія (въ ихъ полной склоняемой формѣ); это видно, во-первыхъ, изъ общихъ соображеній о томъ, что русскій языкъ утратилъ склоняемыя причастія (ср. выше), во-вторыхъ, изъ того, что причастія на -н образуютъ полную форму свою по церковнослав. образцу (позднѣйшаго времени) съ удвоеніемъ -н: обрѣзанный, убранный, данный и т.д. въ-третьихъ, изъ того, что формы на -ный съ однимъ -н имѣютъ въ русскомъ языкѣ значеніе прилагательныхъ: варёный, печёный, солёный, моченый, плетёный, калёный. Такимъ образомъ, выясняется, что всѣ причастныя формы на -ный должны писаться съ двумя -н (читанныя имъ книги, подмоченная репутація), а прилагательныя на -ный съ однимъ -н (раненые, какъ прилагательное, съ однимъ -н, а раненные злодѣемъ похожіе съ двумя). Причастія прошедшаго времени страдательнаго залога образуются преимущественно отъ основъ совершеннаго вида, но извѣстно также и отъ основъ вида несовершеннаго: битый (также въ значеніи прилагательнаго), краденый (и краденый прилагательное), читанный, невиданное зрѣлище, неслыханное злодѣяніе. Производныя основы несовершеннаго вида, являющіяся при основахъ вида совершеннаго, не могутъ образовать такого причастія: не бросанный, а

Листъ 17-й. Очеркъ современнаго русск. литер. языка А.А. Шахматовъ.

только брошенный (однако отъ совершеннаго вида: разбросанный), не*покупанный, а только купленный, не*нахоженный, а только найденный, не*отвѣчанный, а только отвѣченный и т.д. По той же причинѣ не*бранный, а взятый, не*кладенный, а только положенный. Глаголы многократные могутъ образовать это причастіе въ соединеніи съ отрицаніемъ: не слихивано, не видывано (только въ краткой формѣ). Какъ мы знаемъ, краткія (именныя) формы причастія на -н- -т - спрягаются, соединяясь съ личными мѣстоименіями и съ вспомогательными глаголами: я одѣтъ, мы тронуты, они ранены, она брошена и т.д. Форма дательнаго падежа на -у отъ такой краткой формы, употреблявшаяся въ соединеніи съ инфинитивомъ быть, теперь исчезла изъ литературнаго языка, быть брошену, одѣту, помиловану - формы устарѣвшія.

Итакъ, общимъ для причастій явленіемъ въ русскомъ языкѣ былъ переходъ ихъ въ прилагательныя въ полной (сложной) формѣ; въ виду этого книжный языкъ сохранилъ съ значеніемъ причастій соотвѣтствующія церковнославянскія образованія.

III. Дѣепричастіе несовершеннаго вида по происхожденію своему представляетъ краткія формы причастія настоящаго времени, потерявшія свою связь какъ съ родомъ, такъ и съ числомъ и падежомъ; одно изъ окончаній дѣепричастія -а (послѣ j и мягкихъ согласныхъ) предоставляетъ старое окончаніе именит. пад. единств. числа муж. рода: идя, ходя, дѣлая; другое - учи предоставляетъ старое окончаніе именит. пад. множ. числа муж. рода (-учи при и вмѣсто -уче): идучи. Господствующимъ въ литературномъ языкѣ окончаніемъ является -а. Оно присоединяется къ основѣ настоящаго времени; такимъ образомъ дѣепричастіе образуется только отъ

основъ несовершеннаго вида. Впрочемъ, обычно дѣепричастіе образуется только отъ тѣхъ основъ настоящаго времени, которыя звуковой стороной своей не отличаются существенно отъ основы инфинитива: ведя, неся, плетясь, кроя, дуя, плывя, видя, нося, водя, таща, учась, играя, страдая. Но основы настоящаго времени на-je, имѣющія при себѣ основу инфинитива на -а, дѣепричастія не образуютъ; таковы глаголы пишу, рѣжу, мажу, вяжу, лижу, пашу и т.д.; равнымъ образомъ не образуютъ дѣепричастій глаголы беру, тру, мру, жну, клену, мну, кую, плюю, такъ какъ въ инфинитивѣ являются основы, отличныя отъ основы настоящаго времени брать, тереть, мереть, жать, клять, мять, ковать, плевать. Впрочемъ, неодносложныя основы на -уje при инфинитивѣ на -ова образуютъ дѣепричастіе: торгуя, волнуясь, горюя, милуя. Основы на задненебную согласную не образуютъ вообще дѣепричастія; таковы напр. глаголы стригу, могу, сѣку, влеку. Глаголъ могу образуетъ причастіе несовершеннаго вида (?) могши (но могши имѣетъ значеніе прошедшаго времени). Дѣепричастія на -учи представляются съ точки зрѣнія современнаго литературнаго языка устарѣвшими; держится форма идучи, рѣже форма живучи; припѣвавчи, игравчи, крадучись употребляются только въ опредѣленныхъ выраженіяхъ.- Дѣепричастія несовершеннаго вида образуются только отъ основъ несовершеннаго вида. Утративъ значеніе настоящаго времени, они сохранили однако временное значеніе. Это видно изъ того, что большая часть ихъ можетъ быть замѣнена описательными выраженіями съ "въ то время какъ" съ послѣдующими формами настоящаго вр. или прош. времени. Но нѣкоторыя дѣепричастія, теряя временное значеніе, становятся простыми нарѣчіями; ср. отмѣченныя выше:

играючи (учиться), жить приучаючи; также лёжа, сидя, стоя (но тё же дёепричастія могутъ сохранять и свое вр. значеніе); судя (напр. судя по всему), не взирая, находя, полагая и т.д.

Дёепричастіе совершеннаго вида образуется троякимъ способомъ: 1) отъ основы совершеннаго вида, оканчивающейся въ инфинитивё на согласную, посредствомъ окончанія -а со смягченіемъ предшествующей согласной, напр. пройдя, пронеся, прочтя, отвезя, 2) отъ основы совершеннаго вида, оканчивающейся въ инфинитивё на согласную, посредствомъ окончанія-в: открыв, дав, узнав, поговорив, улетёв, поспёв, толкнувдвинув;3) отъ основы совершеннаго вида, оканчивающейся въ инфинитивё на согласную посредствомъ окончанія -ши: промокши, пронесши; отъ основы на гласную посредствомъ -вши: давши, купивши. Отъ этого основного правила видимъ слёдующія отступленія: 1) нёкоторыя основы на согласную д (опускаемую передъ окончаніемъ прошедшаго времени л) образуютъ дёепричастіе на-в и-вши съ опущеніемъ этой согласной: управ, упав, упавши; 2) глаголи на -ться могутъ имёть окончаніе -ась: устремясь, простясь, перекрестясь; 3) глаголи на -уться, -оться, -аться -етьоя, ёться, -иться оканчиваются обыкновенно на -увшись, -овшись, авшись, -евшись,-ёвшись, -явшись: уткнувшись, проснувшись, отколовшись, поднявшись, запереявшись, видёвшись, устремившись, простившись; 4) основы инфинитива на задненёбную не образуютъ дёепричастія на -а, а только на -ши: высёкши, остригши, несмогши; 5)основы на -ну, означающія подвижное состояніе, рядомъ съ окончаніемъ -нув могутъ образовать дёепричастіе на согласную -ши: оглохнув и оглохши, поникнув и поникши, вымокнув и вымокши, высохнув и высохши;

3) глаголы съ основой на согласную передъ окончаніемъ -ся образуютъ дѣепричастіе на -ась, если дѣепричастіе простого глагола оканчивается на -а: пронесясь, пройдясь и на -шись, если простой глаголъ оканчиваетъ его на -ши: остригшись, отрекшись.

Кромѣ того замѣчу, что въ языкѣ старинномъ при-в было извѣстно вши, но въ настоящее время это окончаніе, восходящее къ формѣ им. над. множ. числа причастія прошедшаго времени (видѣвши вм. видѣвъши), вообще вытѣсняется. Сохраненіе -вшись при-в ср. съ сохраненіемъ -ась при -ив, о чемъ выше.

Нѣкоторыя дѣепричастія совершеннаго вида въ нарѣчныхъ выраженіяхъ, гдѣ они потеряли значеніе временное, сохраняютъ старое окончаніе -а отъ основъ на -и; напр. спустя рукава, сломя голову, сложа руки, положа руку на сердце, отступя на шагъ, свѣся ноги, заломя шапку; также отъ основъ на -ну: разиня ротъ, высуня языкъ. Сюда же дѣепричастіе походя (учиться, дѣлать что нибудь походя).

Обзоръ глагольныхъ основъ.

Различныя формы одного и того же глагола могутъ быть образованы или отъ одной основы или отъ двухъ разныхъ основъ: отъ одной основы, основы настоящаго времени, образуются настоящее время или будущее совершенное (съ повелительнымъ наклоненіемъ, причастіе настоящаго времени нестрадательнаго залога, причастіе настоящаго времени страдательнаго залога и дѣепричастіе несовершеннаго вида); отъ другой основы, основы инфинитива, образуется инфинитивъ (съ прошедшимъ временемъ, причастіемъ прошедшаго времени на -вшій, причастіе страд. прошедшаго времени на -нъ, -тъ, дѣепричастіемъ на -въ, -вши). Распредѣленіе глаголовъ по основамъ представляетъ извѣстныя трудности въ виду несоотвѣтствія, замѣчаемаго въ спряже-

ніи многихъ изъ нихъ между основами настоящаго времени и инфинитива. Считаю наиболѣе удобнымъ распредѣлять въ русскомъ языкѣ глаголы по основамъ настоящаго времени, такъ какъ это время представляетъ вслѣдствіе измѣненія по лицамъ и числамъ наибольшее количество разнообразныхъ формъ; кромѣ того практически удобно различать три главныхъ вида основы настоящаго времени, изъ которыхъ первый оканчивается на -е -о (ведётъ, плачет), второй на -и (точитъ, сидитъ), третій на согласную (дад-ут, ѣд-ят). Основа настоящаго времени на -е можетъ образовать слѣдующія разновидности: 1) основа на е-о съ предшествующею окончанію основы исконно твердою согласною, ставшею впослѣдствіи мягкою и частью позже отвердѣвшею, напр. веду-ведётъ, плыну-плынет, могу-может; 2) основа на е-о съ предшествующею мягкою согласною, частью позже отвердѣвшею: мелю-мелет, колю-колет, плачу-плачет, пишу-пишет; 3) основа на е-о съ предшествующимъ j(i): вьёт, кроетъ, плывёт, знает, сѣет, богатѣет, читает, празднует. Сообразно съ этимъ и комбинируя еще различія въ соотвѣтствующихъ основахъ инфинитива, дѣлю наши глаголи на слѣдующіе классы и образцы.

I классъ. Основа настоящаго времени на е-о.

Разрядъ А: окончанію основы предшествуетъ исконно твердая согласная.

1-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанію основы согласною, основа инфинитива на согласную: веду-ведётъ, инфинитивъ вести (изъ *вед-ти).

2-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанію основы носовою согласною, основа инфинитива на гласную а изъ носового е, восходящаго къ ен, ем:

жну-жнёшь инфинитивъ жать (изъ жен-ти).

3-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанію основы согласною в, основа инфинитива на гласную и, ы: живу-живёшь, инфинитивъ жить, плыву-плывешь, инфинитивъ плыть.

4-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанію основы согласною н, основа инфинитива на -ну: двину,-двинешь, инфинитивъ двинуть.

5-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанію основы согласною н, основа инфинитива на гласную а,ѣ: надѣну-надѣнешь, инфинитивъ надѣть, стану-станешь, инфинитивъ стать.

6-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанію основы согласною, основа инфинитива на гласную а: беру-берёшь, инфинитивъ брать, лгу-лжешь, инфинитивъ лгать.

Разрядъ В: окончанію основы предшествуетъ исконно мягкая согласная.

7-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею исконно мягкою согласною, основа инфинитива на -оро, -оло: борюсь-борешься, инфинитивъ бороться, мелю-мелешь, инфинитивъ молоть.

8-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею исконно мягкою согласною (теперь частью отвердѣвшею), основа инфинитива на -а съ предшествующею исконно твердою согласною: плачу-плачешь, инфинитивъ плакать, пашу-пашешь, инфинитивъ пахать, стелю-сте-

лся, инфинитивъ стлать, рѣжу-рѣжет, инфинитивъ рѣзать.

Разрядъ Б: окончанію основы предшествуетъ i (j).

9-й образецъ, основа настоящаго времени односложна или двусложна, основа инфинитива на гласную односложна: крою-кроет, инфинитивъ крыть, мою-моем, инфинитивъ мыть, лью-льём, инфинитивъ лить, пою-поем, инфинитивъ пѣть, знаю-знаем, инфинитивъ знать.

10-й образецъ, основа настоящаго времени на -aje или -авӑje, основа инфинитива на -ава: даю-даём, инфинитивъ давать, сознаю-сознаём, инфинитивъ сознавать.

11-й образецъ, основа настоящаго времени двусложна, основа инфинитива двусложна и оканчивается на ja: чаю-чаем, инфинитивъ чаять, сѣю-сѣем, инфинитив сѣять, лаю-лаем, инфинитивъ лаять.

12-й образецъ, основа настоящаго времени на-ѣje, основа инфинитива на-ѣ: богатѣю-богатѣет, инфинитивъ богатѣть, спѣю-спѣет, инфинитивъ спѣть.

13-й образецъ, основа настоящаго времени на-aje, основа инфинитива на -а: читаю-читает, инфинитивъ читать, страшаю-страшает, инфинитивъ страшать.

14-й образецъ, основа настоящаго времени на-уje, многосложна основа инфинитива на -ова, -ева: зимую-зимует, инфинитивъ зимовать, горюю-горюет, инфинитивъ горевать.

15-й образецъ, основа настоящаго времени двусложна и оканчивается на -уje, основа инфинитива на -ова: плюю-плюёт, инфинитивъ плевать, жую-жуётъ инфин.

жевать.

II классъ. Основа настоящаго времени на -и (j).

16-й образецъ, основа инфинитива на -ѣ, а послѣ j, ж, ч, ш, щ на -а: горю-горим, инфинитивъ горѣть; стучу-стучим, инфинитивъ стучать; боюсь-боимься, инфинитивъ бояться.

17-й образецъ, основа инфинитива на -и: хожу-ходим, инфинитивъ ходить.

III классъ. Основа настоящаго времени оканчивается на согласную.

18-й образецъ, основы дад, ѣд; глаголъ есмь.

IV классъ. Основы неправильныя и недостаточныя.

19-й образецъ, глаголы идти, ѣхать, обрѣтать, ревѣть, снибить, ошибиться.

20-й образецъ, глаголы гнать, спать.

21-й образецъ, глаголы хотѣть, бѣжать, чтить.

Перехожу къ обзору спряженія глагольныхъ основъ, располагая ихъ по указаннымъ образцамъ. Въ русскомъ языкѣ различаются три спряженія, соотвѣтствующія тремъ отмѣченнымъ классамъ глаголовъ: въ первомъ спряженіи соединительными гласными между корнемъ глагола и личными окончаніями настоящаго времени, точнѣе: окончаніями основы являются е и о; е во 2 и 3 лицѣ единств. числа, 1 и 2 л. множ. числа, о въ 1 л. ед. и 3 л. множ. числа, при чемъ о передъ первоначальными окончаніями -он и -ить измѣнилось въ носовое о, откуда у. Во второмъ спряженіи соединительною гласною между корнемъ глагола и личными окончаніями настоящаго времени (точнѣе окончаніемъ основы) является и, при чемъ однако въ первомъ лицѣ ед. чис. -и передъ

первоначальнымъ окончаніемъ -онъ исчезло совсѣмъ, а въ 3 л. множ. числа окончаніемъ является теперь -ат изъ болѣе древняго -ѣть. Въ третьемъ спряженіи личныя окончанія представлены непосредственно къ основамъ на согласную (по скольку однако первоначальныя формы не замѣнены новообразованіями): сообразно съ этимъ распредѣляемъ нами образцы по тремъ спряженіямъ, а послѣ обзора ихъ даемъ обзоръ неправильныхъ глаголовъ.

Первое спряженіе: 3 лицо единственнаго и множественнаго числа -ет, -ут.

I. образецъ. Передъ -ет, -ут является исконно твердая согласная; основа инфинитива оканчивается на согласную. Примѣръ: несёт-несут, инфинитивъ нес-ти.

Основа настоящаго времени. Согласныя задненёбныя передъ е переходятъ въ шипящія: стережом, жнон, берегот, можем, напряжом, увлечом, течот, сѣчом, печоте, печотесь, ляжете, толчоте и т.д. Вмѣсто жнон употребительно и жгём. Въ повелительномъ наклоненіи окончанія -и, -ите только подъ удареніемъ, а въ неударяемомъ положеніи находимъ мягкую согласную въ ед. числѣ, мягкую согласную съ послѣдующимъ те во 2 л. множ. числа: неси, пеки, сѣки, толките, жгите, но сядь, сядьте, лѣзь; отъ лягу-ляг, лягте съ твердыми г; но неударяемое и сохраняется въ вынеси, выпеки, выжги. Повелительное отъ могу не употребительно; не моги, не могите, только въ просторѣчіи. Дѣепричастіе несовершеннаго вида на -а со смягченіемъ предшествующей согласной: неся, ведя, растя, гризя, гребя; окончаніе -учи только въ крадучись; послѣ согласныхъ задненёбныхъ окончаніе а въ дѣепричастіи неизвѣстно; неупотребительно также дѣепричастіе отъ мру, иру, тру, что зависитъ отъ особа-

го вида основы инфинитива при этихъ глаголахъ. Причастіе настоящаго времени нестрадательнаго залога на -ущій: несущій, некущійся и т.д.

Удареніе во всѣхъ формахъ, образованныхъ отъ основы настоящаго времени, падаетъ на окончаніе основы, слѣдовательно, въ настоящее время на е (которое переходитъ при этомъ въ о) и у, в повелительное на -и, въ дѣепричастіи на а, въ причастіи настоящаго времени на -у: несётъ, несу́, неси́, несите, неся́, несу́щій. Только въ лѣзу, сяду и лягу удареніе сохраняется всегда на корнѣ. При краду́, кради́ и т.д. является въ дѣепричастіи съ другимъ удареніемъ: кра́дучись. Могу́, могу́щій, но мо́жемъ, мо́гутъ и т.д. Но приставка вн- неретягиваетъ удареніе на себя: вне́су.

Отъ основы инфинитива образованы формы инфинитива; съ окончаніемъ -ти́, напр. нести, вести, везти, грести, плести, скрести, пасти, расти (собств. рости́), брести, блюсти, трясти, пріобрѣсти, спасти, ползти (рядомъ менѣе употребительны въ сложныхъ: привесть) съ окончаніемъ -т́: грызть, лѣзть, сѣсть, красть, счесть, пасть, прясть; съ окончаніемъ ч́ (восходящимъ къ -кт, гт): мочь, стричь, беречь, волочь, толочь, лечь, отречься, сѣчь, запрячь произносится запрéчь); основы на -ер, -ол измѣняютъ -ер, -ол въ формѣ инфинитива въ -ере, -оло: мереть, отпереть, простереть, толоч́. Основы на губную оканчиваются въ инфинитивѣ на -сти: гребу-грести (изъ гребс-ти), скребу-скрести (изъ скребс-ти); о представляется вставкой.

Далѣе отъ основы инфинитива произведены: прошедшее время на -лъ; зубные т, д выпадаютъ передъ -л: клал, вёл, упала, плели, росла; въ формѣ муж. рода -л сохраняется только послѣ гласныхъ:

прочёл, крал, набрел, внемл; послѣ согласныхъ -л отпадаетъ: мок (изъ мегл), сгрён, гриз, сёк, берёк, мок, умер, припер, простёр, рос (изъ ростл) и т.д. Основа толк (инфинитивъ толоч можно объяснить изъ толчи, какъ результатъ такъ называемаго второго полногласія) образуетъ въ муж. родѣ толок (а рядомъ: толкла, толкли). Отъ той же основы произведены: причастіе страдательнаго залога, прошедшаго времени на -ен, плетён, вметен, остриженъ, украденъ, натолчён, пріобрѣтён; отъ основъ на -р производится то же причастіе съ суффиксомъ -т: приперт, простёрт, натёрт. Далѣе отъ основы инфинитива произведено причастіе прошедшаго времени нестрадательнаго залога на -вшій послѣ гласныхъ и -мій послѣ согласныхъ: укравшій, сѣвшій, напавшій, стерпѣйся, могшіе, умершіе, лёгшіе, росшіе. Затѣмъ дѣепричастіе совершеннаго вида, которое послѣ гласныхъ по общему правилу оканчивается на в (слѣдовательно, въ основахъ на вшедшіе д, т, а также въ основахъ на -ере): украв, напав, присѣв, умерев, простерев, приперев, рѣже на -вши: укравши, но правильно на -вшись: усѣвшись, оперевшись, запеpевшись (рядомъ запёршись, форма болѣе простонародная); послѣ согласныхъ находимъ вообще окончаніе -ши, - шись: остригшись, обжегшись, проползши, стёрши, оперши́сь, подперши́сь, помогши, отвлёкши, отрёкшись, вплёзши, напрягши. Рѣже окончаніе -а въ дѣепричастіи совершеннаго вида; оно также производится отъ основы инфинитива: пріобрётя, везя, занеся, наскребя, прочтя, зачтя.

Удареніе основы инфинитива. Одни глаголы имѣютъ удареніе всегда на коренной гласной основы: сёсть, гризть, настъ, стричь, прясть, красть, класть, тереть, простереть, сёчь; поэтому сёли, гри́зла, остри́жен, клала, крала, украден, пряла, нала, натёрла,

простёрла, сёкла. Другіе глаголы имѣютъ удареніе вообще всегда на окончаніяхъ: брели́, росла́, плетён, метено́, могло́, береглись, приволокли́. Въ инфинитивѣ отъ глаголовъ съ основой на задненёбную согласную является окончаніе ч́, а не чи́: влечь, волочь, толочь, течь, напрячь, запрячь, жечь, мочь, стеречь, беречь. Въ дѣепричастіи удареніе не переходитъ на окончаніе -ши: отползши, привлёкши. Глаголы переть, мереть, точно также въ формѣ инфинитива не переносятъ удареніе на окончаніе (-т́, не-ти́); въ прошедшемъ времени и причастіи страдательныхъ глаголовъ мереть, переть удареніе переносится на окончаніе въ женскомъ родѣ: заперла́, умерла́, заперта́, упёрта́; въ муж. сред. родѣ единств. числа и во мно: числѣ удареніе остается на корнѣ: мёрли, а въ сложенныхъ съ предлогами оно переносится на предлогъ: за́пер, о́тперли, за́мерли, у́мерли, за́перт, о́тперт, ро́сперт. Глаголы на -ся слѣдуютъ удареніе простыхъ: сёклись, грызся, натёрлась, осёлась; въ прошедшемъ времени въ муж. родѣ удареніе переносится на -ся послѣ предшествующихъ л,р: завелся́, блялся́, обрёлся́, приплелся́, запёрся́, сперся́ (но конечно: натёрся, простёрся, ибо въ этихъ глаголахъ удареніе неподвижно); ср. рядомъ: берёгся, остерёгся, запрёгся, увлёкся (рѣдко: отрекся́). Въ противоположность глаголамъ безъ -ся, глаголы на -ся переносятъ удареніе на -мись послѣ р въ случаяхъ какъ запе́рмись, отпе́рмись, подпе́рмись (формы преимущественно простонародныя).

По значенію своему большая часть относящихся сюда основъ несовершеннаго вида; совершеннаго вида глаголовъ сяду-сѣсть, лягу-лечь, паду-пасть, а также всѣ сложенные съ предлогами: пріобрѣсть, украсть, закрыть, спасти, припереть, увлечь, натолочь. Къ опредѣленно-моторнымъ относятся: везу, несу, веду, ползу, лѣзу, бре-

ду. Большая часть этого образца переходные; непереходны: ползу, лѣзу, бреду, лягу, сяду, росту, могу, паду. Глаголъ пенюсь - пекусь изъ церковнославянскаго языка.

Не во всѣхъ глаголахъ замѣчается полное звуковое соотвѣтствіе между основами настоящаго времени и инфинитива; такъ, благодаря носовому инфиксу, при сѣсть, лечь находимъ сяду, лягу (изъ *sędǫ, *lęgǫ); при основѣ съ кореннымъ ь (вслѣдствіи випавшемъ) передъ р въ настоящемъ времени, находимъ основу съ -ер въ инфинитивѣ: умру, простру, натру, запру, при умереть, простереть, натереть, запереть; относительно толку-толочь вище указана возможность объяснять толочь какъ второе полногласіе вмѣсто толчь-толчи (ср. толкла). Въ жгу-жечь видимъ въ инфинитивѣ основу жег-, а въ настоящемъ времени жьг-; но при жег- въ инфинитивѣ было извѣстно и жьг- (жгли, а въ жог изъ жегл гласная восходитъ къ ь); въ зачесть-зачту видимъ въ инфинитивѣ обычную замѣну ь черезъ е (восходитъ къ зачьсть).

II образецъ. Передъ ет-ут являются носовыя н, м; основа инфинитива оканчивается на -а (изъ носового е).

Сюда относятся сложныя съ *ниу-*ять, далѣе жму-мать, жну-мать, мну-мять, кляну-клясть, распну-распять, начну-начать. Относительно этихъ глаголовъ замѣтимъ: въ сложныхъ съ *ниу звукъ и сохраняется послѣ и съ предшествующей согласной, поднимý, снимý, отнимý; послѣ предлоговъ содержащихъ гласную, и переходитъ въ й, випадая въ положеніи за предлогомъ при: найму, пойму, дойму, займу, приму; послѣ согласныхъ находимъ -му со смягченіемъ предшест. звука (изъ -ьму), возьму; послѣ предлога ви вмѣсто -му является -ну подъ вліяніемъ глаголовъ на -ну, -нуть. Въ инфинитивѣ видимъ

-вить послѣ всѣхъ вообще предлоговъ кромѣ вз.: снять, поднять, принять, донять, но взять; вмѣсто вынять-винуть подъ вліяніемъ указанной аналогіи. Форма кляну замѣнила болѣе древнее клену (изъ клѣну), а вмѣсто инфинитива клять подъ вліяніемъ аналогіи явилось клясть.

Отъ основы настоящаго времени кромѣ формъ этого времени находимъ: повелительное наклоненіе, кляни, жни, жмите; причастіе наст. времени мнущій, жмущій, клянущій, жнущій. Дѣепричастіе: только кляня. Удареніе формъ настоящаго времени всегда на окончаніи основы.

Отъ основы инфинитива произведени форми проиед. времени: жал, клял, начал, распял, мял. Дѣепричастія совершеннаго вида: начав, зажав, сняв, заняв, проклявъ, распявъ; начавшись, снявшись, занявшись, прижавшись. Причастіе страдательнаго залога на -тъ: начатъ, снятъ, зажатъ, распятъ, помятъ. Удареніе основы инфинитива въ однихъ глаголахъ съ неподвижнымъ удареніемъ: нажал, пожал, сняла, замят, принята. Въ другихъ глаголахъ удареніе подвижное: въ женск. родѣ проиед. времени и причастіи страдательнаго залога оно переносится на окончаніе: начала, сняла, кляла, взята, начата, проклята (исключеніе только распяла, распята); въ муж. и сред. родѣ множ. числа, проиед. времени и прич. страдательнаго залога удареніе въ несложенныхъ съ предлогами и двусложныхъ формахъ на коренной гласной: кляли, сняло, взяли, а въ сложенныхъ съ предлогами на предлогахъ: проклялн, распял, подняли, начат, начало, начаты. Въ сложенныхъ съ -ся удареніе въ глаголахъ съ удареніями подвижными переносится въ муж. родъ на -ся, а въ сред. родѣ и во множ. числѣ на окончаніи: взялся, взялось, взялись, началось, снялись, поднялся.

Относящіеся сюда глаголи несложенные съ предлогами всѣ несовер-

несов. вида, а сложенные съ предлогами соверш. вида.

III образецъ. Передъ -ет-ут является согласная в; основа инфинитива оканчивается на гласную и или и.

Сюда относятся живу, плыву, сливу.

Отъ основы настоящаго времени, кромѣ формъ этого времени, повелительное наклоненіе: живи, плывите; причастіе настоящаго времени живущій, плывущій, сливущій; дѣепричастіе: живя, плывя, сливя и такие еще живучи. Удареніе формъ настоящаго времени всегда на окончаніи основы, кромѣ только что указаннаго дѣепричастія.

Отъ основы инфинитива образуются: проше. время жил, плыли, слил; причастіе прошед. времени живший, сливший, дѣепричастіе совершеннаго вида: нажив, прожив, прослив; причастіе страдат. залога зажито, прожито. Удареніе этихъ основъ подвижное: въ женск. родѣ оно падаетъ на окончаніи: жила, плыла, слила, прожита; въ другихъ формахъ прошед. времени и прич. страдательнаго залога удареніе на корнѣ, а въ сложенныхъ съ предлогами на предлогѣ: жили, прожили, заплыли, прожито, но прослылъ. Въ глаголахъ на -ся удареніе переносится въ муж. родѣ прошед. времени на -ся: нажился, а въ прочихъ формахъ на окончаніе: нажились, слилось.

Разсмотрѣнные глаголы несовершеннаго вида; плыть съ опредѣленно-моторнымъ значеніемъ.

IV образецъ. Передъ -ет-ут согласная -н; основа инфинитива оканчивается на -ну.

Отъ основы настоящаго времени кромѣ формъ этого времени, а также будущаго совершеннаго (тону, кину, верну, уснем) образуется форми повелительнаго наклоненія: кинь, тронь, двинь, тяни, тони, верни; -и неударяемое послѣ двухъ согласныхъ: сохни, зябни,

крикни, Прич. наст. вр.: тянущійся, сохнущіе, гнущійся. Дѣепричастіе на - а совсѣмъ неизвѣстно.

Ударение основы настоящаго времени можетъ лежать или не - подвижно, на корнѣ: кину, стукну, привыкну, на окончаніи: зѣвнётъ, ущипну, толкнёт, качнём; или подвижно, падая на окончаніяхъ у 1л. ед. и въ пов. накл., ущій въ прич., но переносясь на корень при другихъ окончаніяхъ: тону, тянущійся, тони, тоните, тяните, но тонем, тянут, взглянет. Подвижныхъ по ударенію основъ очень немного.

Отъ основы инфинитива производятся: прош. время тянул, вернул, отпрянул, тронул, отвергнул; прич. прош. вр.: тронувшій, тянувшійся, вернувшій, кинувшій; дѣеприч.: потянув, кинув, столкнув, ночерпнув; дѣепр. кинувшись; прич. страд.: подтянут, перевёрнут, покинут.- Ударение этой основы лежитъ неподвижно или на корнѣ или на - ну; только въ причастіи на - т оно переносится всегда на корень: тянул, натянут, натянута, повёрнути. Односложные переносятъ при этомъ ударение на предлогъ: подогнут, замкнут, взоткнут.

Особая группа глаголовъ, отличающаяся отъ прочихъ и по своему значенію, образуетъ прош. время(обязательно), а также причастіе прош. времени и дѣепр. соверш. вида (съ колебаніями) не отъ основы инфинитива на -ну, а отъ основы на согласную, предшествующую въ инфинитивѣ окончанію - нуть. Такъ въ прошедш. отъ чахну чахнуть находимъ чах; также оглох, озяб, прилип, внсох, повис , прокис, протух; отъ основы на зубную: завял. Прич. прош.: оглохшій, озябшій, внсохшій, прокисшій. Дѣеприч. заглохши, оглохши и оглохнув, прокиснув.

Отдѣльно стоятъ отвергнуть, которое образуетъ отверг и отвергнул, подвергшійся, подвергнувшійся. Также достигнуть при достичь, ср. достигъ, достигшій.

Глаголъ вынуть - вину, какъ мы видѣли, восходитъ къ болѣе древнимъ формамъ: винять, выму.

Среди глаголовъ этого образца значительная часть совершеннаго вида: сюда относятся во-первыхъ, всѣ сложенные съ предлогами, во-вторыхъ, несложенные съ однократнымъ значеніемъ, какъ крикнуть, топнуть, плюнуть, капнуть, вильнуть, кануть и т. д., въ-третьихъ: вернуть, минуть, винуть. Несовершеннаго вида та особая группа, о которой сказано выше, имѣющая особое значеніе глаголовъ подвижнаго состоянія: глохнуть, виснуть, дрогнуть (рядомъ дрогнуть соверш. вида съ однократн. значеніемъ), мерзнуть и т. д.; также еще глаголы: гнуть, тянуть, тонуть, дрыхнуть.

V Образецъ. Передъ ет-ут согласная н; основа инфинитива оканчивается на гласныя а, ѣ, и.

Сюда относятся немногочисленные глаголы, какъ стану-стать, стыну-стыть, дѣну-дѣть, застряну-застрять.

Отъ основы наст. вр. съ неподвижнымъ удареніемъ на корнѣ: кадѣну, остыну, надѣнь, стань; прич. наст. стынущій.

Отъ основы инфинитива съ неподв. удареніемъ на корнѣ: одѣл, стал, остыл, застрял (мы ожидали бы застряп, стр. стрянать). Дѣеприч. устав, надѣв, застряв. Прич. прош. надѣвшій, застрявшій, остывшій.

Глаголы стать, дѣть сов. вида; стыть несовершеннаго. Сложные всѣ соверш. вида.

VI Образецъ. Передъ ет-ут являются исконно твердыя соглас - ныя; инфинитивъ содержитъ производную основу на - а.

Сюда относится рядъ корней, содержавшихъ исконно звуки ъ, ь: тку-ткать, лгу-лгать, рву-рвать, вру-врать, жду-ждать, жру-жрать. Иногда такому корню въ инфинитивѣ соотв. корень съ о, е въ на - стоящемъ: зову-звать, беру-брать, деру-драть. Единичны стону-стонать, ору-орать.

Передъ окончаніемъ е въ основѣ настоящаго задненёбнаго переходятъ въ шипящіе: лжот, тчёт (но и ткёт).

Отъ основы наст.: врёт, ври, ждите. Дѣепр. зовя́. Прич. наст. дерущій, берущій, зовущій и т. д.- Въ основѣ настоящ. ударе́ніе всегда на окончаніи. Только при стону, стони́ является сто́нем, сто́нет и даже сто́нущій.

Отъ основы инфинитива: прош. лгал, звал; прич. прош. страд. на-н: по́зван, приврано, прибран. Дѣепр. соверш.: созна́в, набра́в, призва́в, созна́в.- Въ стонать, орать ударе́ніе неподвижно; во всѣхъ остальныхъ оно подвижно: въ простыхъ ударе́ніе переносится на окончаніе ж.р. -а: звала́, зрана́; въ сложныхъ съ-ся ударе́ніе въ прош. времени переносится на окончанія: звался́, брался́, брались́, бралось́; въ сложенныхъ съ предлогами глаголахъ не на-ся ударе́ніе (кромѣ формы ж.р.) переносится на предлогъ: со́ткан, по́зван, призва́нн, набранн, ободран, ножран, взорван, прожда́н; въ глаголахъ на -ся ударе́ніе остается на окончаніи: назва́лся, дожда́лся, собра́лись, продра́лось; но взорва́лся, порва́лся, залга́лись.

Въ дѣепричастіи ударе́ніе всегда на корнѣ.

Относящіеся сюда глаголы всѣ несоверш. вида; они соверш. ви-

да въ сложеніяхъ съ предлогами.

VII Образецъ. Передъ ет-ут исконно мягкая согласная, въ инфинитивѣ основа оканчивается на -оро, оло.

Сюда относятся: мели-молоть, колю-колоть, порю-пороть, борюсь бороться, полю-полоть.

Отъ основы наст.: колет, порют, боремся, борись. Прич. наст. колющій, мелющій. Дѣеприч. на -а неупотребительны; малоупотребительно: мелючи. Въ основѣ наст. вр. ударніе подвижно, переносясь на окончаніе въ 1л. ед. наст. вр. и въ повел. накл. мелю. мели, мелите, но мелет, мелют, мелющій.

Отъ основы инфинитива образуются: прош. колол, молол; прич. прош. боровшійся, коловшій; дѣепр. сов. наколовъ, смоловъ; прич. страд. на -тъ: смолот, проколот. Ударніе основы инф. неподвижно на корнѣ, но въ прич. страд. вмѣсто оло находимъ оло въ смолот, колот.

Относящіеся сюда глаголы всѣ несов. вида; они соверш. вида въ сложеніяхъ съ предлогами.

VIII Образецъ. Передъ ет-ут исконно мягкія согласныя; производная основа инфинитива оканчивается на -а.

Относящіеся сюда глаголы довольно многочисленны. Согласная передъ окончаніемъ представляется въ наст. врем. въ смягченномъ видѣ; вм. г, к, х, являются ж, ч, ш: плачу-плакать, пашу-пахать; вм. с, з- ш, ж: машу-мазать, лижу-лизать, чешу-чесать; вм. т въ исконнорусскихъ словахъ -ч, а въ заимствованныхъ изъ церковнослав. щ: мечу, топчу, шепчу, скрежещу, рощу, клевещу, трепещу; вм. д въ русскихъ словахъ -ж, въ церковнослав. -жд: гложу глодать, страждy-страдать, созижду-созидать; вмѣсто ст - щ :

свищу-свистать; вм. ск-щ: ищу-искать; вм. зг-жж (пишется зж): брызжу-брызгать; вмѣсто н,б,в,м - нл, бл, вл, мл: дремлю-дремать, колеблю-колебать, сплю-спать; р,л,н переходятъ въ мягкія р,л,н: глаголю-глаголать.

Вмѣсто ожидаемаго ржу-рзать находимъ ржу-ржать; аналогично вмѣсто жажду-жадать находимъ жажду-жаждать; вмѣсто слю-слать является плю-слать. Единично стелю-стлать.

Отъ основы настоящаго: плачет, плачь, чеми, чѣните;(отъ жажду, стражду, зижду повел. не употребляется); прич. наст. плачущій, нищущій, страждущій, ищущій. Дѣепричастіе на -а: плача, дремля, колебля, скрежета, клевета; но вообще они мало употребительны (не говорятъ: чена, пина, мажа, ропща, пана, рѣжа и т.п.). Вмѣсто сплю, сплетъ весьма обычно сплю-спишь.-Удареніе основы наст. можетъ быть неподвижно на корнѣ: алчу, пояну, колеблю, глаголю; въ нѣкоторыхъ основахъ оно подвижно, переносясь на окончанія въ 1 л. ед. и въ повел. наклоненіи: клевещу, ищу, ропщу, дремлю, пишу, пани, топчите, лижите.

Отъ основы инфинитива образуются: прош. время лизал, плакал; прич. прош. плакавшіе; дѣепр. соверш. заплакав, смазав, задремав; прич. страд. на -нъ: нарѣзан, оклеветан, обглодан.-Удареніе въ однихъ основахъ лежитъ неподвижно на корнѣ: поясать, кликать, мазать, въ другихъ на -а въ окончаніи основы, при чемъ, однако, въ прич. страд. оно переносится на корень: отыскан, обглодан, оклеветан. Основы стла и сла переносятъ удареніе на предлогъ: послан, разостлан.

При поколебать прич. страд. поколеблен (указывающее на поколебить). При двигать прич. наст. страд. движемый, но ря-

домъ недвижимъ.

Всѣ относящіеся сюда несложенные глаголы несовершеннаго вида, а сложенные съ предлогами совершеннаго.

IX Образецъ. Передъ ет-ут является *i* (*j*), при чемъ основа наст. времени односложна или двусложна; основа инфинитива односложна и оканчивается на гласную.

Коренная гласная въ основѣ наст. времени и инфинитива одна и та же по происхожденію, но въ основѣ настоящаго многія изъ этихъ гласныхъ подъ вліяніемъ особаго своего положенія подверглись измѣненіямъ. Такъ гласная ѣ (по происхожденію дифтонгъ oi) въ основѣ пѣ-(пѣть) является въ основѣ наст. времени въ видѣ oi: пою. Къ болѣе поздними измѣненіямъ относится выпаденіе гласной и въ этой основѣ: ью, ью, ью, ью, бью (но въ гнію и сохранилось въ связи съ наличностью передъ нимъ двухъ согласныхъ; въ почію сохраненіе обязано церковнослав. происхожденію; въ брію, откуда брею, сохраненіе обязано той же причинѣ, что въ гнію). Еще позже произошло измѣненіе и въ основѣ настоящаго въ о: крою, мою, рою, вою, ною; аналогично измѣненіе и въ е въ брею. Безъ измѣненія сохранились гласныя а (знаю), у (дую, обую), ѣ изъ ē (грѣю, сѣю).

Основа наст. вр.: бью, бьёт, крою, гнію, пою; повел. всегда на -й,- йте: пойте, грѣйте, дуйте, знай; на мѣстѣ и, понятно, о: крой, мойте; на мѣстѣ и -е не только въ брей, брейте, но также въ лей, мей, вей, бейте и т. д. (гнію не образуетъ повелительнаго наклоненія; при почію является почій). Причаст. наст. вр. бьющій, гніющій, поющій. Дѣепричастіе только не отъ глаголовъ, выпускающихъ и въ основѣ настоящаго: поя, роя,

брея́, гнія́, дуя́ (но не лья, вья, бья и т.п.). -Ударе́ніе формъ, образованныхъ отъ основы настоящаго, обычно на корнѣ; на окончаніи только въ пою́ и въ глаголахъ съ кореннымъ -и, какъ гніе́ю, гніе́т, вье́т (исключается глаголъ бре́ю, а также книжное почію).

Основа инфинитива образуетъ прош.вр.: бри́ла, крыла, пѣла, была́; прич. прош. вр. бывшій, почившій; дѣеприч. совершеннаго вида: накры́в, пролив, запѣв, прибив; прич. страд. отъ основы на -а оканчивается на -нъ: знан, узнан; отъ всѣхъ прочихъ на -тъ: пропѣтъ, накрытъ, сбрит, про́лит. -Ударе́ніе основы инфинитива въ однихъ глаголахъ неподвижно: бить, мить, крыть, рыть, обуть, пѣть, брить; въ другихъ оно подвижно: сюда относятся только глаголы пить, вить, лить; въ нихъ ударе́ніе въ прошед. вр. переносится на -а въ женск. родѣ: пи́ла, ви́ла, ли́ла; въ сложенныхъ съ предлогами также: пролила́, свила́, запила́, при чемъ въ другихъ формахъ прош. вр. ударе́ніе переносится на предлогъ: про́лил, запили́, зали́ли. Въ этихъ глаголахъ на -ся, сложенныхъ съ предлогомъ, ударе́ніе вообще переносится на окончанія: развился́, впилась́, залилась́, полился́. Тѣ же глаголы имѣютъ такое же, какъ въ прош. вр., колебаніе въ прич. страд. прош. вр.: развита́, но разви́т, пролита́, про́литъ, отпито́, о́блит и т.д. Въ прич. страд. отъ знать въ сложенныхъ съ предлогами ударе́ніе въ формахъ муж. рода и множ. числа переносится на предлогъ: узна́н, призна́ны, опозна́н.

Относящіеся сюда глаголы несоверш. вида; но въ сложеніи съ предлогами они вида совершеннаго: обу́ю, почію́, узна́ю, пропою́, запью́.

X образецъ. Передъ -ет-ут въ настоящемъ времени является aj, въ повелительномъ наклоненіи, дѣепричастіи и причастіи наст. вр.

страд. залога сохраняется основа на -ава́je; инфинитивъ представляетъ двусложную основу на -ава.

Сюда относятся: сознаю́, признаю́, узнаю́, настаю́, достаю́, даю́.

Въ настоящемъ времени: даю́, даётъ, настаютъ; прич. вр. даю́щій, достаю́щій, сознаю́щій; въ повелительномъ наклоненіи: признавай, доставай, давай; дѣеприч.: признавая, доставая, давая; прич. наст. вр. страдат. залога: даваемый, сознаваемый. -Удареніе въ основѣ наст. вр. на окончаніи; въ основѣ повелит. и дѣепричастія на слогѣ -ва.

Основа инфинитива имѣетъ удареніе на слогѣ -ва и при томъ неподвижное: давалъ, дававшій.

Относящіеся сюда глаголы несовершеннаго вида; они представляются производными при соотвѣтствующихъ глаголахъ совершеннаго вида (сознать, достать, дать), при чемъ въ настоящемъ времени отступаютъ отъ обычнаго вида производныхъ; въ виду этого даю́, сознаю́ и т. д. можно признать позднѣйшими новообразованіями вмѣсто даваю́, сознаваю́, доставаю́. Что до сложныхъ съ даю́, то они остаются несовершеннаго вида, ибо напримѣръ задаю́ такое же производное несовершеннаго вида при зада́ть, какъ даю́ при да́ть. Повидимому давай, давая извлечено изъ глаголовъ сложенныхъ съ предлогами.

XI образецъ. Передъ -ет-ут въ настоящемъ является i̯(j), при чемъ основа настоящаго двусложна; двусложна также основа инфинитива, оканчивающаяся при томъ на ja.

Сюда относятся: лаять, чаять; чуять; сѣять, вѣять, блея́ть (и блея́ть).

Основа наст. вр.: лает, чаю, чуют; повелительное наклоненіе: сѣй, вѣйте, дѣепр. сѣя. -Удареніе основы обычно на корнѣ, но только при блею́ извѣстно блею́.

Основа инфинитива: чуял, сѣял, посѣяв, чаявшіе. -Удареніе обыч-

но на корнѣ, только при блеять извѣстно и блеять.

Сюда же относятся многослож. основа лелѣять.

Сюда же относится вопіять; основа настоящ. вр. вопіје: вопіютъ (глаголъ этотъ церковнославянскій и извѣстенъ только въ книжной рѣчи).

XII образецъ. Передъ -ет-ут въ настоящемъ является ѣj - при чемъ основа настоящаго времени многосложна; основа инфинитива также неодносложна.

Сюда относятся глаголы со значеніемъ подвижнаго состоянія: богатѣю, старѣюсь, краснѣю и т.п. также болѣю. Удареніе основы настоящ. времени и инфинитивъ неподвижно и обычно лежитъ на ѣ. Всѣ эти глаголы несовершеннаго вида; совершенный видъ они получаютъ только въ сложеніяхъ съ предлогами: устарѣю, состарѣюсь; забере́менѣю.

При старѣюсь, состарѣюсь употребляется съ другими удареніями: старѣюсь, состарѣюсь.

XIII образецъ. Передъ -ет-ут является окончаніе производной основы аj; основа инфинитива на -а.

Сюда относятся двѣ группы глаголовъ: а)глаголы несложенные несовершеннаго вида и соотв. сложные совершеннаго вида; б)глаголы сложенные съ предлогами несовершеннаго вида. Въ первой группѣ основа можетъ имѣть ударе́ніе на корнѣ или на примѣтѣ -а: слу́шаю, при́гаю, ло́паюсь, ду́маю, ку́таю, па́даю, при́гаю, запры́гаю, мѣ́ряю, отмѣ́ряю, воро́чаю, ку́паю; чита́ю, игра́ю, ступа́ю, сажа́ю, стара́юсь, пострада́ю; во второй группѣ ударе́ніе падаетъ всегда на примѣтѣ -а: отпада́ю, отмѣ́ряю, отвлека́ю, отсыла́ю, отставля́ю, покупа́ю, полага́ю, отрѣ́шаюсь. Въ этой второй группѣ сравнительно небольшое число глаголовъ извѣстно съ тою же основой безъ сложенія (слѣдовательно, съ основой относящемся къ первой группѣ), напр. объявляю-являю, отрѣ́шаю-рѣ́шаю, на-

ступаю-ступаю, отпускаю-пускаю, зарождаю-рождаю (при всѣхъ этихъ глаголахъ несложенныхъ несовершеннаго вида извѣстны глаголы на -ить совершеннаго вида: явить, рѣшить, ступить, пустить, родить); большая же часть такихъ глаголовъ не имѣетъ при себѣ соотвѣтствующихъ глаголовъ несложенныхъ.

Основа настоящаго: падаю, падай, падающій, падая. - Ударенiе неподвижное или на корнѣ или на приставкѣ -а: падаю, гадаю.

Основа инфинитива: падать, падал, падавшій, -випадал, выпадавшій, прочитав; прич. страд. читан, взволнован. - Ударенiе неподвижное или на корнѣ или на приставкѣ -а: падал, гадал, гадала, погадав. Но въ прич. прош. вр. страдат. залога ударенiе переносится съ -а (-ан, -ана, -ано, -аны) на предшеств. слогъ: читана, воспитаны, закопаны, отгадан, освистан, замаран, повѣнчан, взволнован, отпихан, замотан, отпуган и т.д.

Понятно, что такое причастiе образуется только въ первой группѣ и совсѣмъ неизвѣстно отъ глаголовъ второй группы.

О видовыхъ значенiяхъ глаголовъ этого образца сказано выше.

Къ этому же образцу относятся производныя основы на -ниваю, -нивать, -иваю, -ивать, которыя являются въ простыхъ глаголахъ: хаживаю, снискиваю (съ многократнымъ значенiемъ) и въ сложенныхъ: попиливаю, навёртываю, угадываю.

XIV образецъ. Передъ -ет-ут является окончанiе производной основы уj; основа инфинитива оканчивается на -ова, -ева.

Большая часть относящихся сюда глаголовъ представляетъ многосложныя основы; двусложная стала такова благодаря випаденiю ь въ глаголѣ: днюк-дневать. Обычно передъ -у въ настоящемъ, -ова въ инфинитивѣ согласная тверда, но въ нѣкоторыхъ глаголахъ видимъ мягкую согласную, причемъ -ова переходитъ въ -ева: днюю, горюю-горевать, ночую-ночевать.

Отъ основы настоящ. вр. производятся формы: зимую, совѣтуетъ, праздн-

нуют; повелительное наклоненіе: горю́й, совѣту́й, зимуйте; прич. наст. вр. чувствующій; дѣеприч. празднуя, зиму́я. -Удареніе основы наст. вр. неподвижное на корнѣ или на примѣтѣ -у: совѣ́тую, пра́здную, избалу́ю, зи́мую, образу́ю.

Отъ основы инфинитива: прошед. вр. зимова́л, горева́ла; прич. прош. вр. совѣтовавшій, почивавшій, дѣеприч. совершеннаго вида почувствовав, отпраздновав. -Удареніе неподвижное или на корнѣ или на слогѣ -ва: поименова́л, зимова́ла и т.д. Но въ пасч. страд. залога на -ан удареніе со слога -ва переносится на предшествующій: поименова́н, избалова́н, наличова́на.

По общему правилу глаголы несложенные несовершеннаго вида, а сложенные совершеннаго: зиную-зазимую. Но нѣкоторые несложенные употребляются въ значеніи несовершеннаго и совершеннаго вида; сюда относятся, во-первыхъ, русскіе глаголы: ночу́ю, мину́ю, зиму́ю (?), во-вторыхъ, иностранные по происхожденію своему глаголы, какъ телеграфи́рую, аранжи́рую, ассигну́ю, абони́руюсь, аресту́ю. Церковнославянскіе сложенные съ предлогами глаголы какъ образу́ю употребляются и въ совершенномъ и въ несовершенномъ видѣ. Простой церковнославянскій глаголъ дару́ю совершеннаго вида, сложенный обнародую также совершеннаго вида; прообразу́ю несовершеннаго вида.

XV образецъ. Передъ -ет-ут въ двусложной основѣ является у; основа инфинитива оканчивается на -ова, -ева.

Сюда относятся: кую, сую, жую, клюю, плюю. Отличіемъ отъ предыдущаго образца является двусложность основы настоящ. вр. и инфинитива, а также удареніе на окончанія основы въ настоящемъ.

Отъ основы настоящаго времени: кую, куй, кующій, жующій, плюющійся; дѣепричастіе: куя, плюя (но куя не употребительно). Основа инфинитива: клевал, жевал, плевавшій, жованный. Удареніе въ основѣ инфинитива.

неподвижно на -ва, но въ прич. страдат. прош. оно переносится на предшествующій слогъ: ко́ван, заплёван, разко́вано.

Второе спряженіе 3 лица единственнаго и множественнаго числа -ит-ат.

XVI образецъ. Въ настоящемъ времени -ит-ат; въ инфинитивѣ основа оканчивается на ѣ, которое послѣ исконно мягкихъ согласныхъ (j, ж, ч, ш, щ) переходитъ въ -а.

Такимъ образомъ, благодаря звуковому измѣненію ѣ въ а въ основѣ инфинитива, глаголы этого образца распадаются на двѣ группы, глаголовъ на -ѣть и на -ать; къ первой относятся напримѣръ сидѣть, висѣть, видѣть, ко второй лежать, дрожать, держать, пищать, слышать и т.д. Обѣ группы отличаются и въ наст. вр.; въ первой передъ и, а исконно твердыя согласныя, во второй исконно мягкія, восходящія къ смягчившимся г, к, х. Кишѣть замѣнило ожидаемое кишать.

Основа наст. вр. Въ 1-мъ лицѣ ед. числа согласныя передъ i (j) основы смягчились и перешли при этомъ: п, б, м, в, ф въ пл, бл, мл(теплю, скорблю, шумлю), д, т въ ж, ч (гляжу́, сижу, верчу, лечу), с въ ш (вишу). Въ нѣкоторыхъ глаголахъ такого смягченія нѣтъ: при бдѣть не является бжу. Формы настоящ. времени: вижу, видятъ, дрожу, дрожит; причастіе настоящ. времени сидящій, лежащій, кишащій, вертящійся, терпящій; дѣеприч. сижа, лёжа, боясь, стоя, терпя́, глядя; прич. наст. вр. страдательнаго залога держимый, терпимый, слышимый. Повелительное наклоненіе: сиди́, лежи́, терпи́, вели́, держи́, дрожите; отъ видѣть повелительное наклоненіе не употребительно; отъ слышать употребляется слышь въ выраженіи слышь ты; отъ бояться - бойся, отъ стоять-стой.

Ударенiе основы настоящаго времени или неподвижно: а) на корнѣ: ви́дя, ви́димый, слы́шна , ви́дящій, б) на окончаніи: боится, боясь, вися́, висят, вишу́, стучи́т, дрожи́т, вели́м, вели́т, веля́, кипя́т, ворчит, кишат,

кишащій, торчат, торчиш, торча, пищат, пища, скрипя, скрипит. Или оно подвижно, при чемъ въ однихъ глаголахъ подвижность ударенія замѣчается въ настоящемъ времени, а именно въ 1 лицѣ идареніе падаетъ на окончаніе, а въ остальныхъ лицахъ оно ложится на корнѣ: смотрю, смотриш, терплю, терпиш, держу, держит, верчу, вертит, (въ дѣеприч. смотря, терпя, держа, вертя); въ нѣкоторыхъ же глаголахъ переносъ ударенія замѣчается только въ дѣепричастіи, гдѣ оно ложится на корнѣ: сидя, лёжа, стоя, глядя, (при глядя).

Отъ основы инфинитива: видѣть, видѣл, увидѣв, смотрѣвшіе, насмотрѣвшись, стучал, стучала, державшійся; причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога, видѣнный, слышанный, держанный, разсмотрѣнный повелѣно, умолчано. Глаголъ вертѣть образуетъ верченъ, какъ бы отъ основы верти-; отъ сидѣть въ извѣстныхъ выраженіяхъ употребляется сижено, насиженное гнѣздо, отъ основы сиди. Удареніе основы инфинитива неподвижное или на корнѣ или на примѣтѣ -а, -ѣ: видѣть, слышать; держать, мчать, смотрѣть, сидѣть, сидѣл сидѣла, висѣл, висѣла. Въ прич. страдательнаго залога удареніе переносится съ -а на [illegible]ществующій слогъ: держан; отъ повелѣть въ прич. страдат. залога находимъ съ наконечнымъ удареніемъ: повелѣно, а отъ велѣть: велѣно. О причастіяхъ верчен, сижен, образованныхъ не отъ основы инфинитива, сказано выше. Отмѣтимъ удареніе зависѣть отъ висѣть.

Отъ глагола видѣть извѣстна еще форма вишь (ишь) въ выраженіяхъ вишь-ты, вишь какъ, вишь оно и т.п.; вишь восходитъ къ первоначальному вижь 2- л. повелит. накл. при существовавшемъ нѣкогда *вимь (Подобно какъ при дамь существовало дажь).

Глаголъ обидѣть сложенный отъ видѣть съ предлогомъ об; прич. страдат. залога обижен ср. указанное выше верчен. При стоять явилось

сто́ить съ другимъ значеніемъ: возможно, что новообразованіе это исходило изъ формъ наст. вр. сто́ю, сто́ишь, сто́ит, сто́ят; отсюда 1 л. ед. числа сто́ю и затѣмъ неизбѣжное новообразованіе сто́ить. О глаголѣ бѣжать см. образецъ XXI. Быть можетъ, зна́чить замѣнило знача́ть такъ же какъ сто́ить замѣнило стоя́ть.

Большая часть относящихся сюда глаголовъ въ несложенномъ видѣ представляютъ видъ несовершенный, а въ сложеніяхъ съ предлогами видъ совершенный. Однако совершенный видъ имѣетъ глаголъ велѣть, употребляющійся и въ несовершенномъ видѣ (я этого ему не велю, хозяинъ не велит; но я велю принести, велѣно не пускать. Замѣчательно, что зависѣть имѣетъ несовершенный видъ, также ненавидѣть-вѣроятно, оба глагола книжные, церковнославянскіе.

XVII образецъ. Въ наст. вр. -ит-ат; основа инфинитива оканчивается на -и.

Звукъ -и переходитъ въ j и вліяетъ такимъ образомъ на смягченіе согласной въ двухъ формахъ въ спряженіи глаголовъ на -чть: въ 1 л. ед. числа наст. вр. передъ окончаніемъ -у (изъ ǫ), и въ прич. прош. страдат. залога передъ суффиксомъ -ен; напротивъ, передъ -е во 2 л. ед. и множ. числа, 1 л. множ. числа и въ 3 л. множ. числа наст. вр. и не переходитъ въ j; иѐ, иǫ (откуда иę) сливаются въ и, ę (отсюда въ русскомъ языкѣ а); итакъ носи-ǫ дало ношǫ, носи-енъ - ношен, а носиеши, носиеть, носиемъ, носиете - носиши, носить, носимъ, носите; носи-ǫть дало носиęть и далѣе носать (по русски но́сать). Мнѣ неясна причина такого различія: возможно, что оно зависѣло въ нѣкоторыхъ глаголахъ отъ различія въ удареніи и отсюда переносилось въ другіе глаголы: въ учу́, учёнъ удареніе падало на ǫ, е, между тѣмъ какъ въ у́чишь, у́чат оно падало (какъ и теперь) на пред-

шествующій окончанію основы слогъ. Смягчаясь передъ j изъ i, согласныя подвергались такимъ измѣненіямъ: п, б, м, в (ф) переходили въ пл, бл, мл, вл (фл), напр. куплю, влюблён, сломлен, рѣзвлюсь, славлю (потрафлю); только въ глаголахъ церковнаго происхожденія находимъ въ причастіи страдательнаго залога сохраненіе в, м передъ -ен: затменъ, благословенъ, въ позднѣйшемъ по времени появленія глагола клеймить находимъ также клеймёный и даже клеймю (?); с, з переходятъ въ ш, ж: вожу, ношу, поражу, прошу; д, т въ русскихъ глаголахъ переходятъ въ ж, ч: рожу, хожу, сужу, шучу, колочу, сколочен, огорожен; д, т въ глаголахъ и формахъ церковнославянскаго происхожденія переходятъ въ жд, щ: осуждёнъ, предупреждёнъ (но предупрежу подъ русскимъ вліяніемъ), освящу, упрошу, рождён, прекращу, запрещён, прекращён, ограждён, вознаграждён, просвѣщён и т.д.; ст переходятъ въ щ: прошён, перемѣщён, пущу; зд въ жж (пишется зж, жд: ѣзжу, заѣзженъ, пригвождён, нагромождён. Что до задненёбныхъ, то онѣ измѣняются въ соотвѣт. шипящія во всѣхъ формахъ отъ обѣихъ основъ въ положеніи именно передъ звукомъ и: лѣчу, лѣчить, тужить, поро́чатъ, перечить и т.д.

Отъ основы настоящаго времени находимъ: хоро́нят, моло́тишь, прошу́; въ повелительномъ наклоненіи - и подъ удареніемъ: хорони́, учи́те, носи́, вози́те, предупреди, рѣже въ неударномъ положеніи послѣ двухъ согласныхъ: чи́сти, ко́нчи (но понятно, систематически въ сложенныхъ съ вы́-: вы́проси, вы́учи и даже вы́броси, вы́краси, однако вы́ставь; не имѣющее на себѣ удареніе отпадаетъ, оставляя слѣдъ на мягкости предшествующей согласной: славь, прославьте, брось, не чванься, покрась (отъ укра́сить едва лиупотребляется повелительное наклоненіе), упрочь, поставь. Послѣ гласныхъ и обычно замѣняется черезъ й устро́й, успоко́й, удво́й, присво́йте; но подъ удареніемъ на-

ходимъ - и: утаи, скрои, скроите (но заклей). Причастіе настоящаго времени: говорящій, носящій, ставящій и т.д. Дѣепричастіе: нося, любя, судя, цѣня, куря и т.д., носясь, переносясь. Отъ глаголовъ совершеннаго вида образуется дѣепричастіе совершеннаго вида на -ясь: перекрестясь, устремясь, простясь, плѣнясь, линясь; дѣепричастіе совершеннаго вида на -я вышли изъ употребленія, сохранивъ лишь только въ нѣкоторыхъ нарѣчныхъ выраженіяхъ (положа, потупя, сломя, спустя и т.д.).

Ударение основы настоящаго времени можетъ быть неподвижнымъ: а) на корнѣ напр. молвлю, ставлю, прославлю, брошу, трачу, покрашу, кончу силиться, б) на окончаніяхъ: грубят, рѣзвится, чернит, веселит, сочинят, дарим, простим, морю, поразят, оградим, морят тужит, родить, линат, хранят, рѣнат, грѣнат. Оно бываетъ и подвижнымъ, а именно падаетъ на окончанія въ первомъ лицѣ ед. числа настоящаго времени, а также въ дѣепричастіи и причастіи и еще въ повелительномъ наклоненіи, переносится на предшествующій слогъ въ 2 и 3 лицѣ ед. и множ. числа, а также въ 1 л. множ. числа; итакъ: хожу, ходя, ходящій, ходи, но ходим, ходятъ; сюда же: ношу, учу, хороню, брожу, курю, чиню, лѣчу, служу, поручусь, тащу, ворочу, пущу, заявлю, куплю, наступлю, потружусь, положу, загорожу, прошу, кучу, хвачу, колочу, молочу, тороплю, варю, укорочу, заплачу, и т.д. Группа глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ многочисленнѣе группы глаголовъ съ неподвижнымъ удареніемъ на окончаніи и, быть можетъ, первоначальнѣе ея; въ глаголахъ платить, садить, при переносѣ на него ударенія звукъ -а замѣняется черезъ -о: заплотит, насодим, (въ простонарод. и областномъ языкѣ это явленіе еще болѣе распространено: падорим вмѣсто литературнаго подарим, наворим вмѣсто наварим).

Отъ основы инфинитива образуются: прошед. вр.: носи́л, носи́ла; причастіе прошед. вр. носи́вшій, учи́вшій; дѣепричастіе совершеннаго вида: поноси́в, подари́в, научи́вшись, окра́сившись, сохрани́вшись, накури́вшись, набро́сившись. Причастіе страдательнаго залога прош. вр.: но́шенный, захва́чен, заморо́жен, застрѣ́лен, прошён, учинено́, ку́плено, обезче́щен. -Удареніе въ формахъ произведенныхъ отъ основы инфинитива (кромѣ однако причастія страдательнаго залога) неподвижное или на корнѣ или на примѣтѣ -и: сла́вил, сла́вила, просла́вив, просла́вившіе; учи́л, учи́ла, научи́в; только при роди́л, роди́ла, роди́ли, роди́ло находимъ родила́ (а также: родился́, родили́сь, родило́сь). Въ причастіи страдательнаго залога удареніе или переносится на предшествующій суффиксу -ен - слогъ: поно́шен, похоро́нен, замѣ́чен, нау́чен, запу́щен, заявлен, ку́плен, загоро́жен, забро́шен, прихва́чен, поколо́чен, обмоло́чен, зава́рен, укоро́чен, зада́влен, зава́лен, запла́чен (произносится запло́чен), поса́жен(произносится посо́жен), пору́чен, сло́млен, надло́млен; въ женск. родѣ то же удареніе: запу́щена, заявлена, забро́шена, заколо́чена, укоро́чена и т.д. Или же удареніе причастія падаетъ на е въ муж. родѣ, переносясь на окончанія въ женск. сред. родѣ и во множ. числѣ: влюблён, влюблены́, похоронён, похоронена́, прощена́, научён, научена́, лишо́н, лишено́, рождён, рождены́, осуждён, осуждена́, освящен, освящена и т.д. Неясно, какъ, по какому основанію распредѣляются глаголы въ обѣихъ указанныхъ группахъ.

Относящіеся къ настоящему образцу глаголы по общему правилу внѣ сложенія съ предлогами имѣютъ видъ несовершенный, а въ сложеніи съ предлогами совершенный. Но при этомъ оказываются и

исключенія. Во-первыхъ, рядъ глаголовъ, несложенныхъ съ предлогами, имѣетъ видъ только совершенный, или сохраняя видъ несовершенный, могутъ имѣть значеніе и совершеннаго вида; къ глаголамъ, имѣющимъ только совершенный видъ относятся: рѣшу, лишу, ступлю, явлю, куплю, брошу, кончу, прощу, хва́титъ (напр. по́ лбу, до весны), кушу, плѣню; къ глаголамъ, употребляющимся и въ совершенномъ и въ несовершенномъ видѣ принадлежатъ: воро́титъ (онъ воро́титъ деньги, но онъ рыло воро́титъ), роди́тъ, женитъ, роди́тся, женится, мо́лвитъ и, кажется, кре́ститъ. Во-вторыхъ, нѣкоторые глаголы, сложенные съ предлогами, сохраняютъ видъ несовершенный: сюда относятся сложенные съ предлогами глаголы моторно-неопредѣленнаго-значенія, какъ относить, выносить, заводить, выводить, привозить, вывози́ть, зала́зить, вила́зить.

Третье спряженіе. 1-е лицо ед. числа на -м.

XVIII образецъ. Основа настоящаго времени оканчивается на согласную. Сюда относятся: дам-дать (основа наст. дад-, осн. инфин. да-): дам, дашь (вмѣсто исконнаго даси изъ дад-си), даст (изъ дас-ть), дади́м, дади́те (основа дади-извлечена изъ повелит. наклоненія, которое какъ увидимъ производится теперь отъ основы да-) даду́т (вмѣсто ожидаемаго дадят, изъ дадать). - Въ повелительномъ наклоненіи: дай, дайте (ср. не дай Богъ, подай; отъ даю́ имѣемъ давай). Отъ основы инфинитива: дал, дала́, да́ло, да́ли, про́дал, прич. страдат. залога дан, дана́, дано́, дани́, ро́здано, про́дано; дѣеприч. совершеннаго вида: зада́в; прич. прошед. времени отда́вшій, да́вшій. Подвижность ударенія основы инфинитива выражается въ томъ, что въ прошед. времени и прич. страдат. залога оно переносится въ несложенныхъ на окончанія, а въ сложенныхъ переносится на предлогъ

въ муж. сред. родѣ и во множ. числѣ, оставаясь на окончаніи въ женск.родѣ;въ глаголахъ на -ся удареніе въ прошед. времени переносится на окончаніе: дался, удался, удалось, задались.

Ѣм-ѣсть (основа наст.врем. ѣд-,основа инфинитива ѣд-): ѣм, ѣмь (вмѣсто исконнаго ѣси изъ ѣд-си) ѣст (изъ ѣс-ть): ѣдим, ѣдите (основа ѣди-извлечена изъ повелительнаго наклоненія), ѣдят, Въ повелительномъ наклоненіи: ѣшь, ѣшьте (вмѣсто ѣкь, ѣкьте). Отъ основи инфинитива: прошед.вр. ѣл, ѣла, ѣло, ѣли, съѣл, поѣли, наѣлся; прич. прошед. вр. ѣвшій; дѣеприч. поѣв, заѣв;прич. страдат. залога съѣден, изъѣдена. Удареніе въ наст. вр.на окончаніяхъ; основа инфинитива имѣетъ неподвижное удареніе на корнѣ.

Есть-быть. Формы наст. вр. вышли изъ употребленія. Сохранились только формы 3-л. ед. и множ. числа въ весьма рѣдкихъ, впрочемъ, выраженіяхъ, напр.: а есть а, такие въ значеніи имѣется: тамъ всё есть, у насъ есть всё, что вамъ нужно; 3-л.мн. числа суть изрѣдка употребляется и въ значеніи 3-л. ед.числа: это не суть важно. Повелит. наклоненіе образуется отъ основи буд: будь, будьте, забудь. Дѣеприч. будучи. Отъ основи буд- образуется такие и буду, будеш и т.д. въ значеніи будущаго времени: забуду, побуду, добуду. Прич. буд. вр. будущій.Основа инфинитива бы; отъ нея кромѣ инфинитива произведены: был,была, было, были, забыли, выбил; прич. прошед. вр. бывшій; дѣеприч. быв, забыв, забывшись. Удареніе основи инфинитива подвижное: въ прошед. времени оно ложится на окончаніи въ женск. родѣ:была, сохраняясь въ другихъ формахъ на корнѣ: было, были; въ сложенныхъ съ предлогами такой же переносъ въ женск. родѣ: добила, прибила, отбила, пробила;въ прочихъ формахъ удареніе не-

реносится на предлоги: добыл, прибыли, отбыл, пробыли; но въ забыл ударенiе неподвижно: забылъ, забылся.

Неправильные глаголы.

Нѣкоторыя отступленiя отъ обычныхъ отношенiй намъ пришлось отмѣтить уже выше. Здѣсь мы разсмотримъ преимущественно тѣ глаголы, которые образуютъ основы наст. вр. и инфинитива отъ разныхъ вообще не сочетающихся основъ, а также и тѣ, которые въ предѣлахъ наст. врем. представляютъ формы, образованныя отъ разныхъ основъ.

XIX образецъ. Относимъ сюда тѣ глаголы, которые въ настоящемъ вр. измѣняются по первому спряженiю.

Глаголъ иду́ - идётъ, идутъ. ту же основу находимъ въ повелит. накл. иди́, иди́те, въ прич наст. вр. идущiй, въ дѣеприч. идя́, идучи. Послѣ предлоговъ иду измѣняется въ йду: найду, зайду, уйду, пойду, сойду, выйду, отойду; послѣ и -й отпадаетъ: приду́; въ этихъ сложенiяхъ дѣеприч. на -а: найдя, выйдя, придя, сойдя́сь. Основа инфинитива и: ити́, однако, замѣнилась формой итти, этимологически восходящей къ ид-тидри чемъ, ид - изъ основы наст. времени. Ср. найти́, выйти; отмѣтимъ въ сложныхъ прич. страдат. залога найде́н, пройдено. Отъ этой основы не могутъ быть произведены тѣ формы, которыя обычно восходятъ къ основѣ инфинитива; эти формы производятся отъ основы шьд- (шед-въ одномъ положенiи, ш-въ другомъ); ср. шол, шла, шло, шли, пошел, вышел; прич. прошед. шедшiй, вышедшiй, наше́дшiй; дѣеприч. упедши (дiалект. произношенiе: умодши), нашедши, вышедши. Глаголъ идти имѣетъ значенiе опредѣленно-моторное.

Глаголъ ѣду, ѣдетъ, ѣдутъ; формы повелительнаго отъ этой основы не образуются (въ противоположность областному языку) и замѣняется формами поѣзжай, поѣзжайте (отъ вообще неупотребительной основы поѣзжа); прич. наст. вр. ѣдущiй; дѣеприч. ѣдя неупотребительно, выхо-

дитъ изъ употребленія также ѣдучи. -Основа инфинитива ѣха-: прошед. ѣхал, ѣхала; прич. прошед. вр. ѣхавшій; дѣеприч. совершен. вида съѣхав, съѣхавшись, въѣхав. Глаголъ ѣхать имѣетъ значеніе опредѣленномоторное.

Глаголъ обрящу, обрящется -(обрѣсти, обрѣстись) церковно-славянскаго происхожденія, что ясно изъ звука щ въ наст. вр. Сходствуя по образованію основы наст. вр. и инфинитива съ глаголомъ VIII образца, приведенный глаголъ представляетъ въ этихъ основахъ два разныхъ вида корня (ср. сяду-сѣсть). Глаголъ этотъ совершеннаго вида.

Глаголъ реву-ревёт, ревут; повелит. накл. реви; прич. ревущій, дѣеприч. неупотребительно; Инфинитивъ отъ основы ревѣ-; отсюда же ревѣл, ревѣла, ревѣвшіе, заревѣв,

Глаголъ сшибу, сшибусь - сшибёт, сшибутся; повелит. сшибись. Основа инфинитива сшиби-, отъ нея образованъ инфинитивъ сшибиться, сшибить, а также дѣеприч. сшибившись; прич. прошед. сшибившіеся, отъ этой же основы прич. прошед. вр. страдат. залога: сшиблен, зашиблен.-Рядомъ основа сшиб : отъ нея произведены прошед. время сшибся, сшиб, сшиблась, ушибся.

XX образецъ. Относимъ сюда глаголы, измѣняющіеся въ наст. вр. по второму спряженію.

Глаголъ гоню, гонит, гонят; повелит. накл. гони, загоните, прогоните; прич. наст. вр. гонящій, гонящійся; дѣеприч. гоня. -Основа инфинитива гна (изъ гъна-); прошед. вр. гнал, гнала, гнало, гнали, гнался, гналось, гнались, прич. прошед. гнавшій, прогнавшій, дѣеприч. прогнав, нагнав, погнавшись; прич. страдат. залога прогнан, загнана, загнаны. Эта основа съ подвижнымъ удареніемъ, какъ видно изъ приведенныхъ формъ; но въ прошед. вр. удареніе не переносится на предлогъ (прогнал, прогнала, прогнали, загнали, погнал

ся; въ прич. страдат. залога ударение въ формахъ не женск. рода на предлогѣ (отогнан, отогнаны, но отогнана). Значение гонв, гнать опредѣленно-моторное.

Глаголъ спло, спии, спят; повелит. накл. спи, спите; прич. наст. спящій. -Основа инфинитива -спа: проиед. спал, спала, спали; прич. проиед. спавшій; дѣеприч. поспав, вспавшись; прич. страдат. заспанный. Эта основа имѣетъ подвижное ударение: оно переносится на окончание женск. рода -ла, такие на -лся, -лась, -лись въ проиед. врем.; на предлогъ въ другихъ формахъ проспала, проспался, проспалась, проспались; но проспал, проспали; а также въ прич. страдат. залога заспанный.

XXI образецъ. Сюда относимъ глаголы, представляющіе въ наст. вр. двѣ основы: одну, измѣняющуюся по первому, другую по второму спряженію:

Глаголъ хочу, хочеш, хочет съ основой хоче- въ ед. числѣ, хотим, хотите, хотят - съ основы хоти- во множ. числѣ; повелит. не употребляется , замѣняясь формой захоти; старая форма хочи исчезла (второе лицо наст. вр. хош едва ли не вмѣсто хочи, хочь, проникшихъ въ наст. вр.

Прич. наст. вр. хотящій. Дѣеприч. хотя (употребляется какъ союзъ)

. Основа инфинитива хотѣ-: хотѣл, хотѣла; хотѣвшій, захотѣвъ.

Глаголъ бѣгу 3 л. множ. числа - бѣгут; остальныя формы наст. вр; отъ основы бѣжи-: бѣжиш, бѣжит, бѣжим, бѣжите; повелит. накл. отъ основы 1 л. ед. и 3 л. множ. числа: бѣги, (вмѣсто первоначальнаго бѣзи), бѣгите; прич. наст. вр. бѣгущій; едва ли употребительно дѣеприч. бѣжа.

Основа инфинитива бѣжа-: бѣжал, бѣжала; бѣжавшій; забѣжав. Зна

ченіе бѣгу, бѣжать опредѣленно-моторное.

Глаголъ чту 3 л. множ. числа чтут; остальныя формы наст. вр. отъ основы чти-: чтишь, чтит, чтим, чтите; прич. наст. вр. чтущій.-Основа инфинитива чти-: чтил, чтила, чтившій. Рядомъ основа чт-(изъ чьт-): прич. страдат. залога почтёнъ. Въ сложенномъ почтивъ въ наст. вр. почту, а во всѣхъ остальныхъ лицахъ основа почти: почтим, почтят. (Рядомъ извѣстенъ другой глаголъ почесть: почту, почтёт, почтут; проед. вр. почла и т.д.).

Въ заключеніи своего курса я назову нѣсколько сочиненій, полезныхъ при изученіи грамматики современнаго литературнаго языка.

1. В.А.ВОГОРОДИЦКІЙ. Общій курсъ русской грамматики. Изд.4-ое. Казань. 1913.

2. " " " Опытъ физіологіи обнерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными. Казань. 1909.

3. Ол. БРОКЪ. Очеркъ физіологіи славянской рѣчи. См. Энциклопедія славянской филологіи, выпускъ 5.2. СПБ.1910г.

4. Е.Ф. БУДДЕ. Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка (XVII - XIX вѣкъ) въ 12 выпускѣ Энциклопедіи славянской филологіи.

5. " " Опытъ грамматики языка А.С. Пушкина. Выпускъ I-й, II и III. СПБ. 1901, 1902 и 1904 гг. См. сборникъ. Отд. р. яз. и слов. томъ LXXVII.

6. " " Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка. См. Журналъ М.Нар.Просв. 1901 N-2.

7. " " Значеніе Гоголя въ исторіи русскаго литературнаго языка. См. Журн. М.Нар. Просв. 1902 г. N-7.

8. С.К.БУЛИЧЪ. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. СПБ.1893 г.

9. А.Х. ВОСТОКОВЪ. Русская грамматика.

10. Я.К. ГРОТЪ. Филологическія разысканія. 4-ое изд. СПБ.1899 г.

11. A. MAZON. Morphologie des asputs du verbe russe. Paris 1908.

12. Н.Н. НЕКРАСОВЪ. О значеніи формъ русскаго глагола.

13 Д.Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. Синтаксисъ русскаго языка. Изд. 2-е СПБ. 1912 г.

14. А.А. ПОТЕБНЯ. Изъ записокъ по русской грамматики. I. Введеніе. II. Составныя части предложенія и ихъ замѣны. Харьковъ 1888 г. III. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго. Харьковъ 1899 г.

15. А.И. СОБОЛЕВСКІЙ. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 4-ое. СПБ. 1907 г.

16. " " " Опытъ русской діалектологіи.

17. А.И. ТОМСОНЪ. Общее языковѣдѣніе. Изд. 2-е. Одесса. 1910 г.

18. В.К. УЛЬЯНОВЪ. Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. I часть. Варшава 1891 г. II часть Варшава. 1895 г.

19. Ф.Ф. ФОРТУНАТОВЪ. Разборъ сочиненій Г. К. Ульянова. См. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и сл. т. LXIV.

20. " " " О залогахъ русскаго глагола. См. Изв. Отдѣленія русскаго языка и словесности 1899г. книга 1-я.

21. В.И. ЧЕРНЫШЕВЪ. Законы и правила русскаго произношенія. Изд. 2-ое. СПБ.

22. " " " Русское ударение. Пособіе къ его изученію и употребленію.

23. " " " Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ русской стилистической грамматики.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вступленіе.....3-5

Происхожденіе русскаго литературнаго языка..... 5-23

Церковно-славянскіе элементы въ русскомъ языкѣ: 23-59

Общія замѣчанія (23-25); I. сочетанія церк.-слав. ра, рѣ...соотв. русскому оро, ере....(25-31); II. церк.-слав. ра, ла въ началѣ слова—русск. ро, ло (31-32); III. церк.-слав. жд-русск. ж (32-34); IV. церк.-слав. ж-русск. ч (34-35); V. церк.-слав. е—русск. о (35-40); VI. церк.-слав. ю—русск. у (40-41); VII. церк.-слав. з, с (изъ г, х)-русск. з', с' (41-42); VIII. о, е. на мѣстѣ Ъ и Ь слабыхъ (42-48); IX церк.-слав. заимствованія исчезнувшія изъ произношенія, но оставившія слѣдъ на письмѣ (48-53); X. церк.-слав. образованія на: -тель; -ствіе; -енство; -ес-; причастія (53-56); XI. многократные глаголы (56-58); XII. отдѣльныя слова, заимствованныя изъ церковно-славянск. языка (58-59).

Малорусское вліяніе 59-63

О заимствованіяхъ, проникшихъ въ литературный языкъ..... 63-67

Объ архаическомъ и искусственномъ произношеніи..... 69-71

Звуковой составъ русскаго литературнаго языка:..... 71-88

Гласныя (73-80); согласныя (80-88).

Дѣйствующіе въ настоящее время въ русскомъ литературномъ языкѣ звуковые законы..... 88-99

О нѣкоторыхъ звуковыхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ болѣе древнія эпохи и сказавшихся въ московскомъ нарѣчіи..... 100-112

О нѣкоторыхъ звуковыхъ явленіяхъ, проведенныхъ въ русскомъ литературномъ языкѣ непослѣдовательно..... 112-113

О нѣкоторыхъ явленіяхъ аналогіи, нарушивщихъ звуковыя отношенія.....113-115
Склоненіе (общія замѣчанія).....115-118
Имя существительное.....118-134
Общія замѣчанія (118-121); родъ именъ существительныхъ (121-122); категорія числа (122-125); категорія одушевленности и неодушевленности (125-128); категорія лица и не лица (128-130); категорія отвлеченности и конкретности (130-130); категорія единичности и множественности (130-132); категорія собирательности (132-133); категорія вещественности (133-133); категорія умалительности, уменьшительности и увеличительности (133-134).
Общія замѣчанія объ основахъ именъ существительныхъ.....134-139
Склоненія ед.ч. словъ муж. рода на тв. и мяг. согл.....139-149
" " " слова "путь".....149-150
" мн." словъ муж. рода на тв. согл. кромѣ ц,ж и на й. 150-161
" " " " " " мяг. согл.и на отверд.ц,ж.. 161-164
" " " " " " оканчив.въ им. мн.на -ья.....164-168
" " " " " представ.въ ед.основу на -ин..168-170
Склоненіе словъ ж. рода на ц, ж и на мягкую согласную.....170-174
" " " " и муж. на -а.....174-182
" основъ на -о.....182-190
" словъ сред. рода на -а.....190-191
Именное склоненіе прилагательныхъ.....191-196
Мѣстоименія.....196-201
Имена прилагательныя.....201-207
Имена числительныя.....207-211
Глаголъ.....211

Спряженіе (общія замѣчанія)..... 212-217
Категорія времени..... 217-219
Категорія наклоненія..... 219-221
Категорія вида..... 221-236
Категорія залога..... 236-240
Прочія значенія глагольныхъ основъ..... 240-253
Неспрягаемыя глагольныя формы..... 253-261
Инфинитивъ (253-254). причастія (254-258); дѣеприч. (258-261).
Обзоръ глагольныхъ основъ..... 261-266
Первое спряженіе..... 266-284
Второе спряженіе..... 284-290
Третье спряженіе..... 290-292
Неправильные глаголи..... 292-295
Библіографія..... 196-297.

Опечатки и поправки.

				Напечатано	Нужно
Стр:	6	1	снизу:	змиѩ и т д.	змиѩ, игемонѫ вм. игемоноу и т.д.
	7	1	"	дѣяти	даѩти
	17	6	"	плясат	плясат'
	25	9	"		точнѣе ӧло
	27	4	сверху	во́рог	ворог
	"	11	"	ве́ред	веред
	"	7	снизу	дрог-	драг-
	36	13	"	извѣстно	неизвѣстно
	39	1	сверху	Всковск	Псковск.
	"	3	"	Словныхъ	словахъ
	"	5	"	служобныи	служобный
	40	12	"		одёжа
	45	1	снизу	въ	Въ
	46	3	"	(древнер.)	(древнер. свѣсть)
	49	2	"	думыѥть	оумыѥть
	50	2	"	(копьіо)	(копьіô)
	51	9	"		душі, еї
	52	5	сверху	Дальше	Дольше
	52	2	снизу	звукомъ в	звукомъ е
	55	1	"	дамчайшій	далечайшій
	"	2	"	§ 25	§ 215
	60	3	сверху	Это	это
	64	8	"	изъ	изъ κορβανας
	"	11	"	скринька изъ	скринька изъ σκρίνα, σκρίνιον

Стр.	Напечатано строч.			Нужно
64	9	сверху	греч.	греч. φανάρι.
70	15	"	ьо	но
75	3	снизу	также и)	также і)
77	13	сверху	(ла) перевернутое	латин. перевернутое
78	местая строка сверху должна быть отнесена на стр. 79 первой строкой.			
79	13	снизу	veľičiná	v'el'ičiná
"	"	"	dɛs'ėt'i	d'ɛs'ėt'i
83	1	"		(при r)
85	3	"		š
88	11	"	дутемъ	путемъ
"	10	"	отвѣчаетъ	отвѣчаютъ
91	8	"	voîns'tvenɑi̯	vaîns'tvénɑi̯
92	1	сверху		m'ata
"	10	"	záves'	záv'ɛs'
"	15	"	s'êma	s'êm'ɑ
93	11	снизу	cyfra,	cyfrɑ
"	"	"	žyráfa	žyráfɑ
"	13	"	syɫ	šyɫ
94	6	сверху	yvana	yvanɑ
"	1	снизу	vyskɑkɑvat'	vyskakɑvɑt'
95	11-12	сверху	словѣ	словакъ
96	8	снизу	kanditɛr	kand'it'ɛr
"	9	"	pás't'êl'	pas't'êl'
97	8	сверху	padd'eɫat'	paddéɫɑt'
"	10	"	čet'vɛr't'	čet'v'ɛr't'
"	14	"	pad'vėnéčnai̯	pad'v'ėn'éčnɑi̯

Стр.	строч.		Напечатано	Нужно
97	1	снизу	z'êrkata	z'êrkata.
"	7	"	guśkon, t'ur'ma	guśkom, t'ur'ma
"	9	"	svad'ba	svad'ba

97 послѣ 8-й строки пропускъ: 25. Передъ r' начальныя язычныя согласныя тверды: tr'i, zr'a, zr'et, въ индивидуальномъ произношеніи онѣ мягки не въ началѣ слова: v'êt'r'ɛnai̯, abv'êt'r'it', m'êt'r'ika.

98	13	сверху	n'êmk'i, d'êfk'i, šš̌êpk'i	n'emk'i, d'efk'i, šš̌epk'i.
"	11	"	r'ùm'k'i	r'üm'k'i
"	10	снизу	s'ėr'ebrėnai̯	s'ėr'ebr'ɛnai̯
99	5	"	na'd'ei̯ùs' какъ nad'eü̯s'	nad'êiùs какъ nad'êü̯s
"	2	"	zavetsá, s'n'itsá	zavitsá, s'n'ėtsá
100	12	"	они	(они
102	8	сверху		ê передъ мягкими
"	9	"	p'er'ėl'otnai̯	p'ɛr'ėl'otnai̯
"	11	"	kuz'nec	kuz'n'ec
104	4	снизу	zeml'u, zemskai̯	z'eml'u, z'emska:
109	4	сверху	cčisto	čistó
"	9	"	xod'itɛ	xod'it'ɛ
"	13	"	s'ênɛ	s'ên'ɛ
110	13	сверху	мезимая	мизинац, мезимац
111	6	"	gn'ozda	gn'ozda
"	12	"	rastrastr'opan	rastr'opan
112	1	снизу	cêr'kaf'	cêr'kaf'
"	9	сверху	обособовившихся	обособившихся

Напечатано			Нужно
Стр.	Строч.		
113	9 сверху	игу	■
117	6 снизу	опредѣляющія (α) аттри-	опредѣляющія аттрибу
		бутивныя	тивныя
126	10-9 "	званенатель	знаменатель
"	10 "	атѣль	атель
129	8 сверху	словъ на -аго	словъ на -ало
"	8 "	съ окончаніемъ	окончаніемъ
132	2 "	сто боярь	сто боярь-,
140	16 "	слѣдующаго словъ	слѣдующаго состава
			словъ
143	6 снизу	и	не
152	8 сверху	явленіей	явленій
153	9 снизу	полы	поля
156	7 сверху	Вольшая	Вольшая
175	11 "	на	и
190	12 "	-еще	-ище
224	8 "	зазстрѣлить	застрѣлить
227	8 снизу	проготовлять	приготовлять
235	12-13 сверху	находили	находимъ

Въ Издательскомъ Комитетѣ

при Историко-Филологическомъ факультетѣ СПБ. Университета имѣются слѣдующія изданія **Комитета**:

1. **Очерки по исторіи Византіи** подъ редакц. и съ предислов. *В. Н. Бенешевича*, профес. СПБ. Университета 3 выпуска . . . . . 3 р. 50 к.
2. **Государственный строй Византійской Имперіи**. *Дж. Б. Бьюри* (*J. B. Bury*) . . . . . — » 25 »
3. **Исторія русскаго языка**. Акад. *А. А. Шахматова*.
   Ч. I. (распродано) . . . . . 2 » 75 »
   Ч. II. . . . . 4 » 50 »
   Ч. III. . . . . 4 » — »
4. **Исторія русской литературы** проф. *И. А. Шляпкина*.
   Ч. I. (въ 2 вып.) . . . . . 4 » — »
   Ч. II. . . . . 2 » — »
5. **Исторія Греціи и Рима** проф. *Ѳ. Ѳ. Соколова* . . . . . 2 » 40 »
6. **Исторія древне-русскаго искусства**. Лекціи проф. *Д. В. Айналова*. . . . . 1 » — »
7. **Исторія западныхъ славянъ**. Лекціи прив.-доц. *Н. В. Ястребова*.
8. **Слово о полку Игоревѣ** (текстъ по изд. Мусина-Пушкина съ варіант. друг. изданій) . . . . . — » 20 »
9. **Исторія Древняго Востока** проф. *Б. А. Тураева*. 2-е изд.
   Ч. I. . . . . 2 » 75 »
   Ч. II. . . . . 2 » 75 »
10. **Сборникъ задачъ „по введенію въ языковѣдѣніе“** проф. *И. А. Бодуэна-де-Куртенэ*. . . . . 1 » — »
11. **Методологія исторіи**. Акад. *А. С. Лаппо-Данилевскаго*.
    Ч. I. 2-е изд. . . . . 4 » — »
    Ч. II. . . . . 4 » — »
    Ч. III. (готовится къ печати) . . . . . 4 » — »
12. **Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка** акад. *А. А. Шахматова* . . . . . 2 » — »
13. **Исторія русской живописи** (съ XVI в. по XIX в. проф. *Д. В. Айналова* . . . . . — » 90 »

Въ Комитетѣ имѣются программы по разнымъ предметамъ 1—2—5—10 коп.

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ:

СПБ. Университетъ, Издательскій Комитетъ Филологическаго факультета VII аудиторія.

На отвѣтъ просятъ прилагать почтовую марку.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

2/12-39

Колич. пред. выдач_____

Вологда, тип. „Сев. Печатник". Зак. 2593